Институт этнологии и антропологии
имени Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

В. А. Тишков

ОЧЕРКИ ТЕОРИИ ЭТНИЧНОСТИ

РЕВИЗИЯ КАТЕГОРИЙ И ПРАКТИК

МОСКВА НАУКА 2025

УДК 39
ББК 63.5
Т47

Рецензенты:
доктор исторических наук *Э.-Б.М. Гучинова,*
доктор политических наук *В. С. Малахов*

Тишков В. А.
Очерки теории этничности: Ревизия категорий и практик / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2025. – 275 с. – ISBN 978-5-02-041201-9

Представляем книгу академика Валерия Александровича Тишкова, научного руководителя Института этнологии и антропологии Российской академии наук. Издание содержит критическую оценку старых этнологических концепций и новые научные положения о разных формах идентичности, включая, прежде всего, этническую идентичность. Трактовка этничности заключается в попытке синтетического подхода с учетом разных школ и направлений, а также воздействия современных политико-стратегических и информационно-коммуникативных трансформаций. Дается оценка практик категоризации этничности, в том числе через процедуры переписей населения в России и других странах. Новые подходы содержат оценки языковой ситуации и языковой политики в России. Феномен этничности трактуется как кластер личностных и групповых сопричастностей на основе культурных схожестей. Освещаются инновационные подходы в трактовке этничности и перспективы исследований одного из основополагающих факторов российской государственности.

Для широкого круга читателя, включая ученых-гуманитариев, студентов и аспирантов, работников сферы государственного управления, национальной и культурной политики.

ISBN 978-5-02-041201-9

© Тишков В. А., 2025
© ФГБУ Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 4

Часть I
ПОВОРОТЫ В ТЕОРИИ ЭТНИЧНОСТИ

Глава 1. Категории и категоризация, группы и групповость..... 8
Глава 2. От этноса к этничности и после 44
Глава 3. Откуда и куда пришла российская этнология 66
Глава 4. О примирении конструктивизма и примордиализма 105

Часть II
ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРЕПИСНЫХ КАТЕГОРИЙ

Глава 5. Практики переписей населения 125
Глава 6. Сложные категории и идентификационные качели 155

Часть III
КАТЕГОРИИ И ПРАКТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 7. Языки нации..... 184
Глава 8. Языковая ситуация и языковая политика в России..... 207
Глава 9. Русский язык – язык гражданской нации 227

Часть IV
ИННОВАЦИИ В АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Глава 10. Новые категории глобальных практик 249
Глава 11. Вместо заключения: онтологический поворот и этнологический суверенитет 260

ПРЕДИСЛОВИЕ

О чем ученые предпочитают писать на завершающей стадии своей карьеры: это или мемуары, или отложенные замыслы, которые хотелось бы реализовать. В любом случае присутствует и мотив утверждения собственных научных достижений и посрамления критиков. И редко кому хватает духа писать о заблуждениях или слабостях своих публикаций или неадекватности действий в среде научного сообщества. Однако из оправдательных текстов также можно многое узнать и понять, как развивалась та или иная наука и какой была жизнь научного института.

В качестве характерного примера могу отослать читателя к подборке статей в журнале «Этнографическое обозрение», посвященной 90-летию Института этнологии и антропологии Российской академии наук, авторы которой воспели первые две трети этого времени, т. е. период советской этнографии, и свои собственные достижения, когда, как написал М. В. Крюков, на него «посыпались со всего мира разные награды и почести». Он же и поставил точку этим обозрениям датой собственного отъезда из страны в начале 1990-х годов и следующим заключением, которое имеет прямое отношение к теме нашей книги – истории и содержанию мысли в этнологической науке. Вот эта завершающая фраза – послание в мой адрес: «Я и помыслить не мог, что после безвременной кончины Юлиана Владимировича Бромлея его преемник на посту директора въедет в институт на белом коне и упразднит понятие “этнос”. Неправда ли, неплохой сюжет для Аркадия Райкина: руководитель научной мысли отрицает объективное существование предмета той “логии”, которая фигурирует в наименовании возглавлявшегося им института!» (*Крюков* 2023: 95).

Это всего лишь одно из многих высказываний в мой адрес и все по причине несогласия с критикой так называемой советской теории этноса. Как правило, эти однозначно обвинительные тексты были реакцией не на содержание моих работ, а буквальным восприятием метафорических названий публикаций типа «реквием по этносу» или «забыть о нации». Книга «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии» чаще всего упоминалась даже в библиографических списках без второй части своего названия, что, конечно, затрудняло адекватное восприятие ее содержания. Даже спустя пару десятилетий после издания книги выходят работы с поверхностной критикой, в которых нет ни одной корректной цитаты или адекватного изложения положений моих публикаций (*Заринов* 2023).

Мой характер не позволяет долго переживать и хранить обиды, но кое-какие моменты вызывали во мне эмоциональное напряжение и сохраняются в памяти, а именно, когда моим научным позициям придают намеренно политизированный характер с нелицеприятными обвинениями. Так, например, в серии статей в «ЭО» и в книге о «философии этноса» С. Е. Рыбаков в таком же поверхностном стиле представил защиту теории этноса от «конструктивистской заразы» как противостояние патриотической части ученого сообщества в лице примордиалистов западным ревизионистам, к которым были причислены я и те, кто разделяет подобные моим взгляды (*Рыбаков* 2000, 2001, 2003). Эти политические проекции не были столь безобидными, ибо в один из дней к зданию института пришли участники пикета с черными знаменами – члены Молодежного евразийского союза с плакатами типа «Тишков – американский шпион», «Тишков против русского народа», «От 10 до 20» (на фоне ключей проволоки). Пришло в мой адрес и грозное предупреждение от известного ультранационалиста Тесака, а моя фамилия попала в список «100 врагов русского народа».

Со временем напряженность в науке и в политике вокруг конструктивистского подхода спала. После издания на русском языке книг Бенедикта Андерсона, Фредерика Барта, Роджерса Брубейкера социальный конструктивизм перестал восприниматься как крамола и его положениями стали пользоваться многие. Но у меня осталась неудовлетворенность плоской и даже намеренно искаженной реакцией на теоретические новации в русле подходов социального конструктивизм и других современных теорий и не подвергавшейся сомнению приверженностью части этнологического сообщества эссенциалистскому (примордиальному) подходу к феномену этничности.

Может быть, в столь трудном отказе отечественной этнологии от старых прописей отчасти была и моя вина из-за выбора резкого и даже вызывающего формата научной ревизии (по крайней мере такими были названия некоторых моих публикаций). Может, были нужны более старательные действия как в изложении научных положений, так и во внедрении их в преподавание. В этих сферах долго сохраняла свои ретроградные позиции старая профессура бромлеевского поколения и шустрые любители подготовки учебных пособий и словарей. Вот этот самый мотив запоздалых разъяснений, помимо некоторых новых идей и наработок, и стал основным для написания предлагаемой книги.

Но есть еще одна причина для публикации книги, в которую вошли также некоторые мои статьи последних лет. Это уже накопившаяся реакция, в том числе и критическая, на недостатки доминирующей теории социального конструктивизма. Причем недостатки не столько из-за ошибок или недодуманности самого подхода,

сколько из-за глубоких трансформаций в самой социальной реальности. В 2019 г. вышел сборник статей под редакцией Марека Якубека и Томаса Эриксена, посвященный 50-летнему юбилею легендарного сборника «Этнические группы и социальные границы» под редакцией Фредерика Барта и судьбе его интеллектуального наследия. Составители пригласили меня участвовать, что я и сделал, предложив статью под названием «От этноса к этничности и назад» (русский вариант имел более спокойное название «От этноса к этничности и после») (*Tishkov* 2019: 78–92).

Воздав должное прорывной для своего времени вступительной статье Барта в трактовке феномена этничности, часть авторов, особенно из стран Восточной Европы, отметили глубокую внедренность в социальную жизнь и в научный язык категорий групповой этнической дифференциации в странах этого региона, особенно тех, что пребывали в зоне идейно-политического влияния СССР. Я также отметил, что не только административно-государственное устройство СССР, но и его распад произошел во многом под воздействием этнонационализма и на его же интеллектуальной основе ныне идет процесс нациестроительства в большинстве новых постсоветских государств.

На постсоветском пространстве существуют школы в этнологии и антропологии, в которых весьма влиятельны этнонациональные или деколониальные установки. Они же имеются в интеллектуальных сообществах и в общественно-политических кругах. Другими словами, оживающий эссенциализм (еще его называют «онтологическим поворотом») не ушел из науки и политики и требует себе места в интеллектуальном и политическом багаже современности. А раз так, то с этим полезно разобраться на путях желательного примирения конструктивизма и примордиализма.

Наконец, в последние десятилетия появились новые инструменты и формы групповых коммуникаций, обусловленные технологическими новациями и новыми жизненными стилями, которых не было полвека тому назад. Сегодняшняя *групповость* (groupness) – это не только дискретные и монокультурные сообщества или их образы и презентации, но культурно сложные, виртуальные и поэтому с проницаемыми границами и с текучим членством сообщества.

Все это нынешние исследователи пытаются осмыслить с помощью разных, в том числе новых (например, когнитивных) подходов, а практики и менеджеры этнокультурной политики и соответствующие институты стараются использовать новые реальности в инструментах учета и управления культурным многообразием. Кажется, *наступает пора синтетического взгляда на феномены идентичности и этничности*, к которому мы с С. В. Соколовским призывали несколько десятилетий тому назад в статье «Этнич-

ность» в гарвардской «Энциклопедии по социальной и культурной антропологии» (*Sokolovski*, *Tishkov* 1996: 290–295).

Вот об этой судьбе категорий и групповых практик в этнологии предлагаемая книга, которая стала возможна благодаря моему многолетнему сотрудничеству с академическим издательством «Наука», любезному разрешению использования текстов моих статей из журналов «Этнографическое обозрение», «Вестник антропологии», «Этнография», «Полис», «Вестник Российской академии наук».

Что касается довольно претенциозного названия моей книги, то это скорее подражание Ю. В. Бромлею с его очерками теории этноса и учет пожелания главного редактора издательства «Наука» Т. Е. Филипповой назвать книгу более броско, чем просто о категориях и практиках в этнологии. Я уступил искушению подражания и пожеланию издателя, хотя не считаю себя теоретиком и поборником единой методологии. Скорее мое амплуа – доброкачественный ревизионизм и методологический плюрализм, а также отказ от одержимости дефинициями и от следования большим теориям. Последний принцип был в моем арсенале даже в самые глухие советские времена. Доказательства этому – отсутствие ритуальных ссылок на классиков марксизма-ленинизма и партийных вождей в моих статьях и книгах того времени, не говоря уже о последних трех десятилетиях творчества в области этнологии и социокультурной антропологии. Эти годы я оцениваю как самые творчески свободные и плодотворные в истории нашей дисциплины и в то же самое время полные научных поисков и напряженных интеллектуальных коллизий. Эта книга о прожитом и проживаемом нами времени в отечественном этнологическом и антропологическом знании. Для новых поколений ученых-гуманитариев это может быть полезное чтение. Для нынешнего – большой вопрос.

Литература

Заринов 2023 – *Заринов И. Ю.* Этнос и этничность: Ретроспективный взгляд на проблему. М.: ИЭА РАН, 2023.

Крюков 2023 – *Крюков М. В.* Как хороши, как свежи были розы… // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 63–95.

Рыбаков 2000 – *Рыбаков С. Е.* О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С. 3–17.

Рыбаков 2001 – *Рыбаков С. Е.* Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001.

Рыбаков 2003 – *Рыбаков С. Е.* Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 3–24.

Tishkov 2019 – *Tishkov Valery*. From ethnos to ethnicity and back // Ethnic groups and boundary: Fifty years legacies / Ed by Th. H. Eriksen and Marek. L.: Routledge, 2019.

Sokolovski, *Tishkov* 1996 – *Sokolovski Sergei* and *Tishkov Valery*. Ethnicity // Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology / Ed. by Alan Barnard and Jonathan Spencer. L.: Routledge, 1996. С. 190–195.

Часть I

ПОВОРОТЫ В ТЕОРИИ ЭТНИЧНОСТИ

Глава 1

КАТЕГОРИИ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ, ГРУППЫ И ГРУППОВОСТЬ

Введение

При обдумывании темы категорий и категоризации в этнологии я обратился к знаменитой книге о категориях средневековой культуры, которую написал выдающийся историк и один из основателей исторической антропологии Арон Яковлевич Гуревич, с которым мы вместе работали в Институте всеобщей истории АН СССР в 1970-е годы. Мне были интересны два момента: как этот историк определяет само понятие *категория* в гуманитарном знании и как он трактует интересующее меня понятие групповой принадлежности по признакам культурной схожести в эпоху средневековья, что сегодня называется *этничностью*. Вот как Гуревич высказывается по первому сюжету:

«“Моделью мира”, складывающейся в данном обществе, человек руководствуется во всем своем поведении, с помощью составляющих ее категорий он отбирает импульсы и впечатления, идущие от внешнего мира, и преобразует их в данные своего внутреннего опыта. Эти основные категории как бы предшествуют идеям и мировоззрению, формирующимся у членов общества или его групп, и поэтому, сколь бы различными ни были идеология и убеждения этих индивидов и групп, в основе их можно найти универсальные, для всего общества обязательные понятия и представления, без которых невозможно построение никаких идей, теорий, философских, эстетических, политических или религиозных концепций и систем. Названные категории образуют основной семантический “инвентарь” культуры» (*Гуревич* 1984: 25).

Категории рассматриваются А. Я. Гуревичем прежде всего со стороны социальной как неотъемлемой черты существования человека в группе и в обществе. Об этом свидетельствует и сам выбор категорий: право, собственность, богатство и бедность, пространство–время, отношение к природе, связь макро- и микрокосма, представления о смерти и жизни.

«Эти категории, – пишет автор, – запечатлены в языке, а также в других знаковых системах (в языках искусства, науки, религии), мыслить

о мире, не пользуясь этими категориями, столь же невозможно, как нельзя мыслить вне категорий языка… Основные концептуальные понятия и представления цивилизации формируются в процессе практической деятельности людей, на основе их собственного опыта и традиции, унаследованной ими от предшествующей эпохи. Определенной ступени развития производства, общественных отношений, выделенности человека из природного окружения соответствуют свои способы переживания мира. В этом смысле они отражают общественную практику. Но вместе с тем эти категории определяют поведение индивидов и групп. Поэтому они и воздействуют на общественную практику, способствуя тому, что она отливается в формы, отвечающие "модели мира", в которую группируются эти категории. Все это свидетельствует о первостепенной важности исследования подобных категорий для понимания культуры и общественной жизни в разные исторические эпохи» (Там же: 26).

Я не обнаружил в тексте книги какие-либо отсылки или упоминания таких коллективностей, как этнические общности (или народы) в том смысле, как их трактует российская этнография (этнология). Хотя, казалось бы, в представлении последней этносы были всегда и были везде, если верить подходам, утверждавшимся в то же самое время в советской этнографии. При описании мира личности эпохи средневековья, имея в виду европейскую цивилизацию, в мировой историографии признано, что основой личностной и коллективной идентификации той эпохи были сословия, религия, властный правитель и сеньориальное подданство. Но, как отмечает историк, в средневековой Европе не только одному христианскому учению была обязана личность человека своей специфичностью:

«Выйдя из стадии "родовой личности" эпохи варварства, люди феодального общества включились в новые коллективы, подчинявшие их себе не только материально и политически, но и социально-психологически. Человек в феодальном обществе – сословная личность. В той или иной степени, он ищет интеграции в группе, к которой принадлежит, принимая ее стандарты жизни, идеалы и ценности, навыки мышления, формы поведения и присущий им символизм. Рассмотренные выше категории средневековой "модели мира" наряду со многими другими представлениями и понятиями образовывали ту форму, которая служила для "отливки" человеческой индивидуальности, – разумеется, всякий раз социально определенной» (Там же: 247).

Гуревич не дает названия этим «новым коллективам» и группам, но из его анализа и из других работ историков-медиевистов ясно, что речь идет не об этнических (т.е. культурно гомогенных) сообществах, а о сообществах под одной властью и под едиными символами веры или о сообществах-сословиях и локально-местных общинах. Отсюда возможен вывод, что *сами категории исторически преходящи и может иметь место опрокидывание в прошлое смыслов тех или иных категорий, которых в прошлых эпохах не*

существовало вообще. Не происходит ли что-то похожее и с этносами, которые некоторые энтузиасты этнического примордиализма находят в древности и в средневековой Европе. Как пример, можно привести книгу британского историка Энтони Смита об этнических корнях европейских наций (*Smith* 1986), не говоря уже об отечественной историографии, на которую также распространились постулаты теории этноса.

По теме категорий в этнологии и социально-культурной антропологии имеются известные работы отечественных ученых: Н. Л. Жуковской (*Жуковская* 1988), А. К. Байбурина (*Байбурин* 1988), выпуски Свода этнографических понятий и терминов (М.: Наука, 1986–1995) и другие исследования. В моей книге я веду речь о двух разных типах категоризации: категориях науки и категориях практики, что далеко не всегда одно и то же, хотя оба имеют теснейшее переплетение и взаимосвязанность. Для нас категория – это, прежде всего, научное понятие, которое выражает наиболее общие свойства и связи явлений действительности. Человек воспринимает мир через эти общие понятия-категории и действует во многом, опираясь на категории. Мы в данном случае говорим о *категоризации* в научной сфере, хотя есть своего рода народные классификации, с которыми этнологи также имеют дело. Сами категории образуются через системы классификации, которые также изобретаются учеными, в нашем случае это классификации по социально-культурным параметрам (например, языковые, религиозные, родство и свойства и т. д.).

Еще в начале XX в. Э. Дюркгейм и М. Мосс сделали эту тему предметом антропологического анализа в своей известной работе о некоторых первобытных формах классификации с ее главными тезисами о древнейшем происхождении коллективных представлений и о ранних формах классификации у разных народов, которые касались существ, событий, явлений окружающего мира и выстраивались в сложные иерархические структуры. Эти присущие человеку свойства классифицировать природные события и собственную организацию вошли и в научные классификации.

Каковы принципы научной категоризации? Категории конструируются на основе семантического поля или на основе границ-маркеров, которые очерчивают это поле, а чаще всего на основе того и другого. В антропологии и этнологии – это часто визуально разграничительные признаки, которым придается объективный смысл. Категоризация может иметь иногда скрытый характер, а категории выстраиваются в определенный таксономический ряд, и они далеко не всегда одноуровневые. Категории также делятся (точнее – делят мир) на земной, профанный и символический классы. Категории, методы и процедуры лежат в основе добывания и оформления научного знания.

В этнологии категории (понятия и термины) составляют ее методологическую основу и в большинстве своем группируются вокруг понятия этничности (в советской этнографии – вокруг понятия этноса) и связанным с ним явлений, таких как идентичность. На большом историческом переломе конца 1980-х – начала 1990-х годов Институт этнографии АН СССР осуществлял совместно с этнологами ГДР проект создания свода этнографических понятий и терминов и один из последних выпусков был посвящен этническим и этно-социальным категориям (*Этнические и этносоциальные категории* 1995). Как писал свойственным тому времени строгим языком ответственный редактор и основной автор данного выпуска В. И. Козлов,

«терминологически-понятийный аппарат является основным языком любой науки, основным средством отражения устанавливаемых закономерностей развития природы и человеческого общества. Поэтому недостаточная корректность такого аппарата, наличие в нем терминов, имевших изначально нечеткий и даже двойной смысл или получивших таковой вследствие особенностей развития науки в различных странах мира, а также не вполне обоснованное введение в него новых терминов-понятий, используемых лишь какой-то частью специалистов или приобретающих вид профессионального жаргона, наносит науке урон, существенно замедляет ее развитие» (Там же: 7).

В этой цитате справедливо отмечена синонимичность категорий «термин» и «понятие» (некоторые придерживаются ригоричной точки зрения, что это разные слова-обозначения). В остальном я не сторонник абсолютизации терминологического аппарата для научного занятия, ибо этот аппарат всегда есть результат договоренности между учеными, а *одержимость дефинициями есть признак слабой науки*. Подготовкой целого ряда этнологических словарей отметились в годы «перестройки» именно неофиты или любители ловить вершки в том или ином дисциплинарном дискурсе (см., напр.: *Жуков, Тавадов* 2011).

Заметим также, что категории науки подвижны и полисемантичны, их смыслы и восприятия зависят от многих обстоятельств, в том числе от властных диспозиций и разного рода предписаний. Через утверждение категорий в науке, а тем более в политике обеспечиваются авторитет и власть, выбирается язык текстов и совершаются действия. Неслучайно, есть антропологические прибаутки насчет разницы между нацией и племенем, между языком и диалектом: племя – та же нация, но только без армии, язык – тот же диалект, но только с армией.

Моя авторская установка как раз заключается в сборке-разборке мета-категорий этнологической науки, таких как *идентичность*, *этничность*, *нация*, *народ*, *национальный язык*, *родной язык* и др.

Никакого окончательного глоссария я не намерен предлагать, хотя для учебно-просветительских и управленческих целей неоднократно сам впадал в ересь выработки дефиниций. Точно так же для меня нет особой проблемы с выстраиванием иерархии понятий. Особенно это касается категорий идентичности и этничности.

Идентичность – это широкая категория, которая определяет осознание человеком или людским сообществом самих себя через набор устойчивых характеристик. Это переживание личностью принадлежности к определенной социальной или культурно отличительной группе (сообществу, традиции и т. д.). Как категория социально-гуманитарных наук (психологии, социальной философии, культурной антропологии и этнологии, социальной психологии и др.) она применяется для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей.

Идентичность не есть присущее индивиду изначальное свойство, но отношение, которое формируется, закрепляется или трансформируется в ходе социального взаимодействия. В строгом смысле идентичность может быть атрибутирована только индивидами, поскольку только индивиды обладают качеством субъектности и способны относить или не относить к себе определенные значения. *Приписывать идентичность группам позволительно в переносном, метафорическом смысле*. Однако нынешнее увлечение идентичностью, которое к тому же зачастую сливается с понятием *ментальность*, вышло далеко за личностные пределы и получило коллективистские трактовки типа цивилизационная или даже евразийская идентичности (*Евразийская ментальность* 2012). По этому поводу философ В. С. Малахов справедливо пишет:

«Термин “идентичность” основательно потеснил, а кое-где и полностью вытеснил привычные термины вроде “самосознание” и “самоопределение”. Об идентичности – “национальной”, “этнической”, “этнонациональной”, “культурной”, “этнокультурной” и т. д. – говорят так много и так охотно, что невольно начинаешь верить – те, кто эти слова произносит, твердо знают, что они на самом деле означают» (*Малахов* 2007: 7).

Действительно, в нынешнем обширном репертуаре данной категории остается много неясностей («неудобств с идентичностью», по словам Малахова), некоторые из которых крайне желательно прояснить. Меня прежде всего интересует этническая и национальная идентичности в их личностном и коллективистском проекциях. Именно они представляют собой важные аспекты самосознания и самоопределения человека. Категории *этническая идентичность* и *этническое самосознание* я рассматриваю как синонимы. В какой последовательности рассматривать этничность и идентичность, – вопрос не столь важный, но с учетом повсеместного интереса

ученых-обществоведов к «идентитарным» исследованиям, а политиков – к использованию идентичности в качестве категории суверенизации государственных и других сообществ, предпочтительно рассмотреть сначала, что есть идентичность.

Идентичности: этническая, национальная, цивилизационная

А теперь о содержании того, что сегодня называется *идентичностью*, которая в последние три десятилетия захватила научный и публичный дискурс. Избегая историографической полемики при определении природы феномена и его многовариантных проявлений, сформулируем ряд положений, опровергающих поверхностные трактовки и распространенные среди гуманитариев мифопоэтические версии. Само слово *идентичность* звучит на русском вполне благозвучно, в отличие от образованного от него прилагательного *идентитарный* подход или *идентитарные* исследования, но, возможно, это вопрос привычки к разного рода языковым новациям в науке. Напомним, что в конце 1990-х – начале 2000-х годов вышли книги испанца Мануэля Кастельса об идентичности в век глобализации (*Castells* 1997), и тогда еще эта категория не вошла в научный оборот в российском обществознании. Русский перевод главной книги Кастельса по этой теме вообще опустил из ее названия слова «власть идентичности» как непонятные читателю (*Кастельс* 2000).

В. С. Малахов прослеживает историю изучения данной категории в философской литературе еще более ранними периодами и связывает ее с именами Зигмунда Фрейда, Эрвина Гоффмана, Роберта Мертона, Эрика Эриксона, а «начиная с 80-х годов поток сочинений, выносящих в заголовок слово “идентичность”, становится практически необозримым. Идентичность делается составной частью своего рода жаргона, бессознательное употребление которого превращается в норму и научной публицистики, и политической журналистики». Что касается антропологической литературы, то эта тема также появилась примерно в те же самые годы, хотя чаще использовался термин «самость» (*self*), а не идентичность (*Morris* 1994).

Издавая несколько лет спустя свою книгу об истории и смысле национальной идентичности российского народа, мне также показалось, лучше исправить в названии книги «идентичность» на «самосознание», чтобы избежать, как мне представлялось, вычурности научного языка (*Тишков* 2013). Мне и сейчас представляется, что привычные слова *сознание* или *самосознание* (для не психологов это также синонимы) и довольно длительная история исследования этого феномена, особенно в его коллективном, а не личностном варианте, есть не что иное, как предшествующий этап изучения того, что ныне стало называться идентичностью. В недалеком прошлом

это называлось «национальным самосознанием» (в этническом смысле) или «классовым сознанием» (в социально-политическом смысле). В поздней советской этнографии самосознание была одной из важных категорий и необходимый атрибут этнической общности и ее отдельного члена.

Так что рождение нового направления произошло не на пустом месте, и оно имело довольно солидные, хотя и не во всем корректные наработки еще с советских времен. Важным шагом можно считать выход фундаментального издания по идентичности, подготовленного политологами под руководством И. С. Семененко (*Идентичность* 2017; *Идентичность* 2023), на которые вышли позитивные рецензии обзорного и дискуссионного характера (*Гаман-Голутвина* 2024; *Тишков* 2025).

Мне представлялось еще с самого начала 1990-х годов важным сменить сугубо этническую трактовку категории «национальное» на понимание последней как страновой (государственной). Этот переход происходил медленно и даже болезненно из-за эмоциональной и политической нагруженности старого смысла категории, не говоря уже об инерции поколений советских и постсоветских ученых, которые написали много работ о национальном самосознании русских, татар, чувашей, якутов и т. д. Этот процесс смены смысла так и не завершился до сих пор, о чем свидетельствует язык публикаций части коллег-этнологов, особенно работающих в российских республиках.

Кстати, проблема гетероглоссии (двойственного понимания категории национального) не решена до сих пор. Хотя, казалось бы, многие ведущие отечественные политологи и социологи склоняются в сторону понимания национальной идентичности как гражданско-государственной (или гражданско-цивилизационной), а не этнической, но эта значимая перемена смысла остается незавершенной даже на государственно-правовом уровне, где термин «многонациональность» (в смысле полиэтничность) присутствует в самом первом предложении Конституции Российской Федерации. Хотя для мировой науки, и не только западной, здесь нет разночтения: национальное (не только идентичность, но и многое другое) – это гражданское, страновое, государственное. Однако и в научном зарубежье, как и в политической практике, присутствуют установки обозначать понятием «национальная» как идентичность, так и политические проекты от имени этнорегиональных сообществ.

В итоге на сегодняшний день для российских гуманитариев «национальная идентичность – многомерное понятие, вбирающее политическое и социокультурное (этнокультурное) измерения, которые могут ситуативно сочетаться или взаимоисключаться. По-

нятие национальной идентичности широко используется в публичном дискурсе для обозначения коллективной идентичности национально-государственного (или претендующего на такой статус) сообщества и характеризует самосознание его граждан как членов такого сообщества» (*Идентичность* 2017: 405). Естественно, что национальная идентичность опирается на чувство принадлежности к нации, а вот под последней отдельные люди и социальные коллективы могут понимать не только страну, но и этнические или историко-региональные сообщества, и отказывать им в таком престижном самообозначении не так просто.

В 1992 г. во время политического кризиса в Кабардино-Балкарии после состоявшихся там выборов главы республики мое высказывание как федерального министра по делам национальностей о «двухобщинном характере населения республики» завершилось судебным иском в мой адрес со стороны лидеров местной оппозиции с жалобой: «Мы – нация, а нас называют общинами, как в первобытно-общинном строе». Так что вышеупомянутая многомерность выражается в том числе и в возможности использования данной идентификационной характеристики не только страновыми, но и другими сообществами. Такова, кстати, реальность многих стран мира, в которых национальное используется не только в гражданско-страновом, но и в этнорегиональном контекстах.

Моя позиция как этнолога как раз исходит из многомерности (полисематичности) категории и явления национальной и этнической идентичностей. Именно по причине разных смыслов Мадриду не удастся убедить жителей Каталонии отказаться от самообозначения *каталонская нация* в пользу исключительного использования всем населением страны термина *испанская нация*. Будет и то и другое, пока есть государство Испания с ее внутренними автономиями. Аборигенные сообщества в составе канадской нации добились включения в конституцию страны своего обозначения как «первые нации» (*first nations*).

Думаю, что и российским политикам из числа упертых имперцев нет смысла пытаться убедить татар, чеченцев, якутов и других отказаться от этнонационального самообозначения в исключительную пользу общероссийского (т. е. стать по национальности только россиянами, перестав при этом быть татарами, чувашами, удмуртами и т. д. по списку российских национальностей). Здесь обе идентификации (по стране и по этничности) сосуществуют и дополняют друг друга. Тем более все жители страны не могут стать русскими. Казалось бы, все довольно ясно, но во многих случаях единственно возможная формула существования мирной и целостной России доходит до сознания с большим трудом. Причина – груз прошлого,

инерция мышления, упрощенное восприятие этнокультурной сложности внешнего мира и преувеличение уникальности российского многообразия. А у этнологов еще есть слабость преувеличивать различия и игнорировать схожести в этнографических описаниях.

Для тех, кто сомневается в российском национальном проекте или хочет его разрушить своего рода многообещающим вариантом стал *цивилизационный подход*, который захватил нынешний общественно-научный и медийный дискурс. Многие годы радикальные этнонационалисты от имени русского большинства, а также околоцерковные эксперты из Всемирного русского народного собора старались утверждать вместо концепции российской гражданской нации и общероссийской идентичности концепцию русской цивилизации и Русского мира, но дальше декларативных документов и упоминаний о государствообразующем народе дело не доходило. Президент страны, документы стратегического планирования и научное сообщество до последнего времени были ориентированы на квалификацию многонационального народа Российской Федерации как российской нации и на реализацию *главной цели национальной политики – обеспечения единства российской нации при сохранении ее этнокультурного многообразия.*

С включением в цивилизационный дискурс политологов-международников вместе с номенклатурными политтехнологами цивилизационный подход и в его рамках обозначение России как страны-цивилизации обрели заглавное место в интеллектуальных разработках и в политической риторике. Казалось бы, его энтузиасты не отрицают понимание России как государства-нации и поддерживают утверждение российской идентичности как сути и формы нациестроительства. Но далеко не всегда и не всеми культурологическая категория цивилизации рассматривается только как достраивающая программу и цель российского национального проекта. Эта двойственность на фоне увлечения цивилизационными конструкциями прослеживается в работах о разных вариантах цивилизационных идентичностей, о понимании и судьбах национальных государств.

С одной стороны, мы согласны с утверждением И. С. Семененко:

«В современном политическом дискурсе национальной идентичностью наделяются государственные образования вне зависимости от характера развития государственности: она выступает как ключевое смыслообразующее основание государственного суверенитета. Радикальные изменения национально-государственных границ в XX в. требуют конструирования новых идентичностей для легитимизации новых границ в массовом сознании» (*Идентичность* 2017: 411).

В то же самое время один из ведущих российских политологов В. И. Пантин, касаясь проблемы идентичности в международно-

политическом измерении, пишет о *национально-цивилизационной идентичности*, под которой он понимает следующее:

«В современной философии, социологии и политической науке *под* цивилизационной идентичностью понимается отождествление или соотнесение индивида, социальной группы, этноса, нации с той или иной локальной цивилизацией – устойчивой, существующей длительное время на определенной территории наднациональной общностью людей и государств, которая сохраняет и воспроизводит свою целостность, свои особые, отличающиеся от других цивилизаций культурные нормы, религию, ценности, традиции и социальные практики» (*Идентичность* 2023: 303).

Что такое «наднациональная общность людей» – большой вопрос к автору, как и к тем, кто в одном ряду перечисляет довольно странный набор цивилизаций: российская, европейская, североамериканская, иберoамериканская, китайская, индийская, мусульманская. По мнению В. И. Пантина, актуализация и возрастающая роль *цивилизационной идентичности* в современном мире связаны с усилением в результате процессов глобализации взаимодействия между разными цивилизациями, причем это взаимодействие сопровождается не только углублением сотрудничества, но и ростом конфликтности между государствами, принадлежащими к разным цивилизациям, а также межцивилизационными конфликтами внутри одного и того же государства из-за массовой инокультурной миграции. Кроме того, быстрое развитие китайской и индийской цивилизаций, а также ряда других обществ, принадлежащих к незападным цивилизациям, актуализировало проблему цивилизационной идентичности и поставило под вопрос прежний миропорядок, основанный на доминировании западной цивилизации. В условиях современной России, которая имеет черты государства-цивилизации и во многом отличается от классического государства-нации, характерного для стран Западной Европы и США, «необходимо, с одной стороны, считаться с существующими социальными, ценностными и культурными размежеваниями, а с другой стороны, проводить политику идентичности, направленную на постепенное формирование консолидирующей российской государственно-гражданской и цивилизационной идентичности» (*Идентичность* 2023: 305).

Сторонники утверждения цивилизационной идентичности обращают внимание, что культурно-цивилизационный ракурс идентичности позволяет увидеть причины и факторы многих современных внутриполитических и международных конфликтов. С невниманием к историческим, культурным, цивилизационным аспектам идентичности действительно связаны драматические, а нередко и трагические последствия попыток насильственно перенести социальные институты (например, представительные и рыночные институты), функционирующие в рамках западной цивилизации, на страны ис-

ламской и некоторых других цивилизаций. Как пишет В. И. Пантин, «нежелание учитывать обычаи, традиции, культурные и социальные нормы, складывавшиеся веками и характерные для данной цивилизации, как и не слишком обоснованные представления о существовании единой глобальной цивилизации, могут привести (и уже приводят) к тяжелейшим межцивилизационным и этносоциальным конфликтам» (*Идентичность* 2017: 144–145).

С этими рассуждениями о проблеме культурной глухоты в политике нельзя не согласиться, но только как быть с не менее частыми проявлениями жесткого насилия и конфликтности, имеющих место на основе известного «комплекса малых культурных различий», когда не только на межцивилизационных границах, но внутри них и даже среди «одного народа» возникают не менее жестокие насилие и войны. Представляется, что что-то не так в трактовке именно глубоких цивилизационных различий и конфликтных отношений между последними, если эти последние вообще существуют, помимо воображения пишущих о цивилизации.

Для наших домашних цивилизационистов Российская Федерация как страна-цивилизация обладает не национальной, а национально-цивилизационной идентичностью, но зачастую эта формула сводится только к цивилизационной. И с этим всеохватным увлечением цивилизационным подходом у меня есть существенное расхождение. Во-первых, сам перечень цивилизаций и отбор их содержательных характеристик носит очень общий и произвольный характер. Это в большой степени культурологическая метафора, применяемая к многим существовавшим в прошлом условным культурным комплексам или к протогосударственным образованиям, а также к тем современным культурно схожим и отличительным от других макрорегионам, континентам и отдельным крупным государствам. Во-вторых, все упоминаемые в перечне современных цивилизаций страны, включая крупнейшие государства – члены БРИКС, совсем не снимают с повестки задачу нациестроительства и считают себя нациями-государствами. В-третьих, нынешние попытки пропагандистов найти или утвердить среди населения цивилизационную идентичность никаких содержательных результатов не принесли, и едва ли в России место «национальной олимпийской команды» займет «цивилизационная олимпийская команда». Хотя настойчивое внедрение поколению нынешних школьников, что Россия – это не нация, а цивилизация, может дать свои результаты.

Идентичность предписанная и приобретенная

При обновлении понимания базовых категорий в этнологии важен взгляд на современность и на восприятие будущего наряду со столь часто демонстрируемой в отечественном дискурсе одержимо-

стью прошлыми нормами и ценностями. Последние представляются неизменными, обладающими сакральным характером. Обязанностью каждого нового поколения считается не только хранить, но и следовать так называемым традиционным духовно-нравственным ценностям. На самом деле *восприятие современности в теологическом ключе как предписание и как продолжение уже определенной прошлым траектории развития является уязвимым и плохо работающим.* Российских философ В. С. Мартьянов так определяет содержание современного общества:

«Современность представляет посттрадиционное, функционально дифференцированное на автономные подсистемы общество, преимущественно представленное в политической форме территориальных государств, в которых доминируют рыночные обмены, рациональная бюрократия и инклюзивные институты, обеспечивающие широкое участие граждан в управлении социальными и политическими аспектами собственной судьбы» (*Идентичность* 2023: 304).

В условиях таким образом понимаемой современности в ее интеллектуальной программе по-особому трактуется и проблема идентичности. Если в сословном, феодальном, кастовом обществе идентичность передавалась из поколения в поколение в условиях статичного социального порядка, то, как пишет Мартьянов, «современность, описываемая концептами гибридной, множественной, смешанной, плавающей идентичности, вытеснила жестко стратифицированные традиционные общества, сохранявшие устойчивость образа жизни, неизменность социальной структуры, функциональных ролей и общественных ценностей на протяжении долгого исторического времени» (Там же: 307). Сложносоставное урбанизированное общество требует от современного человека дифференцированных идентичностей, функций и ролей в умножающихся социальных контекстах. Он все чаще меняет идентичности в зависимости от возраста, ситуации, настроения, культурного контекста, гражданства. В подобных условиях *государство может не столько насаждать эксклюзивную идентичность, сколько поддерживать желательную иерархию идентичностей с тем, чтобы минимизировать конфликтность и напряженность социально-политического порядка, обеспечивать гражданское согласие.*

В обновленное понимание идентичности вносит свои соображения социолог Н. Н. Федотова, подвергая сомнению «утопичность абсолютной устойчивости идентичности в сегодняшнем неустойчивом, нелинейно меняющемся социуме», что, однако, не отменяет ее значимость. Важным становится сам процесс изменения, разрушения, приобретения и становления идентичности. «Это относится не только к индивидуальной идентичности – отдельному индивиду, но и всем носителям идентичности – сообществу, обществу, этносу,

народу, стране, т. е. разным формам коллективной идентичности» (*Идентичность* 2023: 292).

Таким образом, нынешние философы и политологи признают процессуальный и динамичный характер идентичности, о которых также писал в свое время С. Хантингтон в книге о вызовах американской национальной идентичности (*Huntington* 2004) и другие авторы (например, американский антрополог Дрю Глэдни писал о сложных и подвижных иерархиях самосознания среди китайских меньшинств (*Gladney* 2004). В моих работах с начала 1990-х годов также обосновывался тезис *о примате не этнического процесса, а этнической процессуальности*, не об обязательной единичной идентичности по культурной схожести, а также о множественной и дрейфующей этничности (*Тишков* 2003). Семейно-личностные биографии и поведенческие паттерны многих моих коллег-этнологов по Институту этнологии и антропологии РАН послужили мне добрым подспорьем в этой чувствительной ревизии.

Н. Н. Федотова делает важные заключения: «Раньше идентичность считалась достижимой, проходящей через ряд кризисов, но в итоге обретавшей определенную устойчивость до следующего кризиса. Сегодня она является процессом ее непрерывного обретения в контексте между полюсами стабильности и нестабильности и имеет процессуальный характер» (*Идентичность* 2017: 297). А все это означает, что человек, группа, сообщество, страна, с которыми они себя соотносят, обретают идентичность в течение всего времени своего существования, сохраняя или не сохраняя преемственность с прошлым. Это очень важная идея, подвергающая сомнению изначальную данность, а тем более как базовую форму человеческой идентификации – этническую идентичность в качестве непременного условия обретения гражданской, страновой идентичности.

Последняя позиция продвигается некоторыми психологами, неверно трактующими разработки середины XX в. классиков возрастной психологии Ж. Пиаже и Э. Эриксона и плохо осведомленные о современном состоянии научного поля. Все началось в начале 1990-х годов с обращения российских психологов к теме этнической идентичности в рамках направления, которое они обозначили как *этнопсихология*, отталкиваясь от работ Г. Г. Шпета, написавшего в свое время работу с привлекательным названием «Введение в этническую психологию» (1927 г.). В свою очередь, сам Шпет был под влиянием германского психолога Вильгельма Вунда, который считается родоначальником так называемой «психологии народов». Это Вунд определил в своих трудах разделение психологии народов на «историческую психологию народов» и «психологи-

ческую этнологию», и его построения вращались вокруг категории «дух народа», который якобы определяет индивидуальное сознание и психику людей. Несмотря на большое число своих трудов и последователей, Вунд так и не создал какой-либо убедительный «портрет» какого-либо народа. Тем не менее под этим влиянием Шпет ставил задачу «исследовать законы душевной жизни и там, где она проявляется не в отдельных личностях, а в разного рода совокупностях, которые она образует, в нациях, в политических, социальных и религиозных союзах (Gemeinschaften), следовательно, в самом широком смысле – в истории». Задача такой науки, по его мнению,

«подготовить познание народного духа, как психология до настоящего времени стремилась к познанию индивидуального духа; или: открыть те законы человеческого духа, которые имеют приложение там, где только совместно жительность народа, в жизни, искусстве и науке. ⟨…⟩ Поэтому этническую психологию можно было бы определить как исследование духовной природы человеческого рода, народов, поскольку она становится основою истории или собственно духовной жизни народов» (*Шпет* 1996: 26–27).

Шпет считал, что этническая психология ищет такое понятие, которое «объединяло бы в себе все типы человеческих переживаний, определяемых по языку, верованиям, обычаям, искусству, мировоззрениям и пр. и пр. ⟨…⟩ Духовный уклад индивида и есть дух его народа. Мы определяем конкретный дух, собирая типические черты одного воображаемого репрезентанта, и этот последний уже служит нормою для определения принадлежности каждого эмпирического индивида к данному коллективному типу» (Там же: 152).

К этим некогда популярным, но безнадежно устаревшим теориям «духа народа» и его якобы значимостью для самоидентификации человека российские этнопсихологи еще добавили классификации Жана Пиаже, который проводил психологические эксперименты среди школьников города Женевы, кстати, не разделяя их по этническому принципу на франко-швейцарцев или германо-швейцарцев, а выяснял этапы становления национальной (не этнической, а страновой!) идентичности среди детей.

Поскольку многие отечественные ученые плохо различают или пользуются как синонимами этими двумя формами идентичности, среди российских этнопсихологов утвердилось представление об этапах становления этнической идентичности в жесткой связке с этапами психического развития ребенка. Именно Пиаже выделил три возрастных этапа формирования детской идентичности, что было некритично воспринято рядом отечественных специалистов с фундаменталистскими выводами типа утверждения, что вытеснение из структуры социальной идентичности одной из ее составных частей – этнической идентичности – грозит потерей связей с какой

бы то ни было культурой и может привести к негативным последствиям для идентичности человека в целом (см. *Стефаненко* 1999; *Крысько* 2002; *Налчаджян* 2004).

Последователи Пиаже и примата этнической идентичности (своего рода современный вариант «психологии народа») остаются активными в российском научном мире. Приведу пример грубого возрастного деления формирования идентичностей: языковой от 0 до 7–8 лет, этнической в 6–18 лет, российской гражданской с 16 до 24 лет с последующим выводом:

«нельзя произвольно, по желанию, в любом возрасте сформировать у детей или подростков российскую гражданскую идентичность при отсутствии сформированной языковой идентичности и этнической идентичности», и «формирование российской гражданской идентичности имеет достаточно жесткую онтогенетическую структуру, подчиняется ряду психологических механизмов, требует соответствующих условий для своего эффективного формирования (в первую очередь социально-психологических), предполагает длительный и последовательный процесс» (*Кандыбович, Разина* 2023: 303).

Я разделяю более широкое и гибкое определение категорий аскриптивной (предписанной) и приобретенной идентичностей. Они задаются индивиду социумом или государством не только в период детства, но и в ходе всей его жизни, а между двумя этими формами существует не только зависимость, но и текучесть поведенческих ситуаций и идентификационных выборов. Это как в этнически смешанной семье одному ребенку по договоренности родителей записывают национальность отца, а другому – матери. Но и здесь ситуация гораздо сложнее. В процессе развития общества, социальной мобильности, интенсивности человеческих связей соотношение предписанных, т. е. заложенных с детства идентичностей, и приобретенных по жизни меняется в сторону последних. К тому же в российской начальной школе приоритетно внедряется учебный материал о Родине и ее символах, школьники раньше могут назвать себя москвичами или волгоградцами, а своей родиной – Россию, не определяя себя по этнической принадлежности. Таким образом, жесткое деление идентичностей на предписанные и приобретенные, а также выстраивание их строгой иерархии является ошибочным или, по крайней мере, устаревшим подходом.

В цитируемом нами энциклопедическом издании по теме идентичности профессор О. В. Попова также коснулась вопроса о природе этнической идентичности. Известно, что одни ученые считают ее аскриптивной, поскольку «именно социум диктует индивиду представления о характеристиках той или иной этнической группы и критерии этнического самоопределения в процессе усвоения языка, норм и ценностей культуры в конкретной культурно-этнической сре-

де». Другие исследователи полагают, что «этническая идентичность формируется на основании предписываемой социумом этничности, но она всегда является результатом самоидентификации, процесса открытого и длительного, а потому должны быть отнесена к группе приобретенных идентичностей» (*Идентичность* 2017: 285). Отсюда справедливо утверждение, что *в полиэтническом государстве возможно конструирование моноэтнической идентичности на основе аскриптивной этничности, двойной этнической идентичности, размытой (неопределенной) этнической идентичности, а также смена одной идентичности на другую*. Можно также добавить к этому перечню вариантов распространенную в мире множественную и не взаимно исключающую идентичность.

Вообще дискурс вокруг этничности в последнее время, как в свое время и дискурс вокруг национализма, напоминает некую «черную дыру», в которую проваливаются разные концепты вперемешку со старыми догмами. Я разделяю выраженную О. В. Поповой и некоторыми другими учеными озабоченность, что

> «“видимые” аскриптивные идентичности – расовая, этническая и гендерная – в наибольшей степени, чем другие, способствуют разобщенности социума. Это обстоятельство следует учитывать, распространяя режим позитивной дискриминации на участие носителей этих идентичностей в политической жизни государства: она становится источником новых размежеваний и требует внесения серьезных корректив проводимой государством политики идентичности» (*Идентичность* 2017: 285).

Об этом также писали другие ученые (*Alcoff* 2006; *Gutmann* 2003).

Этничность как сущностная категория

Есть традиционная трактовка этничности как совокупности культурных черт этнической группы, т. е. это свойства или черты (в отечественном шаблоне – «признаки») этноса и не более того. Какие это признаки в более современной трактовке? Это общеразделяемые представления о территориальном и историческом происхождении группы, это единый язык, общие черты материальной и духовной культуры. Сюда чаще всего добавляют представления о родине и особых институтах, как, например, государственность. И, наконец, общая идентичность, т. е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, отражается в общем самоназвании и солидарном поведении. Это уже только частично позитивистско-эссенциалистская трактовка, которая ныне чаще всего используется в разных глоссариях. При этом нужно сказать, что в советской этнографии (этнологии) *этничность* как самостоятельная категория отсутствовала. В изданном в 1995 г. выпуске № 6 «Свода этнографических понятий и терминов», посвященном категориям, таковой нет вообще, а есть дефиниция «Парадигма этническая (национальная)».

Как считает В. И. Козлов, это «вид ориентации людей в сложной социальной жизни путем создания идеальной, по их мнению, модели иерархии социальных явлений – в данном случае – представления о первостепенной важности этнических форм общности в жизни людей, о необходимости подчинения личных интересов, смысла жизни – интересам своего этноса» (*Этнические и этносоциальные категории* 1995: 95). Далее следует разъяснение, что каждый этнос с его языково-культурными и другими особенностями представляется в данной «парадигме» чем-то вроде особого биологического вида, исчезновение которого обедняет биологический генофонд Земли. Этим обстоятельством мотивируется потребность сохранения этноса всеми возможными средствами, прежде всего предохранение от иного этнического влияния и биологического смешения, которые ведут к ассимиляции. В основе этнической парадигмы лежит этноцентризм (у этнопсихологов еще есть близкое понятие *гиперэтничность*), который «может создать основу для национализма» (Там же).

Конструкция «этническая парадигма», видимо, была придумана В. И. Козловым, чтобы каким-то образом обозначить понятие этничности. В его более ранней статье о парадигмах в этнологии этничность (как слово и как понятие) вообще не присутствует (*Козлов* 1990). Интересно, что Ю. В. Бромлей в конце своей жизни задумал и даже начал писать книгу с названием «Этничность», но результат этого замысла так и не появился на свет. Мои первые размышления вокруг данного понятия, а затем самостоятельная глава в книге о феномене этничности встретили возражения коллег, чаще всего в форме вопрошания: зачем вводить этот термин, если он по своей сути аналогичен понятию «этническое (само)сознание». Уже после всеобщего распространения данной категории этничности все равно сохранилось понимание термина «в качестве явления, производного от понятия этноса»: «Этничность для меня, – пишет И. Ю. Заринов, – есть некая качественность этноса (примеры: пряник – пряничность, красота – красивость, сон – сонливость)» (*Заринов* 2023: 7). Здесь кроется существенное отличие моего взгляда на этничность: для Козлова и Заринова – это прилагательное и уж никак не существительное, для меня этничность – это существительное, понятие, соединяющее в себе как комплекс характеристик феномена культурной схожести, так и групповую принадлежность, но не только ее.

Невозможно обойти вниманием причудливую судьбу словесных обозначений и стоящих за ними практик в российской этнологии и в общественной жизни! В моей книге категория этничности присутствует в качестве родовой мета-категории, как и другая, еще

более широкая по смыслам категория идентичности, которой также не было в научном глоссарии еще 20–30 лет тому назад. Более того, ниже речь уже пойдет о чрезмерной экспансии этих двух категорий анализа и практики. Я пишу *о необходимости деконструкции в пользу «разукрупнения» слишком всеохватных дефиниций*. Как и 30 лет тому назад в истории с критикой теории этноса, можно ожидать обвинений в отрицании самого предмета нашей науки – феномена этничности.

Но прежде чем скатиться в искушение нового отрицания, считаю необходимым раскрыть подлинность данной категории и очистить ее от упрощений и намеренных искажений. Поскольку этничность для современной этнологической науки составляет ядро категориального аппарата, поясним, в чем смысл ревизии «от этноса к этничности», начало которой было положено еще в 1980-е годы и который я и ряд коллег (антрополог С. В. Соколовский, философ В. С. Малахов, социологи Н. Г. Скворцов и В. Воронков) инициировали в 1990–2000-х годах в российской этнологии. С тех пор восприятие и трактовка данной категории пережили любопытную эволюцию, в чем-то разделив судьбу всех больших научных парадигм, которые никогда не бывают вечными, но которые остаются в арсенале науки в качестве одной из опор анализа. Воспринимать критический анализ прошлых подходов и описаний как их «похороны» было бы ошибкой, но и вечное поклонение старым разработкам не делает чести научному познанию, в основе которого научный поиск.

Отметим, что этничность как сущностная (а не только как прилагательное!) категория оказалась новинкой для всей мировой науки. В 1980-е годы это слово появилось в названиях статей и некоторых книг. Видимо, не случайно создатели Гарвардской энциклопедии по социальной и культурной антропологии Алан Барнар и Джонатан Спенсер обратились к российским этнологам с предложением написать статью по этой теме для мирового читателя. Наша с С. В. Соколовским публикация вышла в свет в 1996 г. первым изданием и дважды переиздавалась после этого (*Encyclopedia of Social…* 1996: 290–295). Эта статья была написана в энциклопедическом стиле, предполагающем обзорный характер изложения. Полагаю, что впервые в данной статье была предложена классификация подходов в трактовке этничности, которая со временем утвердилась в научном дискурсе. Ниже краткое изложение статьи.

Интеллектуальная история термина *этничность* сравнительно короткая: до 1970-х годов он фактически не употреблялся в антропологических исследованиях и в учебниках. С середины 1970-х эта концепция обрела стратегическое значение в антропологической

теории, отчасти как ответ на постколониальную геополитику и подъем активизма со стороны этнических меньшинств во многих промышленных странах. Этот сдвиг имел своим результатом появление разных трактовок этничности, объясняющих столь многогранный феномен разными факторами: влиянием социальных и политических перемен, процессов формирования идентичности, социального конфликта, расовых отношений, нациестроительства, ассимиляции и прочее. Существуют три соперничающих подхода к пониманию этничности. Они могут быть категоризованы как примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский. Примордиалистские теории исходят из того, что этническая идентификация основана на глубоких, «примордиальных» привязанностях к группе или культуре, инструменталистские подходы рассматривают этничность как политический инструмент, используемый лидерами и другими в своих интересах, конструктивистские подходы делают упор на подвижности этнической идентичности, трактуя этничность больше как порождение особых социальных и исторических контекстов, а не как некую природную данность.

Далее в нашей статье следовали три раздела с изложением трех подходов и со ссылками на их ведущих представителей, включая и отечественных специалистов. Последний раздел статьи назывался «Будущее исследований этничности», в которой были высказаны до сих пор актуальные позиции. Предлагалось воспринимать подходы к пониманию этничности как не взаимоисключающие друг друга, и по этой причине одно из возможных направлений исследований – это интеграция наиболее здравых аспектов существующих подходов в целостную теорию этничности. Предлагалось еще одно направление этнических исследований – это освоение соответствующего знания из других социальных наук, таких как исследования о формах массового сознания для понимания десцентной мифологии этнической группы, соединение психологических теорий привязанности с пониманием этнических чувств и настроений и т. п. Наше понимание этнического чувства (сознания) как интеллектуального конструкта основывается как на исторических различиях в культуре, так и на мифах, концепциях и доктринах, порождаемых целенаправленными усилиями элитных слоев. Последние преобразовывают мифы и массовые эмоции в программы социально-политического менеджмента, что представляет собой синтез инструменталистского и конструктивистского подходов. *Определение этнической общности как группы людей, члены которой разделяют общее самоназвание и элементы культуры, обладают мифом общего происхождения и общей исторической памятью, которые ассоциируют себя с определенной территорией и обладают*

чувством солидарности – это определение открывает перспективы для интеграции антропологического, политологического и психологического знания в познании феномена этничности.

Чем была примечательна данная публикация в авторитетном энциклопедическом издании? Прежде всего тем, что не «западная зараза конструктивизма» пришла в Россию, а российские ученые изложили свой взгляд на феномен этничности и предложили схему из трех разных подходов, которая со временем стала своего рода иконой при изложении научного взгляда на этничность. До этого мне были неизвестны подобные схемы, хотя социальный конструктивизм, конечно, возник в западной науке в 1960-е годы и был связан прежде всего с именами социологов Питера Бергера и Томаса Лукмана. Что касается этнологии и антропологии, то лично на меня оказали влияние работы антрополога Ричарда Хэндлера по этническим проблемам в канадском Квебеке (*Handler* 1988). Были и другие влиятельные публикации, особенно сборник статей норвежских антропологов под редакцией Фредерика Барта. Ради справедливости следует отметить, что возникновение социального конструктивизма не в меньшей степени связано с именем советского психолога Л. С. Выготского, как и истоки структурализма более справедливо искать в творчестве отечественных ученых М. М. Бахтина и В. Я. Проппа.

Статья «Ethnicity» примечательна также тем, что ратовала в пользу интегративного подхода, который не отменяет, а дополняет взгляды на этничность с разных ракурсов в разных ситуациях и на разных уровнях. Предлагались перспективы для научной повестки, а именно обращение внимания на мифологические и мобилизационные аспекты анализа этнического феномена, а также конвергенцию подходов из антропологии, социологии, психологии и политологии с целью достижения междисциплинарного синтеза. Многое из этих предложений было реализовано в последующие годы, и взгляд на этничность обрел более сложный и более глубокий характер.

Эволюцию в понимании категории этничности можно проследить по моей последующей публикации. Пять лет спустя эта тема была изложена мною в статье «Этничность» в «Новой философской энциклопедии» (1-е изд. 2001). Приведу свою тогдашнюю трактовку феномена. *Этничность – категория, обозначающая существование культурно отличительных (этнических) групп и идентичностей.* Концепция этничности обращает внимание прежде всего на ее процессуальную (социально конструируемую) природу, подвижный и многокультурный характер современных обществ, на практическое отсутствие культурных изолятов. Есть некоторые

свойственные общностям характеристики, которые позволяют считать их этническими или говорить о присутствии этничности как таковой. К числу таких характеристик относятся: 1) наличие разделяемых членами группы представлений об общем территориальном и историческом происхождении, наличие единого языка, общих черт материальной и духовной культуры; 2) политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет представление о народе; 3) чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия. Сохраняет свое значение данное М. Вебером определение этнической общности как группы, члены которой обладают субъективной верой в их общее происхождение по причине схожести физического облика или обычаев, или того и другого вместе, или же по причине общей памяти о колонизации и миграции.

Характеристики, используемые для определения этнических групп, не могут сводиться к сумме содержащегося в пределах этнических границ культурного материала. Этнические группы определяются прежде всего по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми (или эта значимость навязана извне) и которые лежат в основе их самосознания. Таким образом, *этничность – это форма социальной организации культурных различий*.

Исходя из этого, под понятием «народ» в смысле этнической общности понимается группа людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности. Индивидуальная и коллективная этничность определяет себя через связи с другими социальными и политическими общностями, в том числе государственными. Таким образом, *этническая общность (народ) есть общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях*.

С внутригрупповой точки зрения, этничность основывается на комплексе культурных черт, которыми члены этой группы отличают себя от других групп, даже если они в культурном отношении очень близки. Различия, которые они могут проводить по отношению к другим, обычно довольно определенные и многоуровневые, тогда как внешние представления о группе имеют тенденцию к ге-

нерализации и стереотипным критериям при определении характеристик групп. Иными словами, во внутренних и внешних определениях этнической группы присутствуют как объективные, так и субъективные критерии. Этничность предполагает существование социальных маркеров как признанных средств дифференциации групп, сосуществующих в более широком поле социального взаимодействия. Эти различительные маркеры образуются на разной основе, включая физический облик, географическое происхождение, хозяйственную специализацию, религию, язык и даже такие внешние черты, как одежда или пища.

В итоге заметим, что в этом изложении, наряду с конструктивистскими новациями, сохранялась также линия, не подвергающая сомнению групповую природу этничности как комплекса характеристик и как формы самосознания. Эта деконструкция стала шагом в интеллектуальной работе с категорией.

Этничность в динамике конструктивизма

Интеллектуальная история термина *этничность* началась в 60-е годы XX в., когда происходили изменения в постколониальной геополитике и движения этнических меньшинств в промышленно развитых странах. Напомним, что в своем первичном виде примордиальный подход предполагал, что этническая идентификация основана на глубоких и основополагающих связях с определенной группой или культурой, а значит, и на существовании реальных, осязаемых основ этой идентификации, которые могут рассматриваться или как преимущественно биологические, или как культурно-исторические факторы. Осознание групповой принадлежности как бы заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции. В крайней форме этот подход рассматривает этничность в категориях социальной биологии как расширенную форму родственного отбора и связи, как изначальный инстинктивный импульс (*Van den Berghe* 1981). Схожие построения встречаются и в российской литературе в рамках теории этноса, где социальный биологизм вместе с географическим детерминизмом служит основой конструкций пассионарности, «жизни и смерти этносов» и прочее (*Гумилев* 1989, 1990), а темы экзогамии этносов как признака и условия их существования или «компонентные теории этноса» присутствуют в учебной литературе (*Бромлей* 1989; *Пименов* 1977).

Примордиализм рассматривает этничность как, прежде всего, разделяемую членами группы общность, которой присущи объективные единые характеристики: территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение и даже психический склад.

Некоторые полагают, что этническая общность имеет первичное значение как социальный архетип (*Арутюнов* 1989; *Социальная и культурная дистанции* 1998; *Glazer*, *Moynihan* 1975). На основе «этнических корней» создается целая генеалогия современных наций (*Smith* 1986). Для групповых этнических категоризаций используются историко-лингвистические классификации, историко-археологические и физико-антропологические реконструкции, которые привязываются к современной номенклатуре этнических групп, к их историческому и пространственному картографированию.

Более современные подходы в рамках этой традиции признают субъективную природу этничности, как и любой другой формы групповой социальной идентичности, только обращенной в прошлое и оформленной в современном варианте через культурно-языковые характеристики. Эти характеристики устанавливаются через географическое расселение и историю той или иной группы. В свою очередь, культурная составляющая и ее преемственность позволяют находить личное и социальное значение человеческого существования и дают ответ, почему индивид ведет себя и действует в соответствии с определенной традицией.

Культурно-языковая или психо-культурная интерпретация этничности в рамках примордиализма также рассматривает этническую идентичность как неотъемлемую психологическую часть «Я», а ее изменение как неестественное и навязанное человеку. Подобные взгляды на этичность распространены в обществах, где этнокультурным различиям придается особая значимость вплоть до ее официальной регистрации государством и даже государственно-административного построения на этнической основе. В рамках этого подхода выполнены многие труды в отечественной этнографии. Остаются его сторонники и в зарубежной науке (*Connor* 1994; *Miller* 1995; *Stavenhagen* 1990).

В то же время социальное значение этничности включает, помимо эмоциональных моментов, также и рационально-инструменталистские ориентации. Этичность, обычно пребывающая в латентном («спящем») состоянии, мобилизуется и используется для повышения социальной мобильности этнической группы, преодоления конкуренции, доминирования и социального контроля со стороны других групп, оказания взаимных услуг и солидарного поведения внутри группы, продвижения своих политических позиций и прочее. Инструменталистский подход с его интеллектуальными корнями в социологическом функционализме рассматривает этичность как результат политических мифов, создаваемых культурными элитами в стремлении к легитимизации и власти. Этничность возникает в динамике соперничества элит в рамках, определяемых

политическими и экономическими реальностями (*Brass* 1985). Иногда функционализм обретает психологическую окраску, и тогда манифестации этничности объясняются как средство восстановления утраченной коллективной гордости или как терапия от нанесенных травм (*Horowitz* 1985).

Все подходы к пониманию этничности не являются обязательно взаимоисключающими. *Интеграция наиболее значимых аспектов в цельную теорию этничности наиболее перспективна на основе конструктивистского синтеза, в котором есть чувствительность к контексту*. Этничность в этом случае рассматривается в системе социальных диспозиций и ситуативной зависимости на разных «уровнях» и «контекстуальных горизонтах»: на транснациональном уровне мировых систем, в рамках наций-государств с точки зрения «внутреннего колониализма» (*Hechter* 1975) или «структурного насилия» (*Galtung* 1996), на межгрупповом уровне в контексте теории культурной границы (*Barth* 1969) и на внутригрупповом – в рамках психологических теорий реактивной, символической и демонстративной этничности и стигматизированных идентичностей.

Данная трактовка для своего времени была новаторской для российской этнологии, хотя влияние бартовского подхода было налицо. Напомним, что книга под редакцией Барта в русском переводе была опубликована только в 2012 г. Другая знаменитая книга Бенедикта Андерсона о социальном конструировании наций, вышедшая в 1983 г., появилась в русском переводе несколько раньше в 2001 г. и, конечно, оказала свое влияние на российских авторов. Только я бы не сказал, что эти две важные книги были по-настоящему переработаны отечественными этнологами и послужили методологической основой исследований. Ритуальных ссылок было достаточно, в том числе и в работах критиков конструктивизма и упорных защитников советской теории этноса и нации. Длительное время имели место своего рода параллельный процесс следования старым канонам эссенциалистской трактовки этничности и нации и в целом позитивные упоминания и упрощенные изложения основных тезисов конструктивизма. Работы Малахова, Скворцова, Воронкова и моя книга «Реквием по этносу», которые можно считать разрывом с традицией и более определенным следованием новым подходам, все-таки оставались на периферии научной и учебной литературы.

Тем временем творческую динамику переживал и сам социальный конструктивизм, получая не только свою долю критических разборов, но и новые идеи и дополнительные разъяснения. Именно таким творческим обновлением стала работа американского социолога Роджерса Брубейкера и его соавторов, вышедшая в 2004 г. (*Brubaker* 2004). Ее перевод на русский язык был опубликован

в 2012 г. (*Брубейкер* 2012). Объектом критической ревизии данной работы стал «самоуспокоенный конструктивизм». По мнению автора, за два последних десятилетия «конструктивистская идиома», некогда обогатившая социальный анализ, «сделалась скучной, тривиальной, плоской и невыигрышной». Брубейкер попытался «выработать способы анализа этничности, не требующие обращения к ограниченным группам, и вместе с тем придать конструктивистскому проекту новую аналитическую ценность» (Там же: 17).

Сразу же отметим, что название книги не следует понимать буквально (как, кстати, и название моей книги «Реквием по этносу»). В книге не ставится цель изгнать «группы» из исследования этничности. Скорее, она призвана сделать анализ феномена открытым для других способов «работы» с этничностью. Как считает Брубейкер, ограниченные и солидарные группы – это всего лишь один из модусов этничности (и социальной организации вообще). «Групповость» – переменная сущность, и она различается не только в разных предполагаемых группах, но и внутри самой группы. *Этничность для своей реализации не требует обязательной групповости.* Она действует не только (и даже не столько) в ограниченных группах и влияет через них, но и через категории, схемы, столкновения, идентификации, языки, рассказы, институты, организации, сети и события. Короче говоря, *исследование этничности не должно сводиться к изучению этнических групп, они даже не должны быть его главным предметом*.

Именно от Брубейкера мною была взята установка взглянуть «за пределы этничности» и сформулировать задачу «разукрупнения» применительно к понятиям этничности и идентичности. Для меня, как и для Брубейкера, социальная реальность – это результат целенаправленной деятельности людей и это процесс, когда все находится в изменении. Отсюда меняется и отношение к понятию «этническая группа», которое в обычном восприятии и даже в науке чаще всего оформляется в групповых терминах. Между тем, считает Брубейкер, употребление категорий «раса», «нация», «этнос» есть результат некритического использования в науке «категорий здравого смысла», которые в действительности являются инструментами «примордиализма участников» или «психологического эссенциализма» действующих лиц. «Они часто воспринимают этнические группы, расы и нации как действующих лиц (героев и мучеников) соответствующих столкновений… Но мы не должны некритически принимать категории этнополитической практики в качестве собственных категорий социального анализа» (Там же: 27). Это особенно остро проявляется в ситуациях этнического конфликта, что и было мною раскрыто на примере «конструирования чечен-

цев из этнографического мусора» (речь шла о политизированной этнографии сторонников «освободительных проектов») в ходе так называемой чеченской войны (*Тишков* 2001).

Искушение обозначать происходящее в категориях группы хорошо известно. Могу лично удостоверить это заключение анализом чеченского конфликта, когда в политическом, медийном и научном лексиконе господствовало восприятие вооруженного сепаратизма как «восстание примордиальной нации», как «борьба чеченского народа за национальное освобождение», а не как мобилизованный, инициированный частью элиты и поддержанный внешними силами международного терроризма и больших игроков геополитики вызов государственной целостности России. В данном случае «категории практики» доминировали над «категориями социального анализа». Различить это не всегда удается, и Брубейкер обращает внимание на то, что именно элита, неправительственные организации и общественные движения, само государство осознанно обращаются к риторике групп, обеспечивая мобилизацию и вызывая к жизни то, что они описывают или провозглашают. Именно в материализации групп «и заключается бизнес деятелей на ниве этнополитики. Когда им сопутствует успех, политическая фикция единой группы может получить недолговременную, но мощную практическую реализацию» (*Брубейкер* 2012: 28).

Ученые-аналитики должны объяснить, как, какими способами формируется это недолговременное «кристаллизованное чувство группы», но сами они овеществлять группы не должны. «Этничность, раса и нация должны быть осмыслены не как субстанции, вещи, сущности, организмы или коллективные личности, …но в реляционных, процессивных, динамических, событийных и разукрупненных терминах» (Там же: 28–29). Таким разукрупненным термином, фиксирующем внимание на событийном характере социальной реальности, Брубейкер предлагает считать «групповость» (*groupness*) – понятие, которое должно заменить исследователю эссенциалистский термин «группа». Точно так же по его совету вместо понятий «этничность», «нация» и «раса» следует использовать термины «этнизация», «национализация» и «расизация», подчеркивающие процессуальный характер социальных явлений.

Таким образом, были поставлены под сомнение жесткие трактовки таких базовых категорий, как этничность и идентичность, нация и национализм. Мне близок этот исходный постулат, что большие категории не следует понимать как обозначение непроницаемых сущностей, что критерии, по которым они оформляются, порою важнее, чем то, что они призваны обозначать. Тот же национализм может иметь как инклюзивный, так и эксклюзивный характер,

и грань между гражданским и этническим формами национализма не всегда отчетливая: национализм от имени большинства во многом совпадает с гражданским (страновым) национализмом, а национализм от имени меньшинств почти всегда имеет этнический облик. «В сущности, – пишет Брубейкер, – все понимания национальности и все формы национализма являются одновременно включающими и исключающими. Различие же заключается не в самом факте инклюзивности и эксклюзивности и даже не в их степени, но в основаниях и критериях включения и исключения» (Там же: 256).

Этничность и нация как категории науки и практики

Мне близка позиция рассматривать именно групповость в качестве базовых элементов социального мира и в качестве единиц анализа очерченные определенными свойствами конкретные общности. Дело в том, что в теории этноса именно категория группы (не групповости!) обрела гипертрофированный характер. Как написано в учебнике по этнологии под редакцией В. В. Пименова, именно этносы творят основные исторические деяния: пашут землю и выращивают урожаи, строят города, ведут войны, создают культурные памятники и т. д. Восприятие социального мира в категориях коллективных тел сохраняется и в современной социологической и этнологической науке, не говоря уже об общественной практике, включая государственное управление и такие важные процедуры, как переписи населения. Даже те коллеги-гуманитарии, которые разделяют конструктивистскую парадигму, часто не могут выйти за пределы очерченных (дискретных) групп при составлении социологических анкет и опросов общественного мнения. Здесь опрашиваемый всегда должен попасть в число русских, татар, башкир, украинцев и т. п.: между этносами исследователи не оставляют места, там пребывает что-то маргинальное и мало интересное («неопределившиеся» или «национальные нигилисты»). Хотя, например, именно феномен татаро-башкирского культурного симбиоза представляет большой научный и общественно значимый интерес, но он оказывается не по зубам исследователям, ибо для большинства из них человек не может пребывать сразу в двух этнических группах. Именно этот познавательный тупик преодолевает работа Брубейкера, в которой есть даже глава «этничность как познание». Некоторое влияние эти идеи оказали и на российские практики, особенно в организации переписей населения, о чем речь пойдет ниже.

Брубейкер вместе с соавтором, известным историком колониализма Фредериком Купером излагает тот самый «разукрупняющий подход» в главе, названной «За пределами идентичности». В ней

отмечается, что категория идентичности не подходит для анализа процессов, ибо она связана с идеей постоянства, а также она исходит из тождественности во времени индивидов и «группы». Другими словами, например, там, где встречается в исторических анналах название *ассирийцы* или *киргизы*, это далеко не те же самые ассирийцы и киргизы, что зафиксированы переписями населения или описываются этнологами.

Кстати, и до этой работы я задавался вопросом относительно трактовки исторического периода, названного «великим переселением народов», ибо в реальности, скорее всего, имели место ментальные путешествия названий и самообозначений, чем реальные пространственные перемещения людей. Было ли реальное переселение древних енисейских киргизов на территорию современного проживания киргизов – вопрос далеко не второстепенный и до сих пор точно не доказанный, но априори принятый. И, конечно, все эти «группы» (или этносы) никогда не имели четких границ по части обозначения членства и отличительности от других, да и от самих себя по мере исторической эволюции. Другими словами, древние греки и нынешние греки – это не есть продолжение одной и той же групповой сущности.

Брубейкер и Купер предлагают заменить понятие идентичности и этничности другими терминами. Это, по их мнению, необходимо, чтобы «распутать плотный узел смыслов, который завязался вокруг термина «идентичность», и распределить работу среди некоторого количества менее нагруженных терминов» (*Брубейкер* 2012: 89). В качестве таких терминов они предлагают понятия «идентификация», «категоризация», «групповость» как более приспособленные для анализа сложной и текучей социальной реальности, нежели многозначное, размытое понятие идентичности. Мне эти предложения представляются чрезмерно радикальными, ибо они трудно реализуемы и требуют существенных оговорок. Специалистами уже высказывались замечания и несогласие с трактовкой происхождения «группистских терминов» типа нация, раса, класс из «народной социологии», которые, якобы, некритически заимствовала научная социология. На самом деле научная терминология имеет самостоятельное происхождение и, наоборот, во многих случаях оказывает влияние на социальную практику. Как замечает философ Ю. Д. Гранин (см. также: *Гранин* 2007, 2013б), термин «раса» возник еще в XVIII столетии отнюдь не в рамках народной социологии и не является только продуктом европейских колониальных практик, а появился в границах физической антропологии, которая, испытав на себе влияние культурных смыслов, тем не менее зафиксировала объективные антропологические различия между людьми.

Многие понятия наука заимствует из обыденного языка и из социальной практики, наделяя их новым содержанием. Поэтому аргумент, что надо избавляться от «категорий практики» в социальном анализе, не является убедительным, так как, попав в тело науки, эти категории переосмысляются. Так произошло и с понятием «нация».

«Если раньше оно действительно интерпретировалось в группистских терминах, то в современных исследованиях нация понимается как "социальная общность", связанная посредством воображения и сплоченная общими чувствами идентичности и солидарности, общими ценностями прошлого и настоящего социокультурная общность людей, политически объединенных в одном государстве. Последнее совместно с институтами гражданского общества посредством систем массовой коммуникации и государственной системы образования формирует у людей воображаемый ими образ "нации" ("России", "Франции" и т. д.) и "гражданское сознание", которые доминируют над более древними расовыми и этническими идентичностями» (*Гранин* 2013а: 185–189).

Гранин также считает, что, возможно, понятие «нация» в качестве базовой категории «национализмоведения» или понятие «этнос» – для науки этнологии, не имеют высокой инструментально-аналитической ценности, но это не повод от них отказываться или считать их фиктивными понятиями. Замечу, что допустимость использования термин *этнос* мною также не отвергалась. Что отвергалось – это его сверхнагруженность схоластическими конструкциями, которые не выдерживают проверки с этнографическим полем, с жизненной повседневностью людей. Если многие из моих коллег по институту, которые разделяют концепт этноса (включая одного из авторов теории Ю. В. Бромлея), не могли лично сами определить свое членство в той или иной общности (будь это *ЭСО* или *этникос*), а гумилевцы никак не могут найти источник пассионарного толчка, то это вопрос для всей теории с ее претензией на всеобщность. Не думаю, что и большинство российских удмуртов с родным русским языком смогут найти себе место в «компонентной теории этноса», предложенной В. В. Пименовым на основе этносоциологического изучения этого народа. Именно разительное несоответствие и отсутствие подтверждающих примеров – есть слабое звено примордиальной трактовки этноса.

Этничность как познание и когнитивный поворот

При анализе мета-категорий идентичности и этничности сегодня невозможно обойтись без отсылки к когнитивно-лингвистическому или когнитивно-психологическому методу научного анализа, который также отметился на научном поле этнологии. Брубейкер с соавторами одним из первых продвинул анализ в этом направлении, когда выделил в своей книге проблему *этничность как познание*. Вот что он и его соавторы пишут по этому поводу:

«Работа, выполняемая “идентичностью”, могла бы быть сделана более удовлетворительно несколькими группами менее нагруженных терминов, таких как идентификация и категоризация, самопонимание и социальная локализация, общность и связанность. Одним из самых значительных интеллектуальных прорывов конца XX столетия в гуманитарных науках был “когнитивный поворот”, который произвел революцию в психологии, придал новую форму дискуссиям в лингвистике, создал новую субдисциплину в антропологии и заложил основы совершенно новых исследовательских областей, таких как искусственный интеллект и когнитивная наука. В социологии когнитивные подходы тоже открыли новые направления анализа. Однако в исследовании этничности когнитивный поворот остается в начальной стадии и большей частью не обнаруживается» (*Брубейкер* 2012: 17–19).

Напомню, что когнитивный подход к познанию касается прежде всего сферы умственной деятельности, понимания процессов мышления и языка изложения, свободы и гибкости в трактовке соотнесения мышления и социальной реальности. Исходя из этого, становятся понятны аргументы Брубейкера, что «расовые, этнические и национальные группы следует трактовать не как субстанциальные сущности, а как коллективные культурные репрезентации, как широко распространенные способы рассмотрения, понимания, анализа социального опыта и интерпретации социального мира». Эпистемологическая подоплека этого взгляда состоит в «переносе внимания аналитиков на «создание групп» и «группирующие» процедуры, такие как классификация, категоризация и идентификация». Именно эти когнитивные процедуры – и прежде всего, «категоризация» населения, осуществляемая спонтанно индивидами, государствами и организациями – создают «группы» и «приписывают» к ним членов. Вне этих многочисленных и повсеместных актов категоризации группы не существуют, как это явствует из переписных процедур населения с их учетом национальной принадлежности. «Раса, этничность и национальность, – утверждает Брубейкер, – существуют только в наших восприятиях, интерпретациях, представлениях, классификациях, категоризациях и идентификациях – и только через них. Они – не вещи в мире, а точки зрения на мир, не онтологические, а эпистемологические реальности» (Там же: 152–153). А вот с этим высказыванием мне, как сторонniку обновленческих подходов в науке, есть смысл поспорить.

В данном случае мы имеем дело с очевидным субъективизмом и психологизмом, когда игнорируется связь между тем, что есть в головах, и тем, что происходит в публичной сфере. Как пишет рецензент книги Брубейкера об ее авторе, «он не видит связи между «онтологией» и «эпистемологией» в научном познании, противопоставляя онтологическую и эпистемологическую реальности. Между тем связь онтологии и эпистемологии в науке осуществляется через

субъект-объектную оппозицию, в пределах которой утверждения о независимом существовании внешнего исследователю объекта имплицитно подразумевают постулаты о способах этого существования и познаваемости мира» (*Гранин* 2013а: 185–189). Природа и социальный мир объективны и непреложны, но они не даны человеку помимо его собственных, в том числе интеллектуальных усилий. Однако Брубейкер не обсуждает вопрос о познаваемости мира, центральным моментом которого является вопрос об истинности знания, предлагая лишь «мыслить реляционно и воевать с ветряными мельницами наивного реализма» (Там же). Разумеется, протест против наивного реализма и зависимость содержания знания от языка исследования не могут вызывать возражений. Однако социальная реальность конструируется не только посредством теории, категориальных схем и методов исследования, но и в процессе нагруженных культурными смыслами восприятий и действий субъекта.

В итоге мы имеем своего рода разборку и сборку ряда основных категорий этнологии, и логику этой операции хорошо отражает название моей статьи: «От этноса к этничности и назад» (From ethnos to ethnicity and back) (*Tishkov* 2019: 78–92). Это означает переосмысление не только категории этноса, но и категории этничности. Я не предлагаю окончательную дефиницию феномена и не призываю всех под ней подписаться. Моя задача с помощью научных разработок выдающихся коллег и моих собственных текстов критически проанализировать концептуальные трактовки мета-категорий. И я прихожу к выводу, что *идентичность и этничность, а также раса и нация должны осмысливаться не только как субстантивные единицы, организмы или коллективные личности, на чем основываются научные и публичные образы групповых общностей, называемых этносами, народами, нациями и т. п. Центральным в моем анализе является отслеживание перемен от эссенциалистского (примордиального) подхода к преобладанию теории социального конструктивизма, а затем обновление последнего через обращение к когнитивному варианту этой теории*.

Этот подход подвергает сомнению исключительную трактовку групповых сущностей как объективных субстанций, как базовых единиц в организации социальной жизни и научного знания. Есть предложение сменить подобную трактовку на восприятие этнической общности и нации как категорий практики, как культурных идиом и когнитивных схем, как инструментов институализации и политики. Вместо этнической группы как некой объективной сущности предлагается «групповость» – «зависимая от контекста концептуальная переменная» (*Брубейкер* 2012: 29). Такое понимание этничности или нации не означает отрицание их реальности

и не должно принижать их значимость, но только эти реальность и значимость истолковываются иначе, и это иное толкование открывает новые горизонты познания. Не секрет, что многие рассуждения об этнических, расовых или национальных группах не отличаются ясностью, поскольку не делается различия между группами и категориями и не обращается внимания на ключевой момент – *процедуры категоризации*.

Если под группой мы понимаем *внутренне взаимодействующий, взаимно признающий, имеющий общие коммуникационные связи коллектив (общность), который обладает чувством солидарности, корпоративной идентичностью и способностью к согласованному действию, и, даже если мы придерживаемся менее жесткого понимания «группы», должно быть ясно, что категория не есть группа.* В лучшем случае она является одной из основ оформления и инструментом признания группы. Так, согласно логике отечественного этномышления, раз есть название и численность в результатах переписи или в тексте административного постановления, значит такой народ есть! Именно подход о несовпадении категории и группы я и мои коллеги, занимающиеся переписными процедурами (прежде всего В. В. Степанов), старались реализовать при фиксации этнического состава населения Российской Федерации. Именно от нас поступило и частично было принято предложение переписывать не «народы России», а категории этнического состава населения и соответствующим образом публиковать результаты переписи. Пусть частично, но эта позиция нашла отражение в работе организаторов общероссийской переписи населения, как и не до конца реализованное предложение фиксировать сложную национальную (этническую) принадлежность (возможность для ответов была, но подсчета не было).

Следует признать, что в общественной практике и государственном управлении, а также в исследовательской работе, в научном и медийном языке этнические группы (народы) не исчезли и пребывают в их полной номенклатуре числом 193 после переписи 2020 г. Еще полвека тому назад Ф. Барт привлек внимание к функциям категорий операцию *самоидентификации* и *приписывания* другими и поставил под сомнение автоматическое уравнивание этнической группы с определенной культурной единицей. Уже тогда, более 50 лет тому назад, было подвергнуто критическому анализу восприятие этнических групп как перманентных составных единиц общества и склонность искать воплощения этничности в исключительно коллективистских формах.

Сейчас мы вышли на более четкое понимание различия между категориями и группами и стараемся изучать и объяснять эту

проблему. Это новое восприятие базового материала дисциплины этнологии позволяет различать «степень групповости», связанной с конкретной категорией и конкретной ситуацией. Мы можем установить социальные, политические, психологические мотивы и воздействия, по причине которых категории наделяются групповостью и становятся «народом России». Иногда это делается по инерции или что называется «до кучи» (чем больше народов, тем лучше для образа страны, ибо «ни один народ не вымер»!). Так, в списке из 193 «народов России» числятся 1275 американцев, 862 итальянца, 835 японцев, 819 французов, 707 кубинцев, 529 англичан, 433 мегрела, 252 аджарца, 221 лаза, 181 центрально-азиатский араб, 97 русин, 63 ингилойца, 53 грузинских еврея, 54 центрально-азиатских еврея, 41 сван и еще несколько десятков категорий, которые никак нельзя называть группой в том ее определении, которое приведено выше, но которые тем не менее числятся в списке «народов России», каждый из которых, как убеждает ведущий программы «Национальный акцент» на радио «Вести FM», абсолютно уникален и ни на кого не похож.

На самом деле ситуация с этнической номенклатурой сложнее и одновременно тривиальнее: инерция советской установки показывать проживающих у нас «западников» и «друзей» дополнилась желанием показывать подгруппы среди грузин (в Грузии они все грузины!) и необходимостью показывать растущее число так называемых новых этнических групп из числа населения стран бывшего СССР. А вот уже не меньшее, чем «западников», число ганцев, нигерийцев, сомалийцев и представителей других африканских и азиатских стран оказываются среди 43 тыс. жителей России, которые в материалах переписи обозначены в сборной категории «Другие национальности». Так что при предлагаемом нами подходе даже такая «священная корова», как «народы России», оказывается, нуждается в более внимательном и беспристрастном анализе.

Ниже будет показано, как люди и организации работают с категориями и превращают их в группы, унифицируют и структурируют группы в зависимости от научных разработок и политико-административных запросов. На политику категоризации оказывают воздействие как верхи, так и низы. Что касается верхов, то важно устанавливать и показывать те цели и способы, какими категории предлагаются, распространяются, утверждаются и наделяются институциональным статусом. Что касается низовых процессов, то полезно и важно исследовать категориальную «микрополитику», способы, какими те, кто подвергается категоризации, воспринимают, отвергают или преобразуют категории, которые они инициируют или им навязывают. Основываясь на достижениях когнитивных

исследований и этнометодологии, можно изучать процессы взаимодействия, в которых категории применяются индивидами для осмысления социального мира, связываются со стереотипными верованиями и ожиданиями по отношению к будущему. Короче говоря, *фокусирование на категориях может пролить свет на многообразные способы, какими этничность, раса и национальность могут существовать и «работать» в том числе и при отсутствии этнических групп как субстанциональных сущностей*.

Литература

Арутюнов 1989 – *Арутюнов С. А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.

Бромлей 1989 – *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1989.

Брубейкер 2012 – *Брубейкер Р.* Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Издательский дом Высшая школа экономики, 2012.

Гаман-Голутвина О. В. Концепт идентичности: движение об абстрактному к конкретному // Полис. Политические исследования. 2024. № 3. С. 177–191.

Гумилев 1989 – *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. Л., 1989.

Гумилев 1990 – *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. Л., 1990.

Гуревич 1984 – *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984.

Жуков, Тавадов 2011 – *Жуков В. И.*, *Тавадов Г. Т.* Большой этнологический словарь. М.: Изд-во РГСУ, 2011.

Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

Гранин 2013а – *Гранин Ю. Д.* Рецензия на книгу Брубейкера. Этничность без групп // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 185–189.

Гранин Ю. Д. 2007 – *Гранин Ю. Д.* Этносы, национальное государство и формирование российской нации. Опыт социально-философского исследования. М., 2007.

Гранин Ю. Д. 2013б – *Гранин Ю. Д.* Глобализация, нации и национализм. М., 2013.

Заринов 2023 – *Заринов И. Ю.* Этнос и этничность: Ретроспективный взгляд на проблему. М.: ИЭА РАН, 2023. С. 7.

Евразийская ментальность 2012 – Евразийская ментальность / Под ред. В. Ф. Петренко. М.: Информполиграф, 2012.

Идентичность 2017 – Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И. С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017.

Идентичность 2023 – Идентичность: Личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И. М. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2023.

Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1–6. М.: Наука, 1986–1995.

Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М. Б. Олкотт, В. Тишкова и А. Малашенко. М., 1997.

Империя и этнонациональные государства 2011 – Империя и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. Сб. статей / Сост. Н. А. Хачатурян. М., 2011.

Кандыбович, Разина 2023 – *Кандыбович С. Л., Разина С. В.* Психологические механизмы формирования языковой, этнической и российской гражданской идентичности // Россия: единство и многообразие: К 10-летию образования Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 16–17 ноября 2022 г.). М.: РГГУ, 2023. С. 298–304.

Кастельс 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.

Козлов 1990 – *Козлов В. И.* Национальный вопрос: теория и практика // История СССР. 1990. № 1.

Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998.

Малахов 2007 – *Малахов В. С.* Понаехали тут. Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43–53.

Малахов Владимир. Политика различий: культурный плюрализм и идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Мультикультурализм и трансформация постсоветских общества / Под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М.: Наука, 2002.

Пименов 1977 – *Пименов В. В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.

Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.

Стефаненко 1999 – *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999.

Социальная и культурная дистанции 1998 – Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Под ред. Л. М. Дробижевой. М., 1998.

Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.

Тишков В. А. Этничность // Новая философская энциклопедия. В четырех томах. 2-е изд. М.: Мысль, 2010. Т. 4. С. 482–484.

Тишков 2001 – *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.

Тишков 2003 – *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Тишков 2013 – *Тишков В. А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

Тишков В. А. 2025 – *Тишков В. А.* Идентичность как ресурс развития // Вестник Российской академии наук. 2025. № 2. С. 94–103.

Этнические и этносоциальные категории 1995 – Этнические и этносоциальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / Отв. ред. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995.

Шпет 1996 – *Шпет Г. Г.* Введение в этническую психологию. СПб., 1996.

Alcoff 2006 – *Alcoff M. L.* Visible Identities: Race, Gender, and Self. New York: Oxford UP, 2006.

Barth 1969 – *Barth F.* (ed.) Ethnic Groups and Boundaries. Boston, 1969.

Brass 1985 – *Brass P.* (ed.) Ethnic Groups and the State. L., 1985.

Brubaker 2004 – *Brubaker R.* Ethnicity without groups. Cambridge: Harvard University Press, 2004.

Encyclopedia of Social… 1996 – Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology. Ed. by Alan Barnard and Jonathan Spencer. L.: Routledge, 1996. C. 290–295.

Castells 1997 – *Castells M.* The Power of Identity. The Information Age, Economy, Society and Culture. Oxford, UK: Blackwell Publishers, 1997.

Connor 1994 – *Connor W.* Ethnonationalism. The Quest for Understanding. Princeton, 1994.

Handler 1988 – *Handler, Richard.* Nationalism and the Politics of Culture in Quebec. University of Wisconsin Press, 1988.

Hechter 1975 – *Hechter M.* Internal Colonialism. The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. L., 1975.

Horowitz 1985 – *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley (CA), 1985.

Huntington 2004 – *Huntington, Samuel*. Who Are We? Challenges to America's National Identity. Simon & Shuster, 2004.

Galtung 1996 – *Galtung J.* Peace by Peaceful Means: Peace and Conflict, Development and Civilization. London: Sage Publications, 1996.

Gladney 2004 – *Gladney, Dru*. Dislocating China: Muslims, Minorities, and Other Subaltern Subjects. Chicago: Chicago U. Press, 2004.

Glazer, *Moynihan* 1975 – *Glazer N., Moynihan D. P.* (eds.) Ethnicity. Theory and Experience. Cambridge, 1975.

Gutmann 2003 – *Gutmann A.* Identity in Democracy. Princeton: Princeton UP, 2003.

Miller 1995 – *Miller D.* On Nationality. Oxford, 1995.

Morris 1994 – *Morris, Brian*. Anthropology of the Self: The Individual in Cultural Perspective. L.: Pluto Press, 1994.

Smith 1986 – *Smith A. D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell, 1986.

Stavenhagen 1990 – *Stavenhagen R.* The Ethnic Question: Conflicts, Development and Human Rights. Tokyo, 1990.

Tishkov 2019 – *Tishkov Valery*. From ethnos to ethnicity and back // Ethnic groups and boundary: Fifty years legacies / Ed by Th. H. Eriksen and Marek. L.: Routledge, 2019. P. 78–92.

Van den Berghe 1981 – *Van den Berghe P. L.* The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1981.

Глава 2

ОТ ЭТНОСА К ЭТНИЧНОСТИ И ПОСЛЕ*

В российском обществознании понятие «этнос» живо, прежде всего, по той причине, что оно перекочевало из этнологии в другие сферы гуманитарного и социального знания. Именно об этих метастазах «теории этноса» советских этнографов, о моем отношении к судьбе этой не признанной мировой наукой, но крайне живучей конструкции и о взаимодействии с поборниками «этноса» внутри и за пределами дисциплины прародительницы пойдет речь, как и о перспективах, казалось бы, утвердившегося концепта этничности. Почему новая трактовка феномена этничности как одной из форм коллективной идентичности вызвала в отечественной науке столь бурную охранительную реакцию? Тому есть несколько причин. Самое лестное для меня объяснение – это провоцирующее название книги «Реквием по этносу», в котором, избегая скучной точности, я не стал уточнять, что речь идет о научных конструкциях, а не о самой этнической реальности. Как представляется, отрицание мной концепта было воспринято буквально – как отрицание существования этнокультурных различий и самих этнических общностей. Хотя из содержания книги и других моих работ было ясно, что речь идет именно о трактовке предмета науки.

Охранительная реакция была вызвана также и тем, что речь шла о теме, которая в 1990-х годах вызвала интерес представителей ряда общественных дисциплин: социологии, истории, философии и т. д., которые не пожелали оставлять этнические проблемы прошлого и современности только этнологам. Этнос и этничность, которые до этого блистали своим отсутствием в работах отечественных гуманитариев, появились в самых разных вариациях: от «тоэтносов» древности, «этнокультурной истории Древней Руси» и «этносов в раннем средневековье» у историков до «философии этноса» у философов.

Вызывающей интеллектуальной провокацией стали работы Л. Н. Гумилева, заполонившие с начала 1990-х годов книжные полки российских магазинов и библиотек. Если среди этнологов отношение к этому автору всегда было сдержанным, то многие географы, культурологи, философы и политологи впали в эту ересь

---

* Дополненный вариант статьи: *Тишков В. А.* От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.

с упоением. Влияние Гумилева на отечественную научную мысль и на политическое мышление остается недооцененным, ибо, кроме малотиражной критики (сначала Ю. В. Бромлея и В. И. Козлова, затем В. А. Шнирельмана и моей), широкой дискуссии вокруг гумилевской конструкции этногенеза и пассионарности в литературе фактически не было. Зато интригующая привлекательность этих положений, как и харизматическая фигура самого автора по прошествии времени не потеряли своей популярности. К этому добавился недавний для российской геополитики «поворот на Восток», в котором центральное место занимает идея нового евразийства, одним из интеллектуальных отцов которой считается Гумилев. Таким образом, критика концепта этноса с самого начала оказалась обремененной политическими моментами.

Антропология и этнология с этносом и без оного

Следует отметить, что, к чести этнологов и антропологов, обновление теоретико-методологических основ нашей дисциплины прошло в целом успешно, без огульного отрицания, раздоров и политизированных обвинений. Интеллектуальное лидерство здесь принадлежит не только Институту этнологии и антропологии РАН. Важную роль в разъяснении и обосновании современных основ этнологии и социально-культурной антропологии сыграл санкт-петербургский журнал «Антропологический форум» во главе с его редактором А. К. Байбуриным. Здесь же были инициированы дискуссии о состоянии этнологического знания и его теоретических основ, научных школах, взаимодействии с другими дисциплинами. Участие в этих дискуссиях ведущих зарубежных антропологов способствовало утверждению в отечественных текстах языка современной науки.

За последние четверть века внутри дисциплины произошли значимые и неоднозначные перемены. Переход от этноса к этничности и даже выход за пределы этничности позволили обрести новую предметную область, определяемую как антропология. Речь идет не столько о физической антропологии, которая всегда была в отечественной номенклатуре, сколько о социально-культурной антропологии, которой в начале 1990-х годов в нашей науке не было. Этнос ушел из языка этнологов, за исключением некоторой части исследователей и вузовских преподавателей, которые не следят за современными тенденциями. Этому способствовали развитие самого научного знания и более полная информированность отечественных специалистов о мировом научном контексте.

Важную роль сыграл перевод на русский язык работ многих признанных специалистов в области социологии, антропологии

и этнологии, а также по истории так называемого национального вопроса в России. Были переведены и изданы, хотя и с опозданием в 20–30 лет, работы П. Бурдье, Э. Геллнера, Ф. Барта, Б. Андерсона, Ч. Тилли, Д. Горовица, а затем и представителей следующего поколения: А. Барнарда, Р. Брубейкера, У. Кимлики, Ч. Тэйлора и др., а также работы историков, социологов и философов, писавших о нациях и национализме, феномене национальной и этнической идентичности (Э. Хобсбаум, Ю. Хабермас, Д. Кола, М. Кастельс, Ш. Бенхабиб, З. Бауман, Э. Саид и др.). Появилась солидная библиотека переводных книг по истории так называемого национального вопроса, советской этнической политике и нациестроительству и этнополитическим конфликтам (Ш. Фицпатрик, Р. Суни, Т. Мартин, Ж. Кадио, Ф. Хирш, Ю. Слезкин и др.). Их терминология была существенно иной, а в центре анализа были не «этносы», а прежде всего процесс конструирования советских наций из разнородной этнической материи, спонсирование этничности в виде ее территориализации и огосударствления, назвавшие СССР одним из зарубежных историков «империей положительного действия» (*Мартин* 2002), т. е. «империей наоборот».

Сегодня нет оснований полагать, что произойдет откат на прошлые позиции. Антропологи и этнологи все больше осознают феномен растущей культурной сложности, где этничность переплетается с другими коллективными идентификациями и лояльностями до такой степени, что исчезает само понятие группы как социальной и даже социологической целостности. Разрыв с позитивистским группизмом был одним из наиболее существенных моментов в этнологических новациях. Этнические границы стали пониматься не как границы групп в пространстве (в кушнеровском смысле), а как ментальные маркеры, по которым могут выстраиваться группы (в бартовском смысле). Эту ситуацию было трудно предвидеть четверть века тому назад. Именно поэтому я писал о том, что «возможно, единственным и основным законом истории является неопределенность и многовариантность» (*Тишков* 2003: 502).

Сейчас можно сказать более определенно, что природа современной «текучей модерности» такова, что «атрибутом нашей действительности является непостоянность, единственной уверенностью, которой мы обладаем наверняка, является неуверенность». Автор этих слов З. Бауман заявил: «В начале XXI в. мы стоим перед необходимостью сделать то, чего наши предки не сделали, потому что не приходило им этого в голову, не чувствовали они этой потребности – необходимости разработки новых способов сосуществования в условиях постоянной разнородности культур и человеческих группировок» (*Бауман* 2011). Эта разнородность культур

и человеческих группировок и должна больше всего привлекать современных исследователей. Это и есть один из многообещающих горизонтов для социально-культурной антропологии.

Здесь мы переходим к теме метастазирования концепта этноса в другие научные дисциплины, включившие его в границы своих доменов. А это означает, что ответственность за интерпретации и проекции теории этноса в общественную жизнь должна быть разделенной.

Как этнос хотел спрятаться в археологическом раскопе

Исторически этнография/этнология/антропология не только в России, но и в мировой науке наиболее тесно связана с археологией. 25 лет тому назад в Новосибирске был создан отделившийся от историков и успешно работающий научно-исследовательский Институт археологии и этнографии. Возглавляемый Н. А. Томиловым Омский филиал двух НИИ (Московского и Новосибирского) на базе университетской кафедры этнографии почти 20 лет проводит регулярные научные сессии по этноархеологии. Прежде чем начали созываться отдельные съезды этнографов и антропологов, в СССР длительное время проводились совместные археолого-этнографические научные сессии. Диалог двух дисциплин, само общение археологов и этнографов дают положительные результаты, хотя мне представляется, что высокий уровень археологической науки в Сибири сдерживает дрейф местной этнографии в сторону социально-культурной антропологии.

В СССР и в России интеграция археологии и этнографии была подчинена решению сверхзадачи – разработке так называемой теории этногенеза. Отметим, что некоторые археологи и этнографы уже в советское время выступали критиками перенесения этнического в глубокие исторические пласты, когда корректнее было бы говорить о «популяциях» и «культурах», чем о «народах» (*Шнирельман* 1984, 1990, 1993). Осторожное отношение археологов к научному арсеналу этнографов (и наоборот) утвердилось позднее к обоюдной пользе (*Мосин*, *Яблонский* 2013). В целом археология, с великим трудом корректируя один из отечественных брендов – теорию этногенеза, тем не менее не стала трактовать этнические общности как биосоциальные организмы и не разделила гумилевские выдумки насчет пассионарного толчка и акматических стадий рождения и жизни этносов.

Напомню высказывание академика В. П. Алексеева: «История дает нам много примеров этнической консолидации и возникновения крупных народов… на основе… заведомо исторических факторов, без какого-либо влияния биологии или географии. Итак,

исторический характер этносов несомненен…» (*Алексеев* 1986: 5). Насчет «глубины» этого исторического характера (у Алексеева все начинается с палеолитических времен) необходим отдельный разговор, но в данном случае важна его антигумилевская позиция. Более того, современная археология выступила решительно против националистических попыток интерпретировать археологические культуры и конкретные памятники в контексте современных политических интересов некоторых этнических элит. Здесь этнологи и археологи остаются твердыми и последовательными союзниками.

Как получилось с «этносом» у историков

Старая отечественная этнография понималась и конституировалась в системе обществознания как субдисциплина исторической науки, т.е. как наука гуманитарная, в отличие от социальных наук, к которым относится социально-культурная антропология. В России – от подготовки студентов до присуждения ученых степеней – специалисты в этой области по своей базовой специальности считаются историками. Неизменной остается и академическая организационная структура: этнологические учреждения, центры и подразделения пребывают в составе комплексных институтов вместе с историей, под научно-методическим руководством Отделения историко-филологических наук.

Эта родовая принадлежность носит давний характер. Содержательно она когда-то объяснялась лежащим в основе этнографии «принципом историзма» (*Токарев* 1958: 8). В то же время собственно историки концептом «этнос» до конца 1980-х годов фактически не пользовались и обратились к нему тогда, когда этнологи уже начали от него отказываться. Одну из первых книг с «этнокультурной историей» в названии я получил от В. Я. Петрухина (*Петрухин* 1995). В ней автор пытался обнаружить этносы в древнерусском государстве, тем самым пренебрегая фундаментальной значимостью ранних политий, социальных группировок, организованных по принципу вождеств, а также более широких (внеэтнических) коалиций на основе династических или религиозных лояльностей. Позднее Петрухин вместе со своим соавтором так определил эти, по его мнению, всеохватные и «непременные» человеческие коллективы:

«Каждый человек непременно ощущает себя членом некоей совокупности людей, которые воспринимают друг друга как имеющие общее происхождение и одновременно отличают себя от тех, кто принадлежит к иным подобным совокупностям. Такие совокупности именуются этносами, этническими общностями» (*Петрухин*, *Раевский* 2004: 8).

Авторы делают важную оговорку:

«Объективный антропологический и генетический анализ показал, что концепция чистоты крови… представляет не что иное, как исторический миф… переоценка биологического критерия при установлении этноисторической преемственности неправомерна, а ее абсолютизация попросту реакционна как открывающая путь лишенному научной базы расизму» (Там же: 11–12).

Однако оговорка эту позицию не спасает.

Известный историк В. П. Булдаков публикует опус под названием «Хаос и этнос» об этнических конфликтах в годы гражданской войны в России (главным образом о насилии в отношении еврейского населения), а также работу о «народофобии» с уязвимой трактовкой межэтнических отношений под углом якобы им изначально присущей враждебности восприятия «других». При всем богатстве документального материала и кругозоре автора ему не удается уйти от абсолютизации человеческих объединений по культурному сходству их членов:

«Империи и нации – преходящие величины. Этнос, вопреки ожиданиям, куда более живуч, хотя менее уловим; он составляет ту зыбкую субстанцию, которая словно специально призвана провоцировать “вечные” мифы. Национальная идентичность основывается на господстве определенного мировоззрения, рождающего текущие политические проекты, а идентичность этническая – на вневременной энергетике исторической памяти» (*Булдаков* 2011: 9).

Это очень напоминает «дух народа» из некогда распространенных гердеровско-бердяевских рассуждений.

Немногие историки встали на путь примордиальной трактовки этносов как организмов, но искушения не избежали даже наиболее просвещенные из них, включая тех, кто занимался зарубежным средневековьем и античной историей, где научная изоляция от теоретико-методологического языка мировой науки, казалось бы, исключалась. Приведу в качестве примера изданную медиевистами коллективную монографию, в которой изложена претензия на обновленную формулировку понятия этноса и установление исторической закономерности перехода от этноса к нации. Вот как описывает проблему Н. А. Хачатурян на примере западноевропейских государств в эпоху Средневековья:

«В рамках этой эпохи они пережили процесс трансформации этносов в более сложные социополитические и культурные этнонациональные образования, обретшие уже в Новое и Новейшее время статус национальных государств…» (*Этносы и «нации»…* 2015: 6).

Востребованность этой тематики, по мнению медиевистов, в том, что имеет место возвращение, казалось бы, изжитых процессов самоопределения этносов вплоть до попыток образования ими новых государств:

«Современные этнонациональные проблемы, подтверждая неизбывность процесса исторического развития, вместе с тем приближают к нашему сегодня – далекое средневековое прошлое, которое обнажает генезис интересующих нас явлений: полиморфизм начальной истории этносов, сложный путь их консолидации в новую более зрелую общность, специфику условий, предопределявших выбор того или другого этноса на роль ведущего в национальном самоопределении общности, наконец, возможности или слабости последней, которые, в частности, могли зависеть от положения в ней малых этносов» (Там же: 6–7).

Любопытно, что в 2015 г. российские историки-медиевисты сетуют на то, что они «уступили эту область исторического знания» этнографам, антропологам и социологам, тем самым обеднив «собственный предмет анализа, в известной мере облегчив возможность нарушения принципа исторической преемственности». А нарушают эту преемственность якобы историки нового и новейшего времени, в особенности политологи и социологи, рассматривая такое явление, как нация, исключительно в пространстве проблем Нового времени и современности. Н. А. Хачатурян, как и положено историку далекого прошлого, занимает более чем определенную позицию: «Категоричность заявлений, согласно которым этнос и нацию “делает ощущение индивида своей принадлежности к ним”, – не должно для исследователя обесценивать факта реального формирования и существования соответствующей общности» (Там же: 7–8).

Основываясь на понятии «преемственности явлений», авторы считают, что историкам важно найти решение вопроса о «начале» качественного перехода от этноса к нации, и именно «средневековый опыт обнажает генезис движения от этнической незрелой общности к “национальному” объединению» (Там же: 8, 15). Поскольку примеров эти положения не содержат, трудно понять, какие «аморфные» и «незрелые» общности (венецианцы, генуэзцы, сардинцы и др.) «реально» (а не усилиями итальянских генералов-объединителей или германского «огня и меча») трансформировались в национальные общности и когда они все в результате «генезиса движения» перестали быть членами одного (аморфного) организма и стали членами другого организма (национально объединенного). Как пишет Н. А. Хачатурян,

«принятая в научной литературе расшифровка определения “этнос” выглядит неполной, часто будучи ограниченной упоминанием таких параметров явления, как общность происхождения, языка, территории, традиции, мифологической культуры. Очевидно, что в этом случае во внимание приняты только природно-естественные и культурно-исторические компоненты явления. Однако человек становится фактором исторического процесса как член сообщества – социального организма» (Там же: 21).

Ну вот, с чего начали, к тому и пришли: «этнос» начинает заселять умы и труды российских медиевистов, как в свое время

он завладел сознанием специалиста по средневековым Балканам Ю. В. Бромлея. И нет гарантии, что за ними не последуют античники, да и «новисты» могут исправить свои «антиэволюционистские заблуждения».

Почти изгнание этноса из социологии

Заслуживают анализа отношения нашей дисциплины со столь же близкой антропологии социологией. Как считал С. А. Арутюнов, «социология, в сущности, есть часть социальной антропологии в широком смысле слова. А можно считать и наоборот. Это дело вкуса и личного подхода» (*Форум АФ* 2012: 15). В рамках той же дискуссии о взаимодействии двух дисциплин В. С. Вахштайн **(включен в реестр иноагентов)** напомнил, что

«вся история отношений социологии и социальной антропологии представляет собой непрерывный обмен концептами, объяснительными моделями, аксиоматическими допущениями. Особой “этнологической социологии” не сложилось не потому, что интервенция антропологии в социологию провалилась (как провалились, например, попытки психологического вторжения). Ровным счетом наоборот – потому что она удалась. А точнее, потому что историю этих двух дисциплин трудно представить без постоянных взаимных интервенций» (Там же: 50).

Если это так, тогда все-таки необходимо установить некоторые различия как в предметной ориентации (что преимущественно изучают обе дисциплины), так и в предпочтительном методе исследования. Есть также сугубо советские/российские особенности диалога социологии и этнологии/антропологии. Д. В. Арзютов так оценивает ситуацию:

«Думается, что основным расхождением в социологии и антропологии попрежнему остается объект. В СССР объекты были разделены с позитивистской четкостью. В одном случае это был фетиш этноса и традиции, в другом – советского общества. При обращении к более высокому уровню интерпретации эти расхождения объектов восходят к общим разграничениям “науки о них” и “науки о себе”. Как только необходим был диалог, то создавались мосты в виде этносоциологии и вытекающих из нее этносоциальных процессов и т. п. Сегодня российская антропология находится в замешательстве, не зная, что же может быть ее объектом, и зачастую выбирая постмодернистскую плюралистическую парадигму, но наполняя ее позитивистским содержанием, тем самым создавая как бы внутренний конфликт дисциплины» (Там же: 14).

Замечание о внутридисциплинарном конфликте интересно, но оставим его на потом. Действительно, в последние пару десятилетий социология стала даже более близким предметом для этнологов в связи с переносом их интереса на изучение современности, а социологи, устав от массовых опросов, стали чаще обращаться к «включенному наблюдению», т. е. к этнографическому методу,

назвав это «понимающей социологией». Однако у этой близости есть свои корни. Еще в 1960-е годы в Институте этнографии АН СССР родилось направление, получившее трудно переводимое, но понятное советским этнографам название этносоциология. Это направление было связано с именами Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробижевой, М. Н. Губогло, А. А. Сусоколова и другими учеными института (*Арутюнян, Дробижева, Сусоколов* 1998). Со временем этносоциология как изучение этничности методами социологии (формализованного опроса) стала пониматься более расширительно, как научная дисциплина, которая «ставит своей целью раскрытие этнического многообразия социальных процессов и в то же время – социальной обусловленности и социального разнообразия функционирования этнических черт культуры и быта в их широком понимании» (*Дробижева* 1988: 96–97; ср.: *Дробижева* 2004: 14–25; *Междисциплинарные исследования*… 2004; *Феномен идентичности*… 2011: 273–297, *Комарова* 2011).

Таким образом, этносоциология презентовала себя как новая дисциплина на стыке двух исходных дисциплин. Именно так это трактовалось в поздней советской этнографии, когда появились многочисленные «этнокентавры»: этноботаника, этногеография, этнозоология, этнодемография, этноэкология, этноархеология, этнолингвистика, этноискусствознание, этномузыкология, этнорелигиоведение, этнопсихология, этнопедагогика и др. (*Свод этнографических понятий*… 1988: 84–111). Все они определялись как «науки», «научные дисциплины», «области науки» и т. п. «на стыке» с этнографией.

Пожалуй, самыми значимыми моментами во взаимодействии этнологии и социологии были переход из Института этнологии и антропологии РАН в Институт социологии РАН в качестве его директора Л. М. Дробижевой (вместе с несколькими сотрудниками), а с точки зрения проблемно-тематической – выход академических социологов на изучение динамики постсоветской идентичности. Выполняя масштабные опросы, перекочевавшие в штаб классической социологии, этносоциологи выполнили, на мой взгляд, важную научную задачу, а именно соединили изучение гражданской, региональной, этнической идентичности с концептом российского общества и его пониманием как сложной целостности (*Дробижева* 2013, *Рыжова* 2011).

Для меня эти исследования были большим подспорьем в формулировании проблематики национального и этнокультурного самосознания, сложных и не исключающих друг друга групповых идентичностей, в поиске целей и форм государственной «национальной политики». Часть моего исследования российского национального

самосознания была выполнена под влиянием социологического метода и с использованием его инструментария. Социологи активно включились в изучение проблем этнополитических конфликтов, миграции, разных форм нетерпимости и экстремизма, и это стало еще одним полем взаимодействия и тесного сотрудничества. Здесь, помимо названных выше коллег, заслуживают упоминания имена многолетних соратников из социологического цеха: Э. А. Паина, В. И. Мукомеля, И. А. Кузнецова, Е. М. Арутюновой.

Кроме того, прежде не связанные с этнологией социологи также вышли на этнологическую тематику. А. Г. Здравомыслов с коллегами пишет об этнополитическом конфликте и о «релятивистской концепции нации». Хотя в его подходе сохраняются элементы этнонационализма, он одним из первых заговорил о национальном самосознании россиян (*Релятивистская теория нации…* 1998, *Здравомыслов* 1999). Ж. Т. Тощенко открывает для социологов тему этнократии, хотя его данные были основаны исключительно на сообществах меньшинств, поскольку власть этнического большинства не относится им к этнократии (*Тощенко* 2003). Много исследований этносоциологического характера было выполнено коллегами в российских регионах, особенно в республиках (Татарстан, Мордовия, Чувашия, Коми, Калмыкия, Тыва, Якутия и др.). По этой причине трудно согласиться с негативной оценкой романа двух дисциплин с одним субъектом – «этносом», которую дает С. В. Соколовский:

«Социологи так и не стали частью антропологического коммьюнити, а антропологи так и не освоили премудрости социологических методов и грамотной статистической обработки материалов… Рожденный от этого неравного брака гибрид оказался ребеночком с увечьем: советская теория этноса сыграла с этносоциологией плохую шутку… С утратой марксизмом командных высот “в одной отдельно взятой стране” этот дисциплинарный мезальянс практически распался, а вовлеченные в него социологи занялись востребованными к тому моменту исследованиями “этнических конфликтов”, “межнациональных отношений”, “этнических элит”, этничности и национализма, ксенофобии и толерантности, т. е. по большей части прикладными политологическими проектами, в которых нуждались и которые были готовы оплачивать местные и центральные политические элиты или международные фонды» (*Форум АФ* 2012: 134).

Не думаю, что перечисленные занятия социологов стали уходом в прикладную политологию. Слишком много методологически осознанных и обновленных проектов и публикаций, в том числе и переведенных на иностранные языки, было выполнено названными выше авторами за последние 20 лет, чтобы свести их к прикладной «заказухе». С чем можно согласиться, так это с тем, что «не везде она (этносоциология. – *В. Т.*) стала “современной” и отринула свое советское наследие: попытки “измерять этносы” с помо-

щью социологического инструментария инерционно сохраняются в некоторых периферийных сообществах российских социологов, но это тот случай, который я бы назвал бесперспективным направлением синтеза социологического и антропологического знания» (Там же: 135).

Как получилось у философов и политологов

Философам также не чужд интерес к культурному разнообразию и феномену этничности, но многие из них предпочитают трактовать его или в старой моргановско-марксистской парадигме, или с позиции культурологического онтологизма, настаивающего на цивилизационной культурной идентичности России как надэтнической и наднациональной (*Этнос, нация, ценности…* 2015: 42–93; *Межуев* 2009). Примечателен выход в 2015 г. под грифом философского факультета МГУ коллективной монографии «Этнос, нация, ценности». Как пишет один из редакторов книги А. Ю. Антоновский, понятия этноса, нации, национализма «до сих пор не получали полного теоретически выверенного содержательного определения в рамках социально-гуманитарных дисциплин, использовались методологически произвольно и зачастую получали явную или латентную идеологическую нагрузку» (*Антоновский* 2015: 19). Это явное недоразумение, ибо усилия отечественных специалистов по определению «этноса» были даже чрезмерными, а для остального научного мира такой задачи вообще не существовало.

Что касается нации и национализма, то здесь существует целый арсенал разработок с участием ведущих обществоведов мира. В буквальном смысле «свалившись с Луны», ибо во многих российских философско-социологических энциклопедиях и справочниках содержатся статьи о нации, национализме и этничности, философы-первооткрыватели в данной публикации предложили всего лишь давно известные схоластические построения Ю. И. Семенова, концепты которого в области теории общества и этноса еще 30 лет тому назад критиковал Э. Геллнер (*Gellner* 1988). Ю. И. Семенов с тех пор мало изменился в своих рассуждениях о социально-исторических организмах («социорах»). Справедливо отвергая биологическую природу этничности и признавая первичность этнической принадлежности при образовании коллективных общностей, он предлагает следующую формулу:

«…этнос или этническая общность есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения» (*Семенов* 2015: 61).

Казалось бы, эта формула чувствительнее предыдущих формулировок (нет некогда обязательных для «этноса» общих территории, хозяйства, психического склада и даже общего языка), но далее известный философ, много лет проработавший среди этнографов, снова пишет про «структуру этноса» с субэтносами и про процессы этнического слияния, инкорпорации, расщепления, дивергенции и т. п. Более того, Ю. И. Семенов довел до высшей степени схоластики классификацию «социальных организмов», которую вообще трудно применить к каким-либо известным случаям как историкам, так и антропологам. Он пишет:

«Этнографы называют племенами не только общинные ассоциации. Они нередко используют это слово для обозначения также и любых территориальных скоплений общин с общей или сходными культурами и с общим или близкими языками… Эти же самые совокупности общин, равно как и общинные ассоциации, особенно высших порядков, нередко называются и народами. Слово "народ" используется также для обозначения трибосоциоров, трибосоциорных и протополитархических ассоциаций любых порядков и просто любых совокупностей общиносоциоров, трибосоциоров, великообщин и протополитархий, совершенно независимо от наличия между этими демосоциорами практических связей, но при условии существования между ними хоть какого-нибудь культурного (общая или сходные культуры) или языкового (один или сходные языки) единства. Таким образом, в применении к первобытности народом называют не этническую общность, которой как особого явления в ту эпоху не существовало, а либо многообщинный демосоциальный организм, либо любую совокупность родственных по культуре и языку демосоциальных организмов, причем совершенно независимо от того, представляет она собой ассоциацию или какую-либо другую органическую общность или не представляет» (Там же: 71).

Интересно наблюдать, как подобной методологической трухой (типы, структура, компоненты этноса как коллективного организма) советские этнографы некогда забили головы коллегам-обществоведам и теперь получают от них запоздалую отдачу без особой надежды на ответ. Нельзя не напомнить, что в сибирской школе исследователей коренных малочисленных народов Севера долгое время присутствовала философско-социологическая схоластика вокруг темы аборигенных «этносов», их модернизации (интернационализации) как особой северной цивилизации (*БАМ* 1979; *Попков*, *Бойко* 1997; *Попков* 2000; *Попков и др.* 2003; *Попков*, *Тюгашев* 2006).

Философией этноса (без анализа конкретных примеров) ограничилась серия статей в «Этнографическом обозрении» и докторская диссертация С. Е. Рыбакова (2001). Именно со стороны таких маргинальных авторов исходила критика социального конструктивизма и апологетика теории этноса, которую нынешние философы, как мне представляется, оставили в прошлом.

В последние годы в работах многих философов разрабатываются темы идентичности, подвижности культурных границ, культурной сложности и разнообразия, конфликтов и миграции, а также другие сюжеты, близкие социально-культурным антропологам. Н. Н. Федотова делает интересные для антропологов заключения о неудовлетворенности многих известных авторов «не только эссенциалистски натуралистическим пониманием идентичности, но и критически проективным конструктивистским, взятыми в отдельности». Автор выражает удивление, что отечественная литература не восприняла предложенные философом Ш. Айзенштадтом «коды идентичности»: примордиальный, гражданский и сакральный. «Гражданский код идентичности требует новых исследований и ее проективной роли. Но не менее важно исследовать и сакральный код, который в разных обществах различен. Он проявляется и в религиозном фундаментализме, и в религиозных свободах, но также существует и в светской форме», – пишет Н. Н. Федотова (2012: 192–193). В. С. Малахов исследует темы мультикультурности, национализма и ксенофобии (*Малахов* 2007, 2014). Нами совместно были организованы две международные конференции с публикацией сборников статей, объединивших философов, этнологов, антропологов и вышедших под грифами институтов этнологии и философии (*Тишков*, *Малахов* 2002; *Малахов и др*. 2011).

В постсоветский период российские этнологи вышли на изучение проблем антропологии власти, этнического представительства и лоббирования, самоуправления и самоопределения, а также другие темы, которые являются центральными и для политологии. Были опубликованы работы как по этнической политике, так и по политике этничности в России, активно используемые представителями данной дисциплины в России и за рубежом (*Тишков* 1997, 2005). Вместе с Шабаевым мы взяли для учебного пособия хотя и неуклюжее, но вошедшее в учебные планы название «этнополитология», чтобы изложить содержание этого специфического, пока еще только формирующегося направления исследований (*Тишков*, *Шабаев* 2013).

Становящаяся на ноги в России политология (в СССР у этой дисциплины была более чем трудная судьба в лице отважных пионеров Ф. Бурлацкого и Г. Шахназарова) включилась в изучение межнациональных отношений, хотя антропологические сюжеты о природе власти, национализме и других сходных сюжетах она все-таки не затронула. Интерес политологов обусловлен поиском национальной идеи; их привлекают цивилизационный дискурс, политические процессы и институты и другие периферийные для социально-культурных антропологов темы. До последнего времени

российская политология страдала журнализмом, увлеченностью избирательными технологиями. Из-за этого и по причине недостаточной интегрированности в мировую политическую науку поисками нового знания российские политологи занимались недостаточно, что, возможно, и уберегло эту дисциплину от масштабного заимствования гумилевско-бромлеевской парадигмы. В целом поворот части этнологов и антропологов к изучению политического, а политологов – к этнической тематике был взаимно интересным и остается перспективным.

Совсем плохо с культурологами и психологами

Этого нельзя сказать о взаимодействии антропологии и этнологии с некоторыми другими научными дисциплинами. В России в самом начале 1990-х годов большое число вузовских гуманитариев в поисках новой дисциплинарной идентичности и профессиональной занятости утвердили две новых дисциплины: культурологию и социальную антропологию, которые вторглись на дисциплинарное поле с трудом рождающейся из советской этнографии социально-культурной антропологии. Становление дисциплины в приближенном к мировому контексту варианте произошло позднее.

Упрямое нежелание академического сообщества этнологов расставаться со своей этнографической идентичностью позволило узурпировать социальную антропологию специалистам по социальной работе в союзе с философами (именно они первыми конституировали в России дисциплину с названием «социальная антропология»), а обретшие официальный статус культурологи сделали одним из своих брендов культурную антропологию. Нужно признать, что новые социальные антропологи и культурологи пытались наладить диалог с этнографами и даже организовать совместные обсуждения и публикации. Наш институт имел неплохие связи как с Московским государственным социальным институтом (здесь был создан факультет социальной антропологии) и с РГГУ (здесь работает одна из зачинательниц постсоветской культурологии – профессор Г. И. Зверева), так и с бывшим Институтом культурологии Минкультуры, директор которого, К. Э. Разлогов, желал насытить новую культурологию антропологическим содержанием. По трудно объяснимым причинам подлинной междисциплинарности у этнологов с культурологами не получилось, но научные контакты сложились и сохраняются на весьма интенсивном уровне.

С психологией советская этнография взаимодействовала слабо, хотя в определении предмета дисциплины – «этноса» – компонент «психического склада» присутствовал издавна, особенно когда

речь шла о его высшей форме – нации. Более того, истоки изучения «психологии народов», «менталитета наций», не говоря уже об изучении образов и стереотипов, восходят к самым началам обеих дисциплин. Дань «психоментальным комплексам» отдали не только С. М. Широкогоров, создавший в начале XX в. известный фундаментальный труд о тунгусах, но и искушенные американские антропологи, взявшиеся по заданию Государственного департамента США изучать ментальный комплекс (этнопсихологию) советских людей в послевоенном СССР. Последний проект был связан с такими выдающимися именами, как Маргарет Мид, но закончился безрезультатно (см.: *Белик* 2001).

Однако в советской этнографии этнопсихология как междисциплинарное поле фактически отсутствовала. Положение поменялось в период распада СССР. Сюжеты, связанные с коллективной травмой этнических общностей и социальных слоев, чрезвычайная эмоционально-политическая нагруженность общественной жизни, бурно растущий интерес к феномену коллективного самосознания, межэтнические распри и вражда – все это входило в проблематику социальной психологии и психологии межэтнических взаимодействий. Беда новоявленных этнопсихологов заключалась в том, что у них под рукой были труды Густава Шпета, чье романтическое сочинение 1920-х годов было переиздано без критических комментариев (*Шпет* 1996), Л. Н. Гумилева и С. М. Широкогорова, а не М. Коула или Дж. Берри с их безэтническими по сути концепциями кросс-культурной коммуникации. Такова была внутридисциплинарная ситуация, которая вызвала в России к новой жизни этническую психологию в ее эссенциалистской форме, что было чуждо психологии как науке. Но «психология этносов» – от пассионарности до новоизобретенных межэтнических дистанций, этнонигилизма и даже «евразийской психоментальности» – завоевывала умы обществоведов, включая и академическую психологию. В Институте этнологии и антропологии РАН был даже создан сектор этнопсихологии.

Подходы этнопсихологов эволюционировали и корректировались по мере утверждения более современного подхода к этничности и отхода от примордиализма советской теории этноса (*Лебедева* 2011). Они стали чаще самоопределяться как «кросскультурные психологи», избавляясь от уязвимой приставки «этно» и приближаясь к интересам социально-культурных антропологов. Уход психологов из ИЭА РАН в другие научные учреждения не был выражением конфликта представителей двух дисциплин. Междисциплинарность позволила относиться к сложной материи этнического чувствительнее и тоньше, а психология сообществ включила в свой предмет

национально-государственные, социальные и другие группы. Именно сходные по культурным характеристикам коллективности (а не этносы!) имели в виду как Шпет, так и американские психологи, и антропологи, иначе бы они не изучали ментальность советского народа, который под категорию этноса никак не подходил.

Почти состоявшееся вторжение «этноса» в педагогику

Самый неудачный роман с «этносом» получился у педагогов, которые использовали вполне корректные наименования «этнопедагогика» и «педагогическая антропология» для формулирования ортодоксальных идей о складывании этнического самосознания и «этнотипа» едва ли не с младенческого возраста и якобы идеальных нормах традиционной культуры. Напомним, что этнопедагогика сформировалась во второй половине XX в. как междисциплинарная отрасль знаний на стыке этнологических и психолого-педагогических наук. С подачи М. Мид ее называли также этнографией детства и взросления. И. С. Кон определял этнопедагогику как «междисциплинарную отрасль знания на стыке этнографии, социологии и педагогики, занимающуюся сравнительным изучением традиционной народной педагогики, способов воспитания детей и самого мира детства, включая детские игры, фольклор и т. д.» (*Кон* 1988: 110).

В этнопедагогике рассматривается влияние традиционной культуры, семейно-родственных отношений на становление личности, но сам анализ проводится в категориях педагогики. Здесь для ученых всегда был важен учет таких аспектов, как интерес населения к общению на родном языке и к содержанию образования, сочетание общегражданских норм и правил с сохранением языка, культурных традиций и самосознания. Этнологи обращают внимание на использование в учебном процессе традиционных народных представлений о природе и месте человека в ней. Им важны воспитательные идеалы и приемы, семейные ценности, отношения между старшими и младшими поколениями, воспитательные воздействия хозяйственных практик, календарных событий, обрядов и т. п. В мировой антропологии этнопедагогика ограничивалась сферой семейного воспитания и начального образования, хотя в прошлом и ей был свойственен «пеленочный детерминизм», когда из манеры пеленания детей делались выводы об особенностях национального характера.

Народные воспитательные традиции не должны создавать межгрупповые границы между учащимися и мешать интеграции гражданских сообществ. О национальном воспитательном идеале современная педагогика говорит прежде всего в общегосударственном

контексте (*Данилюк и др*. 2009). Что касается российских специалистов, в том числе и многочисленных «этнопедагогов» в республиках, то здесь этнопедагогика трактуется как механизм построения общего образования на этнокультурной основе. Вот как понимает задачи этнопедагогики ведущий авторитет в этой области, академик РАО Г. Н. Волков:

«Создание подлинно национальной школы – русской, украинской, татарской, якутской, чукотской, любой другой – возможно только на этнопедагогической основе. Народная культура воспитания представляет собой основу всякой культуры. Никакое национальное возрождение, никакое воссоздание прогрессивных народных традиций невозможно без приведения в действие исконных традиций воспитания, народной педагогики» (*Волков* 2000).

Это уязвимое рассуждение, ибо исключает какой-либо разговор о национальной российской школе, сводя ключевой общественный институт только к его этническим вариантам, которых в реальности не существует, кроме как в головах рьяных этнонационалистов.

«Этнос» и гены

Подобно тому, как в конце XIX в. на переднем крае науки оказалась физическая антропология, сто лет спустя в таком же положении оказалась генетика. Обе науки претендовали на особый статус, заявляя об их «исключительном» подходе к пониманию человека, и обе со временем вынуждены были умерить амбиции и пойти на сотрудничество со смежными дисциплинами. Действительно, если развитие биологических свойств человека, как и эволюция, возникновение и развитие популяций, может изучаться силами физических антропологов и генетиков, то этническая проблематика, выходящая за рамки биологии, требует синтеза знаний многих научных дисциплин. Люди выходят за рамки биологии, создавая с помощью культуры среду обитания и пользуясь механизмами вербальной коммуникации, и биологи не могут с этим не считаться. Здесь речь идет, прежде всего, об «этнических процессах», ибо этническая группа вовсе не является биологическим или даже социобиологическим образованием. В то же время физическое воспроизводство, обусловленное половыми взаимоотношениями, позволяет ставить вопрос о сопряженности этнических образований и биологических популяций. Именно в этой сфере возможно сотрудничество между этнологами, археологами и лингвистами, с одной стороны, и генетиками – с другой.

Генетики получают данные о преемственности генетических комплексов или разрывах в этой преемственности, генетическом дрейфе, эффекте первопоселения, адаптации к меняющейся природной обстановке, однако они не могут судить о духовной жизни

людей, их сознании и самосознании, особенностях языков и процессах перехода с языка на язык. Именно поэтому, пытаясь внести вклад в изучение истории человеческих коллективов, генетики должны поддерживать контакты с представителями смежных дисциплин, которые занимаются теми же проблемами, но с опорой на собственные материалы и подходы. Это не сразу было осознано генетиками, что приводило к ошибочным представлениям. Так, предложенные поначалу термины «этногенетика» и «этногеномика» (*Лимборская и др.* 2002; *Хуснутдинова* 2003; *Балановская, Балановский* 2007) вызвали обоснованные сомнения и критику со стороны антропологов и этнологов, поскольку такая терминология создавала нежелательные ассоциации с биологизацией этнического (*Nelkin* 2001, *Carter* 2007).

Кроме того, она была подхвачена расистами, посчитавшими генетику человека верной союзницей. Осознав непродуктивность подобного подхода, генетики отказались от этих терминов и предпочли оперировать термином «геногеография», который, по их мнению, адекватнее описывал их научную деятельность. А вместо «этноса» они стали употреблять менее нагруженный термин *популяция*. Что касается результатов, то сегодня они позволяют уточнить представления об истории отдельных человеческих сообществ, которые до сих пор иногда описываются как «народы» или «этносы». С накоплением таких материалов выясняются интересные особенности процессов, которые когда-то вызывали ожесточенные споры между автохтонистами и миграционистами.

Сегодня уже не остается сомнений в том, что оба подхода имели свои резоны и отражали определенные реалии. Ведь если генетики обнаруживают преемственность развития популяций и их привязанность к определенным территориям, то лингвисты в тех же случаях могут столь же уверенно говорить о смене языка, а этнологи – о культурных и мировоззренческих сдвигах. Свою лепту вносят и археологи, обнаруживая либо преемственность, либо разрывы в развитии материальной культуры. В совокупности все эти науки помогают понять пути развития как человечества в целом, так и отдельных его сегментов. Все это не означает, что данные отдельных наук хорошо согласуются между собой. Напротив, нередко они вступают в противоречия, ставя перед учеными проблемы, связанные как с недостатками методологии, так и со сложностью самих процессов человеческого развития.

Заключение

Наиболее стойкие критики конструктивизма и новых подходов к этничности считают, что проблема в том, что явление этноса до сих пор не познано до конца и по этой причине ученые не могут

дать ему приемлемое определение. Так, например, Б. Е. Винер считает, что «приемлемое определение этноса и этничности в нашей науке появится еще не скоро», но исходить нужно из того, что этнические общности «в своем нынешнем виде образованы благодаря деятельности людей в прошлом» (*Винер* 2005: 128). Круг искателей «правильного» определения в самой этнологии сегодня ограничен, но, как мы видим, в смежных дисциплинах появились новые сторонники теории этноса.

Для разрешения методологического тупика необходимо переосмысление происходящих изменений не только в экономике и политике, но и в культуре. На отсутствие адекватной теории, объясняющей глобальные коллизии современного мира, углубляющиеся глобально региональные разломы, миграционные и этноконфессиональные конфликты, новые роли наций-государств – сетуют и отечественные, и зарубежные ученые:

«Очевидно, что нынешнего понятийного аппарата, который решает проблему с помощью, в частности, использования сложносоставных терминов (таких, например, как этнонационализм, этнофедерализм или мультикультурность/мультикультурализм), оказывается для этого недостаточно. Подобный способ трактовки природы современных конфликтов говорит скорее об ограниченности возможностей современного научного знания в постижении их природы. В контексте анализа дисбалансов и противоречий современного развития в прояснении нуждается, в частности, понимание этнического самосознания и этничности как фактора социальной динамики в современном мире» (*Этносоциокультурный конфликт*… 2014: 24).

В данном случае мы можем принять предлагаемое понятие «этносоциокультурный конфликт как результат взаимодействия существующих в мире множества этнических, межконфессиональных, социальных и культурно-цивилизационных конфликтов» (Там же: 19). Такого рода конфликт, действительно, может иметь долговременный характер, который обычными договоренностями и «деволюцией» преодолеть сложно. Как считают коллеги-«международники»,

«этносоциокультурный конфликт во многом обусловлен фундаментальными демографическими, миграционными и социокультурными сдвигами, которые являются необратимыми и будут оказывать многообразное воздействие на различные стороны жизни как развитых, так и развивающихся стран на протяжении ближайших десятилетий» (Там же*:* 20).

Насколько необратимыми и продолжительными – это вопрос для дискуссии (о стохастической природе современного исторического процесса речь уже шла в начале статьи). Едва ли наш общий интеллектуальный ресурс позволяет предвидеть глубинные сдвиги в культурной эволюции, не говоря уже о переменах в науке и политике, которые произойдут через десятилетие, но кое-какие константы можно выделить. Одну из них выразил пионер германского Просвещения Готхольд Лессинг, заявив, что «различия между

людьми будут с нами до конца мира». Культурные различия – это не временное явление, и разнородность человеческого рода будет длиться так долго, как существует он сам. Лессинг полагал, что мы всегда будем жить в разногласии, предпочитая разные вещи, любя разные способы жизни, и что все развитие культуры и творчество возникает в ситуации разногласия. З. Бауман также полагает, что «все новое, действительно захватывающее, рождается из спора, дискуссии, диалога, разногласий». В основе этой действительно вневременной динамики лежит усложнение производимых человеком культурных форм.

В России одной из фундаментальных и ранних форм в организации человеческих коллективов считалось «этно», но эта позиция была существенно пересмотрена и этнологами и археологами, показавшими, что общинность, клановость, религия, подчинение были более ранними и более мощными основами социальных группировок людей, чем их культурно-языковое сходство. Коли так, то нет гарантии, что «этно» останется с нами навечно и не уступит место другим коалициям, если только это уже не происходит.

Литература

Алексеев 1986 – *Алексеев В. П.* Этногенез. М.: Наука, 1986.

Антоновский 2015 – *Антоновский А. Ю.* Несколько слов о задачах монографии // Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования / Под ред. К. Х. Момджяна, А. Ю. Антоновского. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2015. С. 19–20.

Балановская, Балановский 2007 – *Балановская Е. В., Балановский О. П.* Русский генофонд на Русской равнине. М.: Луч, 2007.

БАМ 1979 – БАМ и народы Севера / Под ред. В. И. Бойко и др. Новосибирск: Наука, 1979.

Бауман 2011 – *Бауман З.* Текучая модерность: взгляд из 2011 года. Публичная лекция, прочитанная 21 апреля 2011 года в клубе «Пироги на Сретенке» // Полит.ру. 06.05.2011. URL: polit. ru/article/2011/05/06/bauman/

Белик 2001 – *Белик А. А.* Современная психологическая антропология. М.: Смысл, 2001.

Булдаков 2011 – *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2011.

Винер 2005 – *Винер Б. Е.* Постмодернистский конструктивизм в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3. С. 114–130.

Волков 2000 – *Волков Г. Н.* Этнопедагогика. М.: Академия, 2000.

Данилюк и др. 2009 – *Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009.

Дробижева 1988 – *Дробижева Л. М.* Этносоциология // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Под ред. М. В. Крюкова, И. Зельнова. М.: Наука, 1988. С. 96–97.

Дробижева 2004 – *Дробижева Л. М.* Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований в контексте социальнокультурной антропологии. М.: Наука, 2004.

Дробижева 2013 – *Дробижева Л. М.* Этничность в социальнополитическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.

Здравомыслов 1999 – *Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты на постсоветском пространстве. М.: Аспект пресс, 1999.

Комарова 2011 – *Комарова Г. А.* Отечественная этнография и этносоциология: опыт междисциплинарной интеграции // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании / Сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова. М.: Наука, 2011. С. 273–297.

Кон 1988 – *Кон И. С.* Этнопедагогика // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Под ред. М. В. Крюкова, И. Зельнова. М.: Наука, 1988. С. 110–111.

Лебедева 2011 – *Лебедева Н. М.* Этническая и кросскультурная психология. М.: МАКС Пресс, 2011.

Лимборская и др. 2002 – *Лимборская С. А., Хуснутдинова Э. К., Балановская Е. В.* Этногеномика и геногеография народов Восточной Европы. М.: Наука, 2002.

Малахов 2007 – *Малахов В. С.* Понаехали тут… Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Малахов 2014 – *Малахов В. С.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Малахов и др. 2011 – Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире: материалы международной научной конференции / Под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова, А. Ф. Яковлевой. М.: Икар, 2011.

Междисциплинарные исследования… 2004 – Междисциплинарные исследования в контексте социальнокультурной антропологии: сборник в честь Юрика Вартановича Арутюняна / Под ред. М. Н. Губогло. М.: Наука, 2004.

Межуев 2009 – *Межуев В. М.* Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: ПрогрессТрадиция, 2009.

Мосин, Яблонский 2013 – Этничность в археологии и археология этничности? Материалы круглого стола / Под ред. В С. Мосина, Л. Т. Яблонского. Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013.

Петрухин 1995 – *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М.: Русич; Гнозис, 1995.

Петрухин, Раевский 2004 – *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Знак, 2004.

Попков 2000 – *Попков Ю. В.* Интернационализм в традиционных и современных обществах. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000.

Попков и др. 2003 – *Попков Ю. В., Костик В. Т., Тугужекова В. Н.* Этносы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск: Изд-во «Нонпарель», 2003.

Попков, Бойко 1997 – *Попков В. Н., Бойко В. И.* Политикоправовой статус коренных народов Севера: на пути в мировую цивилизацию. Новосибирск: ИФИПР, 1997.

Попков, Тюгашев 2006 – *Попков Ю. В., Тюгашев Е. А.* Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард; Новосибирск: Сиб. научное изд-во, 2006.

Релятивистская теория нации… 1998 – Релятивистская теория нации. Новый подход к исследованию этнополитической динамики России / Отв. ред. А. Г. Здравомыслов. М.: РНИС и НП, 1998.

Рыбаков 2001 – *Рыбаков С. Е.* Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001.

Рыжова 2011 – *Рыжова С. В.* Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: АльфаМ, 2011.

Свод этнографических понятий… 1988 – Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисци-

плины. Школы и направления. Методы / Под ред. М. В. Крюкова, И. Зельнова. М.: Наука, 1988. С. 110–111.

Семенов 2015 – *Семенов Ю. И.* Общество, население, этнос // Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования / Под ред. К. Х. Момджяна, А. К. Антоновского. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2015. С. 42–72.

Тишков 1997 – *Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.

Тишков 2003 – *Тишков В. А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Тишков 2005 – *Тишков В. А.* Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. М.: Наука, 2005.

Тишков, Малахов 2002 – Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. А. Тишкова, В. С. Малахова. М.: ИЭА РАН, 2002.

Тишков, Шабаев 2013 – *Тишков В. А., Шабаев Ю. П.* Этнополитология. Политические функции этничности: учебник для вузов. М.: Из-дво МГУ, 2013.

Токарев 1958 – *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во Московского университета, 1958.

Тощенко 2003 – *Тощенко Ж. Т.* Этнократия: история и современность. М.: РОССПЭН, 2003.

Федотова 2012 – *Федотова Н. Н.* Изучение идентичности и контексты ее формирования. М.: Культурная революция, 2012.

Феномен идентичности… 2011 – Феномен идентичности в современном гуманитарном знании / Сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова. М.: Наука, 2011.

Форум АФ 2012 – [Форум] Антропология и социология // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 8–168.

Хуснутдинова 2003 – *Хуснутдинова Э. К.* Этногеномика и генетическая история народов Восточной Европы // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 7. С. 614–621.

Шнирельман 1984 – *Шнирельман В. А.* Этноархеология – 70-е гг. // Советская этнография. 1984. № 2. С. 100–113.

Шнирельман 1990 – *Шнирельман В. А.* Оружие как этнический и/или социальный маркер (этноархеологические заметки) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1990. С. 16–19.

Шнирельман 1993 – *Шнирельман В. А.* Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). Екатеринбург: УрО РАН, 1993.

Шпет 1996 – *Шпет Г. Г.* Введение в этническую психологию. Воронеж: МОДЭК, 1996.

Этнос, нация, ценности… – 2015 – Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования / Под ред. К. Х. Момджяна, А. К. Антоновского. М.: Канон+, 2015.

Этносоциокультурный конфликт… 2014 – Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современного мира / Под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина, И. С. Семененко. М.: Русское слово, 2014.

Этносы и «нации» 2015 – Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и в раннее Новое время / Под ред. Н. А. Хачатурян. СПб.: Алетейя, 2015.

Carter 2007 – *Carter R.* Genes, genomes and genealogists: the return of scientific racism? // Ethnic and racial studies. 2007. Vol. 30. № 4. P. 520–522.

Gellner 1988 – *Gellner E.* State and Society in the Soviet Thought. Oxford: Basil Blackwell, 1988.

Nelkin 2001 – *Nelkin D.* Molecular metaphor: the gene in popular discourse // Genetic Nature Reviews. 2001. Vol. 2. № 7. P. 555–559.

Глава 3

ОТКУДА И КУДА ПРИШЛА РОССИЙСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ*

Точки отсчета

Вернемся к двум сборникам статей, которые оставили заметный след в истории мировой этнологии и социальной/культурной антропологии: одна (*Barth* 1969) оказала мощное влияние на изучение феномена этничности и не только, другая (*Eriksen, Jacoubek* 2019) представляет собой попытку ведущих исследователей Европы и Америки осмыслить полувековую эволюцию одной из центральных тем нашей дисциплины – тему этничности. Как один из авторов книги о наследии бартовской концепции и как ветеран этнологического цеха, пользуюсь возможностью изложить некоторые оценочные положения и привести отдельные заключения о развитии мировой и российской этнографической/этнологической науки в прошлом и о ее возможных перспективах.

Поскольку книга под редакцией Ф. Барта и содержащаяся в ней концепция дошли до русскоязычного читателя с опозданием в 46 лет (*Этнические группы*… 2006), то можно сказать определенно: позднесоветская этнография эпохи Ю. В. Бромлея и западные антрополого-этнологические штудии шли почти не пересекающими курсами, по крайней мере с точки зрения их теоретико-методологического арсенала. Об этом, кстати, написала американский антрополог Кэтрин Вердери, вспоминая историю совместных советско-американских симпозиумов в Таллине и Новом Орлеане в 1980-е годы. Эти форумы были инициированы и координировались с советской стороны Ю. В. Бромлеем, с американской – Сидни Минцем в рамках межакадемических обменов наших стран. Вот как Кэтрин Вердери описывает свои впечатления от этой «встречи» двух школ и идеологий:

«В то время я не все осознавала. Я просто смотрела на советских ученых как на теоретически допотопных [*theoretically antediluvian*] по сравнению с нами – молодыми барто-марксистами, вооруженными актуальными тогда ситуационализмом, самоидентификацией, политической экономией. На самом же деле я была свидетелем одной из великих коллизий в работе обществоведов – проблемы связи теории и социальной идеологии… Тогда на конференции я встретилась с собеседником [*interlocutor*] (имеется

---

* Глава написана на основе статьи и дискуссии: *Тишков В. А.* Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–137.

в виду Ю. В. Бромлей. – *В. Т.*) …предлагающим теоретическое объяснение (его концепт *этноса*) как открытое обоснование идеологии, удерживающей единство Советского Союза» (*Verdery* 2019: 40).

«Где кончается этническая теория и начинается идеология?» – спрашивает себя Вердери. Тогда у нее не было ответа, и только спустя время она поняла, что «на этой конференции произошло столкновение чего-то гораздо большего, чем хорошая и плохая теории» (Там же). Я, как участник вышеупомянутых встреч, в свое время также был шокирован, услышав от западных коллег, что «этносов не существует», что не только этничность, но даже раса представляют собой социальные конструкции. Еще больше меня повергла в смятение язвительная реплика известного антрополога Эрика Вулфа после прочтения мною на Международном конгрессе антропологических и этнологических наук в 1988 г. в Загребе доклада Ю. В. Бромлея о современных этнических процессах: «Спасибо Вам за лекцию по социальному расизму». Большего стыда я не переживал в своей жизни. Реакцией на все эти внешние воздействия (западные книги и подходы, вполне доброжелательные дискуссии с американскими коллегами) стало мое убеждение, что процветавшие в советской этнографии примордиализм и социобиологический эволюционизм скорее говорят о кризисе, а не о победной поступи нашей науки. Сюда же добавилось влияние британского антрополога Эрнеста Геллнера, благожелательный интерес которого к советскому обществознанию (*Gellner* 1980, 1988) не помешал критичной оценке теоретической базы советской этнографии.

При всем моем интересе к тогдашним западным подходам в изучении этнического было понятно, что постулаты социального конструктивизма будут трудно утверждаться на российской почве, если вообще их удастся включить в отечественный теоретико-методологический репертуар. А еще более сложной представлялась задача разведения «национального» и «этнического», особенно пересмотр категории «нация» в пользу ее гражданско-политического смысла или хотя бы утверждение возможности двойной трактовки столь известной категории. Мой опыт изучения «национального вопроса» в Канаде (*Тишков* 1974, 1977, 1978), где соперничали концепты общеканадской, регионально-этнической квебекской и аборигенной наций (именно в те годы родилось движение «первых наций»), также подсказывал необходимость ревизии одного из фундаментальных постулатов советского обществознания.

Ныне, с дистанции более трех десятилетий, можно сказать, что главное препятствие на пути модернизации отечественной этнологии заключалось даже не в «допотопном примордиализме» и эволюционизме теории этноса, а в социально-политической действительности, основанной целиком на концепте этнонациональ-

ного государствостроительства при существующем и верхушечно контролируемом этническом национализме. В обществе, где основополагающая роль отведена этническим различиям, начинают действовать особые практики, факторы, аргументы и эмоции. Здесь проявляются особые закономерности в поведении разных сообществ, их элит и отдельных личностей. Здесь и сам исследователь оказывается перед искушением, выбирая между новыми теориями и доминирующей практикой.

Эту проигнорированную теоретиками социального конструктивизма сторону в интерпретации этнического феномена отметила и К. Вердери, которая изучала связь между этничностью и нациестроительством на примере близкой нам по опыту социалистической Румынии (*Verdery* 1991). Действительно, Ф. Барт и его коллеги сыграли важную роль в обосновании трактовки этнической идентичности как пластичной материи, как инструмента для организации социальных отношений, а не как «прирожденного патриотического чувства». Но как только эти идентичности обретают идеологические формы, особенно в ходе нациестроительства, формирования нации-государства, то весь характер изучения и интерпретации этничности меняется. «Строители столь большого сооружения, как *Нация*, ожидают от исследователей более серьезного восприятия их проекта. Появляются гнев и боль в случае, если мы продолжаем рассматривать это сооружение просто как “исходный материал”» (*Verdery* 2019: 41), – пишет К. Вердери.

Действительно, как только этничность обретает некое подобие этатистских форм, а тем более, когда она трактуется в категории «национальной государственности», как это было в СССР и отчасти сохраняется поныне в России и в ряде других стран, то подвижные и проницаемые этнические групповые границы превращаются в жесткие и труднопреодолимые конструкты. Эта жесткость понуждает носителей уже «этнонационального» к радикальным защитным или агрессивным действиям, вплоть до этнического насилия или самосожжения, как это сделал удмуртский этноактивист А. А. Разин в августе 2019 г.

К. Вердери делает важное заключение, актуальное и для российской действительности:

«Как межэтнические взаимодействия, так и порождаемые ими теоретические построения происходят в ситуации процессов формирования и сохранения наций-государств, процессов, которые невозможно свести к локальным взаимодействиям через культурные границы… Изучение этнических групп и границ означает не только изучение ситуационных стратегий, но и формирование этнонациональных идеологий вместе с чувствами и действиями, которые их сопровождают» (Там же).

Именно в связи с этой поправкой теории социального конструктивизма и появившейся тогда же концепцией Б. Андерсона о нации

как «воображаемом сообществе», мною – с начала директорства в Институте этнографии АН СССР в 1989 г. – были предприняты усилия по критике «теории этноса» и модернизации отечественной этнологии, включая ее наименование, предмет и статус. Позднее родилось и название книги – «Реквием по этносу», под которым имелась в виду, конечно, теория, а не сама этническая реальность (*Тишков* 2003а). Здесь нет смысла освещать позднесоветский период в развитии этнографической науки, о нем написано достаточно (*Соколовский* 2003: 136–159; *Тишков* 2002: 3–18; 2003б: 3–23; *Тишков, Пивнева* 2010: 3–21), упомянем лишь еще одну точку отсчета нашего обзора.

Тридцать лет назад в журнале «Советская этнография» была опубликована моя статья «О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений» (*Тишков* 1989а), в которой высказывался ряд ревизионистских положений: используемый советской этнографией в отношении населения страны и мира категориальный арсенал неадекватен и политизирован; концепция этноса уязвима и не отражает сложность этнической реальности как в историческом аспекте, так и в современном; понимание «национальной государственности» как формы самоопределения этнонации нереализуемо и конфликтогенно, а для полиэтничного государства такая политика нациестроительства представляет серьезный риск. Но самой важной, в плане назревших перемен, для меня тогда была проблема преодоления дисциплинарного кризиса, о чем я писал и в статье «Советская этнография: преодоление кризиса» (*Тишков* 1992: 5–19; *Tishkov* 1992: 371–394), и в реплике с более жестким названием «Это больше, чем кризис, это отсутствие самой дисциплины» (*Tishkov* 1994: 87–92).

Тогдашняя ситуация, вызванная моей позицией в отношении столь базовых категорий нашей науки, как *этнос* и *нация*, была совсем не простой и вызывала многие напряжения, которые только сегодня поддаются более спокойному анализу историков науки. Здесь уместно напомнить, что писал С. В. Соколовский о труднопреодолимой предопределенности позиций любого автора, когда речь идет об оценке состояния дисциплины:

«И либо время сегодня нервное, либо зола давних схваток пока не остыла, но так получается, что непредвзятые попытки описать ситуацию дисциплины вне ангажированного позиционирования самого автора, это положение представляющего, у нас практически не встречаются» (*Соколовский* 2014: 144).

Подозреваю, что мне также не удастся быть беспристрастным в силу глубокой вовлеченности в дела отечественной этнологии/антропологии, но я пытаюсь это сделать.

Новое рождение дисциплины или рождение новой дисциплины?

В конце 1980-х годов мне не хватило кругозора и единомышленников, чтобы вести речь о нашей науке как о социокультур-

ной антропологии, но задача восстановить репрессированную в 1930-х годах отечественную этнологию была сформулирована вполне определенно. Предложенное переименование Института этнографии АН СССР вызвало дискуссии и возражения своего рода традиционалистов (против выступили А. И. Першиц, В. И. Басилов, В. В. Пименов), а В. П. Алексеев предложил ограничиться в новом названии только этнологией. «Антропологию я буду развивать у себя в Институте археологии», – сказал он мне. «Но я бы скорее оставил в названии слово “антропология”, а не “этнология”», – ответил я. В конечном итоге В. П. Алексеев как член Президиума РАН поддержал новое название – «Институт этнологии и антропологии», и в 1990 г. Президиум РАН утвердил его. Это был важный шаг в развитии нашей науки в канун рождения новой страны – Российской Федерации.

Именно с этого момента начался трудный этап утверждения нового названия и становления нового понимания дисциплины. О завершении его свидетельствует в том числе и переименование четыре года назад нашей национальной профессиональной организации в «Ассоциацию антропологов и этнологов России». Напомню, что созданное в 1993 г. сообщество первоначально получило более привычное для тогдашних российских этнографов и физических антропологов название: «Ассоциация этнографов и антропологов России». А сегодня сама ассоциация – это уже радикально новое сообщество профессионалов. Если первый ее конгресс в Рязани в 1993 г. собрал всего 80 участников, то на трех последних конгрессах антропологов и этнологов России их было уже около одной тысячи.

Программы последних конгрессов убедительно свидетельствуют о том, что за четверть века произошло становление нашей науки в ее современных предметно-проблемных границах и во многом утвердилась общедисциплинарная идентичность именно как антропологов, этнологов. Радикально изменились предмет и интересы, а также методология и язык современной науки. Менее половины представленных докладов условно могут быть отнесены к этнологии, остальные – к разным направлениям социальной, культурной и физической (биологической) антропологии.

Произошли существенные изменения в цеховой основе дисциплины – полевых исследованиях на базе этнографического метода. Нет больше коллективных этнографических экспедиций, которые породили свой профессиональный этнос и даже фольклор, не говоря уже о преимущественно летнем характере групповых полевых выездов. Последними, пожалуй, были групповые выезды сотрудников отдела русского народа, изучавших русских Рязанского края (*Русские Рязанского края*… 2009). Этнография как таковая осталась,

но стала более изощренной, и она не всегда сосредоточена на сборе эмпирических данных или артефактов. В последние годы в институтский архив перестали поступать полевые материалы (прежде всего дневники). Своеобразным памятником этому виду этнографических данных явилось опубликованное З. П. Соколовой собрание ее полевых материалов и «докладных записок» (*Соколова* 2016).

Важным моментом в становлении новой дисциплины стало открытие в ряде вузов России в 2011 г. самостоятельного направления подготовки – «Антропология и этнология» (см.: *Артемова* 2019: XXXVI–XLIII). Вслед за РГГУ, где уже 20 лет работает Учебно-научный центр социальной антропологии и был подготовлен первый в России вузовский учебник по данному направлению (*Тишков, Артемова* 2018), более десяти высших учебных заведений страны получили лицензию на открытие нового направления. Это Дальневосточный федеральный (Владивосток), Казанский федеральный, Омский, Орловский, Томский, Санкт-Петербургский государственные университеты и другие. Образовательные программы по антропологии и этнологии реализуются в этих вузах в рамках специально созданных подразделений или на ранее существовавших кафедрах, в названии которых присутствует «этнология» (или «этнография»). Учебная программа кафедры этнологии МГУ, хотя последняя остается в составе исторического факультета, по принятым международным стандартам является антропологической. В полной мере соответствует стандарту антропологического образования факультет антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

На пути утверждения столь нужной для полиэтничной России специальности встали проблемы не только теоретико-методологического плана, но и институциональные вопросы (классические исторические факультеты не хотят отпускать от себя этнографию/этнологию, считая ее вспомогательной дисциплиной), а также препятствия организационно-бюрократического характера (недавняя кампания слияния кафедр, факультетов и даже вузов), делающие создание новых кафедр, а тем более факультетов антропологии и этнологии фактически невозможным. Были упразднены даже существовавшие кафедры этнологии, как, например, в Уральском федеральном университете (Екатеринбург) и в Омском университете. Конечно, трудно считать завершенным процесс становления дисциплины без утверждения ее в качестве самостоятельной отрасли науки с присуждением ученых степеней кандидата и доктора антропологии, а не исторических или биологических наук, как сегодня. Но это, видимо, задача для следующего поколения антропологов и этнологов.

К позитивным институциональным переменам можно отнести появление более десятка новых периодических изданий, а также реновацию старых научных журналов. «Этнографическое обозрение» существенно изменило свой профиль и регулярно обозначает инновационные темы и подходы в области этнологии и социальной/культурной антропологии. Причем неэтническая антропологическая тематика в последние годы доминирует, а этнические сюжеты отличаются неклассическими ракурсами. Напомним некоторые темы номеров журнала после того, как он стал в 2011 г. индексироваться в базе данных Scopus: мультикультурализм в странах Балтии, традиции и традиционность в России, аборигенные культуры на циркумполярном Севере и в Сибири в условиях урбанизации, идентичность и конфликты в ситуациях внутриэтнического взаимодействия, раса и этничность в переписях населения и другие. Журнал фактически ушел от монографического рассмотрения этнических групп, обновил язык и формат научного текста, расширил географию авторов, в том числе за счет зарубежных коллег.

Хороший международный рейтинг обрел издающийся с 2004 г. в Санкт-Петербурге двуязычный «Антропологический форум». И хотя его главный редактор предпочитает слову «этнология» не менее достойное слово «этнография», этнологическая тематика теоретического плана, не говоря уже о таких приоритетных темах, как язык и языковая политика, фольклор и мифология, исследование религии, на его страницах присутствует. Этот журнал отличает нацеленность на дискуссионное обсуждение тем, интерес к междисциплинарности. Более традиционалистским выглядит профиль молодого журнала «Вестник антропологии», хотя в нем и делаются попытки осветить тему «экспериментальной антропологии». В самые последние два-три года стали выходить новые журналы «Этнография» и «Антропологии». Высокий авторитет имеет журнал Томского федерального университета «Сибирские исторические исследования», который по сути является журналом этнолого-антропологического профиля.

У нас нет статистики распределения этнологов/антропологов по сферам научных интересов, но С. В. Соколовский на основе количественного анализа тематики публикаций и взаимных цитирований сделал вывод, что сегодня большинство российских антропологов работают в двух слабо связанных между собой проблемных полях. Первое – это исследования национальной политики (включая изучение конфликтов, толерантности, насилия, межэтнических отношений, национализма и нациестроительства, политики идентичности, этнической категоризации, законодательного регулирования национальной политики и т. п.), второе – исследования более привычных

для этнографии обычаев, обрядов, мифологии, традиционных представлений, современных и классических жанров фольклора и т. п. Если рассматривать дисциплину как единое эпистемическое сообщество, то, по мнению С. В. Соколовского, «можно постулировать [его] глубокий раскол ⟨…⟩ [и] распадение на по сути две самостоятельные дисциплины – прикладную политическую этнологию, с одной стороны, и этнографическую фольклористику – с другой» (*Соколовский* 2014: 163–164). С этим выводом сложно спорить, ибо с точки зрения «полей концентрации» и журнальных цитирований, видимо, так оно и есть, но за этими большими полями разбросано много не столь крупных «полянок», на которых успешно работают наши коллеги.

Однако говорить о полноценной интеграции российской антропологии/этнологии в мировое сообщество, вероятно, преждевременно. После распада СССР в постсоветских государствах этнографы, большинство которых получили образование и ученые степени в Москве и Санкт-Петербурге, создали самостоятельные научные сообщества, установили связи с западными антропологами и поменяли исследовательские приоритеты, хотя во многом сохранили примордиалистскую и этнонационалистическую ориентации. А добавившийся мощный крен в сторону постколониалистского дискурса стал существенным препятствием для поддержания некогда тесных научных и личных связей с российскими коллегами.

За эти же годы на постсоветском пространстве выросло поколение исследователей, прошедших школу в западных университетах. К тому же в новых суверенных государствах, за исключением Республики Беларусь и стран Центральной Азии (в последних сказывается традиция Хорезмской экспедиции, исследовавшей древнейшие культуры и цивилизации региона; см.: *Аржанцева* 2016), более активно стали работать зарубежные антропологи, а российские ученые практически свернули свои проекты.

На сегодня также можно говорить о присутствии социально-культурной антропологии в балтийских и закавказских государствах как формы профессиональной идентичности, где влияние западных подходов наиболее выражено. Появляются молодые социально-культурные антропологи и в Казахстане, но здесь местная отличительность проявляется в увлеченности евразийством и гумилевским вариантом этнологии, в которой Л. Н. Гумилев отвел особое место казахскому *суперэтносу*, воспев историю и культуру степных кочевников. Естественно, физическая антропология сохраняется повсюду, ее к тому же укрепляют современные биопопуляционно-генетические исследования, к которым у всех современных этнонационалистов особый интерес.

Свидетельством некоторой изолированности российских антропологов и этнологов можно считать их слабое присутствие на международных научных мероприятиях и в мировой научной периодике, в том числе и по причине языкового барьера. Россия утратила представительство в руководящих органах Международного союза антропологических и этнологических наук, россияне скудно представлены на международных конгрессах. Так, на последних мировых конгрессах в ЮАР и в Индии было менее 20 ученых из России. Однако следует отметить, что еще в большей степени в последние годы сократилось участие в мировых собраниях антропологов и этнологов американских и западноевропейских ученых и очень заметно возросло участие и организационная роль представителей Азии, Африки и Латинской Америки. Зато российские конгрессы в своих программах все больше расширяют зарубежное участие: на конгрессе 2023 г. в Санкт-Петербурге было не менее двух десятков иностранцев, а на конгресс 2025 г. в Перми только из Китая приезжает целая группа этнологов и даже организует самостоятельную научную секцию с докладами. Надо отметить, что организация международных научных форумов в нашей стране оказывает позитивное влияние на состояние дисциплины, как когда-то в 1970–1980-е годы оказалось полезным наше сотрудничество с американскими и европейскими антропологами.

Ключевую роль в развитии фундаментальной науки и международных связей продолжают играть институты Российской академии наук, которая в 2024 г. отметила свой 300-летний юбилей, а ее ведущий Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая отпраздновал свое 90-летие. ИЭА РАН в последние два-три десятилетия успешно развивал ряд новых и поддерживал на хорошем уровне разработку традиционных для него научных направлений: не менее полусотни книг и несколько сот статей составляли ежегодную продукцию института все эти годы. В институт пришло новое поколение молодых исследователей, выполняются крупные научные программы и грантовые исследования, в том числе мегагранты по поддержке центров мирового уровня. Аналогичные позитивные перемены происходят и в другом ведущем этнолого-антропологическом научном учреждении нашей страны – Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) в Санкт-Петербурге.

Кунсткамера – это также один из крупнейших в мире антропологических музеев, который ныне проходит процесс модернизации. Вместе с Российским этнографическим музеем и региональными музеями этнографо-краеведческого профиля наша наука и профессия прирастает значимым отрядом музейных этнографов и науч-

ными разработками этнографического музееведения, где также задействован набор важных категорий и практик, которые остались за пределами нашего анализа. Напомню только, что это такие категории, как *культурное наследие* (материальное и нематериальное), *традиция* и *ритуал*, *системы жизнеобеспечения*, *места памяти* и т.д. Этнографические музеи (государственные и частные, местные и сельские), этнографический туризм и коммерческий интерес к *этно* как к чему-то отличительному и аутентичному в противовес нивелирующему воздействию глобализации – это те новые точки отсчета, которые уже оказывают и будут оказывать воздействие на нашу дисциплину, включая ее категориально-понятийный аппарат, стиль и язык изложения научных текстов.

Четверть века тому назад во время посещения итальянской Венеции я зашел в сувенирный магазин с названием «Этнос» и спросил даму, владеющую этим симпатичным заведением: «О чем название магазина, что оно означает?» И вот был ее ответ: «Это обо всем, что не обычно, что отличается от всего остального или что уже исчезло из нашей жизни и сохранились только остатки, которые мы предлагаем покупателям». Как мне представляется, это было самое адекватное из известных мне определений главной категории тогдашней нашей науки! В признание за коммерческую утилизацию категории этнос я приобрел в этой сувенирной лавке уникальное изделие из муранского стекла, которое с XIII в. изготавливается венецианскими мастерами-стеклодувами на острове Мурано без права разглашать секреты его производства. С некоторыми категориями науки и практики могут случаться аналогичные истории.

Содержательные трансформации

Что можно сказать о содержательной трансформации нашей дисциплины, которая, на мой взгляд, отставала от институциональных перемен, но все-таки состоялась, хотя и не без рецидивов прошлых подходов и с явными метастазами теории этноса в ряд других гуманитарных (и не только!) наук. Прежде всего, ушла в прошлое «большая теория» – так называемая теория этноса (с ее разными вариантами типа компонентных и информационных), а вместе с ней и сводимость дисциплины исключительно к изучению этнических общностей (вспомним начало всех начал: «Предмет советской этнографии – изучение этносов»). Российские антропологи вырвались за пределы этнической тематики, открыв для себя такие направления и субдисциплины, как городская, юридическая, медицинская, гендерная антропологии, изучение субкультур и других культурно отличительных сообществ, этологические исследования и пр.

Начала рушиться еще одна «святыня» – этногенез, но это пока только начало процесса, исход которого не ясен: учебник В. П. Алексеева «Этногенез» отсутствует в образовательном мейнстриме, но «Этногенез и биосфера Земли» Л. Н. Гумилева по-прежнему стоит на полках книжных магазинов среди бестселлеров и подарочных изданий, а сам концепт активно используется археологами, физическими антропологами и – еще чаще – авторами паранаучных трудов и националистами разного толка. Метод историзма, названный С. А. Токаревым основным для советской этнографии (*Токарев* 1958), сегодня не очень в чести, хотя «этнической историей» вместе с «этногенезом» пестрят все тома серии «Народы и культуры», и сократить или сузить этногенетические претензии авторов, особенно из числа «аборигенных» этнологов, мне как редактору серии не удалось. Таким образом, историческая этнография (С. В. Лурье и Я. В. Чеснов даже дали ей название – «историческая этнология»; см.: *Лурье* 2004; *Чеснов* 1998) сохранилась, хотя уязвимость «истории этносов» (или этнической истории) становилась все более явной. По непонятной иронии ее почитателями стали историки-медиевисты, продолжающие протягивать этническую преемственность от глубокой древности до наших дней, рассуждая о «великом переселении народов», «вымерших этносах», «этнополитической истории» вместо анализа природы социальных коалиций (коллективностей), дрейфа их названий и идентичностей их членов. Они отстаивают этническую основу исторического процесса, полагая, что с древнейших времен каждый человек непременно ощущает себя членом некоей совокупности людей, которые именуются этносами (*Петрухин, Раевский* 2018).

Причудливые метастазы теории этноса в другие гуманитарные дисциплины я рассмотрел в предыдущей главе и здесь нет необходимости обращаться к этому сюжету. Однако не все так мрачно, и можно привести замечания еще одного медиевиста – П. С. Стефановича. Он пишет о методологическом повороте в современной медиевистике:

«Происходит соответствующее обновление понятийного аппарата: вместо политических структур и классового или сословного самосознания говорят скорее об идентичности и стратегиях идентификации, вместо “племен”, этносов и наций – об этничности, вместо идеологии и общественной мысли – о дискурсе и культурной памяти… Историков должен интересовать не этнос… а этничность – т. е. прежде всего дискурсы об этническом, отражающие сознание этнических различий и разграничений» (*Стефанович* 2018: 467).

Это – запоздалые прозрения теперь уже не столько этнологов-антропологов, сколько их коллег по историческому цеху и другим гуманитарным дисциплинам, включая философов (см., напр.:

Этнос, нация, ценности… 2015). И все же – рождение новой этнологии или новое рождение этнологии в России? Скорее всего, и то и другое, но при условии, что не случится «этнореабилитанс», о котором речь пойдет ниже. *Новое рождение* – потому что в России уже была этнология, которую репрессировали в начале 1930-х годов, упразднив в том числе этнологический факультет МГУ и расстреляв его декана П. Ф. Преображенского (см.: *Соловей* 1998; *Репрессированные этнографы* 2002–2003). Сталинские церберы посчитали, что теорией человеческой эволюции занимается исторический материализм, а к «этно» лучше подходит не «логос» (знание), а «графос» (описание). *Рождение новой* – потому что за последние 30 лет не только появилась социально-культурная антропология, но преобразилась и этнология.

Пределом новаций позднесоветской этнографии можно считать так называемую этносоциологию (см.: *Губогло* 2005; *Арутюнян*) и некоторые другие субдисциплины с неизменной приставкой «этно»: «этнодемографию», «этноэкологию», «этнопедагогику», «этноархеологию» и т. п. В одном из последних амбициозных проектов советской этнографии – Своде этнографических понятий и терминов (Вып. 2. «Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы») – таких «этнокентавров» числилось 17, вплоть до «этнозоологии» и «этноискусствознания» (*Этнография и смежные дисциплины* 1988).

В постсоветское время сохранилась и *традиционная этнография*, в частности, в форме монографического описания этнических групп (народов). Здесь впечатляюще выглядит серия «Народы и культуры», в рамках которой вышло 38 томов с историко-этнографическим описанием более 70 больших и малых этнических сообществ на территории Российской Федерации и других стран бывшего СССР (за исключением латышей, литовцев, эстонцев; этому помешали политико-идеологические факторы, а также фактическое исчезновение в этих странах классической этнографии/этнологии). Сохранившиеся на постсоветском пространстве старые школы этнографии и связи между учеными сделали возможным совместную подготовку этих трудов, несмотря на новые серьезные расхождения в подходах по таким сюжетам, как трактовка имперского периода в истории того или иного народа, оценка советского наследия, некоторые территориально-статусные вопросы.

С течением времени эти концептуальные расхождения увеличиваются, и сегодня едва ли было бы возможно выйти на общие тексты в таких томах, как «Грузины» или «Украинцы». Отличительная черта этой серии в том, что тома готовились главным образом учеными из среды соответствующих народов, а ведущие научные

коллективы в лице академических институтов выступали соорганизаторами данных публикаций. Такое было невозможно в прежние времена, ибо в советской «провинции» не было достаточно подготовленных кадров, и московско-ленинградские этнографы безраздельно доминировали в выпуске научной продукции. Так, например, прототип данной серии – 18-томник «Народы мира» – в 1950–1960-е годы был целиком написан авторами из «центрального» института (Кунсткамера тогда была Ленинградским отделением Института этнографии АН СССР).

В последнюю четверть века сотрудничество в рамках проекта «Народы и культуры» было полностью равноправным – без московских предписаний, кроме необходимых профессиональных требований к качеству текстов. Методологически тома выдержаны в русле умеренного примордиализма, а также академического (либерального) этнонационализма, которым во всем мире отличаются как «домашняя» антропология (*home anthropology*, «антропология отечества»), так и «аборигенная» (*native anthropology*, антропология от имени миноритарных групп). Мне как руководителю серии (ее инициатором был покойный Ю. Б. Симченко, предложивший в свое время написать 100-томную серию о народах СССР) было невозможно реализовать более модернистский вариант текстов, представив, скажем, народы как «социальные конструкты», а «нации» как «метафоры» (что было мне позволительно в собственных публикациях). Однако уже то, что в текстах кратко излагаются историко-антропологические данные (к сожалению, в некоторых томах проскочила «этногеномика»), полно даются описания материальной и духовной культуры, а также включены разделы по идентичности и этнополитической ситуации, можно считать существенным достижением.

Эти коллективные труды еще долго будут представлять наиболее полный свод историко-этнографических знаний об этнических общностях на территории бывшего СССР. Надо сказать, что Институт этнологии и антропологии РАН получил в результате этого проекта очень престижный дивиденд от результата труда нескольких сотен отечественных и зарубежных ученых, не работающих в его штате. Можно сказать, что в этом сотрудничестве проявилось косвенное признание особой роли (в прошлом, а может быть, и в настоящем) ведущего академического института.

В то же время нынешнее поколение антропологов/этнологов в новых общественных условиях взяло на себя инициативу и получило по ряду направлений заметные результаты, которые, по моему мнению, превосходят достижения позднесоветской этнографии по многим параметрам. Одно из таких новаторских направлений пост-

советской российской этнологии было связано с «взбунтовавшейся этничностью» и тем, что стали именовать *национальными движениями*, *межнациональными отношениями и конфликтами*.

Темы конфликтной этничности (если только это не были зарубежные сюжеты) в повестке советской этнографии не было, ибо, как гласили партийные документы, «в СССР национальный вопрос в том виде, как он достался от царского режима, был решен». В этой сфере признавались только «неантагонистические противоречия». М. Н. Губогло инициировал серию публикаций по так называемым гражданским движениям в советских союзных республиках и в республиках РФ, и эта серия вылилась в многотомные публикации документов и исследований по этнонациональным движениям (см.: *Губогло* 1994). Параллельно с этим и в сотрудничестве с американскими социологами и политологами (Тимоти Колтоном из Гарварда, Дэвидом Лейтином из Беркли, Джерри Хаффом из Дьюкского университета) были выполнены социологические исследования в российских регионах. Параметры и итоги этих совместных проектов были опубликованы в России и в США (*Губогло* 2000, 2003).

Мои ранние североамериканские исследования и практический опыт участия в общественно-политическом процессе, включая работу в должности министра по делам национальностей, способствовали обращению к этой теме и созданию сетевого сообщества, в которое вошли многие российские обществоведы, не только этнографы, но и социологи, политологи, психологи и которое в 1993 г. было оформлено как «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» (EAWARN – придуманная мною аббревиатура от *early warning*). Появились даже вузовская дисциплина «этноконфликтология» с наспех сделанными пособиями и ассоциация конфликтологов.

Этнополитический конфликт был в реальной повестке постсоветской действительности. Почти все открытые вооруженные столкновения, в том числе сепаратистского и погромного типа, произошли в короткий исторический период и не получили должного экспертного объяснения. Все они имели этническую составляющую и в значительной степени питались советской идеологией «национального (читай – этнического) самоопределения». В российской Чечне при внешней поддержке международных террористических сил возникла не контролируемая центральным правительством территория вооруженного сепаратизма. Для отечественной этнологии это был очень тревожный и требующий ответа вызов. Не случайно в какой-то момент на позициях советника президента страны по межнациональным отношениям и руководителя федерального ведомства по делам национальностей оказались сотрудники ИЭА РАН.

Ученые-этнологи или филологи-лингвисты были в центре конфликтных событий в Нагорном Карабахе, Абхазии, Чечне (Амбарцум Галстян, Галина Старовойтова, Левон Тер- Петросян, Владислав Ардзинба, Звиад Гамсахурдия и др.).

Зарубежная экспертиза этнополитических конфликтов заключала в себе двоякие смыслы и оказывала неоднозначное воздействие. Крупные ученые, например, Дональд Горовиц, Марта Олкотт, Марджори Балзер, Уильям Янг, Сэм Смуха, Эгберт Ян, а также конфликтологические и миротворческие организации типа гарвардской «Группы по урегулированию конфликтов» или лондонской «Международной тревоги» стремились понять постсоветскую реальность и оказать содействие в решении конфликтных ситуаций. В 1993 г. небольшая группа экспертов, в числе которых были Д. Горовиц и я, подготовила практико-ориентированный теоретический трактат о природе и разрешении конфликтов. Документ был разработан в местечке Кона на гавайском Большом острове и получил название «Меморандум Кона». Его первые строки ясно формулируют методологическую позицию авторов:

«Современные научные данные говорят о том, что этническая (национальная) принадлежность является продуктом политической, культурной, религиозной и языковой истории общества, его традиций, обычаев, а иногда и мифов, а не общего происхождения. Этническая принадлежность и борьба за национальное самоопределение сыграли в истории двойственную роль: а) ведущего фактора в падении империализма, тоталитаризма и утверждении прав и свобод личности, б) причины разрушительных конфликтов, унесших жизнь миллионов и причинивших огромный ущерб, а также оправдания ущемления прав и свобод личности “во имя нации” и установления деспотических режимов» (*Kassof, Plaks* 1994).

В этих строках отразился умеренный примордиализм Д. Горовица (см.: *Horowitz* 1985, 2001) и мой как основных авторов текста. С подобных позиций были написаны и две моих книги, изданные в западных издательствах (*Tishkov* 1997, 2004), а также коллективные труды по тематике национализма и конфликта (*Национализм в мировой истории* 2007, *Этничность и религия*… 2012). Никакого воинствующего конструктивизма эти работы не содержали, да и сами ситуации конфликтов были жестокой реальностью и особо не позволяли научные тонкости.

В позитивном ключе могу отметить сотрудничество в рамках Московского центра Карнеги, где несколько лет Марта Олкотт координировала вместе со мною регулярные семинары специалистов по теме этноконфликтов и межэтнических отношений. У меня с М. Олкотт даже вышла совместная работа под характерным с точки зрения теории и языка нашей науки названием (*Olcott, Tishkov* 1999).

В те же 1990-е годы профессор Джорджтаунского университета М. Балзер помогала якутским этнологам с зарубежными стажировками и начала издание журнала «*Anthropology and Archeology of Eurasia: A Journal of Translation*», в котором за два десятилетия были опубликованы десятки статей российских этнологов, что, безусловно, поднимало их квалификацию и престиж. Пишу об этом, чтобы скорректировать несправедливое отрицание нынешними пропагандистами полезности тогдашних связей с западной наукой, включая и грантовую поддержку.

Но было воздействие и другого рода. После 1991 г. не все воины холодной войны ушли в отставку, и не все избавились от идеологии антисоветизма с сердцевинной русофобией. Сам распад СССР по линиям этнотерриториальных образований (союзных республик) воспринимался и обосновывался как процесс неизбежного краха империй и как торжество самоопределения наций. «Nations speak out» («Нации заговорили») (*Lebov, Crowfoot* 1989) – популярная на Западе метафора для определения тогдашнего общественно-политического климата в нашей стране. Часть западных антропологов и политологов с позиций кондового примордиализма приветствовала и оправдывала радикальный этнический национализм и вооруженный сепаратизм в СССР и в новой России, если только он был направлен против центральной власти. Действия вооруженных террористов в Чечне трактовались как восстание «примордиальной нации» и сравнивались с поведением античных героев («Антеи с гранатометами») (см.: *Lieven* 1998).

Это были нелегкие моменты нашего диалога с зарубежными коллегами, и, возможно, с этого началось взаимное отчуждение, которое продолжается до сих пор. К тому же лагерь отрицателей России и всего, что с ней связано, пополнился «новыми европейцами», претендующими на роль интерпретаторов российских реалий, включая и гуманитарные штудии россиян. В европейском интеллектуальном сообществе в этой части солируют поляки и прибалты, за ними последовали и украинцы. Восстановление нормального научного взаимодействия и снижение уровня русофобии – одна из задач российских антропологов.

Российские этнологи за последние два десятилетия провели много исследований по *этнополитике*, в том числе и на регионально-местном уровнях, и написали большое число трудов. Особо можно отметить коллективные издания по итогам этнологического мониторинга EAWARN и аналитических разработок Распределенного научного центра межнациональных отношений и религиозных проблем (см.: *Феномен этнического конфликта*… 2018; *Государственная национальная политика*… 2018; *Мартынова, Степанов* 2019; *Тишков, Черных* 2024). Эта тема стала приоритет-

ной и в российских республиках. По данному направлению иногда получается кооперироваться и с экспертами соседних государств (*Полещук, Степанов* 2013).

В этом же проблемном поле развернулось изучение классической темы нации и национализма, включая так называемое нациестроительство и разные проявления экстремистской идеологии. Здесь главная задача заключалась в том, чтобы пересмотреть старую советскую дефиницию национализма как формы оправдания господства одной нации над другой, т. е. однозначно отрицательного явления, противоположного интернационализму (национализм назывался буржуазным, а интернационализм – социалистическим). Один из этнологических словарей 1990-х годов давал уже более «спокойное» определение, но связывал эту категорию с этничностью: «…национализм – распространенное понятие, обозначающее приверженность людей интересам своей нации (этноса), ее культурным ценностям» (*Арутюнов и др.* 1996: 84).

К этому времени уже были переведены на русский язык книги о национализме Э. Геллнера (*Геллнер* 1991) и Э. Хобсбаума (*Хобсбаум* 1995), но перевод книги Б. Андерсона (*Андерсон* 2001) вышел с опозданием в 30 лет! Реабилитация национализма как одной из мощнейших общественных теорий и практик, признание его значения в истории образования современных государств, а также новых государств после распада СССР и Югославии, расшифровка двух его ипостасей – этнической и гражданской, объяснение страновых и региональных вариантов, противоречивых целей и последствий – все это было непростой интеллектуальной задачей, решение которой взяли на себя не историки или политологи, а именно этнологи. Большое количество моих собственных статей (см.: *Тишков* 1990: 83–95; 1995: 3–17; 1996: 30–38; 1998: 3–26) и коллективный труд по теме нации и национализма (*Тишков, Шнирельман* 2007) сыграли свою роль в этих ревизиях, хотя в общественно-политическом дискурсе национализм остается скорее ругательством, чем позитивной оценкой.

Важный вклад в критику разных форм и сложных перипетий этнического национализма и радикальных идеологий внес В. А. Шнирельман (*Schnirelman* 2001; *Шнирельман* 2003, 2006, 2011, 2012а, 2012б, 2015, 2024), чьи фундаментальные труды вызывали тот самый «гнев и обиду» (вплоть до судебных исков) этнонациональных активистов, о которых писала К. Вердери.

Еще одно важное направление современных этнологических исследований – это изучение феномена *идентичности*, или того, что раньше называлось самосознанием. Этническая идентичность – ее содержание, динамика, соотношение с другими формами идентичности – стала одной из отличительных черт нашей дисциплины.

Здесь также было заметно влияние мирового исследовательского контекста. С 1990-х годов разными авторами в разных странах было много сделано по теме идентификационных границ. Американский антрополог Э. Коэн показал, что культурные границы, в которых дрейфуют идентичности, носят невыраженный и проницаемый характер (*Cohen* 1994). Швед Ульф Ханнерц обратил внимание на феномен креолизации, когда в процессе современной урбанизации и глобальных взаимодействий происходит смешение и замещение культур (*Hannerz* 1992; 1996). Директор Института им. Макса Планка по изучению религиозного и этнического разнообразия Стивен Вертовец выдвинул концепт сверхразнообразия, обратив внимание на ситуации, когда разнообразие вообще несводимо к групповым идентичностям, ибо невозможно определить даже сами группы (*Vertovec* 2007: 1024–1053).

Модными в мировой литературе, особенно при изучении культурных потоков и миграционных воздействий, стали концепты *гибридности, бриколажа*, а также «промежуточная культура» (*culture-in-between*). Все эти идеи тем или иным образом вошли и в арсенал российских ученых. Существенно помогли работы Е. И. Филипповой о французской антропологии и ее переводы французских авторов (*Филиппова* 2007, *Социальная антропология во Франции*… 2009, *Филиппова* 2010). Примечательными были совместные публикации с белорусскими этнологами по проблемам идентичности и культурных границ (*Границы, культура и идентичность*… 2012), а также с испанскими коллегами (главным образом из Страны Басков; см., напр.: *Martynova et al.* 2015) – по регионально-культурным идентичностям.

Старый концепт «переходных групп» или «маргинальности» (это о тех, кто как бы совершал переход из одного этноса в другой) уже не удовлетворял российских исследователей. Появился интерес к сложным идентичностям и к культурно сложным обществам, когда сложность понимается не как обычная многонациональность и не как некая аномалия, а как одна из норм современных человеческих коллективов. В российском обществознании происходит трудный поворот и к рассмотрению нации как культурно сложного феномена. Это касается также трактовки российского народа как полиэтничной гражданской нации (*Культурная сложность*… 2016; *Тишков* 2013). Нынешнее многообразие исследований идентичности в российской этнологии отчасти нашло отражение в 600-страничной публикации материалов научной конференции по этнокультурной идентичности народов Сибири и сопредельных территорий (*Этнокультурная идентичность*… 2019).

На смену историзму как научному подходу и историческому материализму как социальной философии с большим трудом на протяжении трех десятилетий пробивал себе дорогу в российском обществознании социальный конструктивизм. Долгое время он (вместе с постмодернизмом) воспринимался многими коллегами и этническими активистами как некая болезнь, как западная зараза, противная государственным интересам России (см.: *Рыбаков* 2001). Сегодняшние поклонники гумилевской пассионарности этноса нашли крамолу под названием «деонтологизация этноса» и сочиняют доносы под видом аналитических справок на существующую учебную литературу по этнологии (*Аналитическая справка…* 2024).

Однако мало-помалу концепт идентичности и ее сложной подвижной природы вытесняет в российской этнологии категорию этноса и обозначение его носителей («этнофоров»). С 2000-х годов хотя бы на уровне ритуальных ссылок в научных текстах появились понятия «воображаемые сообщества» и «этничность без групп». Однако сама по себе *групповость,* как его обозначил Р. Брубейкер (*Брубейкер* 2012), не была преодолена и до сих пор присутствует, особенно в «региональной» науке и у соседей по бывшему СССР. Кстати, критика теории этноса и движение за пределы узко обозначенного предмета этнографии/этнологии столкнулись с упорным сопротивлением далеко не только среди российских провинциалов. Очень долго на старой позиции, зафиксированной даже в «соросовском» варианте вузовского учебника «Этнология», стояли ведущие профессора МГУ (В. В. Пименов, Ю. П. Поляков и др.), противостоять которым оказался бессилен даже заведовавший в 2006–2013 гг. кафедрой этнологии, просвещенный А. А. Никишенков.

В Санкт-Петербурге сотрудники Кунсткамеры продолжали воспевать гумилевские *пассионарность* и *суперэтничность,* и прочую евразийскую цивилизационную труху, а философ-культуролог И. Л. Набок, пестовавший студентов из числа малочисленных народов Севера, доброе десятилетие собирал в СПбГУ шумные конференции под вызывающим названием «Реальность этноса». В Новосибирске «этнофилософы» Ю. В. Попков и Е. А. Тюгашев публиковали периодическое издание по этнографии народов Сибири, чей пафос был направлен на защиту теории этноса и осуждение конструктивизма. Особое отторжение у этнофилософов и, конечно, этнонационалистов вызывает концепт гражданской нации, ибо последняя представляется ими не как консолидирующая согражданство форма идентичности, а как некое коллективное тело с набором объективных признаков и культурной гомогенностью. В новейшем новосибирском издании об этнокультурной идентичности мы читаем следующее:

«…идея российской нации как законодательной основы государственной национальной политики не может выступать консолидирующим началом для российского общества, концептуальной основой формирования гражданского единства… Следует признать ограниченность конструктивистской позиции в понимании нации, которую отстаивает В. А. Тишков» (*Попков* 2019: 14).

Автор вместе с другими сторонниками трактовки нации исключительно в этническом смысле при этом незатейливо ссылается на Р. Брубейкера и даже на С. Хантингтона – на его работу под вполне ясным названием «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности». То есть у гетерогенного и раздираемого этнорасовыми проблемами американского народа есть национальная идентичность, а у российского народа ее быть не может – у нас только «многонациональность» и «дружба народов». Вот эта интеллектуальная коллизия спора о том, «что есть нация», представляется мне главным теоретико-методологическим вызовом для российского обществознания.

Иногда высказывается мнение, будто бы под моим воздействием конструктивизм агрессивно утверждался в нашей науке в течение последней четверти века. Это совсем не так, ибо в ИЭА РАН в условиях академической свободы конструктивистское видение этничности совсем не было доминирующим. В отличие от 1980-х годов, когда почти каждая статья в журнале «Советская этнография» начиналась со ссылки на книги Ю. В. Бромлея, главной особенностью последних трех десятилетий было поощрение и утверждение методологического плюрализма. Эта установка оправдала себя, обернувшись целой библиотекой фундаментальных трудов, и она должна быть сохранена в будущем. Однако есть и «красные линии» в наших научных дебатах, о которых следует упомянуть.

Рецидивы эссенциалистской трактовки этногрупп с некритическими реверансами в адрес «родоначальников этноса» и сторонников фундаментальных групповых различий можно найти и поныне. Даже в среде, казалось бы, вполне просвещенных коллег присутствует если не ностальгия по прошлой «большой теории», то по крайней мере желание вывести ее из-под критики. Так, Д. В. Арзютов и С. С. Алымов вместе в Д. Андерсоном и другими соавторами внешне бесстрастно изложили суть идеи и теории этноса (*etnos thinking* и *etnos theory*), обнаружив «подлинные корни» этой идеи и теории еще во второй половине XIX – начале XX в. в работах таких поборников малороссийской (украинской) этноотличительности, как Н. М. Могилянский и Ф. К. Волков (первый написал всего пару слабых статей, второй и вовсе занимался только этнической картографией). Свою задачу авторы видят в том, чтобы «попытаться показать на основе архивных источников и этнографических

примеров, как соединяются в рамках теории этноса физиологические и символические аргументы» в надежде «установить “основание” теории этноса, излагая долгую и подробную историю социальных условий, которые обусловили рождение и рост этой идеи» (*Anderson et al.* 2019: 3–4).

Мне представляется, что связывать появление концепта «этнос» с социально-политической историей Российской империи, а также подключать к аргументации историю китайско-маньчжурских отношений, к которым, якобы, имел отношение С. М. Широкогоров, не очень верно. Да и фундаментальность самой теории авторами преувеличивается. На самом деле этнический вариант национализма и «народоведческие» разработки имели более глубокие корни, особенно в Восточной Европе, а Н. М. Могилянский с Ф. К. Волковым здесь случайные фигуры. Этнонационализм в Китае заявил о себе еще в эпоху Синьхайской революции, на знамени которой были изображены шесть звезд – символы основных этнических культур (общностей), но к теории этноса и к разработкам ее сторонников из круга С. М. Широкогорова это не имело отношения. В «Вестнике антропологии» уже был опубликован критический отклик о напрасном приписывании С. М. Широкогорову активной политической роли в революционных событиях на Дальнем Востоке в начале XX в., а тем более – в период эмиграции в Китае (*Кузнецов* 2017: 107–118).

В принципе, попытки реабилитировать этнос можно было бы считать невинным занятием, если бы не некоторые «но»: нет ли в этом риска встраивания этнологической мысли в общий консервативный поворот с его одержимостью поисками нормы в прошлом и с отказом от инновационных ответов на сегодняшние вызовы? Нет ли в этом риска сохранения первичности культурных норм (например, «духовно-нравственного наследия народов России») в ущерб принципам культурной свободы и культурной сложности? Последнее (феномен культурной сложности) вообще за пределами «этномышления», ибо это мышление замешано на типах и нормах в их чистом виде: ведь в теории этноса нет места русскому еврею или татаро-башкиру, а если и есть, то в качестве «переходного» состояния и как антинорма.

Коллизии в мировой антропологии и Россия

Чем заняться антропологам и этнологам во второй четверти XXI в. и от кого можно ожидать запроса на результат этих занятий? На эти вопросы следует отвечать с двух позиций: а) эволюции и перспектив мирового антропологического знания, частью которого является российская наука; б) ситуации в российском обществе

и ее динамики, включая верхушечные и низовые воздействия, которые испытывают ученые в собственной стране.

Каким содержанием было наполнено последнее 30-летие зарубежной антропологии? Ее траектории развития были существенно отличными от российских, несмотря на, казалось бы, открытие границ и свободные контакты с конца 1980-х годов. Вот как описывает этот период Джон Комарофф в статье «Снова конец антропологии: о будущем дисциплины»:

«1960-е и 1970-е годы ознаменовали собой конец гегемонии британского структурного функционализма и американской парадигмы "культура и личность" – этих двух ортодоксий антропологии XX в. Оба подхода разложились в результате кумулятивного бунта колониальной и постколониальной литературной теории, ранней феминистской антропологии, антропологической герменевтики, разных видов марксизма, деконструкции Дерриды и постструктурализма Фуко» (*Comaroff* 2011: 82).

Из всех воздействий колониальная критика была наиболее разрушительной для старых теорий, ибо она исходила из того, что вся конструкция антропологического знания с его приверженностью закрытым системам, гомеостатическим моделям, с его трактовкой социального по аналогии с биологическим, с его упором на репродуктивные процессы, а не на диалектику с ее врожденным идеализмом была изначально порочной. Что касается США, то здесь:

«…ситуация усугублялась антиисторической и аполитичной концепцией культуры, которая коррелировала с расиализацией различий, не говоря уже о конструировании радикальных "других" – этого темного пятна нашей дисциплины… Все это взывало к новому типу антропологических практик, к другому типу метанарратива на смену либеральному идеализму, в котором увязла антропология» (Там же: 83).

Комарофф считает, что тогда в мировой антропологии сформировался запрос на критическую теорию, на контекстуальность: меньше герменевтики и больше материалистического, меньше описания и больше объяснения. Однако дебаты о кризисе дисциплины дали толчок самым разным рефлексиям, в том числе и таким, которые были связаны именно с подъемом неолиберализма на рубеже двух веков. Это началось со знаменитой книги «Писание культуры. Поэтика и политика этнографии» (*Clifford, Marcus* 1986), которая породила установки против метанарративов, против авторского авторитета и в конечном итоге против объяснения.

Критика «этнографического реализма» Джорджем Маркусом, Джеймсом Клиффордом и другими авторами, участвовавшими в написании данной книги, вызвала к жизни запрос на «экспериментальные формы репрезентации» без большой теории. Постмодернизм и деконструктивизм заменили прошлые схемы. Это научное увлечение (которое стало называться «writing culture movement»)

длилось около двух десятилетий и оказало противоречивое воздействие на мировую антропологию. Критика профессии изнутри и отторжение принципа реализма парализовали производство первичного антропологического знания.

К.-Х. Коль во введении в книге «Конец антропологии?» написал: «Этнографы стали настолько стесняться своих собственных скрытых предрассудков, что для них, как кажется, уже нет задачи сложнее, чем написать простое предложение этнографического текста» (*Kohl* 2011: 5). Д. Комарофф указал на характерные черты антропологии, которая стала исходить из гирцевского подхода к интерпретации «культуры как текста» (см.: *Гирц* 2004; *Geertz* 1973). Прежде всего, это утрата дисциплиной своего бренда: этнографического метода с его корневой основой – концепцией культуры, а также заключенного в нем пространственного поля и сравнительного анализа разных сообществ.

Утрата бренда была связана и с разрушением теоретического базиса. Представители многих дисциплин (социологи, политологи, социальные психологи, экономисты и др.) проявили интерес к использованию методов культурной антропологии, стали заявлять, что они тоже «делают этнографию», выполняют полевые исследования. Началось размывание концепта культуры, который стал обретать всепоглощающий характер. Наметилось стремление переориентировать культурную антропологию с решения как бы устаревших колониальных задач на новые, связанные с бизнесом и управлением вообще. Отдельными исследовательскими доменами стали корпоративные культуры, субкультуры, культуры спорта, медиа, коммуникаций и т.д. Гуманитарии обозначили также поле *национальной культуры* как культуры государственно-политических сообществ в противовес привычной для антропологов культуре партикулярных (этно)сообществ. В самые последние годы появился концепт культурной сложности и сверхразнообразия.

В какой степени все это коснулось российской антропологии/этнологии? Думаю, что в самой малой, ибо перевод книги К. Гирца «Интерпретация культур» появился в России лишь спустя 30 лет, а книга «Writing Culture» вообще не была переведена на русский язык. Только некоторые авторы обсуждали и использовали эти концепции в своих публикациях. Что касается культурного многообразия России, то здесь сохранялся традиционный взгляд, а наиболее дебатируемыми проблемами были адекватная фиксация этнической принадлежности в ходе переписей населения и более нюансированное представление этнокультурной мозаики населения страны (*Российская нация*… 2011; *Этническое и религиозное многообразие*… 2018б).

В мировой антропологии на рубеже веков обозначился еще один вызов. Это попытка узурпации права на интерпретацию культуры аборигенными сообществами – якобы носителями неких архетипов, исключительными «собственниками» индигенных культурных брендов, обладателями свидетельств-патентов на статус «живого культурного наследия». Дело в том, что, почувствовав финансово-политическую перспективность темы, немалое количество ученых в мире (Россия – не исключение) стали азартно трудиться над «правовой» и «моральной» концепцией индигенности. «Индигенность» стала не менее влиятельным концептом, чем «меньшинства» или «этнос», если вести речь о пространстве бывшего СССР.

Индигенности придается универсальный статус на уровне ООН и других международных организаций. Претензии на уникальность и самость и на этой основе требования от государства соответствующих компенсаций, выдвигаемые самими «аборигенами», это мелочи по сравнению с лавиной исследований, публикаций, правительственных и межправительственных решений, конструирующих индигенность, а иногда даже индигенный расизм. Несмотря на славную традицию изучения аборигенных народов Севера, для российской этнологии/антропологии концепт индигенности/аборигенности, понимаемый зачастую как предоставление больших прав «коренным» в сравнении с «некоренными», – это новая тема родившейся «юридической антропологии» (см.: *Люди Севера…* 2008, *Новикова* 2014; *Новикова, Функ* 2012; *Российская Арктика…* 2016) и новый серьезный общественно-политический вызов.

Что на горизонте?

Нынешний разговор о кризисе мало связан с самим предметом изучения – культурно отличительными явлениями и сообществами с их вполне успешными вариантами соединения традиции и модернизации, которые в классической антропологии зачастую воспринимались как антиподы. Кризис коренится внутри дисциплины. Вот что пишет К.-Х. Коль во введении к книге о будущем антропологии:

«Вслед за так называемыми дебатами *writing culture* привычные подходы и формы репрезентации антропологов подверглись резкой критике, которая потрясла сами основы нашей области знания. То, что мы обозначали и изучали как “другое”, сегодня стало рассматриваться как утрата дисциплиной своего достоинства, как великое грехопадение дисциплины… Своей критикой авторитарных стилей предшественников сегодняшние антропологи также подорвали и свой собственный авторитет» (*Kohl* 2011: 4).

Добавим также, что постколониалистский дискурс еще больше способствовал подрыву классической антропологии.

Еще одно заключительное рассуждение. Б. Малиновский однажды заметил, что, когда он пришел в антропологию, основное вни-

мание уделялось различиям между людьми, а изучением базовой схожести ученые пренебрегали. Мною также неоднократно высказывались сомнения в отношении одержимости этнологов установлением культурных различий в ущерб поиску и анализу схожести. В нашей науке важны сравнения, но они должны фокусироваться на сходствах, а не на противопоставлениях.

Обозревая обычные людские сообщества в театральных залах или на спортивных аренах, профессиональные коллективы или уличные собрания, я убеждаюсь, что все они – части одного российского народа, и они имеют на порядок больше общего, чем различий. Этнос российских антропологов (именно тут место этому греческому слову, обозначающему любые живые и мертвые сообщества!) не составляет здесь исключения. Вот только его представители предпочитают видеть и классифицировать соотечественников во множественном числе – как «народы России», говорить больше о «дружбе народов», а не о «дружном народе». В переносе внимания с множественного числа на единственное (без отрицания сложности) А. Купер справедливо видит перспективу для будущей антропологии:

«Этнографам следует вовлечь этноцентрично настроенных гуманитариев в обсуждение не столь знакомых для них социальных процессов и взглядов на мир, которые могут стать доступными для изучения. По мере того, как мы лучше узнаем других именно как людей со схожими способностями, создающими вполне сравнимые общества с общими для них проблемами, мы можем через это также больше узнать и о самих себе» (*Kuper* 2011: 75).

Эта установка на сравнительные объяснения на основе все того же «включенного наблюдения» представляется не менее перспективной, чем так называемая полилокальная этнография (*multi-sited ethnography*), которая, по мнению некоторых коллег, лучше подходит для анализа нынешней мир-системной реальности, глобального рынка, государства и медиа. Напомню, что полилокальная этнография, как она понималась Д. Маркусом еще в 1990-е годы, – это междисциплинарный подход, включающий медиаштудии, изучение технологий, использование естественных наук, культурологические подходы и т. п. Но при всей симпатии к свободному выбору этнографических мест (*sites*) следует избегать угрозы размывания дисциплинарного профиля и снижения профессионализма. По моему убеждению, междисциплинарность возможна только при наличии добротной дисциплинарности, иначе на выходе мы получим внедисциплинарность, которая уже лезет из щелей дома гуманитарного знания в России.

Если брать современную российскую этнологию/антропологию в целом, то мой общий диагноз будет более позитивным, чем вы-

воды С. В. Соколовского об «иллюзии благополучия» (*Соколовский* 2009: 45–64; 2011: 70–89), хотя многое в его критических замечаниях вполне обоснованно. Невозможно согласиться с его выводом о распаде научного сообщества на две самостоятельные дисциплины: прикладную политическую этнологию и этнографическую фольклористику, с собственными исследовательскими сетями, журналами и центрами. Оба эти проекта, с его точки зрения, несовременны и ведут в теоретический тупик, уводя антропологию из мира актуальных человеческих практик в интеллектуально спонсируемые ими миры практик «архаического модерна», «войти с которыми в постсовременную экономику знаний оказывается задачей неразрешимой».

«[Первый] по своей сути и истории своего развития – это имперский проект, восходящий идеологически к проекту создания советского народа или, в современной терминологии, российской нации. Обозначение этого проекта как имперского не подразумевает в данном случае критики, но лишь подчеркивает его универсалистское и антикоммунитаристское содержание. Второй проект, помещая в фокус своих интересов культуру (а точнее – культуры с их особенными ритуалами, обычаями, символами, фольклором), в политическом отношении остается важнейшим ресурсом для местных национализмов и исторически уходит корнями в романтический национализм XIX в. (в российском случае – в идеологию народничества)» (*Соколовский* 2014: 179).

Автор считает, что близость к идеологиям империо- или нациестроительства наносит и эпистемологический урон нашей по преимуществу дескриптивной дисциплине, поскольку размывает самый ее фундамент, высокой ценностью в котором наделяются именно факты. «Неизбежное при такой близости идеологическое давление вовлекает дисциплинарную фактографию в калейдоскоп политически ангажированных интерпретаций, где факты превращаются в “факты” или в “так называемые факты”, а сам статус факта подвергается девальвации» (Там же: 180).

Скажем прямо, это больше, чем вывод, это – приговор, который, однако, мне хотелось бы обжаловать. Во-первых, исследования конфликтов и толерантности, межэтнических отношений и способов их регулирования, нациестроительства и локальных национализмов, роли власти в устроении культурно сложных обществ всегда были в центре внимания социально-культурной антропологии и этнологии. Много лет действуют профильные комиссии при Международном союзе антропологических и этнологических наук, во всех крупных научных центрах и университетах есть исследовательские и образовательные программы по всем этим темам. В России эта научная тематика была освоена и развивается также и под воздействием общественного запроса, о чем нет необходи-

мости напоминать. Если бы это было тупиковое научное занятие, то тогда бы едва ли две мои монографии о национализме и конфликтах были переведены и изданы в престижных западных издательствах, а три – в Китае. Переведены и пользуются спросом в западных странах и в Японии отличающиеся достоверной фактологичностью книги В. А. Шнирельмана по проблемам толерантности и локальных конфликтов.

Во-вторых, нациестроительство в форме полиэтничной гражданской нации не является имперским проектом, а, наоборот, противостоит ему. Но даже и имперский проект никогда бы не смог состояться без участия и содействия этнологов/антропологов. Научные карьеры таких корифеев мировой антропологии, как Бронислав Малиновский, Франц Боас, Маргарет Мид, Рут Бенедикт и др., включая россиян Н. Н. Миклухо-Маклая, А. Е. Снесарева, Ч. Ч. Валиханова, были самым прямым образом связаны с империостроительством в их собственных отечествах. Никакого особого эпистемологического урона научным занятиям антропологов прошлых поколений это не нанесло. Не было нанесено такого урона и советской этнографии, составлявшей эмпирически выверенные этнографические карты и разрабатывавшей основы категоризации населения для всеобщих переписей или культурно-образовательной политики. Не думаю, что современная этнология (в том числе прикладная, которая также родились в России в последние два десятилетия) носит ущербный характер из-за сотрудничества с властью или с институтами гражданского общества.

Мне трудно понять, что такое «постсовременная экономика знаний», в которой, по словам С. В. Соколовского, может не оказаться места сегодняшней российской этнологии с ее «устаревшим теоретическим багажом»; но с тем, что этот багаж требует постоянного обновления, следует согласиться.

Ответ оппонентам как заключение

В основу этой главы была положена моя статья, опубликованная в журнале «Этнографическое обозрение», которая сопровождалась пространной дискуссией (2020. № 2. С. 72–137). В моих ответах оппонентам содержались некоторые примеры и аргументы, которые считаю целесообразным изложить как заключение данной главы.

А. В. Головнёв отмечает размытость и подвижность не только самой «антропологической реальности», но и сопровождающих ее научных теорий, с чем невозможно не согласиться. Однако я бы хотел предупредить насчет возможной неразборчивости или всеядности в подходе к теоретическим концептам, которые прослеживаются в нынешних публикациях антропологов и этнологов. Чаще всего

они – от незнания теоретико-методологических основ нашей дисциплины, и причина им – либо пропущенные уроки в период получения образования, либо крайне однобокое преподавание. Но есть здесь и намеренное пренебрежение теорией, абсолютизация описания в духе «как было» или «как видел». В итоге исчезает понимание того, *что* есть научный текст, а тем более – в какой или в каких научных парадигмах он написан. Очевидно, что пренебрежение (или незнание) теоретических основ дисциплины грозит вырождением научной дисциплинарности, снижением профессионализма.

Еще один момент в высказываниях А. В. Головнёва привлекает мое внимание. А именно то, что к современным концепциям следует относиться ситуативно, ибо «реальностью», как он пишет, «стала диффузия теорий и методов, в чем проявляются не пресловутые двойные или тройные стандарты, а возможности применения различных методов в соответствующих исследовательских ситуациях». Известный ученый предлагает «рассматривать любой метод не как символ веры или смирительную рубашку, а как рабочий инструмент, используемый по назначению» (см.: *Головнёв* 2016, 2018).

О своей приверженности методологическому плюрализму я заявил более 20 лет назад и вполне комфортно работал между «примордиализмом» и «конструктивизмом», хотя когда-то давно во вводной статье в энциклопедии «Народы и религии мира» опрометчиво записал себя вместе с К. Гирцем в число конструктивистов. Сделал это, чтобы не унижать тогдашнюю отечественную этнологию отсутствием сторонников данного направления. К тому же считаю, что подлинному научному творчеству может быть тесно в рамках однозначных концепций, но это тем не менее не означает, что можно вовсе отказаться от концептуальности. В последней и заключается сама суть научного анализа, а заодно – различие между этнологией и этнографией.

Со стороны некоторых западных коллег в мой адрес иногда высказываются замечания о необходимости с моей стороны безоговорочного принятия позиций так называемой нативистской антропологии вплоть до корректировки, например, обозначения «якутские» (под которым я имел в виду местных ученых) на «саха-этнологи» (*Балзер* 2020). Я считаю, что «политкорректность» в вопросах научной терминологии не всегда уместна. Для меня в равной мере употребимы и легитимны как названия, данные внешними акторами (путешественниками, колониальными/имперскими администраторами или соседними племенами), так и те, что относят к категории «самоназваний», т. е. якуты – саха, эскимосы – инуиты, атапаски – дене, ирокезы –хауденосауни, лопари – саамы и т. д.

В то же самое время моя чувствительность к категориальному языку проявилась, например, в названии томов серии «Народы и культуры», когда в 2016 г. был опубликован совместный с киргизскими учеными фундаментальный историко-этнографический труд под названием «Кыргызы». Именно в таком варианте самообозначение данного народа использовалось авторами большинства текстов, которые были написаны нашими зарубежными коллегами. Именно для того, чтобы этот совместный труд на русском языке был без ненужной напряженности принят в Кыргызстане, мною и было принято решение публиковать название тома в этом варианте, хотя в русском языке более принято написание народа как «киргизы», что и было отмечено в моем предисловии к тому. Упорствовать из-за одной буквы и демонстрировать языковой ригоризм в данном случае для этнолога совсем не пристало.

Однако оказалось, что не все так думают в нынешней России! Недавняя допечатка этой книги издательством «Наука» вызвала осудительную реакцию со стороны «института Царьграда» в лице его руководителя К. В. Малофеева за отступление от «нормы русского языка» в названии книги и за использование нескольких оценочных слов, расходящихся с ныне принятыми в России историческими версиями. Малофеев сочинил публичный донос на Институт этнологии и антропологии, с которым, по его мнению, «давно пора разобраться компетентным органам». При огромной аудитории в социальных сетях (1,3 млн подписчиков только в телеграм-канале!) и заметном влиянии в среде российской общественности выступление этого деятеля дошло до самых высоких инстанций и потребовало от администрации института и от издательства извинительных объяснений. Хотя в исправленном варианте новой допечатки данного тома его прежнее название было нами сохранено.

Таким образом, я приветствую симпатизирующую поддержку региональных (или «аборигенных») ученых и студентов, но от своей критики ограниченности нативистской антропологии и ее политизированности я не отказываюсь. Справедливость этой критики лишний раз подтверждается сюжетом с процедурой переписи населения в России. Принцип двухступенчатой категоризации этничности «группа–подгруппа» был предложен именно мною еще в переписи 2002 г., что позволило отразить в переписи малые (или сложные) идентичности без уменьшения численности «больших» групп. Так, в постсоветских переписях появились кряшены как отдельная форма групповой идентичности среди татар (до этого их записывали татарами), среди русских появились казаки и поморы, а среди аварцев и даргинцев – 14 малочисленных народов Дагестана.

Однако к неудовольствию титульных групп в российских автономиях (республиках), озабоченных исключительно собственным ростом, вопрос такой категоризации остается не до конца принятым и горячо обсуждаемым. Доминирующие в республиках этнические общности не хотят «отпускать» от себя каких-либо претендентов на собственный групповой статус, и эту позицию поддерживают эксперты из числа местных ученых. Но есть и другие мнения. Например, проживающие в Удмуртии кряшены категорически не желают числиться подгруппой среди татар, а стремятся к получению самостоятельного статуса «народ России».

Так что, если быть последовательно *pro-minority*, тогда все равно придется «отщипывать» от численности нынешних татар тех немногих, кто не желает быть татарами, а от численности аварцев тех, кто желает оформить свой отличительный статус. Кстати, выделения в качестве «самостоятельного этноса» требуют и некоторые активисты среди российских казаков и поморов.

Я считаю, что националистические установки так называемых титульных групп в российских республиках, нацеленные на то, чтобы не признавать малые или сложные идентичности, заслуживают критического отношения этнологов. Эти установки снова проявились при подготовке переписи населения 2020 г. Наши западные коллеги и некоторые упертые этнонационалисты в российских регионах не желают разбираться в этом вопросе и участвовать в сложных дебатах, предпочитая прочитывать ситуацию исключительно под углом неоимперского клише и мнимой угрозы со стороны русского шовинизма. Татарский, аварский или якутский национализмы (в том числе проявляющиеся и в форме шовинизма в отношении более малочисленных групп) их не смущают. Безоглядная поддержка вооруженного сепаратизма и терроризма в Чечне в свое время их ничему не научила.

Одно из замечаний Балзер в вышеупомянутой дискуссии касается языковой ситуации и языковой политики. Это как раз одна из сфер нашей дисциплины, где пока не произошли необходимые ревизии категориального аппарата и практик и о чем пойдет речь в третьем разделе книги. Я считаю научно обоснованным и практически целесообразным разрушить жесткую связку «язык–этнос» и относиться к языкам как к суверенным культурным системам, которые заслуживают сохранения и поддержки, как заслуживают признания и поддержки этнические культуры и образуемые на их основе общности. Но действующие, в том числе и закрепленные в российских законах, понятия «национальные языки», «языки народов» выглядят анахронизмом. Этот старый словесный арсенал плохо подходит для ситуаций, когда подавляющее большинство се-

годняшних носителей той или иной этничности говорит на одном языке, а «их» языком считается другой.

Отсюда необходимость пересмотреть мутную, но ставшую почти сакральной категорию «родной язык» в пользу более операционального и принятого в остальном мире понятия «материнский» или «первый язык». Наконец, нужно признать право гражданина на указание двух или более «первых языков» в случае полного дву- или трехъязычия. Эти мои установки не имеют отношения к «неоколониальной политике», они имеют отношение к реализации права личности или групп на языковой переход, на добровольную языковую ассимиляцию в пользу более многообещающего и престижного языка.

Причина продолжающегося кризиса этнологии, по его мнению, это «иллюзорность» объекта изучения – «этноса» в примордиалистской интерпретации или «этничности» в конструктивистском смысле. Их, пишет В. Р. Филиппов, никогда и не было в реальности, и поэтому (цитирую его далее) «этнологи так и не смогли предложить *сколько-нибудь удовлетворительное определение понятия* "*этнос*" *и производного от него понятия* "*этничность*"» (*Филиппов* 2020: 49). Что здесь не совсем так? Во-первых, «этничность» не есть производное от «этноса» – скорее, наоборот. Если «этнос» можно считать синонимом «этнической общности» или «этнической группы», тогда этнос есть производное от этничности – феномена культурной отличительности, при коллективном осознании которой и может появиться группа (общность), а может и не появиться. Факт осознанности (через социальную среду и предписание/индоктринацию) соотнесения себя с определенной этничностью (культурно отличительным комплексом) отрицать невозможно, и именно осознанность (самосознание) есть то главное, что превращает различия (как давние и явные, так и конструируемые, порою – иллюзорные) в коллективность, т. е. реифицирует (вызывает к жизни) группу.

В современной мировой науке категория этнической общности (группы) –действительно одна из уязвимых. Так могут обозначать группы меньшинств вне «основного населения», расово отличных людей, конфессиональные и прочие выделяющиеся культурной схожестью и отличительностью людские сообщества. Но там, где эта реификация обрела научную, историческую, территориальную, политико-правовую, эмоциональную легитимацию, там демонтаж категории этнической общности практически невозможен. Даже перегруженная теоретическим мусором категория «этнос» сохраняет свою живучесть, почти уйдя из научного багажа его российской этнологической прародины, но оставаясь в научном языке других дисциплин и в лексиконе политиков стран бывшего СССР. Из-за этой живучести я и предложил растворить термин в его изначаль-

ном расширительном значении: в древней Греции, например, был «этнос мертвецов» (*etnos tanatos*); биологи называют «этносом» птичьи сообщества (напр., чаек), гнездящиеся исторически в каком-то одном месте. В целом я не сторонник чрезмерной одержимости дебатами вокруг дефиниций.

В данной главе речь идет преимущественно о российской этнологии, и выросшая в России за последние 30 лет социально-культурная антропология осталась по большей части вне поля зрения. При этом я не могу отказать себе в удовольствии упомянуть свои инициативы по утверждению в ИЭА РАН и в стране таких субдисциплин, как юридическая, гендерная, городская, медицинская антропологии. В последнее время к ним добавились также антропология медиа и антропология жизненных смыслов.

На посту директора института мне нравилось зачинать и придумывать проекты, из которых вырастали новые направления и их лидеры. Но подобное происходило и за пределами института, и не только ИЭА РАН определял облик новой российской антропологии и этнологии, хотя авторитет института общепризнан. Возможно, лично я во многом остался в объятьях этничности в результате курирования серии «Народы и культуры». Высказавшиеся в дискуссии коллеги (*Арзютов, Андерсон* 2020: 33–39) правы в том, что в содержательном плане многое в ней вышло из-под контроля ее редактора. Действительно, возник какой-то эффект «двойного послания»: своими собственными трудами я старался хоронить советский этнопримордиадизм, но частью своих научно-организационных усилий вместе с тем сооружал объемную нишу для так называемой традиционной этнографии.

Соредакторы томов серии вместе со мною не ставили целью написать «этнографию народов» с близких лично мне конструктивистских позиций. Мы стремились дать наиболее полный свод историко-этнографических знаний о народах России и сопредельных стран, используя ресурсы коллективов этнографов в российских регионах и в странах бывшего СССР. Главной трудностью было обеспечить должный профессиональный уровень текстов и преодолеть воздействие ревизий в духе постколониалистской парадигмы в новых национальных научных школах. В целом это удалось сделать. Сейчас 38-томная серия «Народы и культуры» фактически завершена. В свете развития мировой ситуации этот проект уникален. Что-то похожее в 1970–1980-е годы делали канадцы по истории этнических групп страны. Затраченные за четверть века усилия оправданны, а результаты этой работы будут еще долго востребованы, как когда-то была востребована многотомная серия Института этнографии «Народы мира». Конечно, с точки зрения

современной антропологии тексты нашей серии могут выглядеть старомодно. Поэтому новому поколению ученых надо подумать о новом крупном проекте (или нескольких проектах), обобщающем фундаментальные знания в рамках современных приоритетов и запросов.

Откровенно говоря, я не разделяю восторженные оценки по поводу некоего «золотого века» советской этнографии. В 1920–1930-е, 1940–1950-е, 1960–1980-е годы были яркие авторы и некоторые достижения. Но будем объективными: ни один их этих периодов не может сравниться по своему проблемному и теоретико-методологическому разнообразию, а также по объему произведенной научной продукции и накопленному новому знанию с последними тремя десятилетиями. Именно это было главным, что хотелось сказать данной главой и выразить несогласие, что нынешнее поколение переживает лишь «видимость благополучия».

Наступила ли для российской антропологии и этнологии эпоха «общего языка в коммуникациях» с остальной мировой наукой? Этот вопрос остается открытым. Конечно, сегодняшняя ситуация радикально отличается от той, что была 30 лет тому назад. Но старые прописи до сих пор не отпускают многих моих коллег, а некоторые даже грезят возрождением этноса и народоведения. Я согласен с П. Швайцером (*Швайцер* 2020: 49–52), что возврат ко времени *до* «Writing Culture» сейчас трудно себе представить. Но обновление языка науки как концептуального отражения мира у нас далеко не завершено. Для этого даже не нужно читать тексты, а достаточно посмотреть лишь на «ключевые слова», которые используют коллеги, и попробовать перевести их на английский язык для гипотетической публикации статьи в зарубежном «высокорейтинговом» журнале. Вот тогда станет очевидной непереводимость таких категориальных понятий, как «родной язык», «национальный язык», «этнический процесс», «национальная политика», «национальность», «нация», и всех производных от этих слов. Даже «этнос» для зарубежного читателя Д. Дж. Андерсон и Д. В. Арзютов перевели как обычную кальку с русского – *etnos*, понимая, что грамотно написанный термин *ethnos* мало о чем говорит мировому читателю. Здесь нам многое еще предстоит переосмыслить и освоить, коли до сих пор на уроках обществознания школьникам рассказывают про «племя-народность-нацию» и про нацию как «высшую стадию в развитии этноса».

Особенно интересными представляются замечания О. Ю. Артемовой, ибо они дают возможность выстроить еще одно обобщающее суждение о нашей дисциплине. В науке далеко не всегда происходят тотальные смены парадигм, и не всегда смена поколений

приводит к радикальной смене исследовательской повестки. В силу разных обстоятельств (включая характер отдельных ученых, их приверженность предмету или методу своих занятий) в науке сосуществуют разные школы и методологии, как «новые», так и «старые». Новые чаще всего утверждают себя не за счет разрушения старых, потенциал которых сохраняется и даже может заново актуализироваться. И наоборот, новизна может оказаться краткосрочной или даже несостоятельной при проверке ее критикой и временем. Так что О. Ю. Артемова справедливо отметила обоснованность принципа «пусть цветут все сто цветов».

Однако признание того, что разные научные парадигмы вполне могут вести параллельное существование, еще не означает того, что они полностью равнозначны (хотя есть и такой вариант научного релятивизма), как не означает и того, что необходимо отказаться от оценочной иерархии. Немецкий романтизм XIX в. с его трактовкой «духа народов», позитивизм и примордиализм XX в. в оценке культурных явлений – это прожитые, прошлые парадигмы, и они не могут быть равнозначными в теоретико-методологическом арсенале современного гуманитария. Попытки в начале 1990-х годов вернуть из забвения «этнопсихологию» Г. Г. Шпета или «культурно-исторические типы» Н. Я. Данилевского ничем хорошим не кончились. Все эти имена и теории надо проходить на вводных университетских курсах, чтобы двигаться дальше. Что касается оценок работ С. В. Соколовского по части состояния дисциплины, то уже мои первые статьи почти 30-летней давности вызывали вопросы и сомнения у этого автора и его единомышленников, которые публиковались в «этнометодологических» сборниках, выходивших под его редакцией или с его участием. Это мой постоянный критик и инициатор ряда новых тем в период прожитого нами совместно этапа в истории науки. Я позитивно отношусь к таким интеллектуальным оппонентам, но согласиться с его оценкой совместно прожитого этапа как неблагополучного никак не могу.

Литература

Аналитическая справка… 2024 – Аналитическая справка по дисциплинам: Антропология и этнология. Автор: Резвушкина С. А., консультант Коровин В. М. аналитики Учебно-научного центра «Высшая политическая школа им. И. Ильина» РГГУ, 2024 г. (рукопись).

Андерсон 2001 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

Аржанцева 2016 – *Аржанцева И. А.* Хорезм. История открытий и исследований. Этнографический альбом. Ульяновск: Артишок, 2016.

Арзютов, Андерсон 2020 – *Арзютов Д. В., Андерсон Д. Дж.* «Двойное послание» этноса: комментарий к статье академика В. А. Тишкова // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 33–39.

Артемова 2019 – *Артемова О. Ю.* Академические исследователи в высшей школе (из опыта двадцати лет работы) // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / Отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.; Казань: ИЭА РАН; КФУ; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. XXXVI–XLIII.

Арутюнов и др. 1996 – *Арутюнов С. А. и др.* (ред.) Этнологический словарь. Вып. 1. Этнос. Нация. Общество. М.: ВИТТАН, 1996.

Арутюнян, *Дробижева, Сусоколов* 1998 – *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1998.

Балзер 2020 – *Балзер М. М.* Ирония персональных взглядов В. А. Тишкова в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 39–41.

Брубейкер 2012 – *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Издательский дом «Высшая школа экономики», 2012.

Гелнер 1991 – *Геллнер Э.* Нации и национализм / Пер. с англ., ред. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.

Гирц 2004 – *Гирц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.

Головнёв 2016 – *Головнёв А. В.* Ящик с инструментами, или о методах антропологии // Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 549–556.

Головнёв 2018 – *Головнёв А. В.* Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-6-39

Государственная национальная политика … 2018 – Государственная национальная политика России: экспертное мнение / Ред. В. В. Степанов, А. В. Черных. М.: ИЭА РАН, 2018.

Границы, культура и идентичность… 2012 – Границы, культура и идентичность. Этнология восточнославянского пограничья / Под ред. М. Ю. Мартыновой. М.: ИЭА РАН, 2012.

Губогло 1994 – *Губогло М. Н.* Развивающийся электорат России: этнополитический ракурс: В 2 т. М.: ИЭА РАН, 1994.

Губогло 2000 – *Губогло М. Н.* Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере межэтнических отношений. М.: ИЭА РАН, 2000.

Губогло 2003 – *Губогло М. Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.

Губогло 2005 – *Губогло М. Н.* Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2005.

Измерение культурного многообразия... 2019 – Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / Ред. М. Ю. Мартынова, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019.

Кузнецов 2004 – *Кузнецов А. М.* Кто вы, профессор Широкогоров? Или, осторожно – фальсификация // Вестник антропологии. 2017. № 4. С. 107–118.

Культурная сложность… 2016 – Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

Лурье 2004 – Лурье С. В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов. М.: Гаудеамус: Академический Проект, 2004.

Люди Севера… 2008 – Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза / Отв. ред. Н. И. Новикова. М.: Издательский дом «Стратегия», 2008.

Новикова 2014 – *Новикова Н. И.* Охотники и нефтяники. Исследования по юридической антропологии. М.: Наука, 2014.

Новикова, Функ 2012 – *Новикова Н. И., Функ Д. А.* Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М.: ИЭА РАН, 2012.

Петрухин, Раевский 2018 – *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* История народов России в древности и раннем средневековье. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2018.

Полещук, Степанов 2013 – *Полещук В. В., Степанов В. В.* Этническая политика в странах Балтии. М.: Наука, 2013.

Попков 2019 – *Попков Ю. В.* Глобальный контекст актуализации темы идентичности и ее место в проблемном поле государственной национальной политики России // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. Е. Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 9–17.

Репрессированные этнографы 2002–2003 – Репрессированные этнографы: В 2 вып. / Сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2002–2003.

Российская Арктика… 2016 – Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.

Российская нация… 2011 – (ред.) Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В. А. Тишкова. М.: Наука, 2011.

Русские Рязанского края 2009 – Русские Рязанского края: В 2 т. / Под ред. С. И. Иниковой. М.: Индрик, 2009.

Рыбаков 2001 – *Рыбаков С. Е.* Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001.

Соколова 2016 – *Соколова З. П.* Этнограф в поле. Западная Сибирь. 1950–1980-е годы. М.: Наука, 2016.

Соколовский 2003 – *Соколовский С. В.* Четверть века российской антропологии: 1975–2000 // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. 2003. Вып. 9. С. 136–159.

Соколовский 2009 – *Соколовский С. В.* Российская антропология: иллюзия благополучия // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 1. С. 45–64.

Соколовский 2011 – *Соколовский С. В.* В цейтноте: заметки о состоянии российской антропологии // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2011. № 2. С. 70–89.

Соколовский 2014 – *Соколовский С.* Зеркала и отражения, или еще раз о ситуации в российской антропологии // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 143–188.

Соловей 1998 – *Соловей Т. Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М.: ИЭА РАН, 1998.

Социальная антропология во Франции… 2009 – Социальная антропология во Франции. XXI в. / [Морис Годелье и др.]; под ред. Елены Филипповой, Бориса Петрика; [пер.: В. Колесина, К. Пименова, Е. Филиппова]; Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: ИЭА РАН, 2009.

Стефанович 2018 – *Стефанович П. С.* Новые подходы к этничности в медиевистике: взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность / Под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 467–486.

Тишков 1974 – *Тишков В. А.* К истории возникновения франко-канадского национального вопроса // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 76–90.

Тишков 1977 – *Тишков В. А.* Политика двуязычия в Канаде // Расы и народы: ежегодник. М.: ИЭА РАН, 1977. С. 207–224.

Тишков 1978 – *Тишков В. А.* Освободительное движение в колониальной Канаде. М.: Наука, 1978.

Тишков 1990 – *Тишков В. А.* Об идее нации // Общественные науки. 1990. № 4. С. 83–95.

Тишков 1992 – *Тишков В. А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–19.

Тишков 1995 – *Тишков В. А.* Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 3–17.

Тишков 1996 – *Тишков В. А.* О нации и национализме: полемические заметки // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 30–38.

Тишков 1998 – *Тишков В. А.* Забыть о нации: постнационалистическое понимание национализма // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

Тишков 2002 – *Тишков В. А.* Горизонты российской этнологии. К 70-летию Института этнологии и антропологии РАН // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 3–18.

Тишков 2003а – *Тишков В. А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Тишков 2003б – *Тишков В. А.* Российская этнология: статус дисциплины, состояние теории, направления и результаты исследований // Этнографическое обозрение. 2003б. № 5. С. 3–23.

Тишков 2013 – *Тишков В. А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

Тишков В. А., Шнирельман В. А. (ред.) Национализм в мировой истории 2007 – Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2007.

Тишков, Артемова 2018 – *Тишков В. А., Артемова О. Ю.* Антропология и этнология. Учебник для вузов. М.: КДУ; Университетская книга, 2018.

Тишков, Пивнева 2010 – *Тишков В. А., Пивнева Е. А.* Этнологические и антропологические исследования в российской академической науке // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 3–21.

Тишков В. А., Черных А. В. 2024 – Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2023 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В. А. Тишков, А. В. Черных. Пермь: Изд-во «Маматов», 2024.

Токарев 1958 – *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во МГУ, 1958.

Феномен этнического конфликта… 2018 – Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / Ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2018.

Филиппов 2020 – *Филиппов В. Р.* Зачем мы сюда пришли? // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 46–49.

Филиппова 2007 – *Филиппова Е. И.* Понятие «ethnie» во французской научной традиции и его политическое использование // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 52–60.

Филиппова 2010 – *Филиппова Е. И.* Территории идентичности в современной Франции. М.: ИЭА РАН, 2010.

Хобсбаум 1995 – *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1995.

Чеснов 1998 – *Чеснов Я. В.* Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарика, 1998.

Швайцер 2020 – *Швайцер П.* Несколько замечаний из-за рубежа // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 49–52.

Шнирельман 2003 – *Шнирельман В. А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.

Шнирельман 2006 – *Шнирельман В. А.* Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006.

Шнирельман 2011 – *Шнирельман В. А.* «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма: В 2 т. М.: НЛО, 2011.

Шнирельман 2012а – *Шнирельман В. А.* Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: ББИ, 2012а.

Шнирельман 2012б – *Шнирельман В. А.* Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры – Гешарим, 2012б.

Шнирельман 2015 – *Шнирельман В. А.* Арийский миф в современном мире. М.: НЛО, 2015.

Шнирельман 2024 – *Шнирельман В. А.* В погоне за предками: этногенез и политика. М.; СПб.: Нестор-История, 2024.

Этнические группы… 2006 – Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. М. Барта: Новое изд-во, 2006.

Этническое и религиозное многообразие… 2018 – Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: ИЭА РАН, 2018.

Этничность и религия… 2012 – Этничность и религия в современных конфликтах / Отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2012.

Этнография и смежные дисциплины 1988 – Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Под ред. М. В. Крюкова, И. М. Зельнова. М.: Наука, 1988.

Этнокультурная идентичность… 2018 – Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. Е. Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019.

Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2024 году / Под ред. В. А. Тишкова, А. В. Черных. М.; Пермь, 2025.

Этнос, нация, ценности… 2015 – Этнос, нация, ценности. Социально-философские исследования / Под ред. К. Х. Момджян, А. Ю. Антоновского. М.: Канон, 2015.

Anderson et al. 2019 – *Anderson D. G., Arzyutov D. V., Alymov S. S.* (eds.) Life Histories of *Etnos* Theory in Russia and Beyond. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2019.

Barth 1969 – *Barth F.* (ed.) Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Bergen: Universitetsforlaget, 1969.

Clifford, Marcus 1986 – *Clifford J., Marcus G. E.* (eds.) Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley: University of California Press, 1986.

Cohen 1994 – *Cohen A. P.* Self Consciousness: An Alternative Anthropology of Identity. L.: Routledge, 1994.

Comaroff 2011 – *Comaroff J.* The End of Anthropology, Again: On the Future of an In/Discipline? // The End of Anthropology? / Ed. H. Jebens, K.-H. Kohl. Wantage: Sean Kingston Publishing, 2011. P. 81–112.

Eriksen, Jacoubek 2019 – *Eriksen T. H., Jacoubek M.* (eds). Ethnic Groups and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years. L.: Routledge, 2019.

Geertz 1973 – *Geertz C.* The Interpretation of Cultures. N.Y.: Basic Books, 1973.

Gellner 1980 – *Gellner E.* (ed.) Soviet and Western Anthropology. L.: Duckworth, 1980.

Gellner 1988 – *Gellner E.* State and Society in Soviet Thought. Oxford: Blackwell, 1988.

Hannerz 1992 – *Hannerz U.* Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning. N.Y.: Columbia University Press, 1992.

Horowitz 1985 – *Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. Berkeley: University of California Press, 1985.

Kassof, Plaks 1994 – *Kassof A., Plaks L. B.* Managing Ethnic Conflict: The Kona Statement // Project of Ethnic Relations. The Kona Statement. April 1994. Princeton; New Jersey. http://www.per-usa.org/1997–2007/kona.htm

Kohl 2011 – *Kohl K.-H.* Introduction // The End of Anthropology? / Ed. H. Jebens, K.-H. Kohl. Wantage: Sean Kingston Publishing, 2011. P. 1–12.

Kuper 2011 – *Kuper A*. The Original Sin of Anthropology // The End of Anthropology / Ed. H. Jebens, K.-H. Kohl. Wantage: Sean Kingston Publishing, 2011. P. 37–60.

Lebov, Crowfoot 1989 – *Lebov O., Crowfoot J.* (ed.) The Soviet Empire: Its Nations Speak Out. Harwood: Taylor & Francis, 1989.

Lieven 1998 – *Lieven A.* Chechnya: Tombstone of Russian Power. New Haven: Yale University Press, 1998.

Martynova., Peterson., Ignatiev, Madariaga 2015 – *Martynova M., Peterson D., Ignatiev R., Madariaga N.* (eds.) Peoples, Identities and Regions: Spain, Russia and the Challenge of the Multi-Ethnic State. M.: IEA RAN, 2015.

Olcott, Tishkov 1999 – *Olcott M., Tishkov V.* From Ethnos to Demos: The Quest for Russia's Identity // Russia after Communism / Eds. A. Åslund, M. B. Olcott. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1999. P. 61–90.

Schnirelman 2001 – *Schnirelman V. A.* The Value of the Past: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia. Osaka: National Museum of Ethnology, 2001.

Tishkov 1992 – *Tishkov V. A.* The Crisis in Soviet Ethnography // Current Anthropology. 1992. Vol. 33. No. 4. P. 371–94.

Tishkov 1994 – *Tishkov V.* Post-Soviet Ethnography: Not a Crisis but Something More Serious // Anthropology & Archeology of Eurasia. 1994. Vol. 33. No. 3. P. 87–92.

Tishkov 1997 – *Tishkov V.* Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame. L.: Sage Publications, 1997.

Tishkov 1998 – *Tishkov V.A*. U.S. and Russian Anthropology: Unequal Dialogue in a Time of Transition // Current Anthropology. 1998. Vol. 39. No. 1. P. 1–17.

Tishkov 2004 – *Tishkov V.* Chechnya: Life in a War-Torn Society. Berkeley: University of California Press, 2004.

Tishkov 2019 – *Tishkov V.* From Ethnos to Ethnicity and Back // Ethnic Group and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years / Eds. T. H. Eriksen, M. Jakoubek. L.: Routledge, 2019. P. 78–92.

Verdery 1991 – *Verdery C.* National Ideology under Socialism: Identity and Cultural Politics in Ceauşescu's Romaniaa. Berkeley: University of California Press, 1991.

Verdery 2019 – *Verdery C.* The Dangerous Shoals of *Ethnic Groups and Boundaries*. A Personal Account // Ethnic Group and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years / Eds. T. H. Eriksen, M. Jakoubek. L.: Routledge, 2019. P. 38–46.

Vertovec 2007 – *Vertovec S.* Super-Diversity and Its Implications // Ethnic and Racial Studies. 2007. No. 30 (6). P. 1024–1053.

Глава 4

О ПРИМИРЕНИИ КОНСТРУКТИВИЗМА И ПРИМОРДИАЛИЗМА*

В этой главе я попробую объяснить почти альтернативную многонациональности (многонародности) идею *этнической множественности* в аспекте переписных практик. Причем сделаю это в рамках конструктивистского подхода к реальности, который на поверку не отвергает примордиализм, а, наоборот, помогает понять, откуда и каким образом вызываются к жизни, формируются и проявляют себя примордиальные чувства и лояльности к той или иной групповой общности или культурно отличительной традиции.

Напомним читателю об этих двух парадигмальных подходах и некоторых коллизиях по этому поводу. Впрочем, насчет коллизий, видимо, сказано слишком сильно, ибо это скорее прошлые истории. Как написала 10 лет назад индийский политолог Канчан Чандра, «на протяжении многих лет в центре дебатов при изучении этнических идентичностей были конструктивизм и примордиализм. На сегодня это уже устаревшая дискуссия, которая больше не дает продуктивных теоретических воззрений» (*Chandra* 2012: 5). Однако для российской этнологии лаг в десятилетие не является отставанием: почти все влиятельные работы зарубежных коллег в нашей области переводились на русский язык с гораздо бóльшим временным разрывом, но и после этого труды конструктивистов широко, но поверхностно цитировались примордиалистами (чаще всего к своей пользе).

Социальный конструктивизм и отголоски старых баталий

Доминирующая в современном обществознании теория социального *конструктивизма* исходит из того, что на основе социальной реальности в результате целенаправленных усилий элит в лице экспертов и политиков, а также низового активизма претворяются в жизнь проекты созидания или разрушения, совершается сам по себе общественный процесс. Этот подход, а точнее – теория познания, о том, как люди формируют социальные феномены, включая

* Глава написана на основе статьи: *Тишков В. А.* О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву) // Этнография. 2023. № 1 (19). С. 6–25.

сами представления о реальности, как эта реальность воспроизводится людьми в процессе ее осмысления и поддерживается за счет социальных взаимодействий. Во взаимодействии люди воспроизводят как своего рода «здравый смысл» представления о жизненных реалиях, которые на самом деле не есть что-то заданное изначально, а сконструировано самими людьми в разных ситуациях и в различных целях (*Бергер, Лукман* 1995; *Якимова* 1999; *Финнемор* 2020). Исходя из этого подхода, гуманитарные научные знания также во многом являются результатом договоренности самих практиков научного труда. Это относится прежде всего к понятиям и категориям, включая и те, о которых пойдет речь в этой главе, – *народ*, *нация*, *этническая общность*, *национальная* и *этническая идентичность*.

Конструктивистский подход противостоит фатализму, историческому детерминизму, политическим импровизациям без учета реальных условий и возможностей. Конструктивизм противостоит *эссенциализму* – представлению о том, что социальная реальность определяется внеисторическими и не зависящими от сознания человека сущностями. Противостоящий конструктивизму подход называют примордиальным типом мышления. Это – течение общественной мысли, для которого главными в жизни являются не творчество, инновации и развитие, а опора на прошлую норму и вера в существование неких фундаментальных структур и предначертаний судьбы: от генов до божественных пророчеств. Примордиализм в чем-то схож с мессианизмом, будь это американская Manifest Destiny (судьбоносное предначертание нести в мир демократию) или идея «Москва – третий Рим» (мировое предназначение русского православия хранить основы христианства).

В жизни конструктивизм и примордиализм как два взгляда на реальность и два познавательных подхода пребывают зачастую в причудливых сочетаниях. Применительно к идее нации и национальному строительству на этот счет адекватно высказались российские авторы в одной из книг: «Прагматический проект нации апеллирует к примордиализму обыденного сознания масс, но реализует свой проект, следуя рецептам конструктивизма» (*Кара-Мурза, Куропаткина* 2014: 58).

С этим положением двойственности, (не)уживчивости двух подходов можно было бы и согласиться, если бы не ряд обстоятельств. Одно из них касается намеренных или по недостаточному знанию упрощающих трактовок конструктивизма в рамках собственно научного сообщества. Этим трактовкам уже много лет, но они сохраняются, несмотря на то что и сам подход уже претерпел важные коррекции и рано или поздно уступит свое ведущее место новым

научным парадигмам. Но пока приходится выступать в его защиту не столько от критиков (что всегда только на пользу), сколько от суждений погромного характера.

В этой связи напомним ранние реакции коллег на наши работы по части сомнений в «реальности этноса». Можно было бы считать все это отголосками старых баталий, если бы они не повторялись в злых формах в некоторых сегодняшних писаниях. Так, например, ведущий идеолог при Всемирном русском народном соборе призывает решить проблему: «Как защитить от разных идеологических конструктов “простое”, “бытовое”, “родное”, традиционное, непосредственное, т.е. коллективный культурный опыт, воспринимаемый в его целостности, подлинности, исторической устойчивости. Как защитить от **конструктивистской агрессии** (выделено мною. – *В.Т.*) аутентичное, спонтанное, эссенциалистское восприятие культуры» (*Щипков* 2018: 237–238).

В недавнем очерке одного из сотрудников ИЭА РАН можно прочесть следующие слова в адрес описываемого мною подхода как якобы одного из компонентов современной клиповой культуры: «Конструктивизм – нет этносов, есть конструкции, нет объективного, есть интерпретации, а нации – это воображаемые сообщества» (*Банников* 2022: 31).

Наконец, не будем списывать со счетов, что ортодоксальное натаскивание на тему «реальности этноса» и вредности конструктивизма остается в наших главных учебных пособиях, по которым готовятся кадры российских этнологов. Приведу несколько примеров из университетского учебника «Основы этнологии»:

«В последние десятилетия XX в. сделаны также попытки трактовать этносы полностью в субъективистском стиле: с одной стороны, этнос представляют лишь как мыслительный конструкт, в котором неизвестно, имеет ли он что-либо общее с реальностью, а с другой стороны, сама этническая реальность (если все же допускается ее существование) мыслится в условиях интенсивного воздействия средств массовой информации и иных технических способов социального управления и манипулирования общественным сознанием – столь податливой и эластичной, что будто бы допускает, по сути дела, любые или почти любые приемы и формы конструирования этнических общностей по произволу управляющего субъекта (государства, правительства, общества и т.п.). По существу, теоретический смысл такой концепции состоит в отрицании и ликвидации науки, а практическое ее применение оправдало бы любую волюнтаристскую акцию в национальной политике» (*Основы этнологии* 2007: 10).

Поскольку оторванность отечественной этнологической науки от мирового знания в этой области сокращается медленно, а в последние годы она, к сожалению, даже увеличивается, было бы неосмотрительно игнорировать нынешнее содержание учеб-

ных пособий. Конечно, можно учесть, что ни Ю. В. Бромлей, ни В. В. Пименов книг зарубежных авторов сами не читали, а переводов фактически не было, кроме инионовских суррогатов, да и то не по нашей дисциплине. Но и при нынешних доступных переводах и лучшем знании иностранных языков новым поколением ученых нет уверенности, что нам гарантирован прорыв от самодовольства самопальной теории этноса, ибо именно через такие учебники апологеты старых подходов воспроизводят себе подобных.

Социальный конструктивизм в понимании политики этничности и этнической политики

Что касается изучения феномена этничности, то здесь мое внимание привлекают работы К. Чандры и других авторов относительно использования конструктивистского метода анализа именно в сфере этнополитической проблематики (*Chandra* 2012). Эта сфера мне наиболее близка, и поэтому позволю себе сделать некоторые дополнительные разъяснения. Как проще объяснить суть и разницу двух подходов применительно к данной области знания? Нет сомнений, что воздействие обоих подходов, особенно примордиального, обладает инерцией трактовать этничность как нечто сингулярное (в смысле неповторимой сущности), извечное и неизменное. Особенно это видно из исследований философов и политологов о взаимосвязи между этничностью и такими сферами и проблемами жизни, как демократическое правление, стабильность и устойчивость государства, партийная система и голосование на выборах, гражданские войны и конфликты, социальная политика и система преференций, образовательные программы и квоты и многое другое.

Бюрократия и право приходят в замешательство перед проявлениями этнической подвижности и сложности. Для них субъект регулирования должен обладать определенностью и желательно неизбежностью своего проявления. Отсюда возникают многочисленные неадекватные ситуации, включая, например, решение Конституционного суда Российской Федерации в отношении невозможности существования больше чем одной национально-культурной автономии федерального уровня для представителей той или иной этнической общности (даже у коллективного тела все равно должна быть одна голова!). Отсюда правовая установка производить государственные реестры членов той или иной общности, будь то казаки или коренные малочисленные народы. Отсюда также единственная свободная строка в поле ответа на вопрос о национальности в вопроснике при проведении переписи населения.

Собственно говоря, на представлении о единичной природе этничности построена и вся социология, включая систему опроса

общественного мнения: между «этносами» как бы и нет никакого пространства. Даже генетики гоняются за «чистыми этнофорами», испрашивая сведения о двух-трех поколениях предков перед забором генетического материала. За экспертами и интерпретаторами уже следуют государственные службы, кадровые и рекрутинговые системы, музейные экспозиции, фестивальные и прочие коллективные действия. Пределом понимаемости для последних может быть только «многонациональный характер» мероприятия, трудового или поселенческого коллектива. Многонациональность, как и многонародность (*Головнёв* 2022), понимается как много разных этнических единиц, а не как сложная целостность.

Если посмотреть на всю систему политики аффирмативных действий, квотирования и распределения общественных благ, электоральных норм, образовательных прав и т. д., то окажется, что все это зиждется на основании посыла об извечности этнических групп. Точно так же описываются и воспринимаются межэтнические отношения и конфликты. Моя попытка в свое время показать в ироничной форме «конструирование чеченцев из этнографического мусора» зарубежными коллегами с целью изобразить их «античными Антеями с современными гранатометами» (*Тишков* 2001) понравилась далеко не всем из числа проповедников уникальной чеченской цивилизации. Не очень нравятся сторонникам старых подходов и другие конструктивистские трактовки этнических материй, которые обвиняются в «агрессивном навязывании постмодернизма» и т. п.

Однако достоинство конструктивизма прежде всего в том, что он обратил внимание и подверг анализу феномен этничности, включая *политику этничности* и *этническую политику* (это разные вещи), которые оказался неспособен объяснить примордиализм. Как объяснить многое в привычной демографии: например, двойной рост или уменьшение численности этнических групп в межпереписные десятилетия или появление в разных вариантах самой этнической номенклатуры – так называемого «списка народов». Здесь мы имеем множество примеров по миру, а не только отечественный опыт. Например, с ростом аборигенной идентичности и появлением преференций число американских индейцев увеличилось на 50% в 1970-е и на 80% в 1980-е годы. Или число *муслиман* (босняков исламской веры) в Боснии увеличилось на 75% с 1961 по 1971 г., а число югославов уменьшилось на 85% в той же стране и за тот же период при отсутствии миграционного движения, что было вызвано исключительно политическими факторами и курсом внешних игроков на поддержку сепаратизма в тогдашней федеративной Югославии.

Много аналогичных примеров имеется и в российской практике. Например, татаро-башкирские «качели» в Башкортостане, когда от переписи к переписи не менее 100 тыс. жителей северо-западного региона республики переписываются из башкир в татары, затем из татар в башкиры в зависимости от политического курса руководства этого региона и от степени энтузиазма местных «экспертов» по этнополитологии и этнической истории. Признать наличие феномена татаро-башкирского симбиоза примордиальные установки и этнонационализм никак не позволяют. В последней российской переписи 2020 г. проявился еще один разительный пример воздействия политико-идеологического фактора: это почти двойное увеличение численности черкесов (с 70 до 120 тыс.) как результат агитации зарубежной черкесской диаспоры и части местных интеллектуалов в пользу конструирования единой нации черкесов из народов адыгской группы (адыгейцев, кабардинцев, черкесов, шапсугов).

Не менее поразительны так называемые этнические процессы в Соединенном Королевстве, где идентичность населения «мигрирует» между британскостью и английскостью: в 1992 г. 31% жителей страны считали себя англичанами, спустя десять лет их стало 41%. Сходный процесс ухода от британскости в пользу этнорегиональной идентификации произошел среди жителей Уэльса и Шотландии. Но вот прошло 20 лет, и новый поворот – уже в пользу британскости. Результаты переписи населения 2021 г. по Англии и Уэльсу показали поразительное сокращение (почти в 4 раза!) числа тех, кто определяет себя как «англичанин», а число определяющих себя как «британец» увеличилось в 3 раза и ныне составляет 55% населения этой части королевства. Однако самое интересное – двукратное увеличение количества тех, кто считает себя одновременно «англичанином» и «британцем». Вот настоящее посрамление сторонников теории этноса, в рамках которой таким двуглавым или двудушным организмам места вообще нет!

Если ради интереса заглянуть в известный справочник С. И. Брука (*Брук* 1986), то примордиальная схема деления населения стран мира на этносы терпит полный крах. Как оказывается, лидеры компартий Франции и Болгарии не зря слали на имя Л. И. Брежнева свои жалобы на Институт этнографии АН СССР за то, что в его публикациях нации французов и болгар делились на какие-то еще отдельные народы-этносы.

Конструктивизм помог выяснить еще одну фундаментальную проблему – это безосновательные претензии на универсальность феномена этноса для всего человечества и для основных эпох его истории. «Этногенез» В. П. Алексеева и мир «социоров» Ю. И. Семенова не ведал исключений: теория претендовала на всеобщность

человеческой эволюции. Согласно их трактовкам, этническая картина мира людей сформировалась на ранних стадиях (с позднего палеолита!) и сопровождает нашу жизнь, невзирая на другие трансформации: приход и уход цивилизаций и государств, войны и глобальные технологические, социальные и информационные революции. Вот как университетский учебник излагает эти взгляды:

«Этносы возникали вместе с развитием людей и их социальных групп, будучи одной из форм человеческой групповой интеграции. Некоторые ученые предполагают, что уже в раннем палеолите существовали групповые формы бытия формирующихся людей – питекантропов, синантропов, гейдельбергцев, неандельтальцев, которые гипотетически допустимо считать *предэтносами*. Применительно же к позднему палеолиту – периоду появления человека современного вида (*Homo sapiens*) – и к позднейшему времени специалисты считают возможным уверенно говорить об этносах эпохи первобытно-общинного строя – *племенах* и их объединениях, которые называют также *соплеменниками*» (*Основы этнологии* 2007: 9).

Таким образом, этносы – это вечные и всеохватные социальные коалиции людей. Хотя Л. Н. Гумилев отводил определенный жизненный путь для каждого из этносов и даже придумал некую внутреннюю эволюцию – от молодости до смерти/гибели, но ни одного примера такого завершенного жизненного пути им не было названо, как и не был определен «первотолчок» для рождения этноса.

Итак, что знает мир об этносах или хотя бы о чем-то, что напоминает этот феномен, но, возможно, под другими названиями? Здесь имеет место огромное разнообразие социальных практик и их научных обеспечений. Для западного полушария (за исключением Канады) более фундаментальными являются расовые классификации, а также деление на «аборигенное» и остальное население стран этого континента. Степень и смыслы категоризации населения по этим признакам разнятся между странами, но общим является то обстоятельство, что не культурно-языковые, а другие, прежде всего фенотипические, различия лежат в основе группировок населения и их фиксации в разных процедурах: от переписей населения до кадровых анкет.

Впрочем, и в этом варианте разнообразие сопровождается динамичной изменчивостью. Так, например, население Пуэрто-Рико за последние 50 лет почти целиком переидентифицировалось с категорий «негр» и «мулат» на категорию «белый». В Бразилии произошел обратный процесс: за 30 лет многие бразильцы, идентифицировавшие себя как «белые» и «черные», предпочли категорию «коричневые» (*Brown*), и таким образом большинство бразильской нации стало «цветным». В этом случае имели место сочетание «объективной» демографии (более высокая рождаемость среди небелого населения) и изменения в предпочтительности выбора по

причине престижности определенного цвета (точнее – оттенка) кожи и внешнего облика в целом. Похоже, что Бразилия ушла от некогда господствовавших форм общностей по степени и типу мулатизации (квартироны, октороны, мюлатры и т.д.). Так, в крупнейшей стране мира Бразилии одни «этносы» вымерли, им на смену пришли другие.

Что подсказывает конструктивизм?

Так что же происходит на самом деле с этничностью и что подсказывает конструктивистский подход? Многие удивительные метаморфозы с «этническими процессами» являются на самом деле результатом смены идентичностей среди людей, а не тривиального для демографов «движения населения» (рождаемость/смертность, миграция). Когда такие смены обретают массовый характер, может не только меняться структура (этнический состав), но и исчезать или появляться новые идентификации, а за ними по законам обыденного мышления – группы (народы). В результате может порождаться явление «геноцида через идентификацию» или «этногенеза реидентификации», как это называл Клиффорд Гирц (*Geertz* 1973: 274–275). Особенно этим могут быть затронуты дети и молодые люди (*Woodbury* 2018).

Конструктивизм помогает понять эти явления именно как результат воздействия политики. Конструктивизм позволяет формулировать аргументы в пользу того, что этнические деления могут создаваться и меняться или, наоборот, стойко сохраняться в результате политического воздействия или последовательной индоктринации. Так, например, перепись населения 2002 г. в Российской Федерации довольно случайно выявила число этнических общностей, равное тому, что было получено в результате первой советской переписи 1926 г. Это стало аргументом в пользу успешности опыта советской национальной политики и необходимости сохранять все народы от их возможного исчезновения как подтверждения успешности нынешнего правления. Как мне сказал бывший тогда министром по делам национальностей В. Ю. Зорин, «я доложу президенту страны, что в России за весь XX в. не исчез с карты ни один народ!» Уверенность, что в России кем-то свыше предопределено число проживающих народов (долгое время любимая цифра была 150, сейчас – 193) проявлялась как скрытая установка и в последующих переписях 2010 и 2020 годов. Особые опасения бытуют по части возможного сокращения списка, которое разные недоброжелатели могут истолковать как «вымирание народов». К вопросу об «упорядоченности списка» я вернусь в последующих главах книги.

Конструктивизм также помогает понять, что экономические явления (индустриализация и урбанизация, печатное дело, рынок

труда, политика найма и т.д.) тоже могут создавать и изменять этнические диспозиции. Он помогает понять, как современное государство создает и меняет этнические диспозиции через административные структуры и устройство территории, централизацию или автономизацию, сбор статистических данных, языковую стандартизацию, образовательную систему, воинскую службу и службы безопасности. Последние, кстати, всегда с особым энтузиазмом вмешивались в данную материю, понимая ее значимость для безопасности государства. В России, например, сравнительно недавно имел место со стороны одной из специальных служб неожиданный интерес к сахалинским айнам (возможно, для критики политики Японии в отношении этой части их собственного населения). Но в какой-то момент последовал отказ от этой заинтересованности вплоть до загадочного исчезновения в последней переписи данных о российских айнах, которыми, по моим данным, могли назваться несколько десятков жителей Сахалина (тоже не без агитации со стороны местных активистов). Так что был «этнос айнов» в СССР до 1945 г., затем исчез в результате массового переселения в Японию, потом как-то робко объявился и снова исчез. Вот такой «этногенез реидентификации»!

Наконец, конструктивизм указывает на насилие как один из инструментов создания или уничтожения этнических общностей. По крайней мере, насилие меняет сами культурные различия и так называемые культурные дистанции. Причем бывает так, что *даже самые малые культурные различия могут в результате политических и идеологических воздействий становиться одной из основ жестоких конфликтов.* Внутрислявянские примеры с сербами и хорватами, украинцами и русскими могут быть тому подтверждением. В результате меняются, сочиняются заново версии «происхождения народа», «национального характера» и языковые варианты вплоть до «развода языков». Так, например, из одного сербохорватского языка за несколько лет после распада единого государства Югославии появились четыре разных языка!

Примордиализм некритично или намеренно политизировано трактует все эти явления как последствия «объективной деятельности этносов», их борьбы за «базовые человеческие интересы» этнических коллективов (так называемая теория базовых человеческих потребностей – *basic human needs theory*), национальных движений за самоопределение как «возрождение наций» и «парад суверенитетов» (см. критику: *Tishkov* 1999).

Конструктивизм обращает внимание не просто на явление реификации (вызывание к жизни) этничности и на ее базе – групповое оформление. Он обращает внимание и на то, как правовые нормы

вызывают к жизни клиентов на пользование законами, особенно в области преференций или статусного оформления. Одной из причин моего ухода с поста федерального министра по делам национальностей в 1992 г. был мой отказ завизировать указ президента Б. Н. Ельцина о государственной поддержке российского казачества, в преамбуле которого эта форма идентичности на основе некогда существовавшей социокультурной традиции определялась как самостоятельная этническая общность и под обслуживание интересов которой предполагалось создание отдельных государственных структур.

На мой взгляд, это неминуемо должно было вызвать трансформацию общественного движения культурно-исторического характера в реальную общность как минимум среди русского населения. Введение государственного реестра казаков, учреждение управления и совета по делам казачества на уровне высших государственных структур завершило этот процесс. Процедура породила «процесс этнообразования» с присущими ему примордиальными характеристиками исторической значимости, лояльности и коллективного достоинства. В равной мере и федеральный закон 1999 г. о государственной поддержке коренных малочисленных народов Российской Федерации с его значимыми преференциями породил среди этнических активистов лоббистскую кампанию за включение в официальный список, который почти удвоился с момента его первичного одобрения. Некоторые «этносы» возникли вообще из нулевого присутствия, как, например, алюторцы, упоминавшиеся в прошлом в составе корякского народа, отсутствовавшие в переписи 2010 г. и объявившиеся в переписи 2020 г. числом 96.

Убедительные истории конструирования этничности и роль в этом как исторического фактора, так и отдельных личностей, затронуты в статье директора Института социальной антропологии имени Макса Планка (Халле, ФРГ) Криса Ханна, который отметил ключевую роль американо-канадского историка венгерско-русинского происхождения Пола Роберта Магочий в успехе движения *карпато-русин* (или просто *русин*) за признание их как отдельного народа. Так случилось, что во время своих занятий историей и этнологией Канады в 1980-е годы я был лично знаком с профессором Торонтского университета П. Магочий, который возглавлял тогда кафедру украиноведения в этом университете и Общество мультикультурной истории провинции Онтарио. От него я получил в подарок монографию по формированию национальной идентичности населения Закарпатской Руси (*Magosci* 1978). Он был автором исследований по истории Украины, стран Центральной и Восточной Европы, но его главной темой и, можно сказать, жиз-

ненной миссией было изучение истории «Четвертой Руси» – русинского (или карпато-русинского) народа (в добавление к трем основным народам – русским, украинцам и белорусам (*Magosci*, *Pop* 2005).

Магочий был главной фигурой культурного возрождения и коллективного самосознания этой восточнославянской общности, историческая судьба которой сложилась причудливо за время пребывания в составе Габсбургской империи, а затем нескольких государств: Польши, Украины, Словакии, а также Венгрии и Румынии. В СССР русины составили значительную часть населения Закарпатской области Украины. Все эти государства, кроме современной Украины, признали русин как национальное (или этническое) меньшинство. На Украине их считают украинцами. В Словакии, где признаются украинцы как самостоятельная группа, тем не менее 24 тысячи человек объявили себя русинами, а в два раза больше человек назвали русинский своим родным языком. В ситуации с русинами остро стоит вопрос не только их признания, но и преодоления политизированного конфликтного соперничества между близкими украинской и русинской идентичностями на Украине и между русинами и лемки в Польше.

Именно профессор Магочий за несколько десятилетий своих интеллектуальных и активистских усилий создал просветительскую базу под осознание частью жителей восточноевропейского происхождения и владеющих русинским языком себя как отдельный народ. Русинский язык обрел официальный статус в некоторых странах и общее число его носителей оценивается около 100 тысяч человек. Из-за очень большой близости к украинскому языку на Украине его не считают отдельным языком. Магочий был создателем и председателем Всемирного конгресса русинов. Он организовал много конференций и международных кампаний, и К. Ханн делает важное замечание относительно пределов и условий, при которых конструирование (или возрождение) этничности оказывается успешным:

«Случай карпато-русин можно понять только в контексте многовековой истории, которая в итоге привела к разной степени дифференциации от других восточных славян в некоторых самоидентификациях. Это стало возможным под влиянием их нахождения в составе Венгерского и Польского государств, а затем более решительно под влиянием североамериканской диаспоры начиная с конца XIX в. В наше время успех движения русин в большой степени обязан искусному сочетанию активизма и научной деятельности Пола Роберта Магочия. Он шел по следам строителей наций XIX в. и многое сделал, чтобы создать “чувство мы” среди тех, кто не имел его прежде. Политическая либерализация и давление в вопросе признания меньшинств со стороны таких высоких инстанций, как Европейский союз, также сыграли роль в пользу движения» (*Ханн* 2011: 125).

В этой же работе К. Ханн рассматривает ситуацию с идентичностью *осси* – немцев ГДР, которые после полувекого самостоятельного существования в качестве политической нации, оказались поглощены *весси* – населением Западной Германии, составив одно государство ФРГ. В научных и политических дебатах существует проблема, что представляло собой объединение Германии с этнолого-антропологической точки зрения. Бытовая и политкорректная трактовка – это воссоединение разделенной германской нации в единую за счет вхождения населения восточной части Германии в основную нацию. Моя позиция после посещения ГДР в 1969 г. и другие наблюдения наводят на мысль, что 40 лет существования ГДР с мощной идеологической индоктринацией в пользу социалистической идеологии и жизненных норм, не говоря уже о патриотизме на основе спортивных и других достижений, сформировали вполне определенную этнонациональную идентичность. Немцы ГДР были «социалистической нацией» с отличительным коллективным самосознанием, несмотря на разрушительное и даже подрывное воздействие со стороны Западной Германии и собственных диссидентов.

Осознание этого в полной мере проявилось только после разрушения Берлинской стены и «одностороннего» объединения Германии в пользу политических устоев, правовых и жизненных норм ее западной части. Не признания отличительности восточных немцев и даже перевод их в явно приниженное положение (госпожа Меркель – редкое исключение карьерного успеха) вызвали в конечном итоге ресентимент среди так называемых *осси* как устойчивое чувство недовольства и неудачности состоявшего «объединения нации». Ныне это отчетливо проявляется в политических ориентациях электората и в повседневном бытовом дискурсе по поводу социального жизнеустройства. От открытого конфликта идентичностей между двумя группами внутри сообщества немцев (а есть еще и большие историко-региональные различия) Германию спасает другой внутренний вызов – это проблема интеграции в состав немецкой нации значительной части общества в лице не немцев, т. е. иммигрантов и их потомков из других стран и регионов, в том числе мусульманского вероисповедания. Вот как оценивает ситуацию К. Ханн:

«В настоящее время самая главная “этническая” проблема в Германии воспринимается не как противостояние Востока и Запада, а как вопрос интеграции неэтнических “немцев” по всей стране. Таким образом, в последнее время существует пропасть между использованием термина “этническая группа” антропологами, принимающими этот термин в гибких границах, и обычными гражданами. Хорошо образованной интеллигенции и скорее всего большинству ученых, включая антропологов, предложение считать *осси* “этнической группой” покажется почти нелепым. Если турки,

поляки, рома (цыгане) и сорбы должным образом подходят под классификацию "этнических групп" в Германии, тогда не должны ли быть осси чем-то другим? Кажется сорока лет особого социалистического развития никак не может быть достаточно, чтобы создать ощущение "геополитической сферы", к которой Магочий прибегает в случае с Карпатской Русью после отказа от его более ранней аксиомы долговечной примордиальной сущности. Но как долго должна такая геополитическая формация длиться, чтобы создать подобную "мы-группу"» (*Ханн* 2011: 126).

В случае с опытом Габсбургской империи мы имеем исторический отрезок около 150 лет, на протяжении которого существовала в этой империи искусственно созданная при первом разделе Польши провинция Галиция, которая после своего исчезновения оставила сложное наследие в виде условных сообществ, считающих себя поляками, украинцами и лемки (из последних позднее выделяются русины). Но в этом конгломерате идентичностей были также и те, кто стал считать себя «галицийцами» – идентичность, которая сохранялась в диаспорах Нью-Йорка и Тель-Авива, и даже, как пишет Ханн, «отзывалась эхом среди интеллектуалов в львовских кофейнях». По мнению немецкого антрополога, «в этом случае даже 150 лет политического единства оказались явно недостаточны для успешного возникновения и распространения новой коллективной идентичности на обсуждаемой территории» (*Ханн* 2011: 126). Другими словами, *для карпато-русин существовала историческая подоплека, но только уже современные конструкторы в лице Магочия сделали общность русин реальностью*.

Здесь затронут вопрос пределов и условий, при которых оказывается возможным «рождение этноса», т. е. социальное конструирование этничности. Измеряется это не только длительностью хронологического отрезка и политическим фактором, а также и другими обстоятельствами и далеко не всегда одинаковыми. Можно привести пример с российскими (поволжскими) немцами, которых К. Ханн даже не упоминает как отличительную общность в современной Германии. Возможно, для него почти 1 млн переселившихся с территории бывшего СССР (главным образом из Казахстана и России) – это этнические немцы, как все остальное основное население страны. Для меня российские немцы – это вполне отличительная этническая общность («мы-группа»), которая также имеет историческую глубину с момента переселенцев из германских государств в Нижнем Поволжье в 1760-е годы на основании манифестов Екатерины II. Они проживали там компактно до 1941 г.

Существование административной автономии поволжских немцев и коллективная депортация в годы Великой Отечественной войны были факторами, усилившими коллективную идентичность этой группы среди советских людей. Массовая эмиграция в Германию

в момент распада СССР и в 1990-е годы трактовалась германскими властями и общественными лидерами среди самих российских немцев как «возвращение на Родину», как «воссоединение народа», а не как политически или социально мотивированная эмиграция. Мое предложение предусмотреть возможность возвратной миграции в Россию в случае неудачной интеграции, сделанное при подготовке и подписании соглашения о сотрудничестве двух стран по содействию переселению российских немцев в Германию в 1992 г. (я тогда занимал должность министра по делам национальностей и возглавлял межправительственную комиссию с российской стороны), было встречено с недоумением и даже возмущением: «Мы не за колбасой туда едем, а возвращаемся на Родину!» – выговаривали мне энтузиасты переселения.

Скоро история показала, что российские немцы были восприняты в Германии как «русские», как «другие немцы», и далеко не всем удалось интегрироваться в иную этническую среду и культуру. Отсюда факты возвратной миграции, хотя и незначительной. Наша позиция о формировании и существовании в России самостоятельной этнической общности российских немцев нашла свое подтверждение не только в этой жизненной ситуации, но также и в фундаментальном научном исследовании (*Российские немцы* 2021).

Что позволило этой группе сохранить свою идентичность и культурную отличительность, несмотря на языковой переход в пользу русского языка, высокую степень брачного смешения и сильную культурную ассимиляцию, а также дисперность расселения в XX в. по территории двух стран? В данном случае я бы назвал такие позитивные факторы как привезенная с собой европейская культурная традиция жизненного обустройства, существование несколько десятилетий самостоятельной автономии и воздействие аффирмативной советской национальной политики. Но есть и «ограничительные» (негативные) факторы, мешавшие более полной ассимиляции и культурному растворению данной группы: это война с Германией и насильственное переселение в Сибирь и в Казахстан с «поражением в правах» и с особой пометкой в паспортах. И даже звучание немецких фамилий, которые сильно отличались от наиболее распространенных в стране именований, могло быть одним из ограничителей для смены национальности. Так что есть повод для дальнейшего более внимательного рассмотрения откуда рождается, как существует и какое будущее имеет та или иная этничность.

Необходимость доработки теории этничности

Есть еще одна полезная особенность рассматриваемого нами подхода. Конструктивизм берет за основу следующий тезис: индивиды могут иметь множественную этническую идентичность,

которая может изменяться в зависимости от политических и экономических факторов. Но как быстро происходит эта смена и каковы мотивации людей, меняющих идентичность? Есть идентичности более жесткого, предписанного плана и есть более подверженные переменам. Здесь нужны разъяснения и доработка теории этничности, хотя, казалось бы, сделано уже много.

Одна из проблем нашей сегодняшней науки – это отсутствие работающего определения самого понятия «этничность» (несмотря на то, что я и сам являюсь автором энциклопедических статей об этом понятии; см.: *Тишков* 2022; *Tishkov, Sokolovskii* 1996: 190–192). Нельзя не заметить, что при всем внимании к проблеме собирания данных об этом явлении по всему миру, проведении многочисленных и изощренных опросов и их машинных обработок ученые – этнологи и антропологи, работающие в русле идей конструктивизма, чаще всего обходятся без выяснения, что имеется в виду под данным словом, т. е. самим предметом изучения.

Конечно, можно сказать, что этой неопределенностью «конструктивизм как бы косвенно признает функциональную закрепленность (*fixedness*) за этим явлением и его эндогенность (*exogeneity*)» (*Chandra* 2012: 8). Однако этого недостаточно: сущностная неясность порождает запутанные интерпретации наподобие упоминания (не)воздействия лекарств на представителей этнических групп в лекарственных инструкциях. На самом деле речь идет о расовых отличиях при воздействии определенных препаратов.

Видимо, необходимо обновление самого словаря и языка описания этничности. Упор должен быть не только на групповые показатели (классификация, численность, распространение и т. д.), но и на механизмы воспроизводства, управления и использования этничности. Здесь могли бы быть полезны своего рода микроанализы как, например, исследование под руководством Е. А. Варшавера, изучавшего на примере жителей Дагестана поведенческие мотивы и историко-культурные установки в ходе опроса о национальности при проведении переписи населения (*Варшавер* 2022).

Полезным мог бы быть анализ личных историй, причем не только рядовых участников переписных и других процедур по части их этнического выбора и поведения. Мне давно представляются загадкой ситуации, когда профессиональный ученый-этнолог в собственной жизни устраивает семью с «иноэтничным» партнером также нерусской национальности, воспитывает собственных детей в русскоязычной среде и культуре, каждый день общается в полиэтничном коллективе, но остается сторонником жесткого этногруппизма, всячески утверждая в собственных писаниях постулаты этнической уникальности и «межнациональных отношений». При этом, как

правило, никакой саморефлексии или хотя бы внутреннего критического взгляда на свое профессиональное и семейно-родственное окружение не обнаруживается. Даже тема антропологии академической жизни обходит стороной этот интересный сюжет. Такое впечатление, что здесь действует ныне известная формула двойного стандарта: «А это другое!»

Однако это не другое, а именно то самое, что пока плохо осмысливается на личностном уровне самими «практиками этничности» (теми, кто работает с вопросами этничности) и проецируется ими на своего рода внешний контур. Ведь если наше российское согражданство мы делим на «народы России», то почему не считаем подходящим пользоваться этим же разделительным принципом в отношении собственного служебного или семейного круга? И если это действительно «другое», то есть коллектив Института этнологии и антропологии РАН (не говоря уже о собственной семье) составляют «один народ» (не путать со словом «единый»!), почему бы тогда не апробировать такой же взгляд и на местное, региональное или страновое сообщество?

Можно, конечно, признать разделительную силу социального и религиозного факторов в среде человеческих сообществ. Этничность тоже может быть не последним разделителем, но делать обязательным занятием народоведческое натаскивание («Мы все – разные!»), начиная со школьной скамьи, – это явно вступать в противоречие с повседневностью, с личностными стратегиями человека, желающего преуспевать в жизни как можно в более широком и сложном социокультурном пространстве одной страны и даже за ее пределами.

Перспективы этнического многообразия и его трактовки

Надо признать с большим сожалением, что этническое многообразие чаще рассматривается как проблема в мире политики, которая должна разрешаться или через внедрение гомогенности, или через групповое разделение, в том числе и через раздел государственных территорий. Некоторые предлагают решать проблему через ликвидацию основы для этнической мобилизации меньшинств или через ограничения для этнического большинства. Здесь вопрос не в этничности, а в сопровождающих факторах, которые взаимодействуют с этничностью. Этническое разнообразие может служить миру и развитию, даже укреплению общего государства и быть препятствием к его распаду.

На наш взгляд, конструктивистский подход способен помочь преодолеть своего рода негативный контент, заключенный в анализируемом нами феномене, когда этническое многообразие чаще

всего связывается с рисками для государственного строительства, когда его ассоциируют с существованием режимов, которые менее демократичны, хуже управляются, больше предрасположены к конфликтам (*Rothschild* 1981; *Horowitz* 1985; *Wimmer* 2013). Есть работы, которые обосновывают именно этническим фактором наличие бедности и других социальных проблем. Наиболее разрушительной нам представляется трактовка существования этнических общностей в составе государств как непреодолимого препятствия к нациестроительству на полиэтничной, гражданской основе. Национальное государство мыслится только как моноэтничное государство, но даже в варианте «державы-цивилизации» многообразие должно обрести форму некоего выбора в пользу доминирующей этничности. Вот как это понимает известный российский политолог Д. Тренин:

«Ядром российской цивилизации-державы являются русские люди, с их языком, культурой и религией, но этнический момент в рамках единой цивилизации не является определяющим. Напротив, русское сообщество является открытым, свободно и на равных принимающим в свой состав не только отдельных представителей других этносов, но и сами эти этносы целиком. Русскими могут быть и являются и татары, и якуты, и чеченцы, и многочисленные этнические группы Дагестана» (*Тренин* 2022: 35).

Существует довольно убедительная критика публикаций, выводивших, казалось бы, убедительные формулы, согласно которым, чем выше степень этнической и языковой гетерогенности того или иного общества (государства), тем оно беднее, тем ниже темпы его развития в сравнении с этнически гомогенными сообществами (*Easterly, Levine* 1997; *Alesina, Ferrara* 2005). Однако в научной повестке остается задача доказать, что этническое многообразие и культурная сложность – это ресурс и даже условие успешного и мирного развития как общества, так и отдельного человека. Пока в этом направлении учеными сделано недостаточно (*Millrine, Vijic* 2017; *Luiz* 2015).

Подводя итоги анализа познавательных подходов в антропологии и этнологии, сошлюсь на следующее полезное высказывание К. Чандры:

«Конструктивистский подход не отвергает, как это зачастую считают, примордиальные интерпретации этнических идентичностей. Он их проблематизирует. Если этнические идентичности действительно конструируются, тогда при каких условиях примордиальные трактовки этих идентичностей вызываются и укореняются в жизни? Почему именно примордиальные взгляды в бóльшей степени связываются с одними этническими категориями и меньше с другими? Как воздействует на людей осознание ими природы этничности как сконструированной или как примордиальной? Парадоксально, но исходя из конструктивистских оснований, мы можем лучше познать и корни примордиализма» (*Chandra* 2012: 8).

В чем заключается это новое проникновение в природу примордиализма? К. Чандра и ее соавторы выделяют два типа этничности:

номинальную этническую идентичность как категорию, при которой основанные на происхождении характеристики дают человеку возможность группового членства, и *активированную этническую идентичность* как категорию, при которой человек действительно практикует членство (или таковое ему приписывают другие). Все люди обладают определенным репертуаром номинальных идентичностей, из которых одна или более могут быть задействованы в конкретный момент. Здесь важно различать такие вещи, как свойства и категории.

По этой причине мне представляется возможным считать, что *этничность – это и категория, и группа как кластер индивидов, которые разделяют то или иное приписываемое обозначение, но совсем необязательно считают себя одним коллективом с общими интересами*. Как мне однажды признался М. Н. Губогло, «во время депортации в Сибири я и мои родители были выселенными из Молдавии гагаузами, при поступлении в МГУ я выбрал близкую мне и более понятную всем болгарскую национальность, за время жизни в Москве и работы в Академии наук я стал и считаю себя русским, но когда я еду в отпуск или в экспедицию в Гагаузию, то снова становлюсь гагаузом». Насколько я помню, в 1991 г. его как знатного соплеменника даже приглашали стать президентом Гагаузской республики, но он не стал делать этот сулящий неспокойную жизнь выбор. Какая из этих идентификаций моего покойного товарища была номинальной, а какая задействованной – я затрудняюсь сказать, а спросить уже нет возможности.

Этот момент этнического выбора и этнического дрейфа был рассмотрен также Роджерсом Брубейкером как «этничность без групп» (*Брубейкер* 2012), а применительно к отечественному материалу мы рассматривали ситуацию с наличием в номенклатуре «народов России» нескольких десятков условных кластеров, которые никакими сообществами не являются, хотя присутствуют в итоговых переписных документах как самостоятельные этнические категории, т. е. как «народы» (*Тишков* 2021).

Нам еще предстоит серьезный разговор на тему, почему несколько сотен британцев являются «народом России», а такое же число попавших в российскую перепись нигерийцев пребывают в обезличенной графе «другие национальности». Но и про суть этнической материи мы разговор не заканчиваем. Как было отмечено выше, авторитетные коллеги в целях учета примордиальных факторов предлагают обратить особое внимание на роль *десцентного принципа* (принцип общего происхождения). Он присутствует как в обыденном мышлении, так и в общественных практиках (например, в опросных формулах об этническом происхождении (*ethnic origins*) или этнической принадлежности (*ethnic belonging*).

Именно этот принцип позволяет зачислять в этнические группы довольно разные по своей содержательной сути категории-группировки. Но мы в свое время предложили дополнить формулу словом «миф» (об общем происхождении). Эта новация ныне стала общепринятой, ибо мы в реальности имеем дело чаще всего не со строгой академической версией, а с версией из разряда так называемой *фольк-хистори (folk history)* – той, что присутствует в массовом дискурсе и одобряется им. В таком случае мы снова возвращаемся на круги своя: в разные времена и в разных обстоятельствах меняются мифы о происхождении, а значит, меняются и конструируемые на их основе групповые идентичности. К. Чандра предлагает рассматривать подобные изменения на коротком отрезке времени как «процесс реклассификации элементов из фиксированного набора характеристик, понимаемый в данном случае как рекомбинация» (*Chandra* 2012: 11). Отсюда появляется, по ее мнению, перспектива теоретизирования этнических перемен с использованием так называемой комбинаторики – раздела математики, посвященного решению задач, связанных с выбором и расположением элементов некоторого множества в соответствии с заданными правилами. Однако это уже другая история, и не для тех, кто не силен в математике.

Литература

Банников 2022 – *Банников К. Л.* Инстинкт гармонии смыслов. Информационная теория этноса: аспекты и интерпретации (К 90-летию Сергея Александровича Арутюнова). М.: ИЭА РАН, 2022.

Бергер, Лукман 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.

Брубейкер 2012 – *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Брук 1986 – *Брук С. И.* Население мира: Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1986.

Варшавер 2022 – *Варшавер Е. А.* В ловушке двойной иррелевантности: (вос) производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе Всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 199–221.

Головнёв 2022 – *Головнёв А. В.* Многонародность России: взгляд с Севера // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 6–32.

Кара-Мурза, Куропаткина 2014 – *Кара-Мурза С. Г., Куропаткина О. В.* Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм; Научный эксперт, 2014.

Основы этнологии 2007 – Основы этнологии: учебное пособие / Под ред. проф. В. В. Пименова. М.: Изд-во МГУ, 2007.

Российские немцы 2021 – Российские немцы / Под ред. Т. Б. Смирновой, В. А. Тишкова. М.: Наука, 2021.

Рыбаков 2001 – *Рыбаков С. Е.* Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001.

Тишков 2001 – *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.

Тишков 2013 – *Тишков В. А.* Российский народ: История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

Тишков 2021 – *Тишков В. А.* Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М.: Издательство «АСТ», 2021.

Тишков 2022 – *Тишков В. А.* Этничность // Большая российская энциклопедия. 2022. URL: https:// bigenc.ru/c/etnichnost-dbde36

Тренин 2022 – *Тренин Д. В.* Кто мы, где мы, за что мы – и почему // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 3. С. 32–42.

Финнемор 2020 – *Финнемор М.* «Нам нужно было убедить коллег, что конструктивизм обладает объяснительной силой…» // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 2. С. 110–121.

Ханн 2011 – *Ханн К.* Пределы конструктивизма в теории этничности: раздумья по поводу «четвертой Руси» и «второй Германии» // Антропология социальных перемен: сб. статей / Под ред. Э. Гучиновой, Г. Комаровой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 115–128.

Щипков 2018 – *Щипков А. В.* Вопросы идеологии. М.: Абрис, 2018.

Якимова 1999 – *Якимова Е. В.* Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы: науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1999.

Alesina, La Ferrara 2005 – *Alesina A., La Ferrara E.* Ethnic Diversity and Economic Performance // Journal of Economic Literature. 2005. Vol. 43. № 3. P. 762–800.

Chandra 2012 – *Chandra K.* (ed.) Constructivist Theories of Ethnic Politics. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Easterly, Levine 1997 – *Easterly W., Levine R. E.* Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions. 1997. URL: https://ssrn.com/abstract=88828

Geertz 1973 – Geertz C. The Interpretations of Cultures. Selected Essays. New York: Basic Books, 1973.

Horowitz 1985 – Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: California University Press, 1985.

Luiz 2015 – Luiz J. The impact of ethno-linguistic fractionalization on cultural measures: Dynamics, endogeneity and modernization. // Journal of International Business Studies. 2015. Vol. 46. P. 1080–1098.

Magosci 1978 – *Magosci R. P.* The shaping of a national identity: subcarpathian «Rus», 1848–1948. Cambridge, MA, 1978.

Magosci, Pop 2005 – *Magosci R. P.* and *I. Pop* (eds.). Encyclopedia of Rysian History and Culture. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2005.

Millrine., Vijic 2017 – Millrine M., Vijic S. Revisiting Easterly and Levine (1997): Replication and extension // Working Papers 2017007. University of Antwerp, Faculty of Business and Economics, 2017.

Rothschild 1981 – Rothschild J. Ethnopolitics. A Conceptual Framework. New York: Columbia University Press, 1981.

Tishkov 1999 – Tishkov V. Ethnic conflicts in the former USSR: the use and misuse of typologies and data // Journal of Peace Research. 1999. Vol. 36. № 5. P. 571–591.

Tishkov, Sokolovskii 1996 – *Tishkov V., Sokolovskii S.* Ethnicity // Encyclopedia of social and cultural anthropology. London; New York, 1996. P. 190–192.

Wimmer 2013 – *Wimmer A.* Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks. New York, NY: Oxford University Press, 2013.

Woodbury 2018 – *Woodbury S.* From Many Cultures, One Nation. Ethnicity and Nationalism in Belizean Children. 2018.

Часть II

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРЕПИСНЫХ КАТЕГОРИЙ

Глава 5

ПРАКТИКИ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ*

В этой главе речь пойдет о важной процедуре, которая определяет процесс установления (наличия) этнического многообразия и служит основой для оформления этого многообразия в группы-общности, называемые в разные эпохи и в разных обществах по-разному (в России, как правило, это «народы»). Я говорю о переписях населениях, которые, если не считать Иосифа с Марией, 2025 лет тому назад шедших на перепись в Вифлеем, и «Ревизские сказки» XVIII в. в Российской империи, в их регулярном и всеохватном формате проводятся в мире с конца XIX в. (в некоторых странах – с середины века и даже раньше). В настоящее время не менее 150 государств организуют всеобщие переписи, и во многих из них фиксируется этнический и расовый состав и реже – конфессиональный.

Как правило, специалисты и управленцы считают всеобщие переписи населения надежным поставщиком знания о населении стран мира, называя их зачастую «зеркалом общества». Однако, как пишет Е. А. Варшавер,

«в последние десятилетия, однако, этот взгляд – под влиянием разных, прежде всего социологических, традиций, – был пересмотрен, и перепись стала рассматриваться как способ воображения государствами объекта управления… а также признаваться в большей степени ареной политической борьбы, нежели объективным инструментом отображения реальности… При таком подходе особая роль отводится категориям, призванным описать этническое разнообразие. Это связано с особым онтологическим и эпистемологическим статусом этничности *per se*, которая, как следует из установившегося конструктивистского консенсуса… считается высококонтекстным явлением и, почти универсально регулируя отношения между

* Глава написана на основе статьи: *Тишков В. А.* О переписывании народов, или деконструкция переписей населения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 183–211. https://doi.org/10.31857/S0869541523040085 EDN: HJKIZH

людьми, делает это всякий раз посредством разного набора исторически сложившихся категорий (*Варшавер* 2022: 201–202).

Тезис об этничности как универсальном регуляторе человеческих отношений я считаю преувеличением, однако могу согласиться с тем, что перепись, точнее – ее организаторы и экспертные сопроводители, выступают конструкторами этнических категорий, через которые «этническая реальность оживает». В свое время важным научным результатом по этой теме была публикация сборника статей «Перепись и идентичность. Политика расы этничности и языка в национальных переписях населения» (*Kertzer and Darel* 2002), а также серия международных коллоквиумов с обсуждением опыта разных стран, проведенных при Браунском университете под руководством социального демографа, профессора Дэвида Кертцера. В данном сборнике статей отправным моментом было положение, что организуемые государствами переписи населения, включая составляющие их категории и численные данные, оказывают существенное воздействие на то, как люди конструируют (определяют) гражданство и коллективные идентичности. Как писал один из авторов,

«это воздействие проистекает не из индивидуальных ответов на переписные вопросы, такие как национальность, а из того, каким образом эти ответы коллективно (в своей сумме) анализируются, транслируются на уровень государственной политики, воспринимаются как данное (как социальные факты) и становятся основой политической мобилизации для достижения определенных практических целей (например, соблюдение религиозных законов, использование языка в сфере образования, доступ к рабочим местам). Перепись, таким образом, не должна рассматриваться просто как инструмент государства для подавления, успокоения меньшинств, чтобы сохранять образ культурно гомогенной нации. Облаченные в цифры культурные категории сдерживают и определяют действия всех политических акторов, и появляется определенное давление на тех, кто действует от имени государственных институтов, уживаться с тем социальным фактором, что нация-государство состоит из разнообразных и плюралистических сообществ» (*Abramson* 2002: 196–197).

Сходные выводы сделала американский антрополог Фрэнсис Хирш на материалах ранних советских переписей и этнографического картографирования (*Hirsch* 2005; *Хирш* 2022), а Е. И. Филиппова совместно с Домиником Арелем и Кэтрин Гусеф выявили инструменталистскую подоплеку первой постсоветской переписи населения 2002 г. (*Этнография переписи – 2002* 2003). По материалам российской переписи 2021 г. Е. А. Варшавер провел полевое исследование в Дагестане и сделал ряд наблюдений о процедуре опросов, роли традиции патрилинейности и шире – *десцетного фактора* (генеалогический, линейный принцип происхождения) в поведении людей в ходе взаимодействия переписчиков с перепи-

сываемыми. Несмотря на то что выяснить полную картину дагестанских хитросплетений в определении этнической номенклатуры в этой республике непросто, вывод исследования заслуживает внимания:

«С одной стороны, статус и прагматика этнических категорий в современном Дагестане далеко не очевидны, с другой – слабо осмысленной для всех участников является и перепись, при том что она оказывается одной из важных форм воспроизводства этничности… Несмотря на все это, правила, согласно которым этничность и ее атрибуты определяются применительно к отдельным индивидам, четкие и универсальные: национальность передается по отцу и никогда – по матери. Жесткость этих правил и их содержание позволяют предположить, что советская классификация национальностей, пришедшая в Дагестан с советской властью, была интерпретирована местным населением через призму отживавших свое тухумов. Это, в свою очередь, позволяет поднять вопрос о корнях современных форм существования этничности и посмотреть на этничность в более широком историческом ключе через призму конструктивистских теорий, предполагающих, что этничность отличает от прочих социальных классификаций особое правило членства в этнических категориях» (*Варшавер* 2022: 217).

К вопросу о доработке концепции этничности мы обратимся в конце главы в контексте того, как конструктивизм помогает понимать примордиальные корни этничности.

Этничность как процесс и как процедура

Для нашего анализа важно, что скрывается, а точнее – какие смыслы вкладываются в понятие этничности. Применительно к переписям населения этот вопрос мы уже задавали неоднократно, начиная с подготовки первой постсоветской переписи (*Тишков* 2001, 2002, 2003; *Тишков, Степанов* 2004), но, несмотря на большое количество дискуссий и написанных текстов на эту тему, до сих пор вопрос все еще не прояснен.

Действительно, многие страны и их национальные переписи в настоящее время подсчитывают или ранее пересчитывали свое население по расе, этнической принадлежности, национальности или по сочетанию этих характеристик. В разных странах существуют разные классификации и варианты вопросов переписи, которые не сопоставимы с данными из других стран. При этом следует учесть, что представления о расе и этнической принадлежности, появляющиеся в национальных переписях населения в мире, берут свое начало в Европе или во взглядах европейцев, а не во взглядах местных жителей. Одно можно сказать определенно, *что категория этничности носит сложный характер, частично или полностью в ряде ситуаций сливаясь с расовой*

принадлежностью или с национальностью, трактуемой чаще всего как страновая, гражданская принадлежность.

Но нас интересует и другая форма сложности, а именно – сложность в пределах самой этничности, понимаемой как отличительность по культурно-языковым и идентификационным характеристикам. При этом не следует путать с «многонациональностью», т.е. наличием многих этнических сообществ в рамках одного социополитического пространства. Я имею в виду сложность другого свойства: когда личностное самосознание заключает в себе лояльность и чувство принадлежности к двум или нескольким культурным традициям и сообществам. Эта двойственность этнического самосознания может быть как «горизонтальной» (напр., по двум разноэтничным родителям), так и «вертикальной» (напр., по большой группе/культуре и по малой как части большой группы/культуры).

Понимание этничности в более широком мировом контексте чаще всего характеризуется отсылкой к своего рода отличительной первооснове, а именно – к «принадлежности» или к «происхождению». Известные всем *ethnic belonging* и *ethnic origin* присутствуют повсеместно в статистических обследованиях еще до того, как по их итогам появляются *ethnic groups*: последние как бы конструируются из первого, что важно для понимания того, как осуществляется процедура этнических группировок. Ведь если во время переписи спросить человека: к какой этнической группе он принадлежит, то десятки и сотни разбросанных и никак между собой не связанных представителей некоторых национальностей ни в какую группу не входят, никаких связей не поддерживают и не знают в лицо друг друга, и по этой причине ни к какой группе не принадлежат! Таких случайно обнаруженных в переписи и никак не актуализированных собственным поведением *условных сообществ* в российской переписи многие десятки. Группой, а значит, «народом» они становятся после публикации списка этнических категорий, которые уже после и почти обязательно трактуются как «народ России».

Для примера назову численностью по полтора десятка аджарцев, мегрелов, ингилойцев, сванов, лазов, грузинских евреев, которые в российской переписи числятся как отдельные «народы». Может быть, это делается, чтобы досадить властям Грузии, где все эти идентичности считаются грузинами, или, возможно, просто по инерции прошлых этнографических разработок. К этому списку можно добавить уже недавно появившихся боснийцев (100 чел.), македонцев (155 чел.), черногорцев (85 чел.), которые в последней переписи дополнили список, доведя его уже до 200! Это, кстати, и есть один из примеров проявления социального конструктивизма в сфере этнической политики. О других проявлениях, а точнее –

объяснениях изучаемого феномена с позиций данного методологического подхода, будет сказано ниже.

Форма «принадлежности» появилась в российской переписи с 2002 г., когда по моей рекомендации вопрос «Ваша национальность?» был изменен на «Ваша национальная принадлежность?» Однако мое предложение было несколько иным: в 2002 г. вопрос должен был сформулироваться так: «Ваша национальная (этническая) принадлежность?», а через 10 лет, при следующей переписи: «Ваша этническая (национальная) принадлежность?» (т. е. слова менялись местами). После такого «обучения» через 20 лет можно было бы опробовать и более прямой вопрос об этничности с возможностью сложного ответа в том числе. Это позволило бы отделить данный вопрос от вопроса о гражданстве, т. е. национальности (*nationality*) в смысле страновой принадлежности, как это принято в мире и как привыкли это понимать многие россияне, заполняющие визовые анкеты для заграничных поездок.

После переписи 2021 г. возникли сомнения и по поводу нынешней формулировки в переписном вопроснике. Причина: якобы непонимание частью переписываемых самого слова «принадлежность», которое могло трактоваться переписываемыми как чисто этнографическая отсылка к культурной традиции или даже к стране. Вот что пишет по этому поводу В. В. Степанов:

«Перепись 2020/21 показала, что респондентов вводит в заблуждение не слово “национальная”, а слово “принадлежность”… В переписи 2002 г., как и последующей 2010 г., а также в микропереписи 2015 г. переписчики имели возможность пояснять опрашиваемым, что это вопрос о вашей национальности. А при переписи 2020/21 переписчик во многих случаях отсутствовал, и часть респондентов восприняла вопрос о национальной принадлежности, как необходимость сообщить сведения о неких национальных “принадлежностях”. По этой причине в своих переписных листах люди перечисляли “принадлежности” – блюда национальной кухни, традиционные костюмы, наряды, сувениры, упоминали государственные и культурные символы страны и своего региона, природные объекты, народные и религиозные праздники (напр., “навруз”, “курбан байрам”). Некоторые заявляли, что национальная принадлежность – это “русская литература”, “русская музыка”, “русский хор”, “русская земля”, “русская зима”, “русская душа”. Были и такие, кто сказал, что это “русские инновации”. Другие респонденты восприняли слово “принадлежность”, как требование указать личную причастность к государству. Некоторые респонденты полагали необходимым сообщить свою “принадлежность” к адресу места жительства или рождения. Немалое количество жителей центральных российских регионов, указавших в качестве своего родного языка русский язык, явно обладающих также и русской самоидентификацией, ее не указали, а в своих переписных листах обозначили, что “принадлежат России”» (*В. В. Степанов – В. А. Тишкову*, 17 февраля 2023 г., личная переписка).

Степанов и некоторые другие эксперты делают из данной коллизии, на мой взгляд, неправильный вывод о необходимости вернуть старую формулу «Ваша национальность?», считая, что население страны вполне адекватно понимает под этим именно этническую принадлежность, а не что-то другое. Это большая ошибка – призывать вернуться к прошлой трактовке категории «национальное» как заместителя «этнического» вместо движения в сторону этничности и отделения последней от национального или хотя бы их равнозначного употребления. Идя навстречу привычному, вполне возможно сочетание или сопряжение двух категорий в публичном и научном языке, что и предусматривала моя формулировка. Кстати, можно привести и некоторые мировые примеры на эту тему. Так, например, название в одной из деклараций ООН сформулировано следующим образом: «О правах личностей, принадлежащих к национальным (этническим), расовым, религиозным и языковым меньшинствам».

В случае формулировок в переписи в стране, в которой уживаются и даже перемешиваются этническое и национальное, предпочитают делать подсказки для переписываемых: «Ваша принадлежность к национальной группе (не путать с гражданством)». Так, например, записано в вопроснике переписи населения Польши.

Вопрос о множественной этничности в российском контексте требует своего осмысления, особенно в варианте «происхождение» в его не единичном числе, позволяющем перечислять два, три и даже более «этнических корней», как это позволяют переписи других стран. В России этот вопрос возник только при проведении последней переписи, ибо Росстат под давлением этнологов и международных рекомендаций впервые предоставил возможность записать вторую национальность, но только в той же строке ответа и через запятую. При этом никаких разъяснений сделано не было, а при переписи по интернету добраться до этой подсказки было трудно. Но даже и в этом случае Росстат поступил довольно жестоко: вообще не стал подсчитывать «вторую национальность», сочтя это вместе с чиновниками из ФАДН недопустимой инновацией со стороны ученых.

Прежде чем перейти к анализу опыта «переписывания народов» в интересующем нас аспекте этнической множественности, напомним о нынешних международных стандартах, сформулированных в рекомендациях ООН по проведению переписей населения. Вот как выглядит эта часть документа под названием «Принципы и рекомендации для переписей населения и домохозяйств. 3-я ревизия»:

4.4. Этнокультурные характеристики.

4.172. Страны с культурно сложным населением могут пожелать собирать информацию об этнической идентичности (или составе) населения, материнском языке, владении и пользовании языками, о религиозных

сообществах и деноминациях. Это все характеристики, которые позволяют людям гибкость в выражении их этнокультурных идентичностей по их собственному усмотрению. Сведения о таких этнокультурных характеристиках населения наиболее значимы для стран в контексте проблем миграции, интеграции и политики в отношении меньшинств.

4.173. Этнокультурные характеристики в целом носят субъективный характер, поскольку зачастую не существует общего подхода в отношении того, какие именно характеристики и какова их концепция в той или иной переписи. Более того, разные страны используют разные концепции. Этнокультурные характеристики могут также быть политически чувствительными и могут касаться крайне малочисленных, но тем не менее отличительных подгрупп населения. Поэтому свободная и открытая декларация респондентов имеет важное значение. Члены определенных групп меньшинств могут быть в уязвимом положении в части дискриминации по причине этнической или религиозной принадлежности. Поэтому требуются особое внимание и особые переписные процедуры относительно этнической группы и религии с целью показать респондентам, что обеспечены необходимая защита данных и контроль за их обнародованием. В некоторых случаях страны даже могут собирать эти данные на добровольной основе, если это позволяет национальное законодательство. ⟨…⟩

4.184. При широком ее понимании, этничность основывается на общем понимании исторических и территориальных корней (региональных или национальных) этнической группы или общности, а также на особых культурных характеристиках, таких как язык или религия. Восприятие респондентами или их представления об этничности, знание их семейных корней и числа поколений, проживающих в стране, длительность пребывания после иммиграции, – все эти факторы могут влиять на ответы об этничности во время переписи. Этничность – многоаспектный феномен, это больше процесс, чем статическая концепция, и по этой причине этническую классификацию следует трактовать с учетом подвижности ее границ.

4.185. Этничность может измеряться на основе разных концептов, включая этническое наследие или происхождение, этническая идентичность, культурные корни, национальность, раса, цвет кожи, статус меньшинства, племя, язык, религия или в комбинации разных концептов. ⟨…⟩

Метод и формат используемого для измерения этничности переписного вопроса могут оказывать влияние на выбор респондентом ответа относительно этнического бэкграунда и настоящей этнической идентификации. Субъективная природа самого термина (не говоря уже о растущем числе смешанных браков среди разных этнических групп в некоторых странах) требует, *чтобы информация об этничности реализовывалась через самоидентификацию респондента, а также позволяла респонденту возможность указывать множественную этническую идентификацию* (курсив мой. – *В.Т.*). Сведения об этничности не должны основываться на стране гражданства или стране рождения. Классификация этнических групп также требует учет ясно выраженных этнических групп, самоопределяющихся групп, региональных и локальных групп, а также групп, которые обычно не считаются этническими группами, такие как религиозные группы или группы на основе национальности.

4.186. Респонденты, если они того пожелают, должны быть свободны в указании более чем одной этнической принадлежности. Странам следует разъяснять в переписных инструкциях и в переписной документации, каким образом следует сообщать об этничности детей в смешанных семьях (например, содержать ясные инструкции, позволяющие респондентам записывать множественные ответы или позволять ответы типа «Biracial»). Также должна быть гарантия для свободного самовыражения этничности и респондентам предоставлена возможность отвечать «Нет» или «Не сообщаю».

4.187. Поскольку этнокультурный состав населения страны может сильно разниться от страны к стране и по причине разных подходов и разных критериев по определению этничности признано, что не существует единого определения или классификации, которая может быть рекомендована для использования всеми странами. Однако странам следует устанавливать базовые критерии и классификационные процедуры относительно этничности и информировать потребителей сведений о принципах, на которых основывается перепись (*Principles* 2017: 203–205).

Из всех внешних «агентов влияния», на мой взгляд, Организация объединенных наций в данном вопросе остается вполне авторитетным международным институтом, мнение которого должно учитываться.

Зарубежный опыт переписывания множественности

Этот опыт достаточно богатый и активно обсуждаемый среди антропологов и статистиков (*Kertzer, Arel* 2002; *Alonso, Starr* 1987; *Blum, Gousseff* 1997; *Caballero et al.* 2008; *Chandra* 2006). Появились первые публикации на данную тему и в отечественной науке (*Тишков, Кисриев* 2007; *Варшавер* 2022; *Бубликов, Ткачев* 2022). Для нас может представлять интерес опыт стран, переписные традиции и трактовка этничности в которых во многом соотносятся с советским/российским опытом. Возьмем для примера Польшу, которая выглядит в обычном восприятии как моноэтничное государство. Однако на самом деле в этой стране проживают этнические меньшинства, составляя около 6% населения. Антимигрантская политика и польский этнонационализм не дают особых оснований для изменения этнического состава в ближайшей исторической перспективе. Однако важно то, что в переписи 2011 г. вопрос об этничности (национальности) позволял дать один или два ответа. Вопрос был сформулирован следующим образом: *«Какова ваша национальность в понимании как национальная или этническая принадлежность (не путать с гражданством)?»* Здесь же приводился список наиболее распространенных в стране национальностей (14), а под номером 15 можно было записать любую другую. Далее следовал вопрос: *«Вы ощущаете свою принадлежность также к какой-либо другой нации или этнической группе? Если* “*да*”*, то укажите».* И вот что получилось (табл. 1).

Таблица 1. Этнический состав населения Польши по переписи 2011 г. с возможностью дать один или два ответа о национальности

Национальность	Численность всех ответов (тыс. чел.)	В том числе указавших первую национальность (тыс. чел.)	В том числе указавших как единственную национальность (тыс. чел.)	Доля всех ответов (%)	Доля указавших первую национальность (%)	Доля указавших как единственную национальность (тыс. чел.)	Разница с 2002 г. (тыс. чел.)
Поляки	36 085	36 007	35 251	93,72	91,52	91,56	899
Силезцы	809	418	362	2,10	1,09	0,94	636
Кашубы	228	17	16	0,59	0,04	0,04	223
Немцы	109	49	26	0,28	0,13	0,07	44
Украинцы	48	36	26	0,12	0,09	0,07	17
Белорусы	47	37	31	0,12	0,10	0,08	2
Цыгане	16	12	9	0,04	0,03	0,02	3
Русские	13	8	5	0,03	0,02	0,01	7
Американцы	11	1	1	0,03	0,03	003	9
Лемки	10	7	5	0,03	0,02	0,02	4
Англичане	10	2	1	0,03	0,01	0,03	9
Другие	87	45	34	0,23	0,012	0,09	
Не определена	1862	1862	–	4,84	4,84	–	1087
Всего	38 501	38 501	38 501	100,00	100,00	100,00	271

О чем говорят эти данные? На наш взгляд, они мало что дают, кроме открытия *кашубов* – «скрытого» меньшинства, которых в сочетании с другими оказалось 228 тыс. по сравнению с 33 тыс. в случае, если бы фиксировался единичный вариант. Однако важен сам факт, что страна с населением 38,5 млн человек освоила фиксацию множественной этнической идентификации.

Аналогичный подход стала использовать Венгрия. Там 34-й вопрос опросника формулировался так: *«К какой национальности вы ощущаете свою принадлежность?»* Далее следовал список из 18 групп, наиболее распространенных в этой стране (включая самих венгров), с возможностью записать и другую национальность. А следующий (35-й) вопрос гласил: *«Если Вы думаете, что принадлежите к другой национальности в дополнение к отмеченным другим, тогда укажите».* Следовал тот же самый список из 18 групп, включая венгров, а также возможность указать и другую национальность.

Переписной вопросник Чешской Республики содержит вопросы: *«Какой ваш материнский язык? Вы можете указать два языка»; «Этническая информация не обязательна. Вы можете указать две этничности».* Таким образом, в Польше, Чехии и Венгрии во время переписи ныне фиксируется множественная этническая (национальная) принадлежность. По этому пути пошли или планируют пойти и ряд постсоветских государств. Здесь, конечно, сказывается воздействие опыта других стран и рекомендации ООН, но и для тамошних коллег-этнологов феномен множественной идентичности не кажется из ряда запредельных для понимания и использования, хотя, конечно, советская традиция трактовки этничности обладает сильной инерцией.

Обратимся более подробно к переписному опыту крупных полиэтничных государств мира, которые не только фиксируют этничность, но и делают это согласно новым подходам в понимании самого феномена и согласно рекомендациям международных статистических институтов. Из опыта зарубежных стран наиболее апробированными по части множественной расы (*multiple race*) и смешанной этничности (*mixed ethnicity*) выглядят переписи населения США, где уже три раунда переписей прошли по новым методикам фиксации, подсчета и интерпретации данных. Однако, чтобы не ассоциировать себя с противоречивым американским опытом, мы возьмем примеры других двух стран: Великобритании и Канады.

Опыт Англии и Уэльса

Хотя в следующей главе этот опыт будет рассмотрен более подробно, напомним, что Соединенное Королевство Англии, Шотландии и Северной Ирландии является одним из старейших государств

мира, основное население которого имеет автохтонное происхождение, обладает большой историко-региональной и этнокультурной спецификой. Эта специфика существенно усложнилась за последние полвека в результате массовой иммиграции на Британские острова людей из бывших британских колоний и других стран. Даже перепись в этой стране проходит раздельно и в разные сроки в Англии и Уэльсе, в Северной Ирландии и в Шотландии. Нам доступны данные прошедшей в 2021 г. английской переписи (в Северной Ирландии перепись прошла отдельно – в 2021 г., в Шотландии – в 2022 г.). Общий рост населения Великобритании с 2011 г. составляет 6,3%, а всего там проживает около 68 млн человек. Перепись фиксирует укрупненные этнорасовые группы («белые», «азиаты», «черные») с вопросами детализирующего характера, без жесткого разграничения этнической, страновой, региональной принадлежностей.

И вот что получается в итоге. К категории «белые» отнесли себя 81,7% по сравнению с 86% в предыдущей переписи 2011 г. Из них 74,4% идентифицировали себя как англичане, уэльсцы, шотландцы, североирландцы или просто британцы (в 2001 таких было 87,5% и в 2011 – 80,5%). В 2021 г. 9,3% отнесли себя к азиатам, британским азиатам, азиатским уэльсцам (в 2011 г. их было 7,5%), а 6,2% идентифицировали себя как «другие белые» (в 2011 г. таких было 4,4%) (рис. 1).

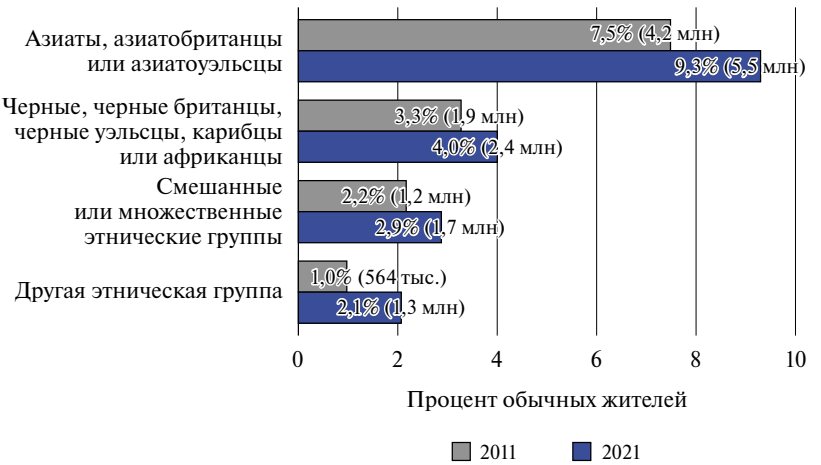


Рис. 1. Распределение населения Англии и Уэльса по укрупненным этническим группам за исключением категории «Белые» (переписи 2011 и 2021 годов)
Источник: Офис Национальной статистики и переписей, 2021

По сравнению с 2011 г. в четыре раза снизилось число тех, кто определяет себя как *англичане* (English), и в три раза увеличилось число тех, кто определяет себя как *британцы* (British) (они составляют 55%), и в два раза увеличилось число тех, кто принимает обе идентичности. Этот результат оказался довольно неожиданным не только для жителей страны, но и для специалистов. В своей книге о национальной идее в России я вслед за российскими коллегами-британистами (М. А. Липкин, Д. Н. Караваева, Л. К. Мамедова) описал сложную дихотомии «британскость versus английскость» и занял в итоге нейтральную позицию в определении преимущественной тенденции в ситуации, как английская (этническая) идентичность противостоит и не сдает свои позиции имперской по своей сути страновой британскости (*Тишков* 2021: 84–106). Но результаты переписи 2021 г. самым определенным образом отразили не только миграционные сдвиги и внутренние демографические процессы, но и мобилизацию со стороны политического класса и СМИ, которые пугали население ростом «английского национализма» и агитировали за общеостровную самость в процессе выхода из Европейского союза.

Эти поучительные данные о сложных идентификациях, особенно о соотношении британскости и английскости, напоминающие отечественную дихотономию «российский и русский». Многое нам подсказывает, что в России все больше жителей страны будут определять себя как «россияне», и нынешние 1,2 млн человек (по моим данным, таковых в первичных материалах опроса было значительно больше) – это только начало роста приоритета общероссийской гражданской идентичности, которую уже ныне многие считают именно своей *национальной идентичностью*.

Однако с учетом российской традиции более подходящей и полнее отражающей самосознание может быть смешанная форма в виде «российский татарин», «русский россиянин» и т. п. Но, конечно, останутся в подавляющем большинстве на обозримую перспективу и те, кто определяет себя единично как *русский, татарин, чуваш* и т. д. Если присмотреться к рис. 2 на предмет возможного сравнения, в России могут появиться также варианты смешанной этнорегиональной идентичности: например, «дагестанец и аварец», «лезгин и дагестанец», уступая, конечно, обычным идентификациям: *аварец, лезгин* и т. п. *Только время, общая ситуация и верхушечные или низовые предписания могут оказать влияние на идентификационную динамику российского народа. Но эти изменения происходят не так скоро, и их направление может тормозиться контртенденциями или бюрократическими махинациями.*

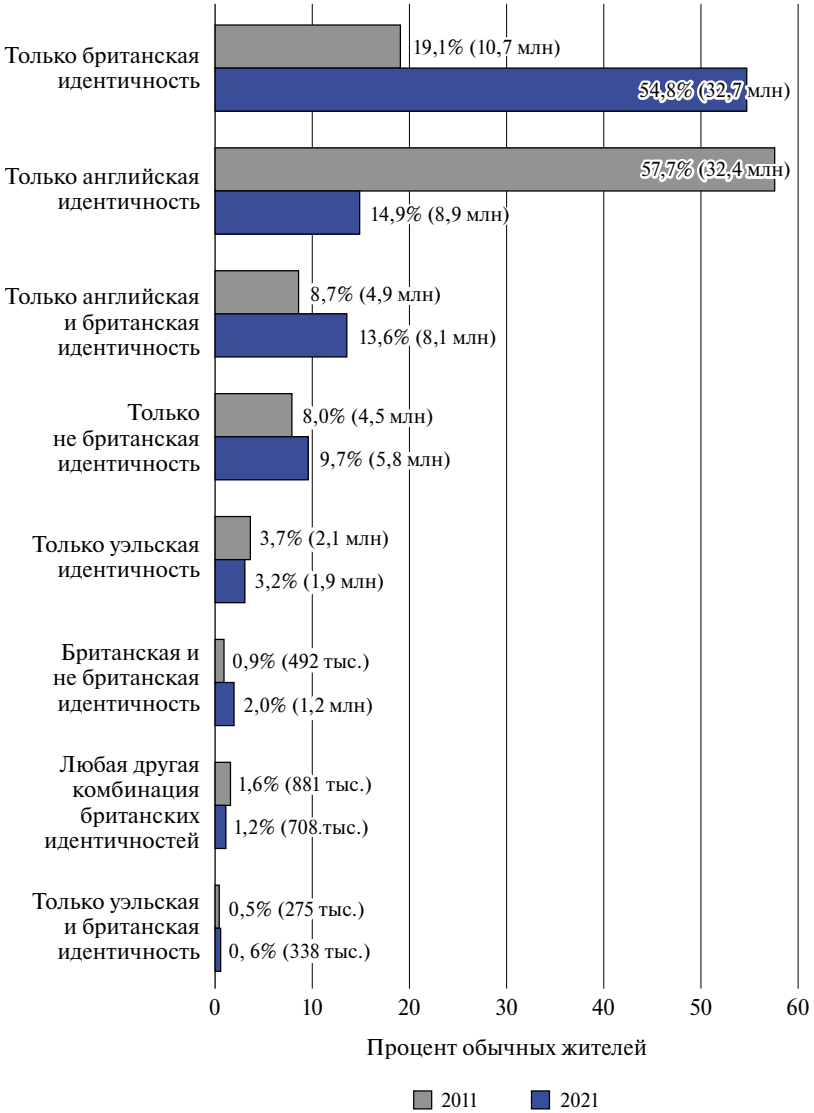


Рис. 2. Национальные идентичности населения Англии и Уэльса (переписи 2011 и 2021 годов)

Источник: Офис Национальной статистики и переписей, 2021

Канадские варианты

Канада – одно из наиболее полиэтничных государств мира, сложившееся на переселенческой, иммигрантской основе, но с заметным присутствием разнообразного аборигенного населения. Канадское статистическое ведомство имеет огромный опыт проведения переписей с 1871 г. и собирания различной статистики. В переписи 2021 г. был использован опросник в электронном виде, который содержал сотни примеров-вариантов этнической или культурной идентификации жителей. При этом здесь издавна используется формула этнических «корней» (*roots*), «происхождения» (*origins*) во множественном числе. В результате в переписи 2021 г. были получены детальные и сложные ответы, включающие 450 вариантов этнокультурного происхождения и языковых компетенций, 200 вариантов – о месте рождения, 100 – о религиозных идентификациях. С учетом того, что 35,5% населения назвали смешанную этничность, при раздельном счете общая сумма ответов превышает 100%. Все эти переписные данные утратили способность для сравнения с данными предыдущих переписей, но зато обрели новые грани и смыслы, важные для науки и для управления (здесь и далее использованы материалы: *Census of Canada* 2020).

Список этнокультурных идентификаций оказался на сей раз длинным, но в центре его остались основные общности страны в лице потомков европейских первопоселенцев (французов, англичан, шотландцев, ирландцев), потомков последующих иммигрантов (итальянцев, немцев, украинцев, китайцев, индусов, филиппинцев), а также аборигенных народов Канады. Понимание канадцами этнокультурных концептов менялось во времени и отражает сегодняшний взгляд, включая и терминологию. На итоги переписи оказали воздействие текущие общественно-политические события: ограничения при пандемии COVID-19, общественные движения типа БЛМ (*black life matter*), расследования по поводу истории интернатов для детей аборигенов, антидискриминационные кампании в защиту выходцев из Азии.

Каковы основные результаты, значимые для анализа проблемы «переписывания народов»? Как обошлись канадцы с тем, что обнаружили у себя несколько сот вариантов ответа на вопрос об этнических корнях/происхождении? Самое важное и действительно прорывное – это выход на первое место введенной еще в 1996 г. в переписные опросники категории «канадец» (*Canadian, Canadien*). Так себя идентифицировали 5,7 млн (15,6%) в варианте как одиночного, так и множественного ответа. Уже знакомый нам общемировой процесс роста страновой идентичности как заместитель этнической формы здесь проявился еще более наглядно, чем в Англии, и вышел на первое место буквально за два десятилетия.

Эту категорию можно было бы сравнить с нашей категорией «россиянин», но есть одно обстоятельство, которое мне, как специалисту по Канаде, не позволяет провести полную аналогию. Дело в том, что термин *Canadien* для канадских франкофонов означает не просто канадец как житель страны, а франкоканадец или квебековец. Нагрудные значки с надписью *Je sui Canadien!* я видел среди квебекских сепаратистов в период моих полевых исследований в 1970-е годы, и с тех пор смысл этого слова для франкофонов не поменялся.

То, что больше всего данная идентичность (или этническая группа в упрощенном понимании) распространена в восточных регионах страны, подтверждает мое заключение, что под категорией *канадцы* могли записаться как люди с доминирующей общеканадской идентичностью и с целиком утраченными «этническими корнями», так и упорные франкоканадцы, отрицающие выдвинутый еще 1970-е годы премьер-министром Пьером Трюдо концепт «Мы – все канадцы!» (We are all Canadians) (см.: *Банцекин, Тишков* 1979; *Тишков* 1980).

Конечно, никуда не исчезла исторически сложившаяся в стране «двухобщинность», т.е. существование в стране двух основных этнических идентичностей (можно сказать, общностей или наций, если следовать традиции советского канадоведения). Англоканадцами (*English*) назвали себя 5,3 млн человек (14,7%) и франкоканадцами (*French*) – 4 млн человек (11%). Однако к англоканадцам следует отнести и тех, кто указал ирландское и шотландское происхождение: по 4,4 млн (по 12,1%) каждая «группа». К франкофонам следует отнести и тех, кто прямо назвал себя как «франкоканадец» (0,9 млн) и «квебекец» (*Québécois* – 982 тыс.). Следующими по численности категориями были канадцы с немецким происхождением (3 млн, 8,1%), китайским (1,7 млн, 4,7%), итальянским (1,5 млн, 4,3%), индийским (1,3 млн, 3,7%), украинским (1,3 млн, 3,7%). За ними следуют канадцы с голландским и польским происхождением. А в целом люди с европейскими корнями и идентичностью составляют в Канаде 52,5% населения. Это заметно меньше, чем было в период моих исследований в 1970-е годы (*Тишков, Кошелев* 1982).

Как обошлись канадские статистики, позволив жителям записать до восьми разных этнокультурных категорий в качестве составляющих личностную идентичность? В качестве подсказки в переписи 2021 г. приводились примеры возможных ответов на этот вопрос числом около 500! Это действительно помогло многим с выбором: например, «квебекцам» и евреям. Канадских евреев, например, записалось в два раза больше (282 тыс.), чем в предыдущей переписи, когда категорию *Jewish* некоторые

воспринимали только как форму вероисповедания, и ее не было в списке возможных ответов как подсказки.

Фиксация множественной идентичности при возможности компьютерной обработки данных действительно дает более сложную картину и в какой-то степени смягчает межгрупповые границы в среде одной гражданской нации. Канаде, которая чуть-чуть не раскололась на две части по причине выхода провинции Квебек из федерации, эта тенденция в пользу консолидации единой канадской нации через увеличение этнической смешанности населения страны помогла не меньше, чем успешно проведенные зимние Олимпийские игры в г. Ванкувере в 2010 г.

Никакого особого принижения этнического статуса при этом не случилось. Некоторые этнические общности даже увеличились в численности! Так, например, по переписи 2016 г. русских в Канаде было 120 тыс. с единичной идентичностью, но 502,3 тыс. канадцев имели русские корни вместе с другими этническим корнями. Такая же ситуация проявилась и для особой аборигенной группы метисов (*le metis*) – потомков французских трапперов и индейцев в регионе канадских прерий. «Чистыми» метисами («только метисами») назвались всего 91,2 тыс., а смешанных с другими – 508,8 тыс., т.е. всего 600 тыс. канадцев могут относить себя к аборигенным метисам в разной степени. Наконец, по индейцам: 526,6 тыс. – только индейские корни, 999 тыс. – смешанные с другими не индейцами, а всего – 1,4 млн человек могут относить себя к «первым нациям». Этот момент может иметь и социально-политические проекции по части особых прав канадских индейцев (о них см.: *Стельмах и др*. 1990).

В классификационную категорию этничности в Канаде включают и расовые характеристики населения. В 2021 г. из 36,3 млн всего населения 25,4 млн (70%) назвали себя «белыми». Аборигенное население – индейцы, эскимосы, метисы (включая и смешанных!) выросло за пять лет на 9,4% и составило 1,8 млн (5% населения страны). Более четверти канадцев (26,5%) принадлежат к «не белым» и «не аборигенным», так называемым визуальным меньшинствам, самые многочисленные из которых – выходцы из южной Азии (2,6 млн, 7,1%), китайцы (1,7 млн, 4,7%), «черные» (1,5 млн, 4,3%).

Эта часть населения за пять последних лет выросла на 18,4%. В период моих исследований в Канаде более 40 лет тому назад эта часть населения составляла около 300 тыс. (2% населения), а массовая миграция выходцев из Индии, Китая и Филиппин тогда только начиналась! Сейчас это уже во многом другая страна, более сложная по этнорасовому составу, но от этого не ставшая более слабой или разобщенной: квебекский сепаратизм явно затерялся в новых

культурных сложностях. Таким образом, *степень и смыслы категоризации населения по признакам этнической принадлежности/происхождения разнятся между странами, но общим является то обстоятельство, что не только культурно-языковые, но и другие, прежде всего фенотипические, различия зачастую лежат в основе группирования населения и их фиксации в переписных и других классификационных процедурах.*

Перепись 2020/21 годов в России в конструктивистской оптике

Данный анализ касается только вопроса этнических классификаций и не анализирует языковую ситуацию, что требует отдельного рассмотрения. Накануне переписи для этнологов было важно добиться возможности фиксации и отражения в итогах сложной этнической идентичности. Основанием для этого были прежде всего данные многочисленных этнографических и социологических исследований. Прежде всего, это данные Института этнологии и антропологии РАН, которые наиболее полно были изложены в коллективном труде по вопросам измерения культурного многообразия населения России (*Измерение культурного многообразия*… 2019), особенно в разделе, написанном В. В. Степановым.

Содержащаяся в этом труде таблица и другие данные показывают, что во время общероссийского опроса, проведенного накануне микропереписи 2015 г., на вопрос о второй национальной принадлежности ответили положительно почти 15% россиян. Это, кстати, почти совпадает с долей этнически смешанных семей в Российской Федерации, которую устанавливали переписи населения 1989, 2002 и 2010 годов. Самая высокая доля этнически смешанного населения наблюдалась в таких республиках, как Чувашия, Коми, в Астраханской и Самарской областях, г. Санкт-Петербурге (Москва не была в опросном списке) (табл. 2). В. В. Степанов предполагал, что от 7 до 20 млн человек в России могут указать в переписи двойную национальную принадлежность и два родных языка, и ниже приводится составленная им таблица по регионам (см.: *Степанов* 2019: 153).

Другие исследования, проведенные накануне и во время последней переписи, подтверждают эти выводы. Так, В. В. Бубликов и А. А. Ткачев, используя термин «биэтноры», пишут, что последние в подавляющем большинстве не знали о возможности указания нескольких национальностей и лишь малая доля их (среди жителей с русско-украинской этничностью таковых 13%) намеревались указать две свои этничности в переписи. Очень низок был уровень личного участия жителей в переписи, и значительная часть сведений была собрана из административных источников. Как считают

Таблица 2. Доля лиц, указавших при опросе принадлежность более одной национальности и более одного родного языка (ИЭА РАН, 2018 г.)

Регион	Национальность (%)	Родной язык (%)*
Астраханская обл.	19,1	15,3
Белгородская обл.	13,0	9,7
Бурятия	4,7	6,0
Воронежская обл.	12,0	4,3
Калмыкия	6,3	16,0
Карачаево-Черкесия	6,3	9,0
Коми	17,7	9,0
Марий Эл	8,6	7,5
Мордовия	12,3	11,0
Новосибирская обл.	10,3	2,0
Омская обл.	12,0	7,0
Пермский край	9,3	6,3
Приморский край	11,7	6,0
Республика Алтай	11,7	8,4
Ростовская обл.	8,9	6,0
Самарская обл.	16,0	5,0
Санкт-Петербург	14,3	6,7
Саратовская обл.	8,7	3,7
Северная Осетия	13,3	14,1
Ставропольский край	9,6	10,0
Удмуртия	14,7	14,7
Чечня	4,7	8,7
Чувашия	21,7	24,7

*Примечание**: комбинация двух родных языков и более в большинстве случаев включает русский язык.

эти специалисты, весьма вероятно, что в результатах переписи будут учтены только порядка 5–10% русско-украинских биэтноров. Более того, значительное число лиц с «неизвестной» националь-

ностью (т. е. переписанных заочно по административным источникам) в итоговых данных переписи, создаст предпосылки для манипулятивных трактовок этнодемографических тенденций в стране (*Бубликов, Ткачев* 2022: 95).

По их мнению, беспрецедентно низкий уровень участия населения в переписи 2021 г. сводит на нет возможность адекватной фиксации численности полиэтничных групп в стране:

«Вместе с этим, крайне низкая степень фиксации множественной этничности в ходе переписи 2021 г. прогнозируется нами даже не столько из-за низкой степени реального участия населения в ней, сколько из-за неготовности декларировать свою полиэтничность самими представителями таких групп. ⟨…⟩ Причинами столь низкого желания декларировать свою множественную идентичность очевидно являются два фактора. Во-первых, это крайне низкая осведомленность жителей об изменении методологии учета национальности при переписи населения, возможности указания двух национальностей. ⟨…⟩

Во-вторых, низкая готовность указывать свою двойную национальность в переписи, вероятно, вызвана также нежеланием декларировать свою принадлежность к этническим меньшинствам, особенно из числа стигматизированных, публичная идентификация с которыми многими воспринимается как небезопасная. К числу таковых в переписи 2021 г., безусловно, добавились и украинцы, вследствие ухудшения российско-украинских отношений и роста антиукраинских настроений, подогреваемых медиа» (Там же: 101).

Последнее наблюдение насчет украинцев представляется справедливым, ибо именно в момент переписывания человек со сложными корнями и этнокультурным бэкграундом взвешивает за и против того или иного выбора. Так совершаются массовые переходы из одной этнической идентификации в другую. Конфликты, войны, репрессии в данном случае больше всего могут влиять на смену идентификации. Иногда это вариант, когда раз в десять лет массово перетаскивают жителей северо-западной Башкирии из татар в башкиры и наоборот. Иногда такие переходы происходят на более длительном отрезке времени под влиянием общественно-политических трансформаций, культурных восприятий и стереотипов. Таких примеров много, и объясняются они лучше на основе конструктивистского подхода к теме этнических диспозиций.

Переписи как государственное мероприятие

30 декабря 2022 г. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) обнародовала пятый том Всероссийской переписи населения 2020 г. (ВПН-2020) «Национальный состав и владение языками». Отметим, что перепись подтвердила численность постоянного населения России на уровне 147 млн человек. И этот факт

сам по себе имеет большое значение: самое крупное по территории государство мира пребывает в первой десятке стран также и по численности населения. Кстати, есть еще текущий учет населения, который несколько отличается о переписных данных. Так, по данным Росстата, на 1 января 2023 г. население России составляет 146,4 млн человек, что на полмиллиона меньше, чем было в момент проведения последней переписи. Но и при отрицательном естественном росте по причине превышения смертности над рождаемостью и незначительной численности иммигрантов, которые становятся постоянными жителями страны, все-таки опровергаются апокалиптические прогнозы 1990-х годов о «вымирании России» и сокращении ее населения почти вдвое через 30–40 лет. Точно так же опровергается некогда расхожий концепт о «русском кресте», предсказывавший уменьшение доли этнических русских в составе населения страны вплоть до превращения их в «национальное меньшинство».

Однако сначала об общей оценке этой важной государственной кампании, которая проводится на основе Федерального закона о «Всероссийской переписи населения» профильным органом государственной власти – Росстатом – с участием научных организаций и под руководством специальной государственной комиссии, возглавляемой, как правило, одним из вице-премьеров Правительства РФ. Эта комиссия обсуждает и принимает важнейшие решения на всех этапах подготовки и проведения переписи, начиная от программы опроса и заканчивая принципами публикации итогов переписи. В этот раз такая комиссия фактически не функционировала: одно из ее заседаний прошло в 2019 г., и больше она не собиралась. Все вопросы были передоверены аппарату Росстата с его несколько раз менявшимися и не очень опытными руководителями. А по вопросам трактовки данных по национальности и языку в качестве основного арбитра выступило ФАДН России, ответственные за эту часть работы сотрудники которого оказались не на том уровне, чтобы понять и должным образом объяснить полученные результаты. Воспринимая так называемый список народов как некую священную данность и не понимая сложную сферу этнокультурного самосознания россиян, в своей работе над итоговыми данными переписи они предпочли принцип «чего изволите?» из-за боязни возможных отрицательных реакций среди населения или недовольства высшего руководства. Однако получилось наоборот: обнародованные итоги вызывают много вопросов у населения, у специалистов и еще больше вопросов вызовут в будущем (в сравнении с прошлыми и особенно – с будущими переписями).

Только ирония в том, что через десять лет едва ли кто из нынешних чиновников останется сидеть на своих местах и поэтому спросить будет не с кого: таковы законы бюрократического управ-

ления. Отсюда урок: *перепись – это не политическая акция, а важная и сложная государственная кампания, и в ней должны участвовать ученые и общественность. Перепись – это проверка на компетенцию государственного управления и на гражданскую ответственность населения страны*. Также это проверка готовности финансового обеспечения переписной кампании, ибо невозможно качественно провести опрос населения на территории 17 млн кв. км при оплате переписчикам 16 тыс. рублей в месяц с необходимостью совершать обходы квартир и домов в период пандемии и плохой агитации среди граждан участвовать в переписи. Кстати, второй этап проведения опроса после перерыва из-за локдауна вообще не объявлялся среди населения и проводился почти инкогнито, что можно объяснить дезорганизацией работников статорганов и их упованием на получение данных через интернет и так называемые административные источники.

Последний источник получения данных о жителях был дополнительно предусмотрен специальной поправкой к закону еще перед прошлой переписью 2010 г. И уже тогда это привело к такому казусу, что 5,6 млн жителей, или 4% (по сравнению с 1,5 млн, или 1%, в 2002 г.), в 2010 г. оказались без указания национальности и родного языка. Это случилось по той причине, что таких данных просто нет в паспортных и прочих «столах», а не потому, что у них нет национальности или они не желают ее называть. Конечно, в России были и будут жители, которым сложно определить свою, особенно единичную, национальную (этническую) принадлежность. Есть и такие личности, которые принципиально не отвечают на этот вопрос, предпочитая называться просто «гражданином России», «россиянином» или «дагестанцем». И все равно эту часть населения необходимо устанавливать в результате опроса, прямого контакта с человеком и получения от него ответа на данный вопрос.

Организаторы ВПН явно переоценили «цифровые» возможности проведения переписи, предложив населению возможность переписаться через интернет на портале «Госуслуги», не проведя разъяснительную работу, адаптацию самого опросника и обучение переписчиков. И это была еще одна ошибка. Как выяснилось, далеко не все граждане среднего и старшего возраста смогли справиться с электронным переписным листом, для них основным остался традиционный способ переписи. Расчет на то, что молодежь воспользуется цифровыми технологиями, также оправдался не в полной мере.

Недоучет и проблема числа и численности народов

Перепись 2020/21 годов усугубила ситуацию с определением этнического состава населения страны на сей раз еще более гигантским недоучетом именно данной категории сведений: от 16,6 млн

человек не были получены данные о национальности или они не пожелали их указать по разным причинам. Среди них 7 млн человек «отказались отвечать на вопрос о национальной принадлежности», у 542,2 тыс. человек «нет национальной принадлежности», и о 9,05 млн человек сведения были получены из административных источников. Таким образом, доля «лиц без национальности» составила 11,3% от численности населения страны, и это существенно подрывает достоверность всех данных об этническом составе. Фактически без дополнительных объяснений и разысканий пользоваться этими данными очень сложно.

В недоучет попало главным образом городское население, ибо село переписывается более дисциплинированно, и там люди в большей степени пребывают под контролем местных администраторов или ангажированных активистов, агитирующих за определенный вариант записи национальности. В пользу этого заключения говорит и то обстоятельство, что лиц «без национальности» было больше всего среди тех, кто переписывался через интернет на портале «Госуслуги» и не пожелал указывать национальность после обязательного указания личных данных. А если этот недоучет приходится на городское население (оно составляет 75% населения страны), то, безусловно, от него пострадали представители тех этнических общностей, которые отличаются более высокой урбанизированностью и дисперсным характером расселения. Это, конечно, прежде всего наиболее многочисленные народы, проживающие в российских городах и селах в разных регионах: русские, татары, украинцы, чуваши, мордва, удмурты. Сюда можно отнести и широко расселенные по стране небольшие группы (евреи, российские немцы, белорусы и др.).

Конечно, вопрос о численности русских в России – наиболее обсуждаемый. Вокруг этого много политизированной мифологии, но есть и реальные проблемы. Уже в переписи 2010 г. некоторое сокращение численности русских было вызвано не естественными факторами, а процедурным недоучетом, ибо среди 5,6 млн человек «без национальности» не менее 4,5 млн составляли русские. При установленной доле 80% от всего населения такая проекция на неучтенных вполне оправданна. Таким же образом и в последней переписи не менее 80% из 17 млн, т. е. 13,5 млн человек, – русские по национальности жители России. Это означает не сокращение численности русских на 5,48 млн человек по сравнению с переписью 2010 г. (как обнародовано в итогах переписи), а в действительности их рост почти на 8 млн человек (или на 3,5 млн, если засчитать недоучтенных в 2010 г. русских). Это объясняется не столько естественным приростом, сколько всегда присутствующей в истории

страны добровольной ассимиляцией в пользу русских потомков смешанных браков, прибавлением почти 2 млн русских после присоединения Крыма и довольно многочисленной миграцией русского населения с Украины и других территорий бывшего СССР.

Итак, еще один урок: перепись *должна быть действительно всеобщей и не допускать большой доли недоучета или неполного учета, особенно по таким чувствительным вопросам, как этнический состав населения*. Разные ухищрения, как, например, переписывание в русские тех, кто указал своим родным языком русский, ситуацию с учетом никак не спасают, а, наоборот, ее только запутывают.

Данная проблема затрагивает не только русских. Понесли потери из-за недоучета и другие, порождая разные негативные реакции. С 2010 г. наиболее значительные и никак не объясняемые, кроме как недоучетом, сокращения имеются у татар – на 597 тыс. (11,2%), чувашей – на 368,7 тыс. (25,7%), мордвы – на 259,8 тыс. (34,9%), удмуртов – на 165,8 тыс. (30%) и др. Недоучет не затронул в такой степени этнические общности, которые в своем большинстве проживают в «своих» республиках и политически более мобилизованные, а также тех, у которых отмечается высокая рождаемость. К этой части населения можно отнести почти все народы Северного Кавказа и Дагестана, среди которых ислам и традиции осуждения абортов и употребления алкоголя помогают естественному приросту населения. Этим отличаются особенно чеченцы и ингуши, численность которых выросла за 10 лет на 20% и 23,5% соответственно. Немного подросли или сохранили свою численность народы Дагестана, включая не только самых многочисленных аварцев, даргинцев, лезгин, кумыков, но и малочисленные группы горского населения, часть которых входит в состав первых двух народов. Надо сказать, что этническая идентичность среди северокавказцев довольно часто опережает общероссийскую, а также сказывается соперничество между разными группами, которые проживают под одной республиканской администрацией. Мобилизация и соперничество приводят к распространенным попыткам двойного учета, когда проживающих за пределами республик соплеменники переписывают как местных жителей.

Этническая мобилизация и трудности с этнической сложностью

Вообще вопрос об этнической мобилизации в момент переписи относится к числу давних и трудно разрешимых, но его как минимум нужно учитывать при объяснении итогов переписей не только объективными «этническими процессами», а конструированием этничности через политические и морально-эмоциональные воздействия. Только этими факторами можно объяснить почти двойное

увеличение численности черкесов и очень значительный прирост (почти 100 тыс.) башкир в Башкортостане. Только этим обстоятельством можно объяснить, почему башкиры оказались единственным из поволжских народов, который при вышеотмеченном недоучете сохранил свою численность при одинаковой среди них демографической и миграционной ситуации. И в том и в другом случаях проведению переписи предшествовали националистические кампании под лозунгами «Запишись черкесом!», «Запишись башкиром!». В ситуации с башкирами в этом активно участвовали представители региональной власти и даже некоторые «эксперты ФАДН», а в случае с черкесами дали свои результаты усилия зарубежной черкесской диаспоры и местных этнонационалистов сделать «один народ» из нынешних адыгских народов.

Инструментальный подход к этничности зримо проявился среди коренных малочисленных народов Российской Федерации, для представителей которых действующий федеральный закон предусматривает важные преференции, включая возможность альтернативной воинской службы, выделение традиционных территорий природопользования и квоты на пользование ресурсами. При малочисленности и территориальной ограниченности таких групп достаточно одного-двух «пассионарных» лоббистов, чтобы организовать кампанию в пользу признания той или иной в чем-то отличительной группы населения или некогда существовавшего локального самоназвания с перспективой включения таковой в официальный список коренных малочисленных народов.

Так, например, корякский лингвист и этнограф, писатель и педагог М. И. Попов (Татха) долго добивался признания в качестве отдельного народа этнографической группы среди коряков под названием «алюторцы», которых в переписи 2002 г. было зафиксировано 12 человек, а в переписи 2010 г. ни одного алюторца не было обнаружено. В обход академического заключения Правительство РФ приняло решение о включении алюторцев в список, и вот результат – в переписи 2020/21 годов уже обнаружилось 95 алюторцев. Политизированные игры вокруг сахалинских айнов также поспособствовали сначала появлению этой группы, выросшей всего лишь из одной семьи по фамилии Накамура, а в итогах последней переписи айны странным образом исчезли.

«Конструирование этносов» в политических, меркантильных или других целях из наличествующего в реальности этнического многообразия – явление, широко распространенное в мире и в нашей стране, но оно плохо осознается отечественной наукой и политикой, как и наличие у человека сложной (как правило, двойной) этнической принадлежности. Как я уже отметил, объявленный в пе-

переписи 2020 г. вариант возможной записи второй национальности через запятую в одной и той же строке в конечном итоге был просто проигнорирован при машинном подсчете, т. е. превратился в тривиальный обман переписываемых.

Наконец, есть один большой вопрос фиксации этнического самосознания россиян. Именно самосознания, а не «народов России», как это зачастую трактует бюрократия, и как этому обучена воспринимать российская общественность. При всем уважении к представителям других стран не представляется разумным считать народами России проживающих в стране американцев, британцев, венгров, итальянцев, кубинцев, пакистанцев и так далее по списку примерно в три десятка названий, численностью не более одной тысячи каждая, проживающих в разных городах и никак между собой не связанных.

А если заглянуть в список «указавших другие ответы о национальной принадлежности», где набралось 170 тыс. человек и еще полсотни «народов» от австралийцев до ямайцев, то станет ясно, что клише «народы России» заключает в себе людей не только тех, кто может составлять исторические этнические общности России или выходцев из других стран с давней историей проживания в России (например, российские болгары, греки, корейцы, курды, поляки и т. д.).

К народам России, если таковая классификация принимается в нашей стране в настоящее время, справедливо относить и сообщества тех наших бывших соотечественников, у которых сейчас есть «свои» государства, но которые во многом являются автохтонным населением также и России. Но вот делать из всех, кто в переписи назвался по своей страновой принадлежности, «народом России» было бы нелепо. Этот вопрос назрел и его нужно обсуждать при подготовке следующей переписи, а также не зацикливаться на выучивании ответов на викторинный вопрос: «Сколько народов проживает в России (в субъекте Федерации, городе и т. д.)?»

Лично у меня на этот счет есть свой ответ, который может не всем нравиться: в России проживает один народ – российский, который имеет сложный этнический состав. А сколько из реально существующего этнического многообразия ученые, политики и активисты могут «сделать народов» – это вопрос открытый.

Хотя беспредельное конструирование здесь невозможно: автохтонные исторические общности со своими культурой и языком существуют в России веками, а некоторые (как русские) составляют государствообразующую общность по факту своей роли в истории страны. И все-таки вопрос, как спрашивать и как считать в ходе переписи населения, остается в нашей повестке. Если мы фиксируем в переписи в категории этнических общностей (национальностей)

британцев, бразильцев, канадцев, китайцев, вьетнамцев, индийцев, которые, как мы знаем, на самом деле состоят из десятков и даже сотен этнических групп, тогда почему нельзя зафиксировать россиян (граждан России), которых от переписи к переписи будет все больше и больше?

В переписи 2020/21 годов такая категория наконец-то появилась с числом 1,2 млн человек, хотя, по моим и другим оценкам и сведениям, таковых должно было быть зафиксировано значительно больше. Куда они делись – вопрос к Росстату и ФАДН? Хочу сказать, что *общестрановая идентичность в России, как и в большинстве стран мира, занимает приоритетное место, и для многих граждан это и воспринимается как национальная принадлежность.* Организаторы современных переписей при вопросе об этнической принадлежности уже согласились с необходимостью показывать и тех, кто ответил на этот вопрос просто «канадец» или «британец». Именно эти ответы в последних переписях населения оказались на первом месте по своей численности!

Я не хочу сказать, что дело идет к тому, что в России будет только одна национальность – «россиянин». Этого не случится, пока мир, включая и нашу страну, воспроизводит и сохраняет свое этнокультурное многообразие, но и отказывать гражданам называть себя так, как они «самоопределяются», нет никаких оснований. Организаторы переписи и публикаторы ее итогов должны подчиниться конституционному требованию в данном вопросе, а заодно – заняться повышением своей квалификации, чтобы не отставать от меняющихся жизненных реалий и современных научных оснований в организации переписей населения.

Перепись как повод для обновления теории

Что касается современных трактовок феномена этничности, то обращаю внимание на работы К. Чандры и других авторов относительно использования конструктивистского метода анализа именно в сфере этнополитической проблематики (*Chandra* 2012). Как объяснить суть и разницу подходов применительно к данной области научных занятий? Нет сомнений, что воздействие примордиального подхода обладает инерцией трактовать этничность как нечто уникальное, извечное и неизменное. Особенно это видно из исследований о взаимосвязи между этничностью и такими проблемами, как тип правления, стабильность и устойчивость государства, гражданские войны и конфликты, социальная политика и система преференций, образовательные программы и многое другое.

Бюрократия и правоприменители приходят в замешательство перед проявлениями этнической подвижности и сложности. Для

них субъект регулирования должен обладать определенностью и неизбежностью своего проявления. Отсюда правовые странности, включая решение Конституционного суда Российской Федерации в отношении невозможности существования больше чем одной национально-культурной автономии федерального уровня для представителей той или иной этнической общности. Отсюда также и правовая установка составлять государственные реестры членов той или иной общности, будь то казаки или коренные малочисленные народы. Отсюда же и единственная свободная строка в поле ответа на вопрос о национальности и о родном языке в переписном вопроснике.

На представлении об единичной природе этничности построена во многом и социология, включая систему опросов общественного мнения: между этносами как бы и нет никакого пространства. А уже за экспертами и интерпретаторами следуют государственные службы, кадровые и рекрутинговые системы, музейные экспозиции, фестивальные и прочие коллективные действия.

Если посмотреть на всю систему реализации государственной национальной политики в России, а также на политику аффирмативных действий, квотирования и распределения общественных благ, образовательных прав и т.д. в других странах – все это во многом зиждется на основании посыла об извечности этнических групп. В этом же ключе воспринимаются межэтнические отношения и конфликты.

В последней российской переписи проявился еще один разительный пример воздействия политико-идеологического фактора: это почти двойное увеличение численности черкесов (с 73,2 до 114,6 тыс.) как результат агитации зарубежной черкесской диаспоры и части местных интеллектуалов в пользу конструирования единой нации черкесов из народов адыгской группы (адыгейцев, кабардинцев, черкесов, шапсугов). Естественно, что это увеличение произошло за счет других адыгских групп, и, как заявляют энтузиасты этой кампании, «начало положено», т.е., по их мнению, началось создание единой черкесской нации.

Как мы показали выше, не менее поразительны так называемые этнические процессы в Соединенном Королевстве, где население «мигрирует» между британскостью и английскостью: в 1992 г. 31% жителей страны считали себя англичанами, спустя десять лет их количество увеличилось до 41%. Сходный «процесс» ухода от британскости в пользу этнорегиональной идентификации произошел среди жителей Уэльса и Шотландии. Но через 30 лет произошел новый поворот, но уже в пользу британскости. Результаты переписи населения 2021 г. по Англии и Уэльсу показали сокращение (почти

в четыре раза!) числа тех, кто определяет себя как «англичанин», а число определяющих себя как «британец» увеличилось в три раза и ныне составляет 55% населения этой части королевства. Но самое интересное – это двукратное увеличение числа тех, кто считает себя одновременно «англичанином» и «британцем». Это настоящее посрамление сторонников теории этноса, в рамках которой таким двуглавым или двудушным «организмам» вообще нет места! Так что же нового можно предложить в понимание этничности?

Я, конечно, признаю разделительную силу социального и религиозного факторов в среде человеческих сообществ. *Этничность тоже может быть не последним по значимости разделителем, но делать обязательным занятием народоведческое натаскивание, начиная со школьной скамьи, – это вступать в противоречие с жизненной повседневностью, с личностными стратегиями человека, желающего преуспевать по жизни как можно в более широком и сложном социокультурном пространстве одной страны и за ее пределами.*

Источники

Census of Canada 2020 – Ethnic or Cultural Origins: Technical Report on Changes for the 2021 Census // Statistics Canada. 20.07.2020. https://www12.statcan.gc.ca/censusrecensement/alternative_alternatif.cfm?t=Ethnic%20or%20cultural%20origins:%20Technical%20report%20on%20changes%20for%20the%202021%20Census&k=402&l=eng&loc=/censusrecensement/2021/ref/98-20-0002/982000022020001-eng.pdf

Principles 2017 – Principles and Recommendations for Population and Housing Censuses. Revision 3. N.Y.: United Nations, 2017. https://unstats.un.org/unsd/demographic/meetings/egm/newyork/2014/p&r_revision3.pdf

UN 2019 – UN National Census Questions Repository // Migration Data Portal: The Bigger Picture. 01.03.2019.

https://www.migrationdataportal.org/resource/un-national-census-questions-repository

Литература

Банцекин, Тишков 1979 – *Банцекин Н. Б., Тишков В. А.* Квебек на перепутье // Канада на пороге 1980-х годов. Экономика и политика / Отв. ред. Л. А. Баграмов. М.: Наука, 1979. С. 231–258.

Брубейкер 2012 – *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

Бубликов, Ткачев 2022 – *Бубликов В. В., Ткачев А. А.* Население с множественной этничностью (национальностью) и прогноз его фиксации в ходе Всероссийской переписи населения 2021 г. // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8 (1). С. 95–107. https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-8

Варшавер 2022 – *Варшавер Е. А.* В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 года в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 199–221. https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150

Измерение культурного многообразия… 2019 – Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / Ред. М. Ю. Мартынова, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019.

Основы этнологии 2007 – Основы этнологии: учебное пособие / Под ред. проф. В. В. Пименова. М.: Изд-во МГУ, 2007.

Стельмах, Тишков, Чешко 1990 – *Стельмах В. Г., Тишков В. А., Чешко С. В.* Тропою слез и надежд. Книга о современных индейцах США и Канады. М.: Мысль, 1990.

Степанов 2019 – *Степанов В. В.* Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / Ред. М. Ю. Мартынова, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 140–154.

Тишков 1980 – *Тишков В. А.* Канада 70-х годов // Новая и новейшая история. 1980. № 1. С. 139–153.

Тишков 2001 – *Тишков В. А.* Политика цифр в переписи населения 2002 года // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. 2001. № 40. С. 288–302.

Тишков 2002 – *Тишков В. А.* Уроки переписи // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. 2002. № 45.

Тишков 2021 – *Тишков В. А.* Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М.: АСТ, 2021.

Тишков 2023 – *Тишков В. А.* О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головневу) // Этнография. 2023. № 1 (19). С. 6–25. https:// doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25208

Тишков, Кисриев 2007 – *Тишков В. А., Кисриев Э. Ф.* Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 96–115.

Тишков, Степанов 2004 – *Тишков В. А., Степанов В. В.* Российская перепись 2002 года в этническом измерении // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад 2003 года Сети этнологического мониторинга / Под ред. В. А. Тишкова, Е. И. Филипповой. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 37–47.

Тишков., Кошелев 1982 – *Тишков В. А., Кошелев Л. В.* История Канады. М.: Мысль, 1982.

Тренин 2022 – *Тренин Д. В.* Кто мы, где мы, за что мы – и почему // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20 (3). С. 32–42.

Хирш 2022 – *Хирш Ф.* Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: НЛО, 2022.

Этнография переписи-2002 2003 – Этнография переписи-2002 / Под ред. Елены Филипповой, Доминика Ареля, Катрин Гусеф. М.: ОАО «Авиаиздат», 2003.

Abramson 2002 – *David Abramson*. Identity counts: the Soviet legacy and the census in Uzbekistan / Kertzer and Arel 2012: 176–201.

Alesina, La Ferrara 2005 – *Alesina A., La Ferrara E.* Ethnic Diversity and Economic Performance // Journal of Economic Literature. 2005. Vol. 43 (3). P. 762–800.

*Alonso, Starr*1987 – *Alonso W., Starr P.* (eds.). The Politics of Numbers. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1987.

Blum, Gousseff 1997 – *Blum A., Gousseff C.* Nationalité, Groupes Ethniques, Peuples: La Représentation des Nationalités en Russie // Anciennes et Nouvelles Minorités / Dir. J.-L. Rallu, Y. Courbage, V. Piché. Paris: Editions John Libbey, 1997. P. 49–72.

Caballero et al. 2008 – *Caballero C., Puthussery S., Edwards R.* Parenting «Mixed» Children: Negotiating Difference and Belonging in Mixed Race, Ethnicity and Faith Families. York: The Joseph Rowntree Foundation, 2008.

Chandra 2012 – *Chandra K.* (ed.) Constructivist Theories of Ethnic Politics. N.Y.: Oxford University Press, 2012.

Chandra 2006 – *Chandra K.* What is Ethnic Identity and Does It Matter? // Annual Review of Political Science. 2006. Vol. 9. P. 397–424. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170715

Hirsch 2005 – *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.

Horowitz 1985 – *Horowitz D.* Ethnic Groups in Confl ict. Berkeley: California University Press, 1985.

Kertzer, Arel 2002 – *Kertzer D., Arel D.* (eds.) Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Luiz 2015 – *Luiz J. M.* The Impact of Ethno-Linguistic Fractionalization on Cultural Measures: Dynamics, Endogeneity and Modernization // Journal of International Business Studies. 2015. Vol. 46 (9). P. 1080–1098. https://doi.org/10.1057/jibs.2015.6

Millrine, Vijic 1997 – *Millrine M., Vijic S.* Revisiting Easterly and Levine (1997): Replication and extension // Working Papers 2017007, University of Antwerp, Faculty of Business and Economics. 2017. https://ideas.repec.org/p/ant/wpaper/2017007.html

Rothschild 1981 – *Rothschild J.* Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y.: Columbia University Press, 1981.

Sokolovskii, Tishkov 2002 – Sokolovskii S., Tishkov V. Ethnicity // Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology / Eds. A. Barnard, J. Spencer, L. Routledge, 2002. P. 290–295.

Wimmer 2013 – *Wimmer A.* Ethnic Boundary Making Institutions, Power, Networks. N.Y.: Oxford University Press, 2013.

Глава 6 *

СЛОЖНЫЕ КАТЕГОРИИ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ КАЧЕЛИ

В 1987 г. в издательстве «Наука» под грифом Института этнографии АН СССР вышла монография В. И. Козлова «Иммиграция и этнорасовые проблемы в Британии» по результатам его научной командировки в Великобританию в 1983 г. В. И. Козлов описал историю иммиграции в Британию и основные этнорасовые группы так называемых «цветных» иммигрантов, общая численность которых на начало 1980-х годов составляла около 2,5 млн человек. Это были главным образом выходцы из Индостана (свыше 1 млн человек), негры и мулаты из Карибского региона, большей частью с Ямайки (свыше 700 тыс. человек), а также выходцы из стран Африки. Всего эта часть населения составляла на тот момент 6% жителей страны. Основная территория расселения иммигрантов – это Англия, особенно юго-восточные районы, включая большой Лондон.

В. И. Козлов рассмотрел расселение, социально-экономическое положение, правовой статус и особенности адаптации, а также общественную активность этой части населения. Основное внимание автора было сосредоточено на анализе проблем дискриминации, неравноправного положения на рынке труда, доступа к образованию и социальным льготам, а также проявлениям недовольства и иммигрантским выступлениям в ряде городов Великобритании. Это было добротное исследование, существенно дополняющее знания об этнических и миграционных проблемах в этой стране. Автор изложил методику фиксации иммигрантской части населения в системе статистического учета и в этносоциологических разработках, которые использовались в Великобритании, упрекнув британцев в недостаточной компетентности в части «теории этноса» и в том, как они трактуют расовые и этнокультурные различия между иммигрантами. В. И. Козлов взял за основу своего подхода концепт «этнорасовой группы», хотя вся использованная им статистика и опубликованные таблицы с данными были сгруппированы по странам – регионам происхождения иммигрантов, как это было принято в Великобритании. В принципе такой подход к делению населения страны на группы, на наш взгляд, возможен, хотя, строго

---

* Дополненный вариант статьи: *Тишков В. А.* Судьба прогнозов на основе концепта этнорасовых групп // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 7–32.

говоря, среди прибывших иммигрантов из Индии и Пакистана могло быть существенное число англичан или людей метисного происхождения. Такая же вероятность существует и среди выходцев из Карибского региона.

Свое пребывание в стране ученый использовал для библиотечной работы, а также для получения материалов из разных ведомств и научных центров. Только в заключении книги автор привел пару примеров из наблюдений жизни в Великобритании, которые как бы подтверждали ее основное содержание и выводы. Надо сказать, что схожий вариант поведения советских этнографов и историков в зарубежных командировках тех лет был вполне объясним по причине скудного доступа к научной литературе и документальным источникам о зарубежных странах в самом СССР. Часто приходилось в ограниченных условиях пребывания за рубежом выбирать между освоением доступных источников и литературы и беседами с информантами и полевыми наблюдениями.

Какова была оценка ученым ситуации и ее возможного развития, и как этот прогноз соотносится с тем, что произошло на протяжении последующих 40–50 лет? Вот какой вывод содержится в книге:

«Социальные прогнозы, даже самые обоснованные, подтверждаются досадно редко, но в данном случае можно предполагать, что в ближайшее десятилетие положение этнорасовых меньшинств в Британии изменится мало. За счет естественной убыли иммигрантов первого поколения и детей, рожденных в самой Британии, подавляющее большинство “цветных” станут официально полноправными британскими гражданами, так что расистские идеи о выселении их, очевидно, потеряют и без того зыбкое основание. Однако, став законными британцами, эти люди еще не превратятся в англичан, а останутся, как правило, членами этнорасовых общин, причем численность таких групп из-за естественного прироста, превышающего потери от ассимиляционных процессов, будет продолжать возрастать. Развитию ассимиляционных процессов мешает прежде всего сохраняющаяся культурно-бытовая специфика иммигрантских групп, тесно связанная у выходцев из стран Азии и Восточной Африки с их религиозными отличиями и потому особенно стойкая» (*Козлов* 1987: 194–195).

Но, как пишет В. И. Козлов, подобные размышления о ходе ассимиляционных процессов относятся к далекому будущему, и, как ему представлялось, ближайшее же время принесет дальнейшую обособленность основных этнорасовых групп, что чревато стихийными этнорасовыми конфликтами (*Козлов* 1987: 196). Этот прогноз оправдался только частично, ибо во многом процесс пошел в ином направлении, изменив облик британского общества и его идентичность. Когда сегодня в Великобритании мэром Лондона становится выходец из Пакистана, а премьер-министром – человек индийского происхождения, данное прогностическое заключение приглашает для более детального анализа.

Расхождения в исходных понятиях и подходах

С конца 1980-х годов в Соединенном Королевстве и в мире в целом изменилось многое. Самое главное для нашего описания заключается в том, что наука и общественно-политическая практика в этой стране в последние десятилетия при сохранении понятия «этническая группа» (фактически – этнорасовая группа) выстраивались не на этногрупповом анализе, а на принципе идентификации граждан вокруг понятий об основных общностях, так называемых внутренних нациях (home nations), а для иммигрантов по стране происхождения и главное – вокруг дихотомии двух основных категорий: британскость и английскость (Britishness *versus* Englishness).

Для В. И. Козлова в то время такой групповой самоидентификации, как *британскость*, в принципе не существовало. Термин *нация* им также не использовался ни применительно к британскому народу, ни применительно к основным автохтонным общностям. Были граждане Великобритании – население страны (не нация и не этнос, согласно его собственной теории), в составе которых были этносы: англичане, шотландцы, уэльсцы, ольстерцы (северно-ирландцы). Напомню, что этносом В. И. Козлов называл «общность людей, возникшую естественно-историческим путем и занимающую до сих пор видное место среди других общностей людей, с которыми она так или иначе взаимодействует… Теория этноса увязывается мною, – пишет В. И. Козлов, – с теорией нации, как наиболее развитого и наиболее значимого для современного вида (“исторического типа”) этноса» (*Козлов* 1999: 21–22). Для иммигрантского населения Соединенного Королевства автор использовал термин *этнорасовая группа*: это были некие «сколки с этносов», занесенные на чуждую территорию с перспективой совершить переход в «тело» другого этноса. Не зря их в советской этнографической литературе называли переходными группами (см.: *Берзина* 1971).

В целом национальный состав населения Великобритании советская этнография описывала так: «Великобритания – многонациональная страна. Народы ее делятся на две группы – коренные жители (англичане, шотландцы, англо- и шотландо-ирландцы, уэльсцы, гэлы, нормандцы; условно к ним можно отнести и ирландцев, часть которых является коренным населением Северной Ирландии), образующие 94,8% всего населения, и пришлые – 5,2%. В числе пришлых особо выделяются так называемые цветные, в состав которых включают основную массу выходцев из британских владений и государств Содружества (за исключением переселенцев из Канады, Австралии, Новой Зеландии, Кипра, Мальты и белых из других стран). Общее число “цветных” в Великобритании – более 1,7 млн человек» (*Брук* 1981: 275).

Путь для представителей «цветных» этнорасовых групп, по мнению В. И. Козлова, лежал в ассимиляции (по его словам, «превращении в англичан»), но результат этого процесса он относит к далекому будущему. Кстати, превращение «цветных» в уэльсцев, шотландцев или в северно-ирландцев (ольстерцев) автором не предполагалось, что было в ситуации тогдашнего доминирования английскости (более 90% иммигрантов прибывали и проживали на территории Англии) резонной позицией. Однако, как будет показано ниже, многие «цветные» становились в последние десятилетия носителями не только общебританской и английской идентичностей, но в том числе уэльской, шотландской, североирландской и уж, конечно, могли обладать множественной, сложной идентичностью. Последнюю В. И. Козлов никак не рассматривает и даже не упоминает, ибо теория этноса не допускала пребывание «этнофора» сразу в нескольких коллективных телах. И вот это последнее обстоятельство оказалось наиболее уязвимой частью выполненного автором исследования относительно возможного развития ситуации в этой стране.

Важной новацией стало появление в практике государственного управления методов сбора статистических данных в ходе переписей населения, которые в более ранних переписях (В. И. Козлов использовал данные переписей 1951, 1961, 1971, 1981 годов) отсутствовали вообще. Все построенные в его книге (как и в справочнике С. И. Брука) таблицы об этническом составе населения на самом деле были основаны на данных о странах, откуда новые жители прибывали. Соединенное Королевство ведет подсчет населения по этнической принадлежности только с переписи 1991 г. Хотя интерес к подсчету этнических/расовых групп появился еще после Второй мировой войны с началом масштабной иммиграции в Соединенное Королевство.

Страна планировала ввести статистический учет людей по этнической принадлежности в переписи 1981 г., но отменила решение после того, как в ходе контрольной переписи 1979 г. на этот вопрос многие жители вообще не ответили. Представители иммигрантских меньшинств отказались сообщать о своей идентичности из-за страха депортации, а основная часть населения вообще плохо понимала суть вопроса. С 1991 г. практика фиксации этничности (этническая группа или этническое происхождение – ethnic group, ethnic background) утвердилась, подвергаясь корректировке от переписи к переписи. Со временем население страны привыкло отвечать на данный вопрос, хотя он становился все более сложным, позволяющим самые невероятные варианты ответов.

В этой главе мы рассмотрим данные двух последних переписей населения 2011 и 2021 годов и динамику перемен. Переписи

в Великобритании проводятся с 1801 г., и страна обладает огромным опытом статистического учета, не говоря уже о научной традиции изучения данных проблем. Перепись охватывает «постоянных жителей»: тех, кто к моменту переписи прожил 12 месяцев или намерен прожить здесь не менее 12 месяцев. Участие в переписи фактически обязательное, ибо за отказ или намеренно ложные ответы можно получить штраф в 1 тыс. фунтов. В 2021 г. переписью было охвачено 97% постоянных жителей Англии и Уэльса. Из них 89% ответов были получены онлайн. Это, конечно, впечатляющий результат.

Еще одна радикальная и по смыслу сомнительная новация категоризации населения – в опросный лист с переписи 2011 г. впервые был введен пункт о «национальной идентичности», и в ответе на него разрешалось сделать выбор в пользу смешанной идентичности. Ученые и организаторы пошли на это, принимая во внимание то обстоятельство, что в современной Великобритании респондент часто не может однозначно себя идентифицировать в этнических категориях. При этом применительно к самой Великобритании под «национальной идентичностью» понимается не только британская – гражданская идентичность, а также и принадлежность к одной из «внутренних наций»: Шотландии, Северной Ирландии, Англии или Уэльсу (*Мамедова* 2016: 80–83). Национальная идентичность для организаторов переписи – это выбор по самосознанию своей идентификации со страной или странами, к которым переписываемый ощущает принадлежность или воспринимают ее как свой дом, и эта идентичность не зависит от этнической группы или гражданства. Вот как выглядят интересующие нас два вопроса переписи населения в варианте для Англии и Уэльса:

14 вопрос: *Как Вы определяете Вашу национальную идентичность?* В зоне ответа названы на выбор: *британская, английская, уэльская, шотландская, северно-ирландская, другая* (одна пустая строка в зоне ответа).

15 вопрос: *Какая Ваша этническая группа?* Вопросы организованы в двухступенчатой форме. Сначала дается ответ на выбор одной из пяти больших, фактически расовых, категорий: *1. Азиат, азиат/британец, азиат/уэльсец. 2. Черный, черный/ британец, черный/уэльсец, карибец или африканец. 3. Смешанная или множественная. 4. Белый. 5. Другая этническая группа*. Затем опрашиваемый определяет среди этих пяти категорий первого уровня один из 19 возможных ответов-подсказок, которые включают также возможность вписать свою другую идентификацию в пустые строки зоны ответа. Вот эти 19 подсказок перечня этнических групп:

Азиат или азиатский британец: *индийское; пакистанское; бангладешское; китайское; любое другое азиатское происхождение* (одна пустая строка).

Черный, черный британец, карибец или африканец: *карибец; африканец; любой другой черный; черный британец или карибец* (одна пустая строка).

Смешанная или множественная этническая группа: *белый и черный карибец; белый и черный африканец; белый и азиат; другое смешанное или множественное происхождение* (в зоне ответа две пустые строки).

Белый: *англичанин*; *шотландец; североирландец или британец; ирландец; цыганили ирландский кочевник (irish traveller); рома; любое другое белое происхождение* (записать лично и есть две пустые строки).

Другая этническая группа: *арабское происхождение* или *любая другая этническая группа* (одна пустая строка).

Российского читателя и даже специалиста, обученного в традиционном ключе восприятия «народов» и «многонационального народа», такой классификационный подход к национальному и этническому приводит в замешательство. Тем более мучительным заданием становится изложение и интерпретация данной материи с помощью отечественного арсенала этнологической терминологии. По крайней мере, после книги В. И. Козлова мне не встречались в нашей литературе качественные разборы этнонациональной ситуации в Соединенном Королевстве, кроме работ Д. В. Караваевой и Л. К. Мамедовой (*Караваева* 2016; *Мамедова* 2016). Надо признаться, что в своей недавней статье о деконструкции переписей населения (*Тишков* 2023) в разделе о случае с Англией и Уэльсом я не до конца разобрался с различением результатов по двум разным вопросам переписи. Так что сегодня стоит задача сделать такой разбор, условно говоря, этнорасового облика британского народа (British people), в составе которого по итогам последней переписи насчитало 287 разных этнорасовых категорий (или групп). Здесь главным образом речь будет идти о населении Англии и Уэльса, хотя данные по Шотландии и Северной Ирландии также доступны. Последняя перепись в Англии и Уэльсе и в Северной Ирландии прошла в марте 2021 г. В Шотландии из-за эпидемии ковида перепись была перенесена на март 2022 г., и ее результаты были опубликованы отдельно.

Идентификационные качели

Еще в 1970–1980-е годы в общественном и научном дискурсе Великобритании начались дебаты о национальной идентичности, поиски нового образа гражданской нации и выяснение отношения бывшей «титульной нации» англичан и других «внутренних» наций страны к общебританскому национальному проекту. Вот как характеризует эту ситуацию для более позднего периода историк М. А. Липкин:

«Начиная с 1990 г. во многих культурных исследованиях на Британских островах произошел всплеск интереса к изучению британской культуры с акцентом на изучение исторической эволюции термина британский (British) и его идеологический подтекст. В общественно-политической лек-

сике страны вместо термина *инглишнес (Englishness)* в последнее время все чаще вводится понятие *бритишнес (Britishness)*… Очевидно, что в условиях роста сепаратистских тенденций не только в Северной Ирландии, но также в Шотландии и Уэльсе употребление понятия Англия и англичане стало сужать географические рамки страны до нескольких десятков графств в центральной и юго-восточной части острова Великобритания. Между тем, подобно возрождению термина россияне в современной России (граждане многонациональной страны, не обязательно русские), употребление терминов Британия и британцы (по крайней мере в политической риторике) означало обращение к Соединенному Королевству Великобритании и Северной Ирландии в целом и ко всем его гражданам, независимо от их этнической принадлежности… На официальном уровне в последнее десятилетие слова Англия, английский заменяются на Британия и британский, а употребление старых терминов считается дурным тоном» (*Липкин* 2007: 122–123).

Эти слова относятся к 2007 г., но последние полтора десятка лет добавили драматизма и усложнили ситуацию, которую можно назвать идентификационными качелями (в отличие от описанного мною ранее дрейфа идентичности, см.: *Тишков* 2003: 120–123). Известно, что Великобритания делится на регионы с собственной давней историей и явными культурными различиями. За последние десятилетия в стране выросло население иммигрантского происхождения, т.е. это – британцы или их родители, которые родились за пределами Великобритании. Как и во многих государствах мира, включая Россию, регионально-этническая идентичность здесь конкурирует со страновой, общегражданской идентичностью. Причем не только среди исторических меньшинств и групп иммигрантского происхождения, но и среди «ядерного» большинства, т.е. среди собственно англичан. *Английскость издавна, а в последние годы особенно, больше всего конкурирует с британскостью, ибо культурно-историческая дистанция здесь незначительна, и оба понятия воспринимаются и используются часто как синонимы.*

Нет сомнений, что *британскость* как форма идентичности как бы заново появилась в самом конце XX в., но специалисты, включая таких известных авторов, как Линда Коллей и Кришан Кумар, проследили корни британского самосознания с XVIII в. и даже раньше (*Colley* 1992). С момента возникновения государства «Королевство Великобритании» в 1707 г. начинается формирование страновой британской идентичности, которая изначально носила сложный характер, включая в себя шотландскую, английскую и уэльскую идентичности. С эпохи Наполеоновских войн и с ростом морского могущества империи понятие британскости обретает более значимый характер, связанный с англиканской церковью и политической традицией парламентской монархии. Именно Британская империя породила и сделала сердцевиной идею британскости, которую прини-

мали как англичане, так и шотландцы, участвовавшие в имперской экспансии и пользовавшиеся дивидендами колониальной державы. Для англичан британскость представлялась всего лишь синонимом английскости, ибо английская политическая история, право, язык и культура лежали в основе имперского контекста.

С эпохи королевы Виктории имперскость стала ключевым компонентом британской национальной идентичности. Британская корона с ее ритуалами и символами вошла в репертуар национальной идентичности, проповедуя могущество нации, уникальность ее достижений и культуры. Национальной традицией стали празднования Дня Империи, юбилеев королевы Виктории, а также всего, что было связано с Британским парламентом – старейшим в мире представительным учреждением. Децентралистские тенденции существовали всегда со стороны основных четырех частей Соединенного Королевства, но только с 1970-х годов начинается процесс *деволюции* – создания отдельных правительств для Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса. Затем последовали террористические акты в Ольстере, референдумы в Шотландии, футбольные ультра в Уэльсе, что поколебало британскость и вынудило искать для нее новые обоснования.

Сегодняшние британцы, или «народ Британии», – это полиэтничное, многоконфессиональное общество с региональными различиями. Состав этого общества изменился после распада Британской империи и иммиграции в страну миллионов бывших подданных и их потомков, которые составляют значительную часть нынешних 70 млн жителей страны. Причудливость современных идентификационных диспозиций в стране отражается в том, что в собственно Англии до самого последнего времени большинство автохтонных «белых» жителей воспринимало себя прежде всего как англичане и уже потом как британцы, а большинство людей из этнических меньшинств воспринимают себя британцами и никак не англичанами, ибо последнее ассоциируется с «белыми». Наоборот, в Шотландии и Уэльсе как «белые» британцы, так и этнические меньшинства больше ассоциируют себя с Шотландией и Уэльсом соответственно, чем с Британией. В Шотландии и Уэльсе британскость воспринимается как форма культурного империализма, которую правящие элиты Англии навязывают населению страны.

Отметим, что в Великобритании иное понимание и отношение к этничности и к использованию категории «нация» и «национальное». Здесь встречается понятие «этническая группа» применительно к меньшинствам иностранного происхождения. *Как и в России, этничность и национальность зачастую используются синонимично, но вмещают в себя страновую принадлежность и расовые характеристики*. В последние три десятилетия произошли измене-

ния в научном осмыслении темы идентичности и в категоризации населения на ее основе, а также в процедуре статистического учета и презентации этнокультурного и расового состава населения.

Главный поворот заключался в признании множественной и не взаимоисключающей идентичности, которая характерна не только для Англии и Уэльса, но и для Шотландии и Северной Ирландии. Так, например, Шотландская социологическая служба еще в 1979 г. установила, что 95% жителей Шотландии считают себя «шотландцами» в разной степени значимости этой идентификации (на первом или на втором месте по сравнению с другими) и 80% считают себя также и «британцами» в разной степени. Если же вопрос ставился как единичный выбор между шотландскостью и британскостью, то 57% идентифицировали себя только как шотландцы и 39% – только как британцы. С тех пор британскость среди жителей этой части страны пошла на убыль: в 2000 г. при единичном варианте выбора уже 80% назвали себя «только шотландцами» и 13% – «только британцами», но все равно 60% продолжали считать себя также и британцами в разных сочетаниях с другими идентичностями. Спустя полтора десятилетия, опрос 2014 г. показал, что при единичном выборе 58–62% назвали себя «прежде всего шотландцами», а 31–36% – «прежде всего британцами»*.

Причиной снижения уровня британской идентичности в Шотландии было правление консерваторов во главе с М. Тэтчер и Д. Мэйджором, которые проводили непопулярную политику в отношении преимущественно лейбористской Шотландии. Но после учреждения собственного Шотландского парламента в 1999 г. и уже на референдуме 2014 г. по поводу независимости Шотландии общебританская лояльность все же не позволила осуществить сецессию. Брекзит снова поменял ситуацию в пользу отделения, и перспектива сецессии выглядит ныне вполне реальной. В таком случае *концепт шотландской нации, который существует издавна преимущественно как культурное понятие, может обрести гражданско-политический смысл, ибо может возникнуть новое суверенное государство-нация.* Нет ничего невероятного в данном исходе судьбы нынешней британской нации и появлении новой нации из отколовшейся от нее части. Это распространенный случай в истории, который не следует трактовать как якобы отсутствие существования британской нации как народа на основе общей истории и самосознания. Кстати, также ошибочно трактовать распад СССР как подтверждение существования советского народа как якобы фейковой общности.

---

* Здесь и далее данные соцопросов по: *Park, Bryson, Clery, Curtice, Phillips* 2013.

Большой интерес в сравнении с российским опытом представляет собой ситуация с сердцевинной культурой (core culture) Великобритании – а именно с феноменом *английскости*, т.е. с тем, кто такие англичане как общность и как форма самосознания. Здесь также наблюдаются причудливые качели с игрой идентичностей. При вопросе сделать единственный выбор в наборе идентичностей 43% жителей Англии в 2011 г. назвали себя британцами по сравнению с 65% в 1992 г. Этот спад был вызван разными обстоятельствами, среди которых реакция на сепаратизмы регионов Шотландии, Северной Ирландии и Уэльса, а также недовольство растущими численностью и влиянием британцев иммигрантского происхождения, размывающими культуру и традиции «старой, доброй Англии».

Самая большая оппозиция Европейскому союзу и евроскептицизм характерны именно для Англии и Уэльса, что и подтвердил референдум 2016 г. о членстве Великобритании в Европейском союзе. Позицию за выход из ЕС поддерживали прежде всего те, кто считал себя в большей степени англичанином, чем британцем. Эта *метаморфоза в национальном самосознании назад от британскости к английскому национализму* происходила довольно быстро среди части населения страны. Еще в первой половине 2000-х годов те, кто определял себя как англичане, были не бóльшими евроскептиками, чем остальные. Их больше волновало положение «коренного населения» внутри страны.

Явный рост английского национализма в британской политике произошел с середины 2000-х годов. В ходе референдума и в процессе выхода из ЕС главным лозунгом правящих кругов уже был лозунг «вернуть страну», обращенный прежде всего к английскому избирателю. Английский национализм стал реакцией на деиндустриализацию страны, на наступление транснациональных связей и коммуникаций, размывающих старый уклад жизни и классический английский патриотизм на основе имперского величия и святости короны. К этому добавилось недовольство жителей бедных районов Англии наплывом мигрантов и последователей исламской веры (*Караваева* 2016). Так обозначился конфликт между поборниками гражданской, надэтнической британской идентичности и политиками, которые выступали против либеральной глобализации, за укрепление английской идентичности с ее исторической укорененностью.

Какая нация и какие меньшинства в Великобритании

Итак, фундаментальный вопрос для страны – это соотношение *британскости* и *английскости*. При этом под британскостью понимаются чувства принадлежности к общему государству, к домини-

рующей культуре и историко-культурному наследию, общим ценностям и символам. Что касается англичан и английскости, то речь идет в большей мере об этнокультурной идентичности англичан и в их среде о локальных группах, но также и об английской сердцевинной (референтной) культуре в рамках британской культуры. Эта проблема – «английскость vs британскость» – очень динамична. Как много среди британцев считают себя также англичанами или как много англичан считают себя также британцами? Обе категории издавна и часто используются взаимозаменяемым образом. Точно так же, как «русский» и «россиянин» зачастую неразличимые понятия, особенно для внешнего мира.

В этой словесной неопределенности косвенно отражается доминирующая позиция Англии и англичан в стране, и это также говорит о трудностях для английской идентичности смешивать или расширять ее до британскости. Англичане как бы отделяют себя от остальных жителей Британских островов. Опять же сходная ситуация с русскими в России в их неудобстве считать себя одновременно и россиянами. «Мы – русские, а остальные – это россияне», – заявлял В. В. Жириновский.

Напомним, с 2011 г. при проведении переписей населения Великобритании стали выяснять этничность постоянных жителей страны. Но делается это через закрытый список предполагаемых ответов, когда переписываемый должен отметить себя в перечне обобщенных расово-этнических конструкций. При такой трактовке этнические группы вообще невозможно выделить, а можно – только разные варианты самосознания по предлагаемой закрытой шкале. Особые трудности с установлением этнической группы имеются в отношении цветного и смешанного населения. Подавляющее большинство иммигрантов проживают на территории Англии и Уэльса, прежде всего это Лондон и другие города Юго-Востока страны. В 2001 г. численность меньшинств в Англии и Уэльсе увеличилась до 8 млн (14%) по сравнению с 3 млн (7%) в 1991 г. и 2,5 млн (для всей страны) на момент изысканий В. И. Козлова. Самой быстро растущей категорией ныне являются выходцы из африканского региона (1 млн). Прирост индийцев в 2011 г. по сравнению с 2001 г. составил 34%, и эта группа стала самой большой среди меньшинств Англии и Уэльса – 1 млн 400 тыс. человек (данные по демографии и идентичности: *Park et al.* 2013).

Иммигранты второго или третьего поколений отличаются социальной мобильностью и высоким уровнем образования, который выше среднего по стране. Хотя представители этнических меньшинств характеризуются достаточным уровнем социальной включенности, в британском обществе также много проявлений

дискриминации в отношении «небелого» населения страны. Основная разделительная линия проходит между «белым большинством» и «небелым меньшинством». Внутри указанных групп распространены разные варианты сложных идентификаций. Так, в 2011 г. число белых жителей Англии и Уэльса, которые назвали себя «только британцами», составило 14%. Этот вариант идентичности среди этнических меньшинств приблизительно в три раза больше. Но в целом в 2011 г. число граждан, которые выбрали британскость как свою единственную идентичность или в комбинации с другими (шотландская, уэльская, английская или североирландская), достигло 29,1% (16,3 млн чел.). Предпочли называть себя «только англичанами» 60% белых респондентов Англии и Уэльса.

Более этнически гомогенной выглядит ситуация в Шотландии: в 2011 г. только 4% отнесли себя к тому или иному меньшинству, а 62% жителей Шотландии выбрали для себя шотландскую идентичность как единственную, и только 8% назвали себя британцами без всяких оговорок. Причем это представители более старших возрастов. *В Шотландии явно идет процесс этнонациональной консолидации на основе концепта «белой» шотландской нации*. В его основе как глубокие исторические обоснования, так и культурная отличительность. Не последнюю роль играют экономические соображения и опасения остаться без общеевропейских регуляторов «лицом к лицу» с английским большинством и растущим «цветным» меньшинством после выхода страны из Европейского союза.

Однако британская идентичность не теряет своей актуальности в Англии и Уэльсе. Здесь не только старшее поколение, но и люди трудоспособного возраста, а также молодежь выбирают именно ее при ответе на вопрос о национальности. Пожалуй, только для Уэльса характерна тенденция, при которой нынешние подростки и молодежь реже, чем их родители, называют себя британцами. В этом может сказываться введение курса валлийского языка в школьные программы, а также движения английских футбольных фанатов. И все же в Англии британскость выражена сильнее прежде всего по причине демографической ситуации: здесь сосредоточена большая доля граждан иммигрантского происхождения. Именно они преимущественно соотносят себя с британской идентичностью.

Как мы уже отмечали, концепция британскости переживает то подъем, то падение интереса к ней со стороны политиков и рядовых граждан. В свое время еще правительство Т. Блэра объявило курс на создание единой нации, в которой любой цвет кожи заслуживает уважения, а расизм – неприемлем. Большое внимание было уделено гражданству как инструменту обеспечения равенства, включая выработку процедуры получения гражданства. Ставший премьер-

министром Г. Браун, шотландец по происхождению, возродил идею британскости. Как он считал, «лучше справиться с глобальными переменами удается тем странам,… чьи народы сумеют объединиться и сформировать… единый и общий взгляд на цель, ради которой они готовы приносить жертвы, и на главные составляющие национального успеха» (*Brown* 2006).

За последние двадцать лет существенно выросло число британцев, которые отождествляют себя со «смешанной категорией». Как правило, этот выбор делают родившиеся в семье, где один из родителей принадлежит к этническому меньшинству. Именно представители этой группы чаще называют себя британцами. В свою очередь, противники массовой иммиграции и мультикультурализма высказывают недовольство, что в результате роста групп «цветных» меньшинств происходит отток «белых» британцев из столицы и других городов. Уже сотни тысяч англичан переехали из мегаполисов в более однородные по этническому составу места. Обсуждается также падение уровня жизни «коренного населения», особенно англичан. Если еще в недавнем прошлом англичане находились в более привилегированных условиях по уровням образования и заработной платы, то сейчас малоимущие англичане не всегда могут рассчитывать на поддержку социальных служб, подобную той, которая оказывается иммигрантам (*Караваева* 2016).

Деволюция и ситуация с национализмом

Процесс деволюции не затронул собственно Англию, и эта часть островного государства формально не имеет своего правительства по сравнению с Шотландией, Северной Ирландией и Уэльсом. Среди англичан на фоне требований собственных парламентов и других автономных преференций возникают настроения, которые во многом напоминают настроения некоторых этнических русских в СССР, а сейчас и в России: «У всех есть своя государственность, а у нас ее нет». Обострение чувства английскости вызвали также последствия масштабной иммиграции. Укореняющиеся на территории Англии иммигранты развивали в себе исключительную британскую идентичность по сравнению с основным населением, для которого была больше характерна двойная или смешанная форма идентификации, а для большинства, как и в старые добрые времена, английскость и британскость понимались как синонимы.

Английский национализм имел место и до 1990-х годов, но он обычно не был направлен против политического единства трех частей страны и многие из его последователей обладали двойной, можно сказать, англо-британской идентичностью (*Липкин* 2007; *Kenny* 2014; *Kumar* 2010; *Condor, Gibson, Abell* 2006; *Young* 2008).

Английский национализм имеет главным образом культурное содержание, но он, в свою очередь, содержит и регионально-исторические различия, своего рода модели идентичностей, одна из которых отсылает к образу «классической Англии». Только в последние годы английский национализм обрел более резкие формы, включая расистские и ксенофобские проявления. Его основной опорой был и остается английский рабочий класс промышленных районов и обустроенный вековым укладом житель глубинки. Английский национализм носит зачастую ностальгический характер. Причем это ностальгия не столько по империи, сколько по временам, когда англичане были в центре национальной жизни страны. Атнрополог Д. В. Караваева так оценивает ситуацию с концепцией английской versus британской идентичностью:

«Концепция магистральной идентичности, ориентированная на прошлое и отсылающая к прошлому. В качестве ориентира – Англия как “сердце Британии” и “наследница империи” (с доминированием Лондона и Юго-Восточной Англии). Дискурс носит ностальгический характер: по мнению большинства участников, “истинная английскость” развилась и почила в имперских временах. Дискурс строится на попытках проследить историю формирования английскости как британскости, реализовать ряд политических и культурных проектов на ее основе. Его участники призывают “гордиться своим прошлым”, но открыто смотреть на мир (заинтересованность в английской глобализации)» (личная переписка от 16 апреля 2025 г. См. также: *Караваева* 2016).

Сейчас влиятельные позиции в стране у того меньшинства, кто считает «я – британец, а не англичанин», а не у того, кто считает «я – англичанин, а не британец». Таким образом, конфликт имеет место между истеблишментом (британские юнионисты типа Бориса Джонсона) и интересами собственно Англии, жители которой желают иметь больше власти и представительства, а также равенства по части социальных служб, налоговых и социальных преференций. Недовольство вызывает наплыв иммигрантов, размывающих основанную на местных традициях английскость. Отсюда рождаются расистские установки: за последние годы число считающих, что англичанином может быть только белый, выросло до 10% населения Англии.

Именно по причине привязки к бывшему величию Британской империи английский национализм не может сегодня воплотиться в реальные политические проекты. Но, как считают британские специалисты, нет никакой потребности в создании отдельного английского государства, когда англичане и без того являются основой Британской империи и Соединенного Королевства, а сама Великобритания выступает защитником интересов и свобод Англии. Отсюда объяснимо, почему большинство англичан поддерживает *англо-*

британскую конструкцию идентичностей. Развитие британской культуры никогда не ущемляло интересов Англии, а правительство страны всегда учитывало интересы Англии. Таким образом, *многие англичане, как и русские в России, считают себя и воспринимаются другими как «имперская» нация (в России в отношении русских используется также термин «государствообразующая» нация).* Естественно, что все другие культуры, особенно иммигрантского происхождения, должны как бы соотноситься с сердцевинной культурой, а именно – английской. Но при всем при этом ни имперский вариант англо-британскости, ни вариант «малой Англии» не имеют шансов стать доминирующим политическим проектом современного нациестроительства. Именно космополитичная идентичность больше всего устраивает население Англии. Однако Д. Н. Караваева считает, что:

«Концепция космополитичной Англии является в той же мере утопией, как и все остальные, в первую очередь из-за того, что она может аккумулировать больше различий, чем способна усвоить, и больше сообществ, чем умений жить вместе. Наряду с открытостью по отношению к другим данная концепция невнимательна к собственно английскому населению и его культурным ценностям и традициям (поэтому существуют обширные группы “этнических” англичан, выступающих против такого рода культурной “косилки”)» (*Караваева* 2016: 109).

При таком расхождении мнений по поводу перспектив нациестроительства в Великобритании я в книге «Национальная идея России» (*Тишков* 2021) предпочел воздержаться от прогноза и занял нейтральную позицию среди возможных вариантов нациестроительства в этой стране. Но ситуация меняется быстрее, чем это можно было ожидать.

Национальная идентичность в Англии и Уэльсе

Ныне доступны данные прошедшей в 2021 г. английской переписи населения (в Северной Ирландии перепись прошла отдельно – в 2021 г., но в ней нет вопроса об этнической группе; в Шотландии – в 2022 г.). Все население Великобритании – 68 млн человек, из них в Англии проживает 84% населения, в Уэльсе – 4,7%, в Шотландии – 8,2%, Северной Ирландии – 2,8%. За 10 лет население Англии и Уэльса увеличилось примерно на 3,5 млн человек, причем 2,5 млн из новоприбывших родились за рубежом, а в целом каждый шестой житель Англии и Уэльса, по данным на 2021 г., родился за пределами Великобритании. Разобраться с идентификационной ситуацией населения этой основной части страны не так просто.

Нас интересует, как люди восприняли вопрос № 14 о национальной идентичности и какие получились данные? В 2021 г. 90,3% населения (53,8 млн) в Англии и Уэльсе указали по край-

ней мере одну из «домашних» национальных идентичностей Соединенного Королевства (английская, уэльская, шотландская, северно-ирландская, британская и корнуольская). По сравнению с 2011 г. имеет место небольшое уменьшение всей этой категории (было 92%). Зато в этой категории увеличилось число тех, кто указал двойную национальную идентификацию: одну из британских и одну их зарубежных (1,2 млн по сравнению с 492 тыс. в 2011). Тех, кто указал только одну из небританских идентичностей, насчитывается 5,8 млн по сравнению с 4,5 млн в 2011 г.

Более половины постоянных жителей (54,8%, 32,7 млн) выбрали исключительно британскую национальную идентичность, что составило прирост на 35,8% за десять лет: с 19,1% (10,7 млн) в 2011 г. Это отражает перемены в самосознании, но также возможно воздействие того обстоятельства, что в переписном вопроснике в Англии на первом месте ответ: *бритиш* заменил *инглиш*, который был поставлен после первого (в переписных практиках даже такая незначительная деталь, как порядок расположения вопросов, может оказывать влияние). Противоположный тренд проявился в динамике исключительно английской национальной идентичности: здесь упадок на 42,8% с 57,7% (32,4 млн) в 2011 до 14,9% (8,9 млн) в 2021 г. При сложении числа людей, определивших свою национальную идентичность исключительно как английскую или исключительно как британскую, получается уменьшение таковых с 76,8% (43,0 млн) в 2011 г. до 69,7% (41,6 млн) в 2021 г. В Уэльсе, где уэльская идентификация осталась первой в перечне опций в вопросе о национальной идентичности, число людей, выбравших единичную британскую идентичность, также выросло с 16,9% (519 тыс.) в 2011 г. до 18,5% (574 тыс.) в 2021 г., но не так значительно, как в Англии. В Англии и Уэльсе вместе взятых доля тех, кто указал сразу обе, английскую и британскую, составила 13,6% (8,1 млн), в 2011 г. было 8,6% (4,9 млн).

Рассмотрим ситуацию с национальной идентификацией тех, кто в этом вопросе связывает себя с зарубежными странами. Отметим, что число постоянных жителей с небританской национальной идентичностью выросло повсеместно. Всего 11,7% (7 млн) населения Англии и Уэльса определили свою идентичность в графе «Другая» (увеличение на 2 млн по сравнению с предыдущей переписью!). Что это за жители Соединенного королевства, кто не связывает свою национальную идентификацию с какой-либо одной из «домашних» идентичностей даже в сочетании с зарубежной? Вот эти десять единичных идентификаций среди постоянных жителей Англии и Уэльса: польская (593 тыс.), румынская (477 тыс.), индийская (380 тыс.), ирландская (300 тыс.), итальянская (287 тыс.), пор-

тугальская (237 тыс.), пакистанская (178 тыс.), испанская (177 тыс.), литовская (146 тыс.), французская (128 тыс.).

Здесь впечатляют данные о выходцах из Восточной Европы (поляках и румынах), которые массово мигрировали в Великобританию в последние три десятилетия после краха в своих странах коммунистических режимов, но, видимо, они в большей степени сохраняют свое гражданство, связь с родиной и не особо ассимилируются в этнокультурном плане. Эти же установки, кстати, проявляются и в ответах на вопрос о принадлежности к этнической группе. Тем более что в данном случае этническая и страновая (национальная) идентификации фактически совпадают. Может быть, только среди части румын в определении этничности была названа также цыганская (рома) идентификация, а среди поляков могли оказаться силезцы или кашубы по этнической принадлежности. Но, кроме румынских цыган, это наверняка единичные случаи.

Подведем общие итоги с переписными результатами по национальной идентичности в Англии и Уэльсе. В Англии 88% (49,7 млн) обладают одной из идентичностей, связанных с «внутренними нациями» Соединенного Королевства; 2% (1,2 млн) имеют двойную национальную идентичность: одну из не британских вместе с одной из британских; 10% (5,6 млн) сообщили об исключительно зарубежной национальной идентичности. В Уэльсе 94,6% (2,9 млн) обладают одной или более одной из британских национальных идентичностей; 1,2% (37 тыс.) имеют не менее одной из британских и одну из зарубежных идентификаций; 4,2% (132 тыс.) имеют исключительно небританскую. Основной итог и вывод: *идентификационные качели за последние 10 лет явно качнулись в пользу британскости за счет английскости и в пользу иностранных форм национальной идентичности.* Оба результата – это воздействие массовой иммиграции последних десятилетий: сначала «цветных» меньшинств из бывших британских владений, затем – европейских, особенно поляков и румын после распада Варшавского блока государств. Но в целом Англия и вся Великобритания остаются страной «белого» большинства, хотя это белое обрело много новых оттенков. С оттенками белого и черного в категории «этническая группа» попробуем разобраться.

Этническая идентичность в Англии и Уэльсе

Перепись зафиксировала укрупненные этнорасовые группы (белые, азиаты, черные, смешанные) с вопросами детализирующего характера и без разграничения страновой и региональной принадлежностей. И вот что получается в итоге. В Англии и Уэльсе к категории первого уровня *белые* отнесли себя 48,7 млн (81,7%), по

сравнению с 48,2 млн (86%) в предыдущей переписи 2011 г. Часть группы белые 44,4 млн (74,4%) идентифицировали себя как англичане, уэльсцы (валлийцы), шотландцы, североирландцы или просто британцы. В 2001 г. таких было 45,5 млн (87,5%) и в 2011 – 45,1 млн (80,5%). Это довольно заметное уменьшение (см. таблицу).

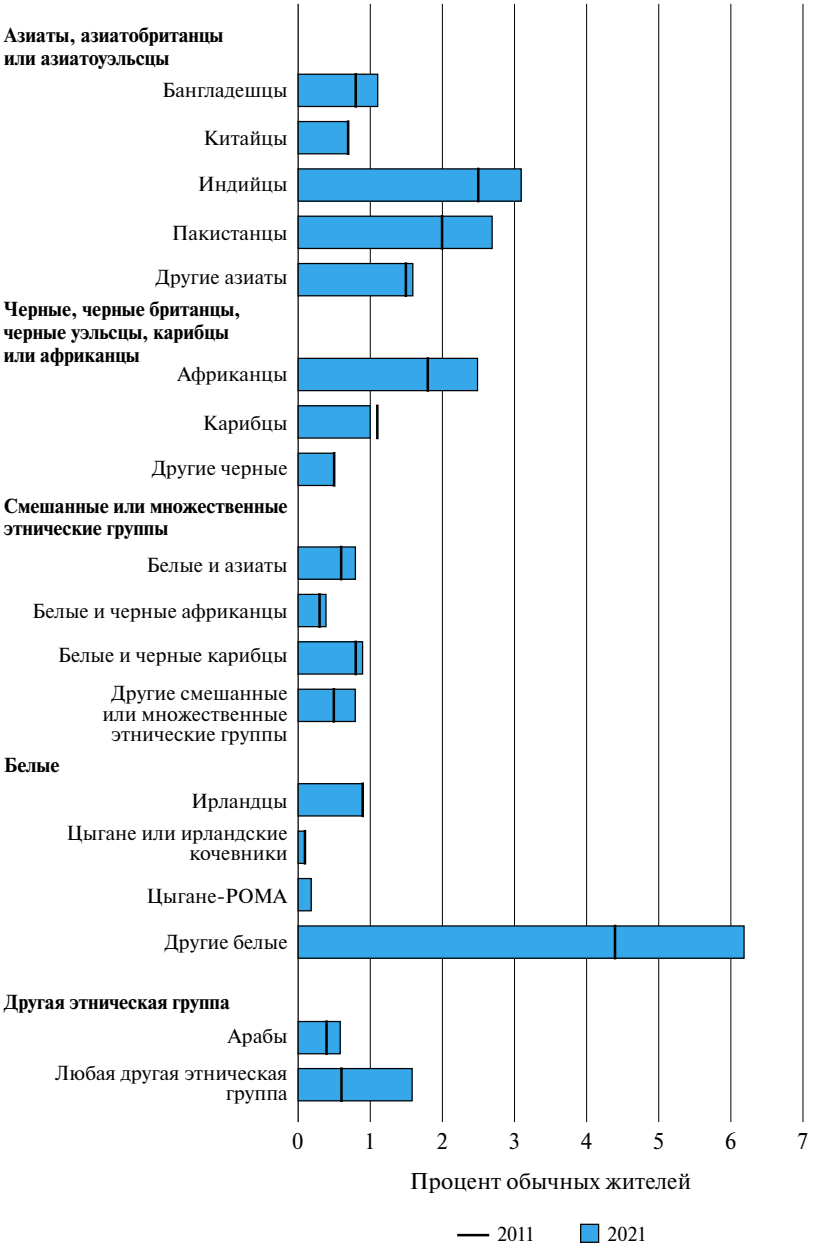
Основные этнорасовые группы Англии и Уэльса 2011 и 2021 годов

Этническая группа	2011 (чел.)	2021 (чел.)	2011 (%)	2021 (%)
Азиаты, азиатобританцы или азиатоуэльсцы	4 213 531	5 515 420	7,5	9,3
Черные, черные британцы, черные уэльсцы, карибцы или африканцы	1 864 890	2 409 278	3,3	4,0
Смешанные или множественные этнические группы	1 224 400	1 717 976	2,2	2,9
Белые	48 209 395	48 699 249	86,0	81,7
Другая этническая группа	563 696	1 255 619	1,0	2,1

Вполне естественно, что за межпереписной период значительно увеличилось число и доля именно тех, кого в Соединенном Королевстве относят к группам этнических меньшинств. На рисунке ниже приводится график перемен в процентах среди всех групп, кроме основных, автохтонных общностей. Обращает внимание значительный рост других белых. Это как раз восточноевропейцы (поляки, румыны, русские, латыши, эстонцы и др.). Заметно возросла численность и доля африканцев. Как и в предыдущие десятилетия, продолжался рост индостанцев (индийцев, пакистанцев, бангладешцев).

В группе белые: другие белые самая большая группа – это белые: поляки (614 тыс. или 1% населения) и белые: румыны (343 тыс. или 0,6%). Но выше мы указали, что в категории национальной идентичности поляков было 593 тыс. (на 21 тыс. меньше) и румын – 477 тыс. (на 134 тыс. больше). Что это за разница? Можно предположить, что небольшая часть поляков считают себя 100% британцами, но сохраняют свою этничность, и наоборот, среди указавших национальную принадлежность румын есть значительная часть тех, кто относит себя к цыганам (рома). Но это только мои предположения.

В целом в группе «Другие белые» в 2021 г. было зафиксировано 3,7 млн (6,2%). В 2011 г. таких было 2,5 млн (4,4%). Вот на эту



Группы этнических меньшинств в 2011 и 2021 годах, Англия и Уэльс

Источник: Office for National Statistics, Census 2021

подкатегорию и пришелся самый заметный рост численности среди всех 19 основных этнических групп. Именно в этой группе многие десятки (если не сотни!) вариантов записанных собственноручно сложных этнических идентификаций. Столь сильное увеличение специалисты частично объясняют предоставленной в 2021 г. возможностью выбирать нужную идентификацию из предлагаемого онлайн-списка (так называемого search-as-you-type functionality), в котором в качестве подсказки были перечислены 1411 категорий! Так что этот результат в динамике численности этнорасовых групп вообще не имеет отношения к «процессам», а относится к факторам процедуры или практик. Хотя, возможно, что эта категория больше всех пополнялась не за счет иммиграции, а за счет роста межэтнических браков: в Англии и Уэльсе 10,1% (2,5 млн) домохозяйств (хаусхолдов) имели в своем составе представителей двух и более этнических групп. В 2011 г. таких было 8,7%. В три раза выросла категория *другая этническая группа* – 924 тыс. (1,6%), в которой оказалось 77 тыс. сикхов, 76 тыс. – курдов и 76 тыс. назвались *хиспаник* (латиноамериканец). Но оказалось, что еще 23 тыс. показали себя как сикхи в категории первого уровня: азиатская, азиатско-британская, азиатско-уэльская. В целом, вся эта категория оказалась самой сложной для определения, соединяя в себе многие вместе или выборочно элементы культуры, идентичности, религии, языка, физического облика.

Следующая многочисленная категория первого уровня – это азиатская, азиатско-британская или азиатско-уэльская (без азиатско-английской, видимо, как маловероятной!). В 2021 г. 5,5 млн (9,3% от всего населения) отнесли себя к азиатам, британским азиатам, азиатским уэльсцам. В 2011 г. их было 4,2 млн (7,5%). Это наиболее заметное увеличение из всех этнических групп. К сложностям трактовки можно отнести фиксацию этнических групп среди жителей африканского происхождения, когда предлагаемая детализация не спускается ниже странового уровня. В результате получились довольно многочисленные этнические группы нигерийцев (271 тыс.), 151 тыс. сомалийцев, 113 тыс. ганцев, хотя известно, что в этих африканских странах проживают десятки (а в Нигерии – сотни) разных этнических групп.

В общем итоге по сравнению с 2011 г. в четыре раза снизилось число тех, кто определяет себя только как англичане (English), и в три раза увеличилось число тех, кто определяет себя только как британцы (British) (они составляют 55%), и в два раза увеличилось число тех, кто принимает обе идентичности. Результаты переписи 2021 г. определенным образом отразили не только миграционные сдвиги и внутренние демографические процессы, но и мобилиза-

цию со стороны политического класса и СМИ, которые пугали население ростом «английского национализма» и агитировали за общеостровную самость в процессе выхода из Европейского союза. В итоге качели идентичности сдвинулись явно в сторону британскости.

Дебаты о сверхразнообразии и черная дыра этничности

Изложенная выше запутанная практика категоризации населения Великобритании на основе культурных различий, сложные для восприятия и для научного анализа результаты переписной статистики, а также сама практика политики мультикультурализма, а затем «управления разнообразием» породили масштабную дискуссию вокруг концепта разнообразия, а точнее – сверхразнообразия (super-diversity), названного так по заглавию одной из статей в лондонском журнале «Этнические и расовые исследования». Автор, на тот момент профессор Оксфордского университета, Стивен Вертовек, еще до переписи 2011 г. обратился к ситуации полиэтничного состава населения и к политике мультикультурализма в Великобритании как к новому вызову для специалистов по проблемам этничности и миграций. Приведу резюме этой знаменитой статьи:

«Многообразие в Британии уже не то, что было раньше. Около 30 лет государственная политика, практика социального обслуживания и общественное восприятие формировались на основе особого понимания иммиграции и мультикультурного разнообразия. То есть население Великобритании, состоящее из иммигрантов и этнических меньшинств, традиционно характеризуется большими, хорошо организованными афрокарибскими и южно-азиатскими сообществами граждан родом из стран Содружества или бывших колониальных территорий. Политические рамки и общественное понимание – и, действительно, многие области социальных наук – не поспевают за недавно возникшими демографическими и социальными моделями. Британию теперь можно охарактеризовать как “сверхразнообразие” – понятие, призванное подчеркнуть уровень и разновидность сложности, превосходящие все, с чем страна сталкивалась ранее. Такое положение отличается динамичным взаимодействием переменных факторов среди растущего числа новых, небольших и рассеянных иммигрантов множественного происхождения, имеющих транснациональные связи, социально-экономически дифференцированных и юридически стратифицированных иммигрантов, прибывших за последнее десятилетие» (*Vertovec* 2007).

Это высказывание породило «сверхразнообразную» реакцию специалистов, зачастую с искаженной трактовкой сути статьи, не говоря уже о предлагаемых крайне спорных рецептах. Спустя 12 лет, в 2019 г., С. Вертовек подготовил специальный выпуск того же самого журнала с обзором 325 публикаций по этой теме из разных дисциплин (*Vertovec* 2019). В итоге получилось сделать своего рода типологию того, как по-разному понимается сверхразнообра-

зие и как разными специалистами формулируется научная повестка по этой теме. Для большинства – это всего лишь современный синоним обычного концепта разнообразия: было мульти-, много-, поли-(культур, наций, народов, конфессий и т. д.), стало очень много и не более того. Отсюда появился призыв еще детальнее разбираться с понятием этническое и его современными проявлениями.

Но другие полагали, что само этническое есть некая ограничительная рамка для группировки сверхсложных конфигураций среди современных жителей культурно-сложных обществ. Для некоторых концепт сверхразнообразия оказался призывом к более глобальной методологической переоценке в изучении социальных форм и их реконфигураций, что явно не входило в первоначальную задачу автора концепции. Для С. Вертовека в центре внимания были прежде всего миграционные явления с точки зрения состава, географии, коммуникаций, правовых статусов, профессиональных ориентаций и жизненных моделей мигрантов.

Из всей этой дискуссии вокруг сверхразнообразия можно вынести несколько стоящих суждений. Прежде всего это проблема содержания и границ, которые определяются термином «этничность», а отсюда – «этническая группа». Приведенное в начале главы определение В. И. Козлова как один из вариантов поздней советской и ранней постсоветской этнографии даже для своего времени подходило больше для теоретических схем, а не для конкретных описаний в тех же самых справочных и монографических работах В. И. Козлова, С. А. Токарева, С. И. Брука и др. Ю. В. Бромлей конкретные случаи вообще не разбирал. Тем более для современной науки невозможно называть этнос общностью, возникшей естественно-историческим путем, а нацию – «наиболее развитым и наиболее значимым историческим типом этноса».

В нынешней мировой ситуации этногруппами стали называть: статистики-демографы и миграционисты – этнорасовые сообщества; медики-генетики – расово-популяционные образования; политологи и социологи – мобилизованные культурно отличительные сообщества. Сам термин «этническая группа» зачастую становится синонимом меньшинств или миграционных групп и никак не основного населения той или иной страны (пример – так называемые *этнии* во Франции). Строго говоря, *гетероглоссия ключевого дисциплинарного понятия была в науке изначально, но для хорошо организованной и идеологически дисциплинированной отечественной практики категория этноса была единственно допустимой.*

Попытки подвергнуть ее критическому сомнению воспринимались «теоретиками этноса» как покушение и как отмена самой науки этнологии (см.: *Крюков* 2023). Эта плохо объяснимая и пе-

регруженная схематизмом категория сохраняется вплоть до сегодняшнего дня и даже в чем-то трудно разрушаемой, ибо ныне слово «этнос» уже попадает в словарь первых лиц российского государства и в тексты доктринальных документов. Как долго это может длиться – трудно сказать. Инерция старых научных постулатов, охранительный пыл их последователей и порожденные этим верхушечные предписания и низовые убеждения могут быть определяющей силой не только в общественно-политическом дискурсе, но и в сфере научного знания.

Однако вернемся к дискуссии о разнообразии – концепте, который с начала XXI в. стал теснить понятие и практику мультикультурализма как себя не вполне оправдавшую. Сразу же скажем, что *следует различать мультикультурализм как реальную ситуацию культурно-сложных обществ (в России в ходу схожий термин «многонациональность») и мультикультурализм как политическую доктрину и практику общественного управления*. Первое (этнически сложный состав населения) свойственно подавляющему большинству стран мира. Второе – принято далеко не во всех странах как в данных терминах, так и в схожем формате, как, например, внедрявшийся главой правительства Великобритании Д. Кэмероном «государственный мультикультурализм» (state multiculturalism), который, по словам В. С. Малахова, на самом деле «отражал скорее его собственное восприятие ситуации, чем осязаемые институциональные сдвиги» (*Малахов* 2023: 25).

После открытого признания лидерами Германии, Великобритании и Франции в конце 2010 – начале 2011 г. провала политики мультикультурализма начался этап так называемого ассимиляционистского разворота или, как, например, в Великобритании, произошел переход к политике «социального единства» (social cohesion). В итоге термин мультикультурализм обрел в большей степени негативные смыслы в общественной жизни в последние два десятилетия, и в политико-управленческий процесс вошло понятие «разнообразие» вместе с сопутствующим концептом «интеграция». Термин мультикультурализм ныне употребляется все меньше (*Vertovec* 2010; *Kymlicka* 2012; *Vertovec, Wessendorf* 2010), он перестал использоваться даже в тех странах, где были политика и правовые нормы с таким названием (например, в Канаде и Австралии). Среди специалистов также пошла речь об «отступлении мультикультурализма» (*Joppke* 2004), а затем и о «пост-мультикультурализме» (Vertovec 2010), хотя многое из этого опыта сохранилось, особенно на уровне местных, низовых политических практик.

Следует учесть, что мультикультурализм как политическая практика и как общественная теория существовал только в не-

большом числе стран. Но сами идеи получили распространение и вошли в практику управления многих поликультурных сообществ. Фактически из бывшего мультикультурализма возродился и концепт такой сложной национальной идентичности, как британскость. Многое из этой прежней политики сохраняется и поддерживается и в других странах Европы. И все-таки разнообразие обрело свою отличительность, а со временем и оно проявило свои негативные характеристики, вызвав дискуссии и политические дебаты. Прежде всего, как отметили некоторые ученые, новый подход на основе концепта «разнообразие» превращает давнее понятие «различия» (расовые, религиозные, этнические и др.) в «главным образом эстетическое, политически и морально нейтральное нечто» (*Eriksen* 2006: 16).

Разнообразие делает упор на индивидуальные различия и все, что связано с «управлением разнообразием», сводится к признанию и поддержке именно индивидуального начала при игнорировании социально-групповых различий. Это затрудняет и даже отменяет взгляд на структурные причины неравенства на основе различий (*Ahmed, Swan* 2006; *Ahmed* 2007). Более того, самим пониманием разнообразия как некоей «мозаики» все существующие различия как бы помещаются в один равно положенный порядок и тем самым сглаживают и различия, и неравенства (*Swan* 2009). *В итоге дискурс о разнообразии не содержит призывов к переменам или к перераспределению ресурсов, он затушевывает историю социально-культурных антагонизмов и борьбы за равенство.*

Современная практика управления культурными различиями отмечена двойственностью и внутренними противоречиями. Обычно управление разнообразием связано с императивом интеграции или «социального единства» (как, например, в Великобритании или схожая формула «единства и многообразия» в России). Сейчас многие лидеры и эксперты в странах ЕС настаивают на обязательности интеграции иммигрантов в национальные сообщества, а политикам предписывается создавать соответствующие механизмы для такой интеграции. Поиск более эффективной и безопасной для основного населения миграционной политики имеет место и в России. В более определенных формах реализуется призыв к укреплению национальной идентичности (британской – в Соединенном Королевстве, российской – в Российской Федерации). В чем-то имеет место даже возврат к прежним концептам ассимиляционизма (*Kaya* 2012; *Joppke* 2007). Так что современные суждения и лозунги о разнообразии не следует путать с почти умершим мультикультурализмом, ибо сегодня на первое место выдвигается цель формировать единое сообщество из культурно разнообразного населения. И все же следует принять во

внимание высказывание российского специалиста, что «перед нами скорее смена риторики, чем смена политики. Не говоря уже о том, что поворот к “ассимиляционизму” в XXI столетии – опция нереализуемая: слишком уж велики демографические и социокультурные трансформации, пережитые западными обществами под влиянием международных миграций» (*Малахов* 2023: 25).

Несмотря на коррекцию политики в пользу интеграции, многие считают концепцию «разнообразия» вызовом нации-государству, преградой национальному строительству. На наш взгляд, это ложный вызов, вытекающий из понимания нации и национализма как монокультурного феномена. Мы уже неоднократно писали, что современный концепт нации и нациестроительства основан на единственно возможной формуле полиэтничной гражданской нации и таковым с разной степенью успеха используется фактически всеми странами мира (*Тишков* 2021).

Как и мультикультурализм, разнообразие все же имеет тенденцию концентрировать внимание на этнических, религиозных и расовых различиях. Подобный подход зачастую сверхэтнизирует социальные взаимоотношения, придавая порою этничности особую политическую значимость, как это, например, произошло в регионах Балкан и бывшего СССР. Как пишут авторы предисловия в сборнике статей по теме пост-мультикультурализма, «это особо касается ситуаций, когда редукционистская концепция разнообразия поддерживается статичным и иерархичным пониманием культуры и этничности. К сожалению, подобное существует в общественной жизни, несмотря на многолетние настояния и взгляды антропологов о плюралистичном, изменчивом и динамичном характере культуры» (*Matejskova, Antonsic* 2015: 19).

Эта статичная концепция культуры одна из причин, почему, несмотря на общественное признание самого концепта разнообразия, политическим институтам и управленческим практикам не удается обрести более инклюзивный характер. Здесь действует система обстоятельств от истории и психологии до повседневных озабоченностей и фобий в отношении другого. В России также двойственный характер восприятия не только миграции, но и этнического многообразия сквозит в повседневной риторике политиков и управленцев, вплоть до вынужденных поправок-напоминаний со стороны президента страны В. В. Путина (в качестве реакции на ксенофобские проявления) признавать и уважать российскую многонациональность и роль иммигрантов как одно из условий развития страны.

Современные исследователи в своих научных разработках и в рекомендациях к государственному управлению пытаются вый-

ти из тупика концептуальных рамок разнообразия. Есть предложение диверсифицировать само понимание разнообразия, прежде всего среди ученых. Нужно больше обращать внимание на межсекторальные взаимодействия социальных коллективов людей и на существующие в них реальные, а не лозунговые или навязанные идентификационные модели: кем они себя считают и с кем пребывают в особо значимых отношениях. Я все больше убеждаюсь, что невозможно изучать и понимать вопросы разнообразия без внимания к социальным различиям и к повседневным поведенческим практикам так называемых межнациональных (межэтнических) отношений.

В своих работах я неоднократно задавал вопросы, почему жесткая конструкция «этноса» с его якобы уникальным набором характеристик и плохо проницаемыми групповыми границами никак не согласуется с теми жизненными стратегиями и повседневным поведением, которые люди демонстрируют в страновом, местном, региональном, служебном и семейном окружениях? Почему и когда в том или ином сообществе практикующееся народоведческое натаскивание становится политической стратегией и даже личностной морально-психологической зависимостью? Где здесь традиция как передача информации о коллективных нормах и поведенческих образцах и где навязанное сочинителями историй и культурными активистами, разрабатывающими образцы «народной» хореографии, фольклора, моды и т. п.?

Трудно поверить, но однажды мой коллега, ныне покойный выдающийся археолог Рауф Магомедович Мунчаев, сказал: «Когда мы учились в университете в Махачкале в 1950-е годы, мы даже не знали и особо не интересовались, кто какой национальности, а сейчас человек еще не знает, как зовут другого, но уже знает какой он национальности». Кстати, по телевизионным новостям 30 марта 2024 г. сообщили, что на территории Республики Адыгеи археологи нашли артефакты 5-тысячелетней давности, и комментатор в окружении ученых сообщила нашей стране, что «черкесская (адыгская) культура древнее египетских пирамид»!

Несмотря на то что антропологи и археологи не любят приделывать этнические корни древним культурным комплексам, националистическое искушение и инерция советской теории этногенеза зачастую оказываются сильнее. «Наши аланские, осетинские кости разбросаны по всему Кавказу, и это наша земля», – сказал мне в 1992 г. тогдашний президент Республики Северная Осетия (Алания) Ахсарбек Галазов, не согласившись с моим высказыванием, что право на землю (территорию) в стране путешествует вместе с ее гражданином. Выйдя на пенсию, Галазов поселился в районе Воробьевых гор. На чьей земле была его нынешняя московская квартира – это было уже не так важно, как в 1992 г., когда в Север-

ной Осетии назревал вооруженный конфликт с ингушской частью населения республики. Значит, есть смысл в старой формуле, что «культура имеет значение», но решающие факторы, определяющие частное и коллективное поведение, лежат в других плоскостях?

На мой взгляд, если не брать во внимание проявления избирательного этнического насилия и этнорасовой ксенофобии, именно другие идентификации во времени и в пространстве всегда более значимы для того или иного субъекта по сравнению с этническими. Об этом же пишет ряд антропологов в рамках настоящей дискуссии (*Modood* 2011; *Olwig* 2013; *Titley, Lentin* 2008; *Uberoi, Modood* 2012; *Vasta* 2007; *Vertovec* 2012; *Zanoni et al.* 2010). Видимо, «диверсификация разнообразия» должна включать также социально-экономический и политико-географический контексты, конкретное место нахождения субъектов-носителей культурных различий (каждое место тоже имеет свою культуру!). Пространственный аспект важен для выработки политики и рецептов управления культурной сложностью: будь это регион страны, место проживания и работы, школьное или институтское пространство, маршрут миграции и т.д. Именно в контексте отечественных социокультурных исследований В. С. Малахов отметил методологический тренд, обозначенный им «как движение от “сообществ” к “пространству”», который «медленно, но верно пробивает себе дорогу в российской социальной науке вообще и в исследованиях миграций в частности» (*Малахов* 2023: 92).

Самый обещающий подход к изучению культурного разнообразия общества, включая его этнический ракурс, это взгляд на разнообразие как на гетерогенный феномен, в котором центральное место определяют не никем не установленные «генетические коды» или наследованные из прошлого духовно-нравственные ценности, а потребности выстраивания мирных и кооперативных отношений, обеспечивающие безопасность и развитие полиэтничной гражданской нации. *Гетерогенность и культурная сложность людских сообществ под единой суверенной властью в большей степени гарантирует их целостность и солидарность, чем одержимость установлением и пестованием групповых различий, будь это этнические, расовые, языковые или религиозные*. Британские замеры в пользу множественной национальной и этнической идентичности, некоторые параллели с российским опытом дали достаточный материал для подобного заключения. Это не отмена этничности, которая в ее нынешних трактовках начинает напоминать некую черную дыру, в которой утопают многие и порою совсем разные сущности. Скорее, это ее новое видение, которое никак не могли предугадать увлеченные этносом наши предшественники. Но и для сегодняшних теоретиков-этнологов, и для практиков этнополитики на вопрос, что есть этничность, нет исчерпывающего ответа.

Источники

Brown 2006 – Brown G. Speech to the Fabian New Year Conference, London 2006 / Gordon Brown (Labour) // British Political Speech [website]. http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=316

Census 2021 – Office for National Statistics, Census 2021 – Office for National Statistics, Census 2021 https://Office for National Statistics (ons.gov.uk)

Литература

Берзина 1971 – *Берзина М. Я.* Формирование этнического состава населения Канады. М.: Наука, 1971.

Брук 1986 – *Брук С. И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1986.

Караваева 2016 – *Караваева Д. Н.* Английская идентичность и ее дискурс: Британия – Англия – Северная Англия. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2016.

Козлов 1987 – *Козлов В. И.* Иммиграция и этнорасовые проблемы в Британии. М.: Наука, 1987.

Козлов 1999 – *Козлов В. И.* Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М.: Старый сад, 1999.

Крюков 2023 – *Крюков М. В.* Как хороши, как свежи были розы… // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 63–95.

Лиркин 2007 – *Липкин М. А.* Двадцатый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 122–142.

Малахов 2023 – *Малахов В. С.* Политика различий: культурный плюрализм и идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Мамедова Л. К. Современный британский мультикультурализм как политический вызов // Культурная сложность современных наций / Под ред. В. А. Тишкова, Е. И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016. С. 78–95.

Тишков 2021 – *Тишков В. А.* Национальная идея России. М.: АСТ, 2021.

Тишков 2023 – *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Федотов 1991 – *Федотов Г. П.* Будет ли существовать Россия? // *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. В 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 1. С. 173–184.

Ahmed 2007 – *Ahmed S.* The Language of Diversity // Ethnic and Racial Studies. 2007. Vol. 30 (2). P. 235–256.

Ahmed, Swan 2006 – *Ahmed S., Swan E.* Introduction: Doing Diversity // Policy Futures in Education. 2006. Vol. 4 (2). P. 96–100.

Colley 1992 – *Colley L.* Britons. Forging the Nation. 1707–1837. London: New Haven: Yale University Press, 1992.

Condor, Gibson, Abell 2006 – *Condor S., Gibson S., Abell J.* English Identity and Ethnic Diversity in the Context of UK Constitutional Change // Ethnicities. 2006. Vol. 6 (2). P. 123–158. https://doi.org/10.1177/1468796806063748

Eriksen 2006 – *Eriksen T. H.* Diversity Versus Difference: Neo-liberalism in the Minority Debate // The Making and Unmaking of Difference / ed. by R. Rottenburg, B. Schnepel, S. Shimada. Bielefeld: Transaction, 2006. P. 13–36.

Joppke 2004 – *Joppke C.* The Retreat of Multiculturalism in the Liberal State: Theory and Policy // British Journal of Sociology. 2004. Vol. 55 (2). P. 237–257. https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2004.00017.x

Joppke 2007 – *Joppke C.* Transformation of Immigrant Integration // World Politics. 2007. No. 59. P. 243–273. https://doi.org/10.1353/wp.2007.0022

Kaya 2012 – *Kaya A.* Islam, Migration and Integration. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.

Kenny 2014 – *Kenny M.* The Politics of English Nationhood. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Kumar 2010 – *Kumar K.* Negotiating English Identity: Englishness, Britishness and the Future of the United Kingdom // Nations and Nationalism. 2010. Vol. 16 (3). P. 469–487. https://doi.org/10.1111/j.1469–8129.2010.00442.x

Kymlicka 2012 – *Kymlicka W.* Comment on Meer and Modood // Journal of Intercultural Studies. 2012. Vol. 33 (2). P. 211–216. https://doi.org/10.1080/07256868.2012.649528

Matejskova, Antonsic 2015 – *Matejskova T., Antonsic M.* (eds.). Governing through Diversity: Migration Societies in Post-Multiculturalist Times. London: Palgrave MacMillan, 2015. http://doi.org/10.1007/978-1-137-43825-6

Modood 2011 – *Modood T.* Multiculturalism and Integration: Struggling with Confusions. Florence, Italy: European University Institute Robert Schuman Centre for Advanced Studies, 2011.

Modood 2012 – *Modood T.* Post-immigration «Difference» and Integration. The Case of Muslims in Western Europe. London: The British Academy, 2012.

Olwig 2013 – *Olwig K. F.* Notions and Practices of Difference: An Epilogue on the Ethnography of Diversity // Identities. 2013. Vol. 20 (4). P. 471–479. https://doi.org/10.1080/1070289X.2013.822378

Park et al. 2013 – *Park A., Bryson C., Clery E., Curtice J. and Phillips M.* (eds.). British Social Attitudes: the 30th Report. London: Palgrave Macmillan London: NatCen Social Research, 2013. www.bsa-30.natcen.ac.uk

Swan 2009 – *Swan E.* Commodity Diversity: Smiling faces as a Strategy of Containment. Organization. 2009. Vol. 17 (1). P. 77–100. https://doi.org/10.1177/1350508409350043

Titley, Lentin 2008 – *Titley G., Lentin A.* (eds.). The Politics of Diversity in Europe. Strasbourg: Council of Europe, 2008.

Uberoi, Modood 2013 – Uberoi V., Modood T. Inclusive Britishness: A Multiculturalist Advance // Political Studies. 2013. Vol. 61 (1). P. 23–41. https://doi.org/10.1111/j.1467–9248.2012.00979.x

Vasta 2007 – *Vasta E.* From Ethnic Minorities to Ethnic Majority Policy: Multiculturalism and the Shift to Assimilationism in the Netherlands // Ethnic and Racial Studies. 2007. Vol. 30 (5). P. 713–740. https://doi.org/10.1080/01419870701491770

Vertovec 2007 – *Vertovec S.* Super-Diversity and its Implications // Ethnic and Racial Studies. 2007. Vol. 30 (6). P. 1024–1054. https://doi.org/10.1080/01419870701599465

Vertovec 2010 – *Vertovec S.* Towards Post-Multiculturalism? Changing Communities, Conditions and Contexts of Diversity // International Social Science Journal. 2010. Vol. 61 (199). P. 83–95. https://doi.org/10.1111/j.1468-2451.2010.01749.x

Vertovec 2012 – *Vertovec S.* «Diversity» and the Social Imaginary // European Journal of Sociology. 2012. Vol. 53 (3). P. 287–312. https://doi.org/10.1017/S000397561200015X

Vertovec 2019 – *Vertovec S.* Talking around Super-diversity // Ethnic and Racial Studies. 2019. Vol. 42 (1). P. 125–139. https://doi.org/10.1080/01419870.2017.1406128

Vertovec, Wessendorf 2007 – *Vertovec S., Wessendorf S.* (eds.). The Multiculturalism Backlash: European Discourses, Policies and Practices. London: Routledge, 2010.

Young 2008 – *Young R. J.C.* The Idea of English Ethnicity. Oxford: Blackwell Publishers, 2008.

Zanoni et al. 2010 – *Zanoni P., Janssens M., Benschop Y., Nkomo S. M.* Unpacking Diversity, Grasping Inequality: Rethinking Difference through Critical Perspectives. Organization. 2010. Vol. 17 (1). P. 9–29. https://doi.org/10.1177/1350508409350344

Часть III

КАТЕГОРИИ И ПРАКТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 7

ЯЗЫКИ НАЦИИ*

Введение

Мой исследовательский и общественно-политический опыт подсказывает, что в странах со сложным этническим и языковым составом населения проблемы и кризисы возникают там и тогда, где и когда государство и институты гражданского общества не могут предложить адекватную формулу национальной идентичности, выстроить саму государственность под сложный состав населения, а не переделывать «народ под государство», выработать позитивную программу и механизмы обеспечения этнокультурного развития, не умеют предотвращать и разрешать противоречия и конфликты. Поэтому в качестве желаемой цели говорить следует не только о «дружбе народов», но и о «дружном народе», когда групповые и регионально-местные различия составляют единое целое, когда разные традиции, языки и верования обогащают друг друга, составляют сложное сообщество на основе общегосударственной идентичности, общих историко-культурных ценностей, совместно пережитых драм и достижений.

Сходные условия социальной организации государственных сообществ имеются во всем мире. Российский опыт и научные разработки могут использоваться во многих странах, но и для России полезно самоосмысление вне изоляционистской парадигмы, особенно если учесть дебаты вокруг полиэтничности и политики мультикультурализма, а также проблему совместимости последователей христианства и ислама в рамках одного государства. Несмотря на множество научных трудов и практик, без должного ответа остается ряд важнейших вопросов: в какой мере этнокультурное, расовое, языковое и религиозное разнообразие государства способствует или мешает его стабильному существованию и развитию? В какой мере государство должно выступать спонсором или противником

* Дополненный вариант статьи: *Тишков В. А.* Языки нации // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 4. С. 291–303.

подобного разнообразия? Что обещается миру – всеобщее культурное перемешивание, сопровождаемое конфликтом жизненных устоев и ценностей, или национальные государства, в которых политические (гражданские) нации сохранят фундаментальную значимость, но будут переосмысливаться в пользу собственной культурной сложности?

16 мая 2013 г. американская газета «Вашингтон пост» опубликовала материал под названием «Карта самых многоэтничных и самых моноэтничных стран мира». Речь шла о научном проекте, выполненном группой обществоведов Гарвардского института экономических исследований на основе национальных переписей населения, энциклопедий, базы данных ЦРУ, изданного Институтом этнографии АН СССР в 1964 г. «Атласа народов мира», а также исследования 1998 г. «Этнические группы мира». Авторы «обсчитали» 650 этнических групп в 190 странах. Степень «этнической фрагментации» измерялась степенью разницы в ответах на вопрос об этнической принадлежности. В итоге были составлены таблицы корреляций, и на их основе американские коллеги сделали, на мой взгляд, как тривиальные, так и спорные выводы.

Авторы считают, что наиболее гомогенные в этническом плане – страны Европы и Северо-Восточной Азии, среди которых самые моноэтничные – Япония и Корея. Здесь этничность и национальность почти совпадают. Посередине располагаются страны Америки. Они достаточно полиэтничны, кроме Чили и Аргентины. Самые полиэтничные – африканские страны. Наиболее высокий индекс «этнической фрагментации» – в Уганде, за ней идет Либерия. Ближний Восток – разный, но в целом полиэтничный. Россия со своей, как представляется, «уникальной многонациональностью» находится где-то в третьем десятке.

Конфликты, по мнению авторов проекта, имеют место чаще в многоэтничных странах, но их причиной может быть и бедность, ибо этническое разнообразие коррелирует с низким уровнем развития. Богатые страны более моноэтничны, сильная демократия тоже больше коррелирует с моноэтничностью. Наличие многих этнических сообществ в фрагментированных обществах накладывает ограничения на политическую свободу из-за стремления одних групп обеспечивать контроль над другими. Существование культурно различающихся групп требует собственных лидеров, манипулирования, лоббирования, а политики часто используют фрагментацию для мобилизации «своих» или для исключения «других». В моноэтничных обществах управлять демократическим путем легче в связи с меньшим числом конфликтов. Главный вывод проекта состоял в том, что этническая и языковая фрагментация коррелирует (чем выше индекс фрагментации, тем хуже показатели)

с экономическим развитием, социальными условиями и качеством институтов управления. Однако, по признанию авторов, убедительных закономерностей выявить не удалось (*Alesina, La Ferrara* 2000; *Alesina, Easterly et al.* 2002).

В чем-то с этими выводами можно согласиться, но в главном мы расходимся. *Разнообразие – это в большей степени ресурс, а не источник риска, а стабильность и развитие не имеют прямой корреляции со степенью этноязыковой фрагментации населения*. Точно так же обстоит дело и с уровнем демократии. Моноэтничность ряда стран сложилась в результате дискриминации и даже насилия с целью обеспечения этнической «чистоты» некоторых наций. А, скажем, судьбы 15 государств бывшего СССР, от моноэтничных Армении и Туркменистана до самой полиэтничной Российской Федерации, никак не совпадают ни с показателями их экономического развития (душевой доход, ВВП и др.) и демократичностью устройства, ни с наличием или отсутствием конфликтов. Стабильность и согласие разных обществ определяют другие факторы и обстоятельства, без жесткой корреляции с числом и обликом входящих в то или иное общество культурно отличительных групп. Само этническое и языковое разнообразие во многих случаях есть историческая данность для многих государств, которая имеет собственную динамику, в чем-то подвижную, а в чем-то не меняющуюся десятилетиями. Что происходит с этим разнообразием в тех или иных странах, и прежде всего в России?

Миф о вымирании языков

В 1996 г., а затем двумя новыми изданиями в 2001 и 2010 годах ЮНЕСКО опубликовала «Атлас языков мира, находящихся в опасности», в котором из существующих на планете 6 тыс. языков исчезающими были объявлены 2,5 тыс. (*Moseley* 2010; *Arctic Languages* 2000). В последнем издании утверждалось, что после 1950 г. исчезли 230 языков. Находящимися под разные степени «угрозой исчезновения» были названы и 116 языков на территории Российской Федерации. В атласе указывалось, какие языки умирают бесповоротно, каким угрожает исчезновение и какие находятся в опасном положении. Среди исчезающих языков значились все языки малочисленных народов Севера и Сибири, удмуртский, калмыцкий, языки народов Северного Кавказа; среди находящихся в опасности – 20 языков, в том числе чеченский, тувинский, белорусский.

Публикация атласа явилась итогом многолетнего проекта, с которого началась международная кампания за сохранение языкового разнообразия в мире. ЮНЕСКО приняла несколько нормативных

документов: Всеобщую декларацию культурного разнообразия, Конвенцию по сохранению нематериального культурного наследия, а также Рекомендации по распространению и использованию многоязычия, принятые на Генассамблее ЮНЕСКО в 2003 г. По проблемам сохранения языков, языковой политики и языковых прав состоялись многочисленные публичные акции и научные обсуждения. Выводы инициаторов и участников кампании оказались неутешительными: к концу нынешнего века в мире останется всего несколько сот языков, остальные исчезнут. Рекомендации были разными, но главное – изучение и документирование умирающих языков, поддержка их преподавания и использования, противодействие дискриминации носителей малого языка, особенно тех, для кого он является основным или единственным языком знания и общения. В целом эта кампания сильно подействовала на научное сообщество, и уже во многих трудах, обобщающих мировые процессы, авторы приводят в качестве неоспоримых такие постулаты:

«В XXI в., как ожидается, исчезнет до 70% существующих языков. А через пару столетий выживут 500–600 языков. Каждые две недели один язык становится мертвым. То есть в год умирает 24 языка, и так будет продолжаться дальше… Для того чтобы язык сохранялся, количество его носителей должно превышать 100 тыс. человек. Сегодня исчезающими считаются 400 языков» (*Никонов* 2015: 27).

Стремление сохранить языки малочисленных народов как часть мирового культурного наследия, конечно, похвально. Тем не менее в этом вопросе ЮНЕСКО и авторы проекта оказались в плену кабинетно-романтических и политизированных представлений о языке, его роли в жизни современных людей, обществ и государств. Здесь проявилась недостаточная осведомленность составителей мировых атласов языков о реальной языковой ситуации в разных странах и регионах. Плохую услугу оказал своего рода языковой этнонационализм, когда вопросы статуса и использования языков становятся частью борьбы за самоопределение, за власть и другие ресурсы, а также средством подавления одних культурно отличительных групп и доминирования других.

Что касается российской ситуации, то ее анализ и рекомендации выглядят поверхностными и политизированными. Отметим, что материал по России готовился с участием отечественных специалистов, в основном социолингвистов. В середине 1990-х годов они подготовили «Красную книгу» языков Российской Федерации, в которую занесли по примеру исчезающих видов животных и растений более половины бытующих в нашей стране языков (была даже признанная министерством «ведущая научная школа» по этой теме!). О неизбежном вымирании языков сибирских народов и народов Кавказа писали разные путешественники и некоторые ученые еще

в конце XIX – начале XX в. (*Патканов* 1911; *Козьмин* 1916; *Рычков* 1923), но по крайней мере в XX в. языки в России не исчезали, за исключением двух-трех диалектных вариантов миноритарных языков.

Изучавшая этот вопрос Е. А. Пивнева пришла к выводу, что дискурс о «вымирании» северных аборигенов на всех исторических этапах носил в большей мере эмоциональный и политический характер, хотя сокращение их численности, эпидемии и бедственное положение со здоровьем и медобслуживанием действительно имели место (*Пивнева* 2006: 31–40). Рост численности некоторых групп в последние десятилетия связан не только с улучшением условий жизни, но и со своего рода «обратной ассимиляцией», т. е. переходом в эту категорию лиц, некогда утративших свою идентичность или имеющих смешанное происхождение. Это происходит благодаря законодательным и другим преференциям, которые получили коренные малочисленные народы Российской Федерации.

Тем не менее языковая мозаика мира не остается неизменной. В свое время на смену огромному числу разных вариантов языков (диалектов) приходили стандартизированные литературные языки, что, безусловно, было позитивным явлением и необходимым моментом становления централизованных государств современного типа, а также развития индустриальной экономики и урбанизации. Так, диалект региона Иль-де-Франс стал основой для французского литературного, а московский вариант русского (тогда он назывался российским) – основой стандартного варианта русского языка. Конечно, в ходе переселенческого освоения территорий Сибири и других регионов империи могли исчезнуть варианты аборигенных языков, но едва ли можно согласиться, что 100 лет тому назад в этом регионе бытовало значительно большее число языков. Отечественные переписи населения начиная с 1897 г. и вплоть до последних дают сходный перечень языков, хотя их названия менялись вместе с изменением номенклатуры этнических групп и их консолидацией в так называемые «социалистические нации и народности». Что действительно изменилось в России, так это сузилась сфера бытования малых языков, сократилась численность знающих и говорящих на языке, произошел переход значительной части, если не большинства, представителей малочисленных народов на русский язык. Применительно к народам Севера Н. Б. Вахтин назвал это «языковым сдвигом» (*Вахтин* 2001).

Я предпочитаю более определенное название – *языковая ассимиляция в пользу русского языка*. Возможно, в какие-то моменты и в каких-то местах использовались методы принуждения, но в целом это был добровольный выбор в пользу более мощного и более

важного для жизни языка коммуникации в нашей стране. В одних регионах (прежде всего в Дагестане и Поволжье) этот процесс был вызван необходимостью преодолевать чрезмерное языковое разнообразие через утверждение единого языка общения, в других языковая ассимиляция происходила под воздействием развития экономики, образования, роста городов, миграции населения.

Неадекватное отношение к языковым проблемам проявилось и в период позднесоветской и постсоветской либерализации. Как отмечает В. М. Алпатов,

«...в годы перестройки и в первые постсоветские годы по всей территории современной России распространились представления, согласно которым функционированию малых языков мешала лишь "тоталитарная система", а смена строя может привести к их "возрождению", как тогда говорили. При этом под "возрождением" часто имелось в виду приобретение языком функций, которых он ранее не имел или имел как раз в начале советского периода. В пылу борьбы не учитывался реальный опыт стран, общественный строй которых принимался за образец» (*Алпатов* 2005).

Но в этот период на территории бывшего СССР, включая Россию, в языковой сфере шел другой важный процесс, а именно «национализация» языков бывших советских меньшинств, которые обрели полную государственную независимость или же через «парад суверенитетов» получили более высокий статус в рамках обновленного российского федеративного устройства, поскольку под национальным языком обычно понимают язык этнической общности, а два или три языка у одного народа – большая редкость (мордва и марийцы в России). Несколько иной смысл в это понятие вкладывают энтузиасты национального государства на основе одной доминирующей этнической общности. Они понимают национальный язык вполне корректно – как государственный язык, но само государство объявляется исключительной собственностью, доминирующей этнонации. Делиться языком – важнейшим капиталом и символом суверенной титульности – данная этнонация с другими аналогичными, но численно меньшими группами внутри одного государства никак не желает. К сожалению, на пространстве бывшего СССР все государства, кроме России, Беларуси и Казахстана, следуют именно этому варианту.

На мой взгляд, «язык нации» – понятие условное, оно употребляется как язык (или языки) доминирующего большинства или значимых этнических групп, которые становятся языком институтов государства-нации, от армии и правосудия до технических регламентов и массовой культуры. Другими словами, это чаще всего и есть государственный язык, если таковой объявлен в государстве. Язык нации в его единственном варианте применительно к человеческой общности политико-гражданского и даже этнокультурного

типа – чаще всего националистическая утопия. Она не соотносится с языковой ситуацией в реальной жизни, которая почти всегда многоязычна и которую многим хочется упростить, подогнать под свой собственный язык. Что же касается государства и его институтов, то здесь действует и оправдала себя мировая практика конституирования одного или двух государственных языков, на которых общается не только бюрократия, но и большинство населения. В России таким языком является русский, в Китае – китайский (ханьский с его шестью диалектами), в Японии – японский, в США – английский и т.д.

Но так происходит далеко не везде. Единственный государственный язык лучше всего принимается населением, когда явное большинство граждан относится к одной языковой общности или когда такого большинства нет вообще. В последнем случае на роль государственного языка претендует язык элиты, доставшийся, как правило, от колониальной системы (например, английский язык в Индии), который используется в таком статусе. Кстати, в Индии к государственному английскому со временем был добавлен второй государственный – язык хинди с диалектами как язык наиболее многочисленной и доминирующей языковой общности (на нем говорят более 400 млн человек, или 41% населения).

Если в стране есть демографически и культурно значимая вторая языковая общность, претендующая на равенство в статусе наряду с первой, то здесь бесконфликтный вариант заключается в официальном двуязычии (Канада, Бельгия, Финляндия и др.) или трехъязычии (Сингапур). Случаи официального четырехъязычия на уровне страны крайне редки (Швейцария). В регионах некоторых стран их может быть и больше (14 официальных языков в Дагестане, 11 официальных языков в канадской провинции Северо-Западные Территории).

Для гражданской нации важно иметь языковое единство, но это условие не является обязательным. Для двухобщинных государств лучший вариант – установление двух государственных (официальных) языков. Борьба за официальное двуязычие бывает долгой и упорной (как в Канаде и Бельгии), иногда выливается в открытые конфликты (как в Шри-Ланке и Украине), но, судя по мировому опыту, итогом всегда становится признание официальным не только одного языка. Представляется, что в плане желательной перспективы установления официального двуязычия можно назвать несколько стран, среди которых США (английский и испанский), Украина (украинский и русский), Казахстан (казахский и русский), Кыргызстан (киргизский и русский). Но ситуация в этих странах подвержена демографическим и этнополитическим переменам и эта перспектива, а тем более – желательность сильно меняются.

Государственный язык – особая забота власти и общества, ведь это не только язык большинства, но часто та или иная страна является единственным на Земле местом, где данный язык имеет такой статус и где его существование гарантировано в конкурентном мировом порядке. Именно поэтому односторонняя увлеченность сохранением многоязычия, и прежде всего малых языков, вступает в противоречие с интересом ныне существующих гражданских наций обеспечивать свое языковое единство и защищать статус «больших» (доминирующих) языков. Подобная увлеченность может идти вразрез с частными предпочтениями семьи и личности, интересы которых больше заключаются не в сохранении «языка предков», а в конкурентном владении доминирующим в стране языком. Современный мир и наука пребывают в поиске своего рода баланса: как сочетать языковую централизацию и обеспечивать на ее основе общегражданскую идентичность с необходимостью и потребностью части граждан той же страны сохранять языки своих этнических сообществ (этнонаций). Баланс между языком большинства и языком меньшинств не найден до сих пор во многих странах. Есть проблемы и в России.

Прежде всего следует уточнить такие фундаментальные категории с чрезмерной эмоционально-символической нагрузкой, как «родной язык» или «национальный язык» в смысле «язык своей национальности». В современной науке нет удовлетворительного определения этих понятий, как и не существует общепринятого мнения, что у человека должен быть родной язык и что это может быть только один язык. В России также сохраняются упрощенные взгляды, о которых речь пойдет в следующей главе.

Язык – не только один из столпов культуры, этнической идентичности, групповой солидарности. Не менее важно, что это инструмент гражданского нациестроительства. Язык и языковая политика могут быть причиной межэтнической, социальной и иной напряженности и даже открытых конфликтов, а адекватная языковая политика – одно из условий обеспечения национальной безопасности государств со сложным (в том числе многоязычным) составом населения. Язык в прошлом и еще в большей степени сегодня является средством идеологического и политического воздействия (индоктринации), межгруппового и межгосударственного доминирования и соперничества, сферой особой государственной ответственности вплоть до законодательного регулирования. В то же время язык, его формы и варианты, выбор и владение им, сферы употребления, языковое общение – это одно из фундаментальных прав человека, одна из важных гражданских свобод, которая гарантируется конституциями, законами страны и ее отдельных обра-

зований, а также системой международных деклараций и хартий. Здесь также проявились новые тенденции, например, о праве на языковую ассимиляцию как столь же фундаментальном праве, как и право на сохранение и использование языка.

Наконец, можно и нужно говорить о равноправии языков, но не о равенстве. Существует особая иерархия, высшее место в которой занимают так называемые мировые языки (*top world languages*), куда входит и русский. При этом имеют значение не только число носителей языка, но и созданный на нем культурный капитал, а также общественно-политическая роль, которую этот язык играет прежде всего благодаря влиянию государств, где он признан государственным, а вместе с тем и одним из официальных языков международного общения.

Между мировыми языками происходит глобальное соперничество. Сегодня наблюдается мировая экспансия английского языка как языка политического и делового мира, науки и массовой культуры, информации и коммуникации. В такой ситуации роль русского языка в нашей стране обретает новый аспект: он становится защитным барьером для малых (миноританых) языков, носители которых овладевают русским, а не английским языком в качестве второго языка, оставаясь в родной(!) языковой среде со своими соплеменниками, которые также им владеют.

Языковая картина мира: новые тенденции

Одно из фундаментальных проявлений культурной сложности современных наций – языковое разнообразие населения государств мира. Разнообразие возникло не сегодня: оно существовало с момента появления ранних государственных образований и формирования централизованных и современных государств. Например, население Древнерусского государства, Московского царства, Российской империи и СССР говорило на разных языках (*Российское государство…* 2012; *Этнический и религиозный факторы…* 2012). Попытки нациестроителей современных государств с момента Вестфальской системы и Французской революции уничтожить «диалекты» и сделать только один язык языком нации редко где завершались успехом. Во Франции, помимо большого числа диалектов французского, на протяжении всей ее истории сохранялись бретонский и корсиканский языки, в Великобритании возрождаются гэлльский и уэльский языки, не говоря уже о шотландском и ирландском диалектах английского. В США, несмотря на жесткую ассимиляционную доктрину «плавильного котла», всегда сохранялись языки основных стран эмиграции, индейские языки, а после аннексии в середине XIX в. мексиканских территорий к югу от Рио-Гранде в стране оказались и миллионы испаноговорящих граждан.

Лингвист Р. Фэйсолд приводит таблицу языкового разнообразия государств мира (табл. 1), которая составлена на основе данных о так называемом автохтонном в лучшем случае, или о постоянном населении к началу 1980-х годов, когда проходил очередной цикл всеобщих переписей населения. С тех пор ситуация существенно изменилась.

Таблица 1. Число языков в странах мира

Число языков в стране	Число стран с таким числом языков	% по отношению к общему числу стран
1	6	4
2	22	14
3–5	27	18
6–10	24	16
11–50	46	30
более 50	28	18

Источник. *Fasold R.* The Sociolinguistics of Society: Introduc tion to Sociolinguistics. V. 1. Oxford UK; Cambridge, USA: Blackwell, 1995 (1984).

В последние 30 лет шли процессы не только языковой ассимиляции и исчезновения языков малочисленных групп, но и ревитализации языков, укрепления правового статуса региональных языков и языков национальных меньшинств. В странах Европы и Америки, в азиатских государствах, а также странах бывшего СССР, включая Россию, успешно осуществлялись научные и общественные инициативы по сохранению языкового разнообразия и внедрению преподавания малых (миноритарных) языков (*Языки народов России…* 2002). *Мир в последние десятилетия переживал скорее языковой ренессанс, чем массовое вымирание языков, которое предполагали некоторые эксперты и общественные активисты.*

В постсоветских государствах произошло масштабное «возвращение» языков больших и некоторых малых народов во все сферы жизни, а также обретение языками новых «титульных» этнонаций более высокого статуса прежде всего через систему конституционных положений и законодательства о языках (*Губогло* 1994, 1998). Правда, далеко не везде это означало усложнение языкового состава населения новых государств. Языковой национализм новых титульных наций укреплял позиции новых государственных языков за счет сокращения сфер употребления русского языка и уменьшения численности русскоязычного населения.

Для этого процесса были некоторые оправдательные аргументы, ибо языковая русификация в бывших союзных республиках (чаще всего по инициативе местных руководителей) существенно потеснила позиции языков крупных советских наций (в Киеве, Ташкенте, Алма-Ате и в других республиканских столицах звучал в основном русский язык). При этом в союзных республиках наблюдался также расцвет языкового творчества через профессиональную культуру и науку. Так называемое национально-русское двуязычие становилось почти всеобщей нормой советских людей нерусской национальности (*Арутюнян* 1999; *Губогло* 1979; *Современные этнические процессы…* 1975).

В годы перестройки и после распада СССР укрепились прежде всего позиции новых государственных языков, а в ряде случаев, вопреки официальной политике, и языков отдельных меньшинств (польского, русинского, венгерского на Украине, каракалпакского в Узбекистане, узбекского в Киргизии, гагаузского и цыганского в Молдове и т. д.). Некоторые этнополитические конфликты сепаратистского характера имели сильную языковую составляющую, что в итоге привело, например, к укреплению позиций абхазского и осетинского языков в частично признанных государствах Абхазия и Южная Осетия. В Грузии оживилось движение за укрепление позиций сванского и мингрельского языков. В России почти все языки крупных нерусских народов обрели официальный статус на региональном уровне.

Именно в эти 30 лет происходил масштабный миграционный обмен населением, особенно по линии юг–север, когда в Европу и Северную Америку переселились и там укоренились, в том числе и с языковыми правами, новые этнические группы иммигрантов. К категории принимающих стран и стран с усложняющимся этноязыковым составом населения относятся все государства Западной Европы и Северной Америки, Австралия и некоторые государства Азии (Малайзия, Сингапур). К странам с усложнившимся этноязыковым составом населения относится и Российская Федерация, ставшая после 1991 г. второй в мире принимающей мигрантов страной после США (*Новые этнические группы…* 2009). Таким образом, предложенная Р. Фэйсолдом таблица должна быть скорректирована в сторону увеличения числа многоязычных и уменьшения числа моноязычных государств. Другими словами, *все современные нации мира многоязычны*. Это важный вывод. Он влечет за собой коррекцию такого распространенного в отечественном обществознании понятия, как «национальный язык», или «язык нации» (*Степанов* 1990: 325, 326; *Тавадов* 2011: 34–36).

До сих пор данная категория использовалась преимущественно в отношении этнических групп, которые часто действительно

оформляются как сообщества по языковому сходству. Но, во-первых, есть этнические общности, которые оформляются не по принципу языкового различения (например, в арабском или испаноязычном мире), а есть, которые имеют более одного языка, но воспринимают себя (или воспринимаются внешним окружением) как одна группа. Во-вторых, для большинства нерусского населения России основным языком знания и общения, т. е. *первым языком* (термин, который может быть предложен как аналог понятия «родной язык»), является русский язык, а не язык, совпадающий с этнической идентичностью индивида. Аналогичная ситуация сложилась и среди коренных народов Нового Света, говорящих в подавляющем большинстве на английском, французском, португальском или испанском языках, за исключением некоторых арктических групп Канады, индейских общин Амазонии и аборигенных народов Центральной Америки (индейцы Гватемалы и мексиканского штата Чиапас).

Поскольку в мировой науке и в общественной практике отсутствует категория «национальный язык» (*national language*) и поскольку как политические, так и этнические нации отличаются многоязычным составом, данное понятие целесообразно заменить более адекватным хотя бы в научном и правовом языке. В отношении наций-государств (гражданских или политических наций) операциональными являются понятия «государственный язык» и «официальный язык», а в отношении этнических групп существуют понятия «этнический язык» или «язык национальности» (последнее – как компромиссный вариант, учитывающий отечественную практику использования термина «национальность»). Такой подход лучше учитывает мировую тенденцию языковых процессов и международную социолингвистическую и антропологическую терминологию.

О роли федерализма и статусе языков в России

Принцип федеративного устройства государств, а тем более федерализма с этнической асиметрией, когда некоторые федеративные составляющие (регионы, штаты, провинции) имеют статус этнотерриториальных автономий, многими критикуется. Особой критике подвергается «этнический федерализм» в России (*Тощенко* 2003). При этом часто звучат заявления, особенно со стороны шовинистически настроенных политиков, что этнические республики как субъекты Федерации с некоторыми особыми правами и статусом являются неудачным наследием советского режима и что это положение должно быть исправлено через упразднение республик или же их радикальную реорганизацию с учетом демографии и ареала проживания представителей той или иной национальности. На этот счет у меня есть существенные возражения.

Этнический федерализм (крайне условный термин) не является сугубо советским изобретением. Все крупные страны с культурно сложным населением являются федерациями, а их внутренние административные границы учитывают этнический или языковой фактор (кроме США и Германии). В некоторых странах давно и успешно существуют внутренние этнотерриториальные автономии в виде районов или округов (в Китае), кантонов (в Швейцарии), федеративных округов (в Бельгии), автономных сообществ и провинций (в Испании и Канаде) и т. д. Почти все эти образования имеют особый статус, по крайней мере особый языковой статус (например, закон о французском языке в Квебеке или статус каталанского языка в статуте испанской провинции Каталония и баскского языка в конституции провинции Страна басков) (*Тишков* 1977). Кроме того, в царской России также был накоплен исторический опыт внутренних автономий и языкового регулирования, а советский опыт национально-государственного строительства был признан мировым сообществом и зарубежными специалистами как один из успешных вариантов обеспечения этнокультурного и языкового развития многоэтничного населения крупного государства (*Аманжолова* 2010; *Кадио* 2010; *Красовицкая* 2011; *Мартин* 2011).

С образованием новой России старый федерализм с республиками и автономными областями и округами обрел новое содержание, но его суть осталась: это форма внутреннего самоопределения для большинства нерусских народов, сохранивших более или менее компактные ареалы проживания и отдельные традиции государственности или самоуправления. Довольно существенные новации были внесены и в постсоветскую языковую политику по части правового статуса нерусских языков после придания русскому языку статуса общегосударственного. По региональному (республиканскому) законодательству 35 языков обрели статус официальных языков в республиках даже тогда, когда говорящие на них этнические группы не составляли большинства населения, а в ряде случаев были своего рода «двойными меньшинствами» (меньшинством среди преобладающих групп региона, как, например, в Адыгее, Башкирии, Карелии, автономных округах). Это сыграло важную роль в сохранении языкового разнообразия и обеспечении межэтнического мира и стабильности в России. Большинство носителей нерусских языков в современной России имеет возможность изучать свой язык и обучаться на нем, а также получать государственные услуги и информацию на территории российских республик, автономных округов и в крупных городах страны. Это важный аргумент в пользу сохранения нынешнего российского федерализма, включая существование республик и автономных округов.

Языковая ситуация в нашей стране имеет некоторую специфику, прежде всего по части ее экспертного и политического оформления. Многие россияне (около четверти населения) родились и выросли в этнически смешанных семьях и часто владеют в равной мере языком матери и отца; многие, вырастая в одной языковой среде, затем, во время учебы, воинской службы, работы и т.д., оказываются в другой среде. Поэтому два или три языка используют миллионы наших соотечественников. По данным переписи населения 2010 г., жители России владеют 230 языками, из которых 170 – языки российских национальностей или их отдельных групп. У марийцев и у мордвы по два отдельных языка, у андо-цезских народов, входящих в аварскую нацию, около дюжины сохранившихся языков. Есть так называемые одноаульные языки, когда одно-два горных селения в несколько сот человек веками сохраняют свой «сельский» язык и при этом владеют языками более многочисленных групп, а также русским языком. Среди малочисленных северных народов есть языки, на которых говорят сегодня всего десятки человек.

Однако в переписном списке языков, которыми владеют жители страны, включены языки временных жителей, а также языки, которые изучают те или иные профессионалы и любители. Так, в списке присутствуют африканские и прочие экзотические для российского населения языки, не имеющие отношения к языковой ситуации. Но даже уменьшенная на 50–60 языков цифра требует критического анализа. Рост численности этнических категорий населения России (128 в 1989 г., 157 в 2002 г. и 193 в 2010 г.) был вызван не только более свободным волеизъявлением по части этнокультурного самоопределения, но и групповым этническим лоббированием, увеличением числа иммигрантов и коррективами в проведении и публикации материалов переписи (*Филиппова* 2013). В итоге в списке российских народов, или «этносов», присутствуют те, которые не обладают отдельным языком, если только его в спешном порядке не изобретают этнические активисты или эксперты-романтики (речь идет, например, об ассирийцах, бессермянах, казаках, камчадалах, кряшенах, поморах, сойотах, черкесо-гаях и др.).

Кроме того, имеет место фактическая утрата знания языка, особенно ассимилированными потомками давних переселенцев в российское государство (например, присутствующими в списке российских народов голландцами, датчанами, немцами, шведами, французами, японцами). Их далекие предки перешли на русский язык, а старые языки были забыты. По нашим оценкам, в Российской Федерации бытует около полутора сотен языков, но и это, конечно, много. Отсюда потребность в лингвистических исследованиях и в более адекватной языковой политике.

По моему мнению, среди языков под угрозой исчезновения нет большинства тех российских языков, которые названы в Атласе ЮНЕСКО. Чеченский, якутский, тувинский, бурятский и другие – это мощные языки со своей письменностью, литературой, фольклором и даже с местной бюрократией по обеспечению «национального языка» и «национального образования» в соответствующих республиках. Более того, на основе данных переписи 2010 г. можно выделить категорию мажоритарных этничностей и языков (30 групп с численностью более 50 тыс. человек) – это народы, которые имеют этнотерриториальные автономии и языки которых получили официальный статус наряду с русским государственным.

Данные переписи населения 2010 г. свидетельствуют, что степень владения языком среди нерусских народов, имеющих этнотерриториальные автономии в виде республик, высокая: от 37% у карел до 99% у чеченцев от численности проживающих в республиках титульных групп. Число носителей этих языков достаточно большое: от 17 тыс. у карел и 38 тыс. у хакасов до 1,2 млн у чеченцев. Степень сохранности и использования языка определяется не только демографией (чем больше группа, тем выше среди нее процент знающих этнический язык), но и характером расселения. Чем менее дисперсна группа и чем выше ее доля в населении «своей» республики, тем лучше владение, шире использование и благополучнее положение нерусского языка. *Решающее воздействие на языковую ситуацию оказывают сам факт существования автономии и конституционное признание официального статуса языка (или нескольких языков) наравне с русским*.

Далеко не последнюю роль играет и исторический фактор, а именно: насколько давно произошла интеграция территории основного проживания этнической общности в состав Российского государства и насколько масштабно было присутствие русских и русскоязычных на территории республики. Например, дисперсно расселенная и 400 лет тому назад интегрированная (в том числе обращенная в православие) в состав России мордва разительно отличается от чеченцев и аварцев, которые вошли в состав Российской империи гораздо позднее, расселены более компактно, поголовно исповедуют ислам, среди них гораздо выше рождаемость. В прошлом десятилетии аварцы и чеченцы оказались в первой десятке самых многочисленных национальностей страны, сохранив компактное проживание на территории своих республик. Степень владения этническим языком среди этих двух и других народов Северного Кавказа очень высокая (от 70% у адыгейцев до 99% у чеченцев, проживающих в соответствующих республиках). Даже 14 лет коллективного изгнания и ликвидация автономий не измени-

ли языковые установки представителей чеченцев и других этнических групп, подвергшихся сталинским депортациям.

В то же время депортации и проживание за пределами исторической малой родины способствовали и высокой степени владения русским языком народов Северного Кавказа (*Этнография переписи* 2005). В этом отношении они не уступают, казалось бы, более интегрированным с исторической и конфессиональной точки зрения нерусским народам Поволжья и Сибири. Иначе говоря, среди мажоритарных национальностей существуют этнические общности, которые фактически почти целиком являются двуязычными. На первом месте здесь аварцы и чеченцы. В эту же группу входят даргинцы, лезгины, карачаевцы, балкарцы, осетины, черкесы, кабардинцы и др. Примечательно, что двуязычие у большинства северокавказцев не в пользу этнического языка: число владеющих русским выше, а если считать тех, кто живет за пределами «своих» республик, то его знание и использование заметно выше, чем языка своей национальности. Например, среди дагестанских чеченцев (аккинцев) 64,6% владеют чеченским языком и почти 100% – русским.

Несколько ниже уровень владения этническим языком среди народов Поволжья и Сибири (кроме тувинцев, татар и якутов: 96,7%, 92,4% и 86% соответственно). Самые обрусевшие в языковом отношении после карел – калмыки, удмурты, мордва. Но и среди этой части мажоритарных групп носителей этнического языка десятки тысяч, и об угрозе исчезновения этих языков речи быть не может. По крайней мере, это не случится в среднесрочной исторической перспективе.

К сожалению, действующий формат вопроса в российской переписи не предполагает выявление уровня знания языка и сфер его использования. На ответы могут влиять личное представление о том, что значит владеть языком, внутренние и внешние морально-идеологические установки по отношению как к языку своей национальности, так и к русскому языку. И все же данные переписи остаются всеохватными и в целом достоверными, хотя требуют критического анализа и знания процедуры переписи (*Тишков* 2001).

Проблемы малых языков

В табл. 2 представлены 60 миноритарных групп (менее 50 тыс. человек) и зафиксированное переписью 2010 г. число носителей этнического языка. Эти данные требуют корректив относительно некоторых малочисленных народов Дагестана.

Таблица 2. Миноритарные языки и этнические группы РФ (менее 50 тыс. человек)

Этничность	Численность	Число знающих этнический язык	Этничность	Численность	Число знающих этнический язык
Абазины	43 341	37831	Ороки*	295	47
Алеуты*	482	45	Орочи*	596	8
Андийцы	11 789	5800	Рутульцы	35 240	30 360
Арчинцы	12	970	Саамы	1771	353
Ахвахцы*	7930	210	Селькупы	3649	1023
Багулалы	5	1447	Сойоты*	3608	Нет данных
Бежтинцы	5958	6072	Тазы*	274	Нет данных
Ботлихцы*	3508	206	Таты	1585	2012
Вепсы	5336	3613	Теленгиты	3712	Нет данных
Водь*	64	68	Телеуты	2643	975
Гинухцы*	443	Нет данных	Тиндалы*	635	Нет данных
Годоберинцы*	427	128	Тофалары*	762	93
Гунзибцы	918	1012	Тубалары*	1965	229
Долганы	7885	1054	Удэгейцы*	1496	103
Ижорцы*	266	123	Ульчи*	2765	154
Ительмены*	3193	82	Ханты	30 943	9584
Камчадалы*	1227	Пользуются ительменским	Хваршины	527	1737
Каратинцы*	4787	255	Цахуры	12 769	10 596
Кайтагцы*	7	Нет данных	Цезы/ дидойцы	11 683	12 467
Кереки*	4	10	Чамалалы	24	19 500
Кеты*	1219	213	Челканцы	1181	310

Таблица 2 (окончание)

Этничность	Численность	Число знающих этнический язык	Этничность	Численность	Число знающих этнический язык
Коряки	7953	1665	Чуванцы*	1002	Пользуются юкагирским
Кубачинцы*	120	Нет данных	Чукчи	15 908	5095
Кумандинцы*	2892	Нет данных	Чулымцы*	355	44
Манси	12 269	938	Шорцы	12 888	2839
Нанайцы	12 003	1347	Эвенки	37 843	4802
Нганасаны*	862	125	Эвены	22 383	5656
Ненцы	44 640	21 926	Энцы*	227	43
Нивхи*	4652	???	Эскимосы	1738	508
			Юги*	1	1
			Юкагиры	1603	370

*Языки, находящиеся под угрозой исчезновения.

Аварское и даргинское доминирование в Дагестане проявляется и в том, что группы аваро-андо-цезских и лезгиноязычных народов включаются в качестве этнографических групп в состав аварцев или даргинцев. На протяжении нескольких советских переписей представители этих малых народов перезаписывались местными организаторами переписей или же люди сами называли себя аварцами или даргинцами, как бы отказываясь от своей малой группы (*На пути к переписи* 2003). Судя по двум постсоветским переписям, такая практика сохраняется в арсенале местной политики. Возьмем, к примеру, арчинцев, язык которых принадлежит к лезгинской языковой группе. В первой советской переписи 1926 г. было зафиксировано 863 представителя этой национальности, затем арчинцы исчезли. В 2002 г. арчинцами назвали себя 89 человек, в 2010 г. – 12 человек (причем проживающих за пределами Дагестана). Между тем, по данным дагестанских этнографов, численность арчинцев составляет около 5 тыс. человек (*Тишков, Кисриев* 2008: 283). Становится понятным, почему почти 1 тыс. дагестанцев в 2010 г. показала знание арчинского языка.

Конечно, необходимы меры по сохранению этого языка, в частности преподавание его в начальных классах школ в селах проживания арчинцев. Но следует также учитывать, что в условиях длительного совместного проживания и доминирующего в республике аварского языка арчинцы подверглись языковой аваризации. Многие из них владеют аварским или даже перешли на аварский либо на русский язык. Иными словами, знающие свой этнический язык арчинцы являются трехъязычными, а утратившие его – двуязычными. Сложным является и их самосознание: в этническом плане арчинское и аварское, в региональном – они считают себя дагестанцами, в общегражданском – россиянами.

Еще один малый дагестанский народ андийской группы – багвалинцы (или багулалы). По переписи 1926 г. их было 3054 человека, переписи 2002 г. – 40 и переписи 2010 г. – 5 человек (и опять за пределами Дагестана). Но последняя перепись показала, что знают этот этнический язык почти 1,5 тыс. дагестанцев. Ясно, что это автохтонные носители, а не выучившие язык ради любопытства некие чужаки. Следовательно, жив и язык, и соответствующая этническая общность. Багулалы повсеместно владеют и пользуются русским языком и, возможно, почти все предпочли назваться в переписи аварцами, если только над ними не было совершено некое административное насилие или идеологическое воздействие. Багулалы не являются «статусным» народом в республике, и в местных условиях всякое продвижение по жизни по этой причине может столкнуться с трудностями.

В таблице нет данных о носителях кайтагского языка, а относительно числа самих кайтагцев приводится цифра 7 человек, хотя, по этнографическим и лингвистическим источникам, их число может достигать 25 тыс. (*Тишков, Кисриев* 2008). Почему нет сведений о числе владеющих этим языком – вопрос к статистическим органам республики. Кайтагцы и их язык не могли просто так исчезнуть с мировой карты. Необъяснимы приведенные в таблице данные, касающиеся чамалалов, компактно проживающих в Цумадинском районе Дагестана и в других районах республики, а также в Чечне. Специалисты считают, что численность этого народа составляет около 10 тыс., в том числе 7 тыс. проживают в Дагестане и 2 тыс. в Чечне (*Тишков, Кисриев* 2008: 222).

В переписи 2010 г. 19,5 тыс. человек указали, что владеют чамалинским языком. Почему только 24 человека назвали себя чамалинцами – вопрос скорее не для научного анализа, а для анализа процедуры переписи. Аналогичная картина с хваршинами, народом цезской группы, численность которого, по оценкам этнографов, около 2,5 тыс. человек (*Тишков, Кисриев* 2008: 273), а в переписи указаны 527 человек и 1737 человек, владеющих хваршинским языком.

Если представителей этой группы в реальности насчитывается хотя бы 2–3 тыс. и половина их знает свой этнический язык, то считать этот народ и его язык вымирающими опрометчиво. В переписи не указано число знающих тиндинский язык, хотя, по оценкам специалистов, число тиндалов (тиндинцев) – 8–10 тыс. (*Тишков, Кисриев* 2008: 214).

Налицо явное занижение численности тиндалов (635 человек), проживающих в основном в Цумадинском районе Дагестана. Таким образом, уникальная этническая и языковая мозаика Дагестана отягощена политическими установками и стремлением свести население к официально установленным 14 местным нациям, между ними и делятся властные позиции, престижные места и некоторые другие ресурсы. Происходят аваризация и даргинизация почти 20 народов, которым фактически отказано в признании в качестве самостоятельных общностей. Этот процесс зашел далеко, но в языковой сфере предпочтительней остается трехъязычие: местный этнический язык (его еще называют «сельским»), аварский или даргинский (последний для кайтагцев и кубачинцев) и русский язык как самый распространенный.

Если вести речь о языках Дагестана, действительно находящихся под угрозой исчезновения, то это ахвахский, ботлихский, годоберинский, гинухский, кайтагский, каратинский, кубачинский, тиндальский. Носители остальных малых языков исчисляются сотнями и даже тысячами, и к категории исчезающих их языки отнесены быть не могут. Что касается 14 крупных народов Дагестана, которые пребывают вместе со своими языками в официальном статусе, можно говорить только о поддержке и развитии их языков, о гармоничном сочетании обучения и пользования ими наряду с общегосударственным русским языком.

Особая история – с малочисленными народами Севера и Сибири, которые, в отличие от малых народов Дагестана, имеют особый правовой статус, закрепленный федеральным законом «О государственной поддержке коренных малочисленных народов Российской Федерации». Следует признать, что около 20 языков этой группы находятся в критической ситуации из-за малочисленности носителей языка и их преклонного возраста. К таким языкам только условно можно отнести алеутский (45 носителей), ибо этот язык знают еще около 450 алеутов США, где после принятия в начале 1970-х годов законов о правах аляскинских аборигенов введено двуязычное школьное обучение, водский (68 человек, знающих язык), ижорский (123), камчадальский/ительменский (82), керекский (10 знающих при наличии 4 кереков), кетский (213), нганасанский (125), орокский (47), орочский (8), тофаларский (93), тубаларский (229), удэгейский (103), ульчский (154), чулымский (44), энский (43),

юкагирский (370). Таким образом, 15 языков малочисленных народов Севера и Сибири пребывают в опасности, то есть состоянии возможного исчезновения, но зачислять все языки этой группы российских народов в категорию исчезающих было бы ошибкой.

Каждая национальная (страновая) ситуация различается степенью распространения и использования языков, а также государственной политикой, которая проводится по отношению к языкам. В Российской Федерации с ее многообразием языков накоплен уникальный опыт «языкового строительства» в советский период и налицо постсоветские правовые и другие инициативы по признанию и поддержке больших и малых языков. И все-таки, когда можно говорить о *языке нации* не только как о государственном языке, но и как о языке всеобщего знания и общения? Такая постановка вопроса в отношении русского языка в России вполне правомерна, чего, кстати, нельзя сказать о многих других странах с культурно сложным составом населения. Согласно переписи 2010 г., в России 99,4% постоянного населения владеют русским языком. Это свидетельствует о высокой степени ассимиляции в пользу русского языка и (или) о распространении двуязычия среди нерусских.

В России доминирующим всегда был и остается русский язык. *Многоэтничный российский народ способен общаться на одном языке, и это можно назвать языковым единством российской нации, а русский язык – языком нации или национальным языком*. Во многих случаях это не просто владение русским языком, а полный или частичный переход на русский язык как второй родной или как единственный родной. Это важно знать и признавать как норму, а не как аномалию.

Литература

Алимова 2002 – *Алимова Б. М.* Кайтаги // Народы Дагестана. М.: Наука, 2002. С. 321–334.

Алпатов 2005 – *Алпатов В. М.* Что делать с малыми языками? Пленарный доклад на круглом столе «Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения». 27–28 октября, 2005 г., Москва. http://lingsib.iea.ras.ru/ru/round_table/plenary_session.shtml

Аманжолова 2010 – *Аманжолова Д. А.* Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. М.: Собрание, 2010.

Арутюнян 1999 – *Арутюнян Ю. В.* Постсоветские нации. М.: Флинта, 1999.

Вахтин 2001 – *Вахтин Н. Б.* Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

Губогло 1979 – *Губогло М. Н.* Национально-русское двуязычие. М.: Наука, 1979.

Губогло 1994 – *Губогло М. Н.* Мобилизованный лингвицизм. М.: ИЭА РАН, 1994.

Губогло 1998 – *Губогло М. Н.* Языки этнической мобилизации. М.: Языки славянской культуры, 1998.

Ибрагимов, Зачесов 1990 – *Ибрагимов Г. Х., Зачесов К. Я.* О понятии «родной язык» // Русский язык в национальной школе. 1990. № 8. С. 8–12.

Исламшина 1996 – *Исламшина Т. Г.* Этнические ценности полиэтничного общества. Социологический очерк. Казань: Казанский государственный технический университет, 1996.

Кадио 2010 – *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР. 1860–1940 / Пер. с франц. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Козлов 1995 – *Козлов В. И.* Язык: Этнические и этносоциальные категории. Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. В. И. Козлов. Вып. 6. М.: Наука, 1995.

Козьмин 1916 – *Козьмин Н. Н.* К вопросу о «вымирании» инородцев // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 99–108.

Красовицкая 2011 – *Красовицкая Т. Ю.* Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину. М.: Новый хронограф, 2011.

Мамардашвили 1992 – *Мамардашвили М.* Законы инаконемыслия // Здесь и теперь. 1992. № 1. С. 85–93.

Мартин 2011 – *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.

На пути к переписи 2003 – На пути к переписи / Под ред. В. А. Тишкова. М.: ОАО «Авиаиздат», 2003.

Никонов 2015 – *Никонов В. А.* Современный мир и его истоки. М.: Изд-во МГУ, 2015.

Новые этнические группы… 2009 – Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / Под ред. В. В. Степанова, В. А. Тишкова. М.: Наука, 2009.

Патканов 1911 – *Патканов С. К.* О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1911.

Пивнева 2006 – *Пивнева Е. А.* Проблема вымирания коренных народов Севера: мифы и реальность // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Вып. 3. Ч. 3. М.; Сыктывкар, 2006. С. 31–40.

Российское государство… 2012 – Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть / Под ред. Ю. А. Петрова. М.: РОССПЭН, 2012.

Русский язык в России и странах СНГ / Под ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделина, В. А. Тишкова. М.: Наука, 2007.

Рычков 1923 – *Рычков К.* К вопросу о вымирании северных народностей Сибири // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 182–192.

Современные этнические процессы… 1975 – Современные этнические процессы в СССР / Под ред. Ю. В. Бромлея. М.: Наука, 1975.

Степанов 1990 – *Степанов Г. В.* Национальный язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990. С. 325–326.

Тавадов 2011 – *Тавадов Г. Т.* Этнология. Современный словарь-справочник. М., 2011.

Тишков 1977 – *Тишков В. А.* Политика двуязычия в Канаде // Расы и народы: ежегодник. М.: Наука, 1977. С. 207–224.

Тишков 2001 – *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.

Тишков 2013 – *Тишков В. А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

Тишков, Кисриев 2008 – *Тишков В. А., Кисриев Э. Ф.* Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнические категории и статистика: дебаты в России и во Франции / Под ред. Е. И. Филипповой. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. С. 93–124.

Тощенко 2003 – *Тощенко Ж. Т.* Этнократия. История и современность (Социологическое очерки). М.: РОССПЭН, 2003.

Филиппова 2013 – *Филиппова Е. И.* Предисловие. Судьба языков в глобализующемся мире // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог / Отв. ред. и пер. с франц. Е. И. Филиппова. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2013. С. 5–17.

Этнический и религиозный факторы… 2012 – Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Под ред. Т. Ю. Красовицкой, В. А. Тишкова. М.: Новый хронограф, 2012.

Этнография переписи 2005 – Этнография переписи – 2002 / Под ред. Е. И. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М.: ОАО «Авиаиздат», 2005.

Языки народов России… 2002 – Языки народов России: Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 2002.

Alesina, La Ferrara 2000 – *Alesina A., La Ferrara E.* Participation in Heterogeneous Communities // Quarterly Journal of Economics, 2000. V. 115. № 3. August. P. 847–904.

Alesina, Easterly et al. 2002 – *Alesina A. F., Easterly W. et al.* Fractionalization // Harvard Institute Research Working Paper. 2002. № 1959. P. 17–18.

Arctic Languages 2000 – Arctic Languages. An Awakening / Ed. by D.R.F. Collins. UNESCO, 1990.

Hirsch 2005 – *Hirsch Fr.* Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell U. Press, 2005.

Moseley 2010 – *Moseley Ch.* Atlas of the World's Languages in Danger. 3 rd. ed. Paris: UNESCO Publishing, 2010.

*Глава 8**

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

Введение

Становится все очевиднее, что многие прогнозы социолингвистов и антропологов о скором вымирании большинства существующих в мире языков под воздействием глобализации оказываются ошибочными. Скорее профилактической по своему воздействию и политически мотивированной была и остается возглавляемая ЮНЕСКО масштабная кампания в защиту «находящихся в опасности» языков (см.: *Атлас мировых языков* 2001). К этому же разряду можно отнести и ряд международных деклараций и программ, среди которых наиболее значимой является Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств (*Европейская хартия* 2012). Наши исследования показывают, что современные нации становятся все больше культурно-сложными сообществами, а их языковое многообразие не уменьшается, а даже увеличивается. Нет убедительных данных и о том, что общее число языков в мире катастрофически уменьшается, а на территории бывшего СССР (прежде всего в Российской Федерации) языковая номенклатура и жизненность языков (использование языков, языковые компетентность и лояльность) имеют далеко не отрицательную динамику (*Культурная сложность*… 2016; *Решение национально-языковых вопросов*... 2017; *Этническое и религиозное многообразие*… 2018). Все это актуализирует потребность в анализе языковых ситуаций.

Язык представляет собой многоаспектный социально-исторический феномен, а языковое взаимодействие – это сложнейшая практическая деятельность, которая протекает в собственном габитусе и одновременно взаимодействует с несколькими «полями власти». Язык – это власть, которая реализуется не столько через прямое насилие, сколько через предписания (индоктринацию): семейные установки, систему образования, медиа, научно-бюрократические классификации, языковую политику, включая правовые нормы (*Бурдье* 2005; *Scwartz* 1998; *Myles* 2010).

В зарубежной литературе имеются многочисленные исследования языковой политики и политики языка в разных регионах

---

* Дополненный вариант статьи: *Тишков В. А.* Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. 2019. № 3. С. 127–144.

и странах (*Laitin* 1998; *Gorenburg* 2003; *Grenoble* 2003; *Hirsch* 2005; *Chevalier* 2005; *Gorham* 2014). Что касается российской ситуации после распада СССР, то здесь, несмотря на некоторые устаревшие подходы, ведущие позиции занимают отечественные социолингвисты и антропологи. Из последних публикаций отметим энциклопедическое издание, подготовленное в Институте языкознания РАН (*Язык и общество*… 2016), а также другие коллективные издания (*Языковая политика в контексте*… 2015; *Решение национально-языковых вопросов*… 2017; *Языковая политика, конфликты и согласие* 2017; *Языковое единство*… 2018).

В политологии тема языковой политики освещена более скромно, если не считать разрабатываемые проблемы языка политики и так называемой политической лингвистики.

В центре моего анализа находится современная российская ситуация и отечественный опыт языковой политики, к которой я и мои коллеги обращались неоднократно с середины 1990-х годов (*Губогло* 1998; *Европейская хартия*… 2012; *Тишков* 2013; *Этническое и религиозное многообразие*… 2018; *Смерть языка*… 2020). В последние годы одним из центральных в общественном дискурсе оказался вопрос о родных языках и языковых правах в сфере образования. Интенсивные дебаты вокруг языка расширили поле языковой политики. Обычно под этим имеется в виду совокупность принципов, практик и институтов по решению языковых проблем в государстве и обществе. Аналогами этого понятия являются широко используемые термины «языковое планирование» или «языковое строительство». Однако некоторые авторы считают такую трактовку редукцией, игнорирующей практики и действия других акторов в поле языковой политики. Как пишут С. В. Соколовский и Е. И. Филиппова,

«любая инициированная правительством или национальной элитой языковая реформа поляризует мнения граждан, которых невозможно рассматривать лишь как пассивных реципиентов этой реформы: она не будет иметь успеха без поддержки населения и, таким образом, даже следование ее целям и принципам, не говоря уже о противодействии и протестах, должно рассматриваться тоже как политическое действие, направленное на реализацию конкретной стратегии языкового планирования» (*Языковая политика, конфликты и согласие* 2017: 5).

Российский и зарубежный опыт показывают, как в обсуждение языковых вопросов вовлекаются самые разные сообщества (образовательные, научные, городские, сельские, диаспорные), институты гражданского общества (профессиональные ассоциации, медиа, этнокультурные организации и объединения и т. д.). Поэтому резонно включать в понятие языковой политики «не только макроуровни международной и государственной политики в области языка, но

также и мезо- (цели, программы, действия региональных элит) и микроуровень (локальные или низовые стратегии носителей языка, способных не только поддерживать или отвергать инициативы, исходящие из двух выше названных уровней, но и реализовывать собственные)» (Там же: 6).

Такое обозначение языковой политики фактически утвердилось в мировой науке. Международная конференция, организованная Институтом языкознания РАН, также продемонстрировала широкий спектр подходов российских исследователей к этой теме (*Языковое единство*… 2018).

Наиболее существенную проблему я вижу в теоретико-гносеологических подходах и в той базовой терминологии, которая досталась нам от периода советского «национально-государственного строительства». Пересмотр или корректировка некоторых базовых категорий и сопутствующих им практик предлагается ниже.

Языковые категории и их ревизия

Применительно к отдельной личности выбор языка и языковое поведение отличаются рациональными мотивами индивида, хотя изначально они, конечно, во многом определяются условиями семейной и общественной среды, а среди последних факторов большую роль играют ценностные и политико-правовые предписания. Рациональность и среда связаны неразрывно, но на разных жизненных этапах их воздействия различны. Обычно человек усваивает свой первый выученный в детстве язык от родителей, чаше всего – от матери, и поэтому этот язык, если его знание сохраняется, называют материнским языком (langue maternelle, mother tongue). В большинстве случаев этот язык остается для человека основным языком знания и общения на всю его жизнь. *Именно этот основной (или первый) язык и считается родным языком, если вообще такая категория анализа и практики используется в том или ином обществе и в научной среде.*

Международная языковая статистика и управленцы-регуляторы большинства стран, где проводятся переписи населения, не пользуются понятием «родной язык» в силу его многозначности и эмоциональной ангажированности. Существенные сомнения в отношении этой категории высказывают и некоторые российские ученые (*Алпатов* 2000), которые я разделяю. В зарубежной научной среде эта категория используется чаще всего при описании языковой ситуации среди аборигенного населения стран Америки. Но в этих же странах и в англоязычной научной периодике известен журнал «Первый язык» (First Language), издающийся с 1980 года.

Российские социолингвисты признают многозначность данной категории. Социолингвистический словарь и энциклопедия приводят четыре значения «родной язык»: материнский язык («язык колыбели»); этнический язык (язык национальности независимо от владения); функционально первый язык (основной язык знания и пользования); то же, что и этнический (как язык любого народа РФ, кроме русского). Последняя трактовка представляется абсурдной, хотя и была в обиходной практике и даже в научном языке до самого последнего времени (например, выражение «школы с родным языком обучения и школы с русским языком обучения»). Вступивший в силу с 1 сентября 2018 г. Федеральный закон № 273 «Об образовании в Российской Федерации» частично исправил эту ситуацию, признав за русским языком право также считаться «родным языком». Но из текста федерального правового акта следует, что это относится только к ученикам русской национальности, ибо используется концепт «язык народа»! Пункт 4 статьи 14 закона изложен следующим образом:

«Граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, в порядке, установленном законодательством об образовании… Преподавание и изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, в рамках имеющих государственную аккредитацию образовательных программ осуществляются в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами».

Как представляется, размытость формулировок закона приводит к амбивалентной политике. Во-первых, не понятно само выражение «языки народов Российской Федерации». Видимо, чтобы отсеять «западные» языки или языки других стран. Однако напомним, что среди 193 российских народов значатся американцы, британцы, немцы, испанцы, итальянцы, французы, чехи, японцы и еще пара десятков подобных им «народов России». В этом же списке российских национальностей азербайджанцы, армяне, белорусы, грузины, украинцы и другие, составляющие одновременно основное население других стран бывшего СССР. Причем некоторые из них – это автохтонное население России, и они никак не могут быть отнесены к группам иммигрантского происхождения. Добавим к названным российским автохтонам еще и болгар, греков, казахов, туркмен, поляков и других, живущих в России столетиями. Попытки разделить россиян на категории «коренных» и «некоренных» несостоятельны еще и по причине конституционного равенства граждан страны.

Таким образом, сами понятия «из числа народов» или «из числа языков» Российской Федерации являются некорректными.

Однако самая большая проблема – это смысловое содержание категории «родной язык», которое, видимо, законодателям представлялось настолько ясным, что оно даже не было включено в перечень основных понятий, который сопровождает текст закона. А это большой и больной вопрос для российской политической и культурной жизни. К тому же вслед за законом был издан президентский указ о создании государственного Фонда поддержки и развития родных языков. Какие языки и какие их носители должны будут получать эту поддержку, зависит в том числе и от экспертной проработки вопроса, которой явно не хватало при принятии закона.

Почему категория «родной язык» считается уязвимой для научного анализа и для практики языковой политики? Прежде всего, потому что во многих случаях, особенно в обществах с распространенными этнически смешанными браками, дети с самого детства осваивают два и даже более языков, т.е. являются двуязычными. Какой в данном случае язык – отца или матери – считать родным, установить трудно, ибо оба языка могут считаться родными. Возникает серьезная коллизия, так как российская наука и практика исходят из того, что родной язык должен быть только один! Многие ученые считают, что родным следует считать язык матери (*Шахнарович* 1999: 18) и что поэтому не может быть двух родных языков, как не может быть двух матерей. По словам известного лингвиста В. Г. Костомарова, «выученный язык… может стать в жизни человека важнее родного, который, однако, и при забвении остается матерью, пусть и менее любимой, чем мачеха» (*Костомаров* 1991: 11). Эти эмоционально окрашенные высказывания расходятся с жизненной практикой.

В категорию родного языка полезно включить аспекты подвижности и ситуативности. В ряде регионов России человек с детства или с молодости владеет и пользуется свободно двумя языками как равными и отдает предпочтение тому или иному языку в зависимости от ситуации или от места нахождения. Приезжая в отпуск в родное село к родителям и родственникам, он быстро погружается в одну языковую среду и даже начинает думать на этом языке (некоторые считают это важным признаком именно родного языка). Затем, возвратившись в город к своей семье и работе, человек переходит на другой язык, который преобладает в данном месте.

Примерно так же ситуативно переключается языковое поведение человека, у которого различаются язык домашнего общения и язык работы. Неслучайно в программах переписей населения и в социолингвистических исследованиях часто используются

категории «язык домашнего общения» (*language spoken at home*) и «язык работы» (*language at work*). А уже затем специалистами выполняется анализ языковых тенденций среди той или иной общности или в стране в целом.

Наконец, существенное неудобство с категорией «родной язык» в ее узком понимании (как материнский и как единственный) – это разрыв с реально существующим как норма многоязычием людских сообществ, в том числе и среди этнических групп. По словам социолингвиста Н. Б. Вахтина, «на Земле около 2/3 населения с рождения дву- или многоязычны: одноязычие – это скорее отклонение от нормы; большинство двуязычных носителей живет в двуязычных сообществах, то есть – ежедневно и ежечасно использует два и более языка в повседневном общении» (*Вахтин* 2018: 38).

В данном случае имеется в виду такое широко распространенное явление, как языковое взаимодействие и взаимопроникновение, когда в речевой практике используются компоненты разных языков, когда в каждый данный момент человек говорит на одном языке и вставляет в него части из другого. С учетом этого можно сказать, что и в России значительная часть населения является дву- или многоязычной. Прежде всего, это касается так называемого русско-украинского пограничья, где русские и украинцы говорят на смеси двух языков или переходят с одного на другой в повседневной речевой практике (*Чижикова* 1988), а также нерусского населения таких многоязычных регионов, как Северный Кавказ, Поволжье, южная Сибирь.

Как представляется, для выяснения реальной языковой ситуации, определения переписных процедур и правовых норм, необходимы коррективы категории «родной язык». Первое: можно предложить расширить само понятие и сделать его более контекстным, т. е. спрашивать в переписи не просто «Ваш родной язык?», а «Ваш первый выученный язык, знание которого сохраняется?» или «Ваш родной (материнский, первый) язык?» Для корректности лучше спрашивать не материнский, а «родительский» язык, ибо в некоторых сообществах (например, среди народов Северного Кавказа) язык отца воспринимается и осваивается детьми в большей степени, чем язык матери. По крайней мере, по нашим полевым наблюдениям, в этом регионе с выраженной патрилинейностью в системе родства дети смешанных браков родным языком чаще называют отцовский, а не материнский.

Безусловно, необходимо позволить россиянам указывать не один, а два языка в этой категории. Ряд стран, где задается такой вопрос в ходе переписей, уже сделали такие поправки (например, Венгрия, Чехия и Литва). Материалы Сети этнологического мониторинга показывают, что часть россиян допускает возможность

иметь два родных языка и готова указывать это при переписи населения или других процедурах (*Степанов* 2018а: 15–18).

Следует признать, что демонтаж категории «родной язык» или даже ее частичная коррекция обязательно встретят трудности. Прежде всего, это воздействие языкового национализма, при которой метафора родного языка несет большую нагрузку. Целые поколения отечественных обществоведов, прежде всего лингвистов, выросли с этим обозначением, которое заключает в себе важный для этнической группы смысл, о чем речь пойдет ниже.

Напомним, что «родной язык» в международном контексте используется именно как материнский язык и только в редких случаях обозначение «native (indigenous) language» используется в отношении языков аборигенных групп населения. Именно так обозначена эта категория в переписных листах Австралии, Бразилии, Мексики, ряда африканских стран. Так же обозначаются в литературе и в обследованиях индейские языки в США и Канаде. В других случаях категория «родной язык» в привычном для нас смысле (как единственная и совпадающая с этничностью) в большинстве стран мира не используется. Многие страны имеют в переписных листах категорию «материнский язык» (Албания, Армения, Беларусь, Болгария, Молдова, Индия, Хорватия и другие). Неслучайно в 1999 г. ЮНЕСКО объявило 21 февраля Международным днем материнского языка (International Mother Language Day). Эта дата была избрана в память о погибших в 1952 г. студентах-демонстрантах в г. Дакке (ныне это столица Бангладеш), которые выступали за признание языка бенгали государственным языком тогдашней Индии. В России все мероприятия по этой линии были названы по-другому, включая и объявление 2018 года – Годом родных языков.

Отметим, что перед Всероссийской переписью населения 2002 г. нам удалось убедить РОССТАТ убрать из проекта программы переписи вопрос о родном языке, заменив его вопросами о владении и пользовании языками. Это вызвало отрицательную реакцию части ученых и общественных активистов, особенно в российских республиках. Тогдашний заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН М. Н. Губогло опубликовал в «Независимой газете» эмоциональную статью под названием «Кто отнял родной язык?» (*Губогло* 2018), за которой последовала череда высказываний в пользу сохранения категории «родной язык». Уже в напечатанный миллионными тиражами переписной бланк было внесено дополнительное указание для переписчиков задавать также вопрос о родном языке и делать соответствующую пометку. Аварийным путем собранные данные не стали адекватным отражением ситуации, которая обычно фиксировалась этим вопросом в наших переписях.

А вот что отражали ответы на вопрос о родном языке в предыдущих советских и в последующих переписях – этот вопрос заслуживает критического разбора, ибо здесь имела место давняя неадекватность интерпретации. Неадекватность была в том, что данные о родном языке трактовались в работах по проблемам распространения двуязычия в СССР без должного учета реального владения так называемыми национальными языками (см., напр.: *Современные этнические процессы…* 1975; *Губогло, Бромлей* 1984). Сама формулировка вопроса «Ваш родной язык?» не предполагала (и не предполагает поныне) его обязательного знания!

Еще одна неадекватность прошлой практики заключалась в том, что вопрос о языке имел прямую проекцию в этничность. Связь «язык и этнос» появилась в языковедческой науке еще в начале XX в., когда утвердилось мнение швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра, что «общность языка создает этническое единство», а язык и этнос пребывают в неразрывном единстве. В этой парадигме трудились многие известные советские исследователи, как лингвисты (В. И. Абаев), так и этнографы (Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, С. А. Арутюнов и др.). Сохраняются сторонники этой жесткой схемы и сегодня, в том числе и среди зарубежных коллег. Так, на международной конференции «Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтничном государстве» японский исследователь Танака Кацухико высказался, что «нельзя забывать, что человек – существо ‘этническое’, и именно язык определяет эту сущностную характеристику человека» (*Языковое единство…* 2018: 52). Схожие позиции выразили авторы других докладов. Попробуем разобраться в этом аспекте языковой политики.

«Национальный язык» – это о чем?

Итак, мы установили конфликт в оценке российской языковой ситуации с мировой наукой и с общественной практикой: в России чаще всего родным называют не «основной язык знания и общения» (согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова) и даже не первый выученный язык, а язык собственной этнической принадлежности. Например, как полагает Е. О. Хабенская, «родной язык» – это язык той этнокультурной общности, с которой ассоциирует себя индивид, т. е., строго говоря, «материнский язык» (*Хабенская* 2004). Такой же позиции придерживаются многие ученые и практики языковой политики (*Ибрагимов, Зачесов* 1990; *Козлов* 1995: 157; *Мамардашвили* 1992). Особо рьяно ее защищает титульная общественность в российских республиках, а также представители таких дисциплин, как этнопсихология (*Исламшина* 1996). Приведу один из примеров собственных полевых наблюде-

ний. В 1990 г., после переписи населения СССР, во время пребывания в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе я беседовал с двумя местными взрослыми бурятами и спросил, какой язык они указали в качестве родного. Те удивленно ответили: «Конечно, бурятский, мы на нем немного говорим».

«А что записали своим детям?» – спросил я. «Тоже бурятский, хотя они совсем не знают родной язык», – был ответ.

Сентенция «не знать родной язык» может потрясать своей несуразицей, но только не российских этнологов и социолингвистов, а тем более политика или общественного активиста. В российском дискурсе эта категория была прочно склеена с категорией национальности, хотя, кстати, в инструкциях переписчикам еще с советских времен было записано, что «родной язык может не совпадать с национальностью». Так было в первой советской переписи 1920 г., а при всеобщей переписи населения 1926 г. инструкция для переписчиков гласила: «Родным языком признается тот, которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит», т.е. не было увязки с национальностью. В переписях 1937 и 1939 годов, а также в послевоенной переписи 1959 г. упомянутые инструктивные указания были убраны. Итоги переписей о родном языке стали рассматривать как сведения о знании и распространении языков, а также о так называемом национально-русском двуязычии. Этот инструментарий и стоявшая за ним методология позволяли учесть в основном только тот язык, который совпадал с национальностью опрашиваемого.

Фактически же *на протяжении десятилетий вопрос о родном языке в переписях населения представлял собой своего рода контрольный вопрос о национальности*. Тем более что он и следовал в переписном листе сразу после вопроса о национальности. По нашему предложению, начиная с переписи 2010 г., эти два вопроса были разведены и поменялись местами: сначала спрашивают о языке, затем – о национальности. Но сама ментальность поменялась в малой степени.

Следует отметить еще одну близкую мне позицию, которая заключается в том, что «материнский язык – не обязательно родной, родной язык – не обязательно первый» (*Вахтин* 2001: 46). Однако этой констатации недостаточно. Хотя демонтаж категории «родной язык» в силу эмоционально-политических причин затруднителен, возможна и необходима коррекция самой этой формулы в программе переписи населения. Скорректированный вопрос позволит ослабить связь категории языка с категорией национальности. Можно ожидать, что данные переписи в этом случае будут не в пользу нерусских языков. Зато будет более адекватным отражение реальной

языковой ситуации в России, где сейчас официальные данные занижают степень распространения и использования русского языка, а точнее – языкового перехода представителей нерусской национальности (или их предков) на русский язык. Чтобы этот вопрос дал объективные данные также и о распространении «родного двуязычия» среди россиян, необходимо поместить в пространстве ответа переписного листа не одну, а две свободные строки для заполнения. В этом случае полные билингвы смогут указать свои основные языковые компетенции, не совершая над собою насилие.

Еще один языковой вопрос: «Какими другими языками владеете?» позволит также выявить двуязычие и многоязычие среди граждан страны, включая этнических русских. Этот же вопрос даст ответы на знание как «языков народов России», так и иностранных языков. К сожалению, эти вопросы не выявляют ситуацию пользования языками. Для этого нужно задавать другие вопросы, типа: «Ваш язык домашнего общения?» и «Каким языком пользуетесь на работе?» Так, в частности, формулируются переписные вопросы о языке в таких странах, как Австралия, Австрия, Беларусь, Венгрия, Индонезия, Канада и др.

Во многих странах, если не в переписи, то в социологических и других обследованиях такие вопросы задаются. Кстати, при проведении микропереписи населения 1994 г. такой вариант вопросов содержался и дал интересные результаты (*Степанов* 2018b: 89), но дальше дело так и не пошло: для статистиков это были дополнительные хлопоты и затраты, а привлеченные к подготовке переписи ученые сильно и не настаивали. Последние десятилетия ученые и практики привыкли (с некоторыми оговорками) по ответам на вопрос о родном языке конструировать, как им представлялось, реальную языковую ситуацию, включая распространение «национально-русского двуязычия». *Корректировка категорий приведет к выявлению более точной ситуации и к более адекватной языковой политике (кстати, некорректным представляется и выражение «национально-русское двуязычие»)*.

Есть еще одна назревшая коррекция используемых в России языковых категорий, которая позволила бы не только улучшить смысловую составляющую языковой политики, но и привести наш язык в соответствие с языком мировой науки и политики. Речь идет о таком распространенном понятии, как «национальный язык». Приведу цитату из введения к коллективному труду Института языкознания РАН, который является лидером среди исследовательских коллективов в области языковых процессов и языковой политики:

«Исследование выявляет общую картину состояния и этнокультурного развития этносов России, то, как на их развитии отражаются общественные факторы, какова языковая компетенция различных этнических групп,

насколько целесообразна и эффективна национальная политика государства, имеется ли положительная динамика в этнокультурном развитии народностей России, каковы перспективы их развития… Нерешенной до сих пор остается проблема рационального распределения общественных функций между русским языком и национальными языками. В связи с происходящими в обществе изменениями возросла актуальность исследования причин, приводящих к реальной угрозе исчезновения национальных языков РФ, в частности миноритарных языков» (*Языковая политика в контексте…* 2015: 5–7).

В чем проблема с подобной позицией? Оставим в стороне ортодоксию по части дефиниции этнических общностей в трех вариантах в одном абзаце (этнос, этническая группа, народность), но обратим внимание на все то же склеивание языка и этничности как нормы и определение всех языков в России, кроме русского, как национальных. Хотя в мировой практике, даже в англоязычной «Википедии», в статье «National language» действительно отмечается многозначность данной категории, но в целом речь идет о понятии, которое синонимично категории «официальный язык» или «государственный язык». В перечне национальных языков в разных странах в этом же источнике читаем: «Из всех языков России русский язык является единственным официальным языком на национальном уровне. Вместе с русским есть еще 35 различных языков, которые считаются официальными языками в разных регионах России. Всего в России сегодня разговаривают на более чем 100 миноритарных языках». То, что у коллег-социолингвистов называтся национальными языками, в общепринятом формате будет называться миноритарными или этническими. Кстати, этими категориями российские специалисты также начали пользоваться, но только применительно к языкам категории «малочисленные народы».

Итак, в российском научном и политическом дискурсе такие распространенные в мире категории, как «родной язык» и «национальный язык», отданы в эксклюзивное владение этнических общностей, которые могут называться по-разному: нации, народы, народности, этносы, этнические группы. Такая *этнизация языков на основе трактовки этничности с примордиальных позиций рано или поздно должна быть подвергнута сомнению, ибо она расходится с мировым трендом в понимании современных языковых процессов и заключает в себе также конфликтогенные моменты.*

В том же самом коллективном труде российских социолингвистов содержатся очерки о языковых ситуациях и языковой политике в других странах и регионах мира, которые заслуживают сравнительного анализа. Обращает внимание, что в современных полиэтничных странах (точнее – в культурно-сложных обществах) отсутствует обязательная связь «один народ – один язык». Каталан-

ский язык в Испании – это не просто «национальный язык этноса каталонцев», ибо в Испании сама категория этноса неприменима к местным регионально-историческим сообществам. Здесь каталонцы – это не этническая общность, а основное население провинции Каталония, а каталанский язык – это далеко не только язык каталонцев, но и других регионально-исторических сообществ этой страны (автономные сообщества Валенсия, Балеарские острова и др.). Каталаноязычные сообщества есть также во Франции и Италии. Похожая ситуация с канадскими франкофонами, которых невозможно назвать этносом или народностью, ибо, помимо части квебекцев, франкоязычные сообщества есть в Приморских провинциях Канады и в провинции Онтарио (*Кожемякова* 2017; *Тишков* 1984). Именно о языковых сообществах, а не об этносах идет речь и в таких странах, как Бельгия, Швейцария, Франция и др. (*Andersen, Carter* 2016).

Этот подход к языку как к самостоятельной субстанции, а к его носителям – совсем необязательно как к этнической группе, является ныне доминирующим, по крайней мере, в макрорегионе Евразии, за исключением некоторых стран бывшего СССР. Совсем не случайно Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств основывается именно на философии приоритета и самоценности самого языка, его статуса и перспектив, жестко не привязывая эту категорию социальной реальности к определенным группам, а тем более – к этнонациям и к этнокультурному развитию народов России.

Такой подход оправдывает себя, ибо не вызывает необходимости этнической мобилизации и не ведет к этнополитической напряженности вокруг языка. А языковые проблемы, которых в Европе много, при этом решаются, хотя и не столь легко и быстро. Заметим также, что, определяя субъект анализа и политической практики не как «этнос» или «народность», а как языковые сообщества, страны Европы уходят от проблемы «национальных меньшинств» в случаях, когда речь идет о языковой ситуации. Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств Макс ван дер Стул однажды в ответе на мой вопрос: «Почему в Вашу повестку не входят проблемы итальянского Тироля, французской Бретани или британского Ольстера?», сказал следующее: «Это не в моей компетенции, ибо там не национальные меньшинства, а языковые и религиозные меньшинства. А вот в России – это национальные меньшинства».

Таким образом, через узко этническую трактовку таких многозначных категорий, как «родной язык» и «национальный язык», т.е. как язык определенной этнической общности, в России вопрос о языке вмонтирован и является частью именно этнической (у нас

она называется «национальной») политики, а также выступает центральным моментом программатики этнонационализма. Случай этот далеко не единичный, и этноязыковые конфликты и лингвистический национализм в мире известны хорошо, но считать это нормативной ситуацией было бы ошибкой.

Язык в системе нациестроительства

Одна из особенностей языковой ситуации в России – это наличие одного общенационального (государственного) языка, которым владеет 99,4% населения (перепись 2010 г.), а не только этнические русские, которые составляют около 80% населения. Но русский язык – это единственный язык российской нации, который обладает официальным статусом. Еще около 40 языков наиболее многочисленных нерусских народов имеют государственный статус на уровне российских республик (последними официальными языками добавились в 2014 г. украинский и крымско-татарский в Крыму).

Это право предоставлено Конституцией РФ, хотя формулировка соответствующей статьи 68 носит самый общий характер: республики вправе устанавливать свои государственные языки, которые употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. Несмотря на отсутствие прямого закрепления в Конституции права автономных округов устанавливать собственные государственные языки, округа собственными уставами также могут устанавливать официальный статус языков проживающих в них этнических групп. Некоторые округа использовали эту возможность, как и некоторые республики, которые вместо государственного установили языки с официальным статусом (карельский, финский, вепский в Карелии), а некоторые вместе с государственным еще и предоставили статус официальных языкам малочисленных народов, проживающих на их территории (долганский, чукотский, юкагирский, эвенкийский, эвенкский в Якутии).

Примечательная ситуация в сфере языковой политики возникла после заседания в Йошкар-Оле в июле 2017 г. Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, когда президентом В. В. Путиным была обнародована проблема с обязательным изучением в школах ряда республик языка титульной национальности всеми жителями региона. Это вело к сокращению объема и к понижению уровня преподавания русского языка, а также вынуждало нетитульные этнические сообщества (например, татар в Башкирии) изучать в обязательном порядке, кроме русского, также этнический язык не своей, а другой национальности. После этого Минобрнауки и Генпрокуратуре России было поручено проверить ситуацию с преподаванием языков в российских республиках.

Напомним, что русский язык в обязательном порядке преподается во всех средних школах Российской Федерации. Все выпускники средних школ сдают в обязательном порядке Единый государственный экзамен (ЕГЭ) по русскому языку. В школах республик преподаются также государственные языки республик, а в некоторых – на этих языках ведется и преподавание в начальной или основной школах. Статус этих языков как предметов различался в зависимости от законодательства республики. Обязательное изучение государственного языка республики в школе вне зависимости от национальности обучающегося имело место в Башкортостане, Коми, Калмыкии (с 1 по 11 классы для «носителей языка», с 1 по 9 классы по облегченной программе для остальных), Северной Осетии (для носителей обязательно, для не носителей обязательно, но по облегченной программе), Татарстане, Чувашии (с 1 по 9 классы). Обязательное изучение государственного языка республики в школе только для носителей было в Адыгее (русскоязычные имели право вместо него изучать адыгейскую литературу на русском языке), Ингушетии, Чеченской республике. Добровольным (как для носителей, так и для не носителей) было изучение государственного языка республики в школах Удмуртии и Республики Алтай.

Как понятно, под «носителями языка» имеются в виду лица соответствующей национальности, хотя вполне возможно и даже наверняка многие из них (в ряде случаев это большинство) не владеют и не пользуются этими языками. Так, например, большинство калмыков, бурят, мордвы, марийцев, алтайцев, хакасов не владеют языками своей национальности. Они, а точнее – еще их предыдущие поколения – перешли на русский язык. Значит, никакими «носителями языка» они не являются, и их родной язык – это русский язык. Однако местные законы в республиках предписывали этой категории населения обязательное изучение «национального языка». Вопрос этот представлялся настолько самоочевидным, что даже и не подвергался обсуждению на протяжении всей истории с преподаванием родных языков в СССР и Российской Федерации.

Дискуссии и напряженность вызывает вопрос, обязаны ли все обучающиеся жители республик изучать официальный язык данного субъекта федерации? Это касается прежде всего русского населения, а также представителей других «нетитульных» национальностей, которые могут составлять даже большинство населения и превосходить по численности «титульную» национальность. Так, например, в Башкирии башкиры по численности уступают русским и татарам, но в этой республике с самого начала 1990-х годов было обязательно для всех изучение именно башкирского языка. Эта ситуация вызывала недовольство части учеников и родителей,

направлявших многочисленные письма протеста и делавших публичные заявления. Одним из аргументов против этой практики было сокращение объема и качества изучения русского языка в школах республик, где значительная часть урочного времени уходила на изучение местных языков. Так, например, в Татарстане количество уроков русского и татарского языков было почти одинаковым, что могло привести к снижению уровня знаний русского языка.

Чем были недовольны часть учеников и их родители? Не только тем, что приходилось тратить школьное время на изучение языка, который мог быть довольно труден для усвоения и ничего, с точки зрения некоторых родителей, не добавлял для финальной школьной аттестации и для вступительных вузовских экзаменов. Даже освоив республиканский государственный язык и оставшись проживать в регионе, применять его в повседневной жизни особой нужды не было: все вокруг говорят на русском. Это, например, характерно для Северной Осетии и Мордовии, где подавляющее большинство жителей дома и на работе используют русский язык.

Особое недовольство вызывала ситуация у тех, кого можно условно назвать «двойными меньшинствами», т. е. у представителей нерусской национальности, проживающих как бы не в «своей» республике. Тогда ученик-ингуш, проживающий в Пригородном регионе Осетии, должен был обязательно изучать в школе осетинский, а не родной ингушский, а чуваш в Татарстане – изучать татарский, а не чувашский, и т. д. От этой части жителей республик и было больше всего жалоб. Но высказывали недовольство самые разные категории, в том числе и татары в Татарстане и башкиры в Башкирии, которые хотели бы иметь больше учебных часов для подготовки к ЕГЭ по русскому языку.

В 2017 г. Генпрокуратура проверила добровольность изучения языков народов РФ в регионах России и обнаружила нарушения во всех республиках. Но самое большое количество жалоб родителей школьников на принудительное обучение «титульному» языку и уменьшение часов русского языка было зафиксировано в Татарстане, Башкортостане, Якутии и Чувашии. Минобразования РФ разработало методические указания, согласно которым изучение государственного языка республики должно быть добровольным, и более жестко отрегулировало образовательные стандарты, установив объемы изучения родного и государственного языков. Рассматриваемый в Государственной Думе законопроект предлагал установить принцип добровольности и факультативности в обучении республиканским языкам местными учащимися.

Все эти действия вызвали ответную реакцию как со стороны родителей, начавших писать отказы от изучения местных языков,

так и со стороны этнических активистов и от республиканских властей. В Башкортостане и Татарстане прошли митинги в поддержку официальных языков и с требованием вернуть их обязательное преподавание в школах. Педагоги Чечни высказали мнение, что факультативное обучение не сможет обеспечить базового знания родного языка и что желательно изучение языка «титульной нации» всеми жителями Чечни. Власти Кабардино-Балкарии поддержал обращение Госсовета Татарстана о необходимости «сохранить право изучения родного языка в обязательной части школьной программы для всех народов России». Общественная дискуссия по языковому вопросу возобновилась в Чувашии и Коми. Активисты из Северной Осетии обратились с просьбой к президенту В. В. Путину оставить осетинский язык обязательным для изучения в школах республики.

В августе 2018 г. вступил в силу принятый Государственной Думой закон, дающий школьникам и их родителям право выбирать, какой язык будет изучать ребенок в качестве родного. При этом русский язык закон также включает в перечень для изучения в этом качестве. Предмет «Родной язык» остается в обязательной части учебных планов и не переходит в факультативную составляющую.

Возможные модели в контексте мировых практик

Обзоры зарубежного опыта в данной области (*Алпатов* 2018; *Бахнян* 2018) выявляют большое число вариаций и поэтому мало что дают для прямого заимствования. Отметим некоторые общие моменты в тех моделях языковой политики, которые сегодня существуют в полиэтнических государствах и учет которых может быть полезен для российской науки и практики. В. М. Алпатов выделяет четыре модели языковой ситуации и политики. Первая – это один господствующий на всей территории государства язык (с государственным статусом или без него) и отсутствие государственной поддержки языков меньшинств. Из крупных государств это главным образом США и Великобритания, а также Япония и Турция. Данный вариант жесткой (ассимиляционной) политики проводит ряд стран бывшего СССР (кроме России и Беларуси). Украина и Казахстан также тяготели к данной модели из-за ужесточений в отношении русского языка в последние годы.

Эта модель обусловлена как исторической и этнодемографической ситуацией, так и политикой становления национальной государственности. Вторая модель – равноправное официальное многоязычие (два языка в Канаде, Бельгии и Финляндии, четыре – в Швейцарии). Третья модель – один доминирующий (обычно со статусом общегосударственного) язык при признании и господдержке других языков (на национальном или региональном

уровнях). Это многие страны Европы (например, Италия, Испания, Франция) и англоязычные страны Австралия и Новая Зеландия, а также Китай. И четвертая модель – модель языкового плюрализма без доминирующего языка или языка бывшей колониальной метрополии в этом качестве (большинство стран Азии и Африки). К этой модели тяготеют Индия и Индонезия (*Алпатов* 2018: 24).

Автор классификации считает, что в России языковая политика во многом носит стихийный характер, и она колеблется между первой и третьей моделями (Там же: 30). На наш взгляд, ассимиляционная модель не подходит для оценки ситуации в современной России, как и советского языкового строительства. Более того, именно европейские страны во многом заимствовали советский опыт поддержки и развития миноритарных языков, для 50 из которых в СССР была создана собственная письменность. Если придерживаться данной классификации, то к российской ситуации подходит именно третья модель. Однако всякая модель заключает в себе упрощение, ибо реальные практики более разнообразны, а политические решения более сложны.

Например, только в одной испанской провинции – Стране Басков – официально действуют четыре лингвистических модели языковой политики в системе образования (с начала 1980-х годов баскский язык официальный наряду с испанским языком). Модель «A»: преподавание на испанском с четырьмя часами в неделю баскского языка (это всего 7% учащихся, главным образом из иммигрантских семей); модель «B» предполагает использование двух языков изучения и преподавания, но большинство предметов преподаются на испанском (около 30% учащихся); «при модели D» почти все предметы преподаются на баскском языке, за исключением испанского языка и литературы, которым отведено четыре часа в неделю (около 63% учащихся). Модель «X» (исключительно испанский язык) позволена только частным школам и освобождение от изучения баскского языка позволено только для детей с коротким сроком проживания в провинции (*Мустафина* 2010).

Эти данные относятся к 2006 г., а наши наблюдения в этой провинции в 2017 г. свидетельствуют о росте числа учеников, обучающихся на баскском языке, и о превращении этого языка в элитарный по сравнению с испанским. Однако растущее число полных билингвов из числа школьных выпускников не изменило положение с доминированием испанского в общественной жизни региона и его большей престижности. Зато создается ситуация недовостребованности тех, кто считает баскский язык своим первым языком и желал бы пользоваться им и на работе. Эта ситуация напоминает положение в канадском Квебеке, где франкофоны длительной политиче-

ской борьбой и высокой степенью языковой лояльности обеспечили для своего языка приоритетные позиции, но только на уровне одной провинции (не считая Монреаля), а остальная Канада так и не стала двуязычной (*Кожемякова* 2017: 360; *Тишков* 1984).

Все это говорит о том, что *в сфере языковой политики можно вести речь о равноправии языков, но не об их равенстве, ибо доминирующий в государстве язык, да еще и с мировым статусом, всегда будет иметь преимущества на так называемом языковом рынке.* А поскольку государство также заинтересовано в том, чтобы граждане владели общим языком для обеспечения национальной солидарности и для более эффективного общественного управления, то официальный (государственный, национальный) язык всегда будет иметь еще и дополнительные преимущества. Тем самым в системе современного нациестроительства наиболее оптимальной выглядит следующая формула, в рамках которой возможны разные модели в зависимости от ресурсов, которыми обладают языки в своем соперничающем взаимодействии. Эту формулу попытался сформулировать один из современных социолингвистов:

«Перед всеми полиэтническими и многоязычными государствами в наступившем XXI в. встает стратегическая проблема выработки особых конвергентных моделей развития языковой политики, во многом определяемые общей стратегией внутренней языковой политики, проводимой правительствами этих государств – языковой политики плюрализма, демократизации и интеграции или ассимиляции» (*Бахнян* 2018: 103).

Для меня предпочтительней несколько иная формула. В языковой сфере как части неубывающего культурного многообразия современных государств следует обеспечивать общенациональное единство не на путях монокультурности (моноязычия), понимая единство как «единственное», а на путях утверждения гражданской идентичности и патриотизма через политику признания и поддержки культурной сложности, в которой сочетаются общенациональные культурные системы, включая общий язык, и этнокультурное многообразие, включая миноритарные языки. *Это признанное многообразие и есть то самое единство*, в котором нуждаются и которое ищут современные культурно-сложные общества и государства.

Литература

Алпатов 2018 – *Алпатов В. М.* Языковая политика в современном мире // Языковое единство и языковое раз-нообразие в полиэтническом государстве. Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018 г.): доклады и сообщения / Отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. М.: Языки народов мира, 2018. С. 24–33.

Атлас мировых языков 2001 – Атлас мировых языков, находящихся под угрозой исчезновения. 2001. URL: http://www.unesco.org/ languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap (дата обращения: 01.04.2019).

Бахнян 2018 – *Бахнян К. В.* Социолингвистическая стратегия и модели языковой политики полиэтнических государств // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018 г.): доклады и сообщения / Отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. М.: Языки народов мира, 2018. С. 95–105.

Брубейкер 2012 – *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012.

Бурдье 2005 – *Бурдье П.* О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 10–21.

Вахтин 2001 – *Вахтин Н. Б.* Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

Вахтин 2018 – *Вахтин Н. Б.* Влияние идеи «двуязычия как нормы» на развитие лингвистики // Языковое единство Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018 г.): доклады и сообщения / Отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. М.: Языки народов мира, 2018. С. 38–43.

Губогло 1998 – *Губогло М. Н.* Языки этнической мобилизации. М.: Языки славянской культуры, 1998.

Губогло 2018 – *Губогло М. Н.* Кто отнял родной язык? Сочинения в 10 т. Этничность. Т. 1. М.: ИЭА РАН, 2018.

Губогло, Бромлей 1984 – *Губогло М. Н., Бромлей Ю. В.* Современные этноязыковые процессы в СССР: основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М.: Наука, 1984.

Европейская хартия… 2012 – Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации / Отв. ред. А. С. Кожемяков, С. В. Соколовский. М.: Минрегион РФ, Совет Европы, 2012.

Ибрагимов, Зачесов 1990 – *Ибрагимов Г. Х., Зачесов К. Я.* О понятии «родной язык» // Русский язык в национальной школе. 1990. № 8. С. 10–15.

Исламшина 1996 – *Исламшина Т. Г.* Этнические ценности полиэтничного общества. Социологический очерк. Казань: Казанский государственный технический университет, 1996.

Кожемякова 2017 – *Кожемякова В. А.* Особенности языковой политики в Канаде // Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России / Под ред. Е. П. Челышева. М.: Азбуковник, 2017. С. 360–381.

Козлов 1995 – *Козлов В. И.* Язык // Этнические и этносоциальные категории. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / Под ред. В. И. Козлова. М.: Наука, 1995.

Костомаров 1991 – *Костомаров В. Г.* Еще раз о понятии «родной язык» // Русский язык в СССР. 1991. № 1. С. 9–15.

Культурная сложность… 2016 – Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

Мамардашвили 1992 – *Мамардашвили М.* Законы инаконемыслия // Здесь и теперь. 1992. № 1. С. 85–93.

Мустафина 2010 – *Мустафина Д. Н.* Основные направления языковой политики в регионах европейских государств (на примере автономий в Испании) // Вестник Челябинского государственного университета. № 29 (210). Филология. Искусствоведение. 2010. Вып. 47. С. 107–109.

Решение национально-языковых вопросов … 2017 – Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России. 2017 / Под ред. Е. П. Челышева. М.: Издательский центр «Азбуковник».

Смерть языка… 2020 – Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / Под ред. Е. И. Филипповой и С. В. Соколовского. М.: ИЭА РАН, Телеком, 2020.

Современные этнические процессы… 1975 – Современные этнические процессы в СССР / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1975.

Степанов 2018a – *Степанов В. В.* О конфликтном восприятии культурных различий // Государственная национальная политика России: экспертное мнение / Отв. ред. В. В. Степанов, А. В. Черных. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 15–25.

Степанов 2018b – *Степанов В. В.* Языковая ситуация в России // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. 2018. Изд. 2-е. С. 89–106.

Тишков 1984 – *Тишков В. А.* Англо-французское двуязычие в Канаде // Советская этнография. 1984. № 4. С. 47–56.

Тишков 2003 – *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Тишков 2013 – *Тишков В. А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

Хабенская 2004 – *Хабенская Е.* «Родной язык» как этнический символ // Казанский федералист. 2004. № 1 (9). С. 91–92.

Чижикова 1988 – *Чижикова Л. Н.* Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры. М.: Наука, 1988.

Шахнарович 1999 – *Шахнарович А. М.* Детская речь в зеркале психолингвистики. Лексика. Семантика. Грамматика. М.: Институт языкознания РАН, 1999.

Этническое и религиозное многообразие… 2018 – Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Изд. 2-е. М.: ИЭА РАН, 2018.

Язык и общество… 2016 – Язык и общество. Энциклопедия / Гл. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016.

Языковая политика в контексте… 2015 – Языковая политика в контексте современных языковых процессов / Под ред. А. Н. Биткеевой. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015.

Языковая политика, конфликты и согласие 2017 – Языковая политика, конфликты и согласие / Отв. ред. С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова. М.: ИЭА РАН, 2017.

Языковое единство… 2018 – Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018): доклады и сообщения / Отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. М.: Языки народов мира, 2018.

Andersen, Carter 2016 – *Andersen J. T., Carter P. M.* Languages In The World: How History, Culture, and Politics Shape Language. Oxford, UK: WILEY Blackwell, 2016.

Chevalier 2005 – *Chevalier J. F.* Language Policy in the Russian Federation: Russian as the «State» Language // Ab Imperio. 2005. No. 1. P. 285–303. https://doi.org/10.1353/imp.2005.0030

Gorenburg 2003 – *Gorenburg D. P.* Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003.

Gorham 2014 – *Gorham M.* After Newspeak: Language, Culture and Politics in Russia from Gorbachev to Putin. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014.

Grenoble 2003 – *Grenoble L. A.* Language Policy in the Soviet Union. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003.

Hirsch 2005 – *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.

Laitin 1998 – *Laitin D.* Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca: Cornell University Press, 1998.

Myles 2010 – *Myles J. F.* Bourdieu, Language and the Media. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010.

Scwartz 1998 – *Swartz D.* Culture & Power: The Sociology of Pierre Bourdieu. Chicago: University of Chicago Press, 1998.

Глава 9

РУССКИЙ ЯЗЫК – ЯЗЫК ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ*

Правовая база и ее обновление

Как следует из двух предыдущих глав, ряд базовых концептов-категорий в отечественной социолингвистике и в практике языковой политики нуждаются в существенных коррективах, а именно: имеет место неоправданно жесткая связка между языком и этничностью, отраженная в такой формуле как «язык национальности» или «национальный язык», а под категорией «родной язык» почти исключительно понимаются так называемые этнические языки, т. е. языки, которые исторически связаны с определенной этнической общностью, даже если большинство представителей этой общности в настоящий момент на этих языках не разговаривает и даже ими не владеет. Отсюда, например, существование такой странной сентенции, как кто-то «не знает своего родного языка».

Дополнительное ужесточение связки «этнос и язык» имело место и в ходе недавней общественной кампании по проблеме изучения родных языков в российских республиках, а также последовавшими за этим законодательными и другими установлениями в данной сфере нашей жизни. Начиная с Закона РСФСР «О языках народов РСФСР» 1991 г. и Конституции Российской Федерации 1993 г. (статья 68) в нашей стране утвердились понятия «родные языки народов Российской Федерации» и «русский язык как родной язык». Наряду с государственным русским языком Основной закон «гарантирует народам право на их сохранение и создание условий для их изучения и развития». Принятые в 2018 г. поправки к федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» содержали следующие положения:

«Федеральные государственные образовательные стандарты дошкольного, начального общего и основного общего образования обеспечивают возможность получения образования на родных языках из числа языков народов Российской Федерации, изучения государственных языков республик Российской Федерации, родных языков из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка.

Граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном

---

* Использован материал статьи: *Тишков В. А., Степанов В. В.* Русский язык – язык гражданской нации // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / Ред. Мартынова М. Ю., Степанов В. В. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 21–32.

языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка…» (ст. 14, п. 4 в ред. Федерального закона от 03.08.2018 № 317-ФЗ).

«…Свободный выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся…» (ст. 14, п. 6 в ред. Федерального закона от 03.08.2018 № 317-ФЗ).

О недостатках и даже о некоторых несуразицах закона 1991 г. со всеми его поправками речь пойдет ниже. В 2005 г. был принят Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», который был посвящен исключительно теме русского языка. В этом законе появляется формула «государствообразующего народа», хотя и в смягченной и запутанной форме, позволяющей более широкую трактовку, чем ее желали и воспринимают сторонники русского национализма. Статья 1 Закона (в новой редакции от 28.02.2023) гласит: «В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации».

Запутанность заключается в том, что вместо основного субъекта российской государственности – российского народа – называется «государствообразующий народ» (надо понимать, что это русские) и «многонациональный союз равноправных народов», напоминая слова из государственного гимна и не более того. Возврат к формуле «дружбы народов» вместо дружного народа здесь налицо. И все это было принесено в жертву во имя давнего стремления части российского общества назвать русских государствообразующим народов России, напомнив татарам и другим, что они такими не являются, хотя и пребывают в «равноправном союзе». В этой же статье (пункт 3) также в обновленной редакции устанавливаются принципы определения языковых норм современного русского языка, а точнее порядок формирования и утверждения словарей, справочников и грамматик как нормативной базы для обязательного использования, а сами эти словари составляются Правительственной комиссией по русскому языку и утверждаются Правительством Российской Федерации.

Довольно анахронично сегодня выглядят пункты 4 и 5 статьи 1, объявляющие русский язык так называемым языком межнационального общения, т.е. государственный язык, на которым владеет (и повседневно пользуется!) как своим первым языком фактически

все население страны, по действующему закону «является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве», а «защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации способствует приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации».

Формулы эти давние и для многих привычные, а для переферийных этнонационалистов более чем удовлетворительные, ибо опять речь идет не о едином народе со своим национальным языком, а о народах, у которых, помимо «своего языка», в жизненном арсенале есть еще некий инструмент «способствующий взаимопониманию» и «способствующий взаимообогащению», и не более того. Это некорректное отображение реального статуса русского языка, на котором фактически воспроизводится в своей основной массе духовная культура и строится повседневная жизнь представителей российских национальностей, независимо от их этнической принадлежности. Все это ради давнего реверанса в пользу «дружбы народов». На самом деле ситуация с русским языком в России более фундаментальна, а именно *культурный и духовный компонент в жизненном арсенале современных россиян производится и потребляется на русском языке, а этнические языки составляют лишь малую часть в этом арсенале*. О более или менее паритетных позициях можно говорить о языковых ситуациях только в некоторых из российских республик с сильными позициями нерусских языков (Татарстан, Чечня, Ингушетия, Тыва, Дагестан, Якутия).

В целом можно согласиться с оценкой действующего федерального законодательства, особенно закона 1991 года со всеми его поправками, как устаревших и не отражающих реальное положение русского языка, а тем более главную цель государственного строительства – обеспечение развития российской нации на основе формулы «единства и многообразия». Реализация этой цели не может быть достигнута без национального языка, и этот язык – русский язык.

В конце 2024 – начале 2025 г. тема русского языка, включая законодательный аспект, выпукло прозвучала на уровне государственного руководства. В августе 2014 г. был реорганизован профильный Президентский совет с новым расширенным названием, включающим государственную поддержку русского языка и языки народов России. Помощником президента по вопросам языковой политики и председателем Совета стала яркий политик консервативно-патриотического направления Елена Александровна Ямпольская. 5 ноября 2024 г. прошло первое заседание Совета при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики

в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации с обсуждением положения дел. Открывая заседание, президент В. В. Путин сказал:

«Поддержка русского как государственного языка Российской Федерации и языков народов России – в числе наших ключевых приоритетов. Сегодня обсудим, какой должна быть эта поддержка с учетом динамичных изменений и в стране, и в мире, что еще необходимо сделать, чтобы сберечь и обеспечить развитие языков всех народов страны и нашего общего – родного для каждого гражданина России – русского языка. При всем уникальном этнокультурном, религиозном разнообразии нашей страны именно русский язык во многом определяет нашу духовную и национальную идентичность… "Закон О языках народов Российской Федерации" был принят еще в 1991 г. и, очевидно, нуждается в существенной переработке – от создания официального реестра этих языков до приведения закона в четкое соответствие с современными реалиями, действующим законодательством».

По ходу обсуждения президент сделал ряд важных замечаний, в том числе предупредил «не повторять ошибок прошлого» и проводить в области русского языка политику «мягкую, естественную, основанную на потребностях жизни»: «Жизнь в составе единого государства, в составе Российской Федерации, так или иначе, повторяю, все расставит по своим местам. Это естественная потребность для человека, живущего в Российской Федерации – изучать и любить государственнообразующий язык».

Итак, от президента страны прозвучали установочные положения, хотя сам президент не считает свои высказывания «отлитыми в бетоне словами», как однажды высказался его предшественник о собственных высказываниях. Прежде всего слова *о родном для каждого российского гражданина* русском языке не означают новую формулировку категории родной язык, хотя она и нуждается в коррекции. Скорее, речь идет об эмоционально-политической оценке русского языка, как и его выражение *государственнообразующий язык*. Последовавшие после этого обсуждения попытки работников Администрации Президента и Правительства РФ, работающими над новым законопроектом, придать этим высказываниям норму закона, естественно, натолкнулись на серьезные возражения.

На заседании Президентского совета Е. А. Ямпольская как журналист и писатель изложила свое видение проблемы русского языка в ярких и поэтому не всегда академически точных выражениях:

«В России, где самобытные культуры никогда не пытались переплавить в некоем котле, где искренне ценили уникальность каждого народа, к национальным языкам исторически принято относиться с уважением. Мы твердо знаем, что каждый язык бесценен, а русский при этом является родным для всех граждан России. Как Вы, Владимир Владимирович, неоднократно подчеркивали, русский язык ничем заменить нельзя: он

естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны. Действительно, если национальные языки помогают сохраняться этносам, то русский – сплачивает этносы в единый народ, разнообразный по крови, но неделимый по духу… Русский был и остается языком, на котором говорит душа нашего народа. Не зря русский язык одновременно и средство, и цель: средство коммуникации, как это положено языку, и цель, за которую наш народ веками проливал кровь».

Опять мы читаем про национальные языки, которые сохраняют этносы, про «душу народа», которая говорит на русском языке и другие образно-патриотичные вещи, нужные для общественного восприятия, но малополезные для правового языка, на котором пишется текст законов. Надо сказать, что путаницу с рядом категорий, включая такие, как родной язык и национальный язык, члены совета так и не смогли разрешить, как ее, к сожалению, до конца не разрешила и отечественная академическая наука.

Писатель из Башкирии Камил Фарухшинович Зиганшин в своем выступлении предложил законодательное и нормативное определение языков народов России и систематизировать их статус. Его предложения «как представителя национальной республики» были следующие:

«Первое – государственный язык Российской Федерации. При этом определив, что русский язык – это государственный язык Российской Федерации и родной язык для всех граждан нашей страны.

Второе – языки республик Российской Федерации. Это национальные государственные языки республик в составе Российской Федерации.

Третье – языки народов Российской Федерации. При этом не должно быть правовой неопределенности в отношении того или иного языка к языкам народов России, под которыми понимаю именно коренные языки, то есть языки народов, которые исторически проживают на территории в пределах нынешних границ Российской Федерации».

Здесь мы имеем распространенную среди республиканских элит точку зрения на проблему языков, схоластичную и оторванную от российской реальности, как и многое в идеологии языкового национализма. Во-первых, это узурпация категории *национального* в пользу как административно-государственного образования в форме республик, так и в пользу языка так называемой титульной национальности, которая в половине российских республик даже не составляет большинства их населения. И, конечно, это опять же жесткая связка языка и этнической общности, душа которой, якобы, заключена в «своем национальном языке». Я уже не говорю о надуманной градации языков, особенно его третьей группе – коренные языки народов, исторически проживающих на территории нынешней Российской Федерации. Надо полагать, что в эту категорию Зиганшин не включает украинский, белорусский, армянский, азербайджанский, грузинский, казахский и еще не менее десятка

языков, на каждом из которых говорят и которыми пользуются сотни тысяч российских граждан. Российское государство, объявив равноправие всех языков народов Российской Федерации, одновременно этой формулой как бы выносит за пределы своих забот и поддержки языки, которые в соседних или в дальних (например, в Израиле) являются государственными. Такая ущербная установка уже проходила по некоторым нашим законодательствам и вызвала много ненужных проблем и конфликтов.

В чем мое несогласие с позициями языкового национализма и с устаревшими клише языковой политики и отчасти с академической социолингвистикой? Во-первых, неприемлема абсолютизация этнического языка как обязательного атрибута «этноса», на основе которой основывается отрицание права на языковой переход, т.е. на добровольную языковую ассимиляцию при обязанности государства сохранять, поддерживать и обучать этническому языку представителей российских национальностей. Заметим, что писатель Зиганшин все свое замечательное творчество вершит на русском языке и получил за это признание и награды, включая Государственную премию Российской Федерации, оставаясь башкирским писателем и даже «представителем национальной республики». Для него и для многих других башкир первым, т.е. родным, языком в действительности является русский язык. Но это так далеко не для всех башкир, для части которых первым языком остается башкирский язык, или для которых оба языка – русский и башкирский являются родными, особенно при полном двуязычии и при их повседневном пользовании.

Во-вторых, не следует устанавливать жесткую градацию языков, а тем более выделять, помимо государственного русского языка, «национальные языки» республик и отделять их от других языков, на которых говорят исторически проживающие в стране россияне разных национальностей, а также и те, кто недавно стал ее постоянными жителями и обрел гражданство. Это касается российских казахов южной Сибири, туркмен Ставрополья, армян Краснодарского края, украинцев Крыма и Южно-Сахалинска, российских немцев Омской области, азербайджанцев Дагестана, финнов Карелии, евреев Москвы и Санкт-Петербурга и так далее по длинному списку.

Есть еще ряд моих несогласий с языковыми националистами и с некоторыми специалистами по языковым проблемам. Они были изложены мною в беседе с черкесским фольклористом Харуном Мудалифовичем Акбаевым в публикации под названием «Народ не умирает с языком или язык не живет без народа?» (*Филиппова, Соколовский* 2019: 19–39).

В обсуждении на Президентском совете важные высказывания сделала филолог из МГУ, профессор Искра Вадимовна Космарская.

Она единственная, кто определенно заявила, что язык развивается вместе с обществом, отражает также некоторые мировые цивилизационные тенденции и что «языковая норма – это не приговор»:

«Разговоры о деградации русского языка, разговоры о порче русского языка, они, в общем, объективной реальности не соответствуют. Как специалист должна вам сказать, что с русским языком ничего страшного не происходит. Есть вопросы, связанные с культурой речи, но не надо путать речь и язык, нас интересует больше язык. Так вот с русским языком как системой, как национальным достоянием, говорю со всей ответственностью, ничего страшного не происходит».

Космарская озвучила сложный, но важный вопрос с ситуацией вокруг недавно придуманной, но уже внедренной в образовательную практику категории *русский как родной язык*:

«В нашей школе есть предмет, который называется “родной язык”. Мы только что слышали: важно, чтобы люди, у которых русский не родной, могли изучать и русский как государственный язык, и родной. Но для детей, для которых русский язык родной, наличие этого предмета кажется очень странным – возникает противопоставление: хотите или не хотите. Понятно, что оно не закладывалось, понятно, что оно ненамеренно, понятно, что оно несознательно, но оно как-то само собой получилось. Безусловно, нужно пересмотреть ФГОС и исключить это возникшее нежелательное противопоставление русского и русского родного».

То, что это не простой вопрос для восприятия не специалистов, показала реакция президента В. В. Путина с просьбой пояснить, о чем идет речь. В его заключительных словах были высказаны более чем резонные позиции:

«В самом начале прозвучало, что русский должен быть родным для всех людей, которые проживают в Российской Федерации. Я не говорю, что так обязательно должно быть, просто коллеги говорили об этом, имея в виду, что это язык межнационального и межэтнического общения, государствообразующий язык. Надо разобраться с этим, конечно, здесь так называемая юридическая техника, чтобы понятия одинаково понимались всеми и чтобы путаницы никакой бы не было».

Как и предыдущие две главы, эта глава в ее последующем изложении делает попытку избавиться от неясностей с данной фундаментальной категорией науки и практики. Заодно полезно урезонить ретивых нормализаторов, пытающихся несоблюдение рекомендованных языковых норм сделать предметов публичных наветов и репрессивных разборок. Последнее особенно важно, ибо после поправок 2023 г. в Законе о языках 1991 г. появилась тенденция устраивать гонения на тех, кто отступает (или отступал в прошлом!) от ныне установленных языковых норм. Так, например, в адрес Института этнологии и антропологии РАН в феврале 2025 г. была обнародована «институтом Царьграда» (конкретно на телеграмм-канале К. В. Малофеева) обвинительная жалоба на

публикацию в издательстве «Наука» тома «Кыргызы» в серии «Народы и культуры» с призывом к правоохранительным органам разобраться с деятельностью академического института, под грифом которого опубликован этот труд. А всего-то имела место допечатка книги, написанной десять лет тому назад совместно с киргизскими учеными и под грифом двух национальных академий с соблюдением естественного права киргизских коллег использовать самообозначение собственного народа в принятом ими варианте. Подобный языковой ригоризм к добру не приведет: придется делать замечания президенту страны и министру иностранных дел за использование ими варианта «в Украине»! Так что одобрительно повторяю сказанное Космарской на заседании Президентского совета: «Языковая норма – это не приговор».

30 декабря 2024 г. были даны поручения Президента РФ по итогам этого заседания. Президент поручил Правительству Российской Федерации совместно с Администрацией Президента РФ в срок до 1 мая 2025 г. разработать проект федерального закона «О языках народов Российской Федерации». Прежде всего это означает замену прежнего Закона «О языках народов Российской Федерации», который был принят 25 октября 1991 г. (еще до распада СССР) и существует до сих пор с многочисленными внесенными в него изменениями в 1998, 2002, 2013, 2014, 2020, 2021, 2023 годах.

Напомним, что в его нынешнем виде закон объявляет языки народов РФ национальным достоянием российского государства и их защиту государством. Государство способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия, создает условия для сохранения и равноправного развития языков народов РФ и отвергает дискриминацию и пренебрежение к любому языку. Государство гарантирует каждому право на использование родного языка и свободный выбор языка не только общения, но и воспитания и обучения. Что касается правого положения языков, то именно русский язык объявляется государственным на всей территории страны, а в республиках могут устанавливаться свои государственные языки. Примечательна формулировка пункта 4 статьи 3, в которой отражается старая этноцентристская идеология «своей государственности» для представителей определенной этнической общности:

«В местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущих за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности».

Продолжением идеологической установки советской языковой политики были и другие положения Закона, в частности пункт 2 статьи 9 о праве на выбор языка образования:

«Гражданам Российской Федерации, проживающим за пределами своих национально-государственных и национально-территориальных образований, а также гражданам, не имеющим таковых представителям малочисленных народов и этнических групп государство оказывает содействие в организации различных форм получения образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации в соответствии с их потребностями и интересами».

Как следует читать эти основополагающие тексты? Прежде всего – это признание этнической общности в качестве основной составляющей населения Российской Федерации под названиями *народы*, *малочисленные народы*, *этнические группы.* При этом отсутствует основополагающая российской государственности – многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) или просто – *российский народ*. Как наследие практики огосударствления этничности присутствует формула «своей государственности» для территории преимущественного (но далеко не всегда так!) проживания представителей того или иного народа (этнической группы). Это означает, например, что представители таких крупных этнических общностей, как российские татары или мордва, большинство которых веками проживают не в Татарстане, а по всей стране от Москвы до Дальнего Востока, проживают на территории «не своей», т.е. «чужой» государственности. Оказывается, что на «своей территории» в Мордовии и Татарстане в реальности живет меньшинство российской мордвы и татар, зато получается, что остальные жители этих республик живут на «чужой» территории!

При этом «ничьей» территорией страны (в смысле ее этнической принадлежности) оказывается вся остальная территория за пределами внутригосударственных территориально-административных образований, называемые в законе по старинке «национально-государственными» и «национально-территориальными». Трактовка «национального» как «этнического» – анахронизм, доживший в правовой науке и в общественном дискурсе до сих пор, хотя и потерявший свой смысл тем более с утверждением в 1991 г. национальной российской государственности.

Одним из вариантов устранения некорректности с этнонациональной основой российской государственности может быть предложение от имени сторонников русского национализма объявить государственностью русских или всю территорию Российской Федерации, или за вычетом этнотерриториальных автономий в виде республик, автономной области и округов. Однако это будет всего лишь продолжением конфликтогенной политической философии и правовых установок. Все-таки значительную часть или даже большинство населений этнотерриториальных субъектов федерации составляют те же самые этнические русские и другие так на-

зываемые нетитульные граждане, для которых это такая же территория их «собственной государственности», называемой Россией. *Право на территорию путешествует вместе с гражданином в его собственной стране, и именно это должно быть аксиомой*.

Вторая уязвимая сторона действующего закона о языках заключается все в той же самой, казалось бы, аксиоме, что у каждого народа есть свой родной язык, в том числе и у русского народа есть свой родной русский язык. Другие варианты как бы законом и не предусматриваются. А тем не менее такие варианты есть, и они настолько существенные, что диктуют коррективы хотя бы в рутинных процедурах фиксации языковой ситуации для выработки более адекватной и более нюансированной языковой политики. Так что здесь вариант преодоления заключается в том, чтобы утвердить более адкеватную формулу русского языка как материнского (родительского) языка или как «первого языка» (основного языка знания и общения). И к этому абсолютно необходимо признать право человека иметь более одного родного языка. Самым неудачным было бы объявление законом или концепцией нормы, что русский язык – это родной язык всех граждан России.

Русский как родной язык

Моя исходная позиция заключается в том, что в случае использования категории «родной язык» под ней следует понимать материнский (точнее – родительский) язык или же основной язык знания и общения (первый язык). На этом же понимании основывается современная академическая мысль и общественная практика полилингвальных стран, за исключением России и некоторых стран бывшего СССР. Данный вопрос имеет не только сугубо академическое значение, ибо практика фиксации распространенности того или иного языка только по числу их гипотетических носителей определенной национальности ведет к серьезным искажениям реальной языковой ситуации, а отсюда – к неадекватной, зачастую – репрессивной, политике в отношении того или иного языка и его носителей.

Приведем только один пример: если бы последние советские переписи населения фиксировали реальное распространение русского языка и его реальное пользование среди населения СССР, то едва ли бы получилось навязать ему статус языка меньшинств и подвергнуть откровенной дискриминации. Если бы было официально признано последней советской переписью населения 1989 г., что для большинства населения новых независимых государств (таких, как Беларусь, Молдова, Украина, Латвия, Кыргызстан, возможно – Казахстан) основным языком знания и общения, т.е. родным языком, был русский язык, то реальных шансов на установление

официального двуязычия и на его международную поддержку было бы значительно больше. Однако последняя Всесоюзная перепись населения зафиксировала число назвавших русский язык своим родным языком из числа нерусского населения только 18,7 млн человек, из которых на территорию РСФСР приходилось 7,5 млн человек (27,6% всего нерусского населения России). При этом 69 млн граждан нерусской национальности СССР указали, что они свободно владеют русским языком (из них в РСФСР таких было 16,4 млн человек, т.е. 88% нерусского населения).

Что в действительности скрывалось за этими переписными данными? Прежде всего радикальное занижение степени распространенности русского языка как основного (первого) языка знания и общения, ибо русский язык в качестве родного языка указывали только те, кто совсем не знал языка своей национальности. Отсюда и сама по себе абсурдная сентенция: «Он(она) не знает своего родного языка». Отсюда и аргументы этнического национализма в языковом вопросе об обязательной норме соответствия «этнос и язык»: у каждого «этноса» есть свой язык, и этот язык и есть родной язык представителя этнической общности (*Словарь этнолингвистических терминов* 2006). Подобные установки и неадекватная статистика позволили сделать русский язык «наказанным языком», сведя его к статусу языка меньшинств, хотя в реальности и в рамках других подходов это был язык большинства, по крайней мере в доброй половине республик бывшего СССР к моменту их образования в качестве независимых государств. Все это теперь в прошлом, хотя вопрос об официальном двуязычии, на наш взгляд, остается в повестке дня ряда стран бывшего СССР.

В данной главе мы обращаемся прежде всего к вопросу о статусе и реальном функционировании русского языка на территории Российской Федерации. Причем строго языковедческие сюжеты, как например, вопросы языковой вариативности или функциональной грамотности находятся вне данного анализа. Нас интересует прежде всего знание и использование русского языка населением страны. А вот здесь особенно проявляется проблема расхождения используемого наукой и практикой категориального аппарата, и отсюда – проблема разных оценок языковой ситуации. Современные исследователи призывают различать понятия «этнический язык» и «родной язык» и предлагают считать последним не только язык этнической общности, но и родительский (первый выученный) язык или же «язык, постоянно употребляемый индивидом в повседневном общении или язык, имеющий для индивида наибольшую коммуникативную значимость» (*Язык и общество* 2016: 601). В реальности эти рекомендации не используются даже самими

учеными, не говоря уже о практиках языковой политики, а тем более – о статистиках.

Если исходить из многозначного понимания родного языка, то возникает еще одна проблема практики: может ли человек иметь больше одного родного языка и следует ли это признавать на уровне закона и процедуры? Современная наука однозначно выступает за возможность «родного многоязычия». Авторы вышеупомянутой энциклопедии приводят пример русско-украинско-молдавского многоязычия в Приднестровье, когда респонденты, владеющие тремя языками и часто меняющие язык при повседневном общении, при ответе на вопрос о родном языке в ряде случаев называют родными все три языка повседневной коммуникации (Там же).

Что касается российской ситуации, то здесь полное двуязычие и трудность в определении единственного языка в качестве родного существует во многих регионах, а также среди выходцев из российских республик, проживающих за их пределами (писатель Камил Зиганшин – один из таких примеров!). Наши исследования показали, что примерно 12–15% опрошенных граждан готовы указать наличие более одного родного языка в случае, если такая возможность будет предоставлена во время переписи населения 2020 г. Отсюда я делаю вывод, что отказ от категории «родной язык» как «язык этноса», а также признание возможности определять в качестве родного более одного языка существенно поменяют картину языковой ситуации в России, прежде всего в пользу большей распространенности русского языка в качестве основного (первого) языка, а также в пользу ряда так называемых титульных языков в тех регионах, где эти языки обладают высокой степенью жизнеспособности (например, татарский язык в Татарстане, якутский в Якутии, чеченский в Чечне). В этой коррекции нет никакой политико-идеологической подоплеки, и даже наоборот – она направлена на ослабление политико-идеологической ангажированности, которая имеет место в языковой политике нашей страны.

Исходя из этих корректив и обновленных положений языковой политики, становится ясной надуманность введения в школьное образование предмета «русский как родной язык», которая, видимо, также была вызвана утилитарной потребностью заполнить урочное время учеников русской национальности дополнительным уроком по русскому языку, когда ученики других национальностей изучают «свои родные языки». Однако, как выясняется, языковая ситуация в части знания и пользования языками далеко не совпадает с картиной этнического состава населения. Это, кстати, наиболее важная причина говорить о языках населения, а не о языках народов Российской Федерации.

Ситуация запутанности и неадекватности наблюдается и в случае использования категории «национальный язык», ибо здесь далеко не все однозначно с точки зрения науки и общественно-политического дискурса. Сотни отечественных словарей и социолингвистических исследований придерживаются дефиниции, что это язык нации в его литературной и устной форме со всеми возможными региональными вариантами (диалектами и говорами). Бытовое понимание национального языка подразумевает язык народа, язык этнической общности. В Российской Федерации общераспространенным является понимание русского языка как национального языка русского народа, как государственного языка Российской Федерации и как языка межнационального общения (*Язык и общество* 2016: 388). Еще чаще термин «национальные языки» используется в отношении языков нерусских народов. Однако если обратиться к новейшему электронному изданию «Большой российской энциклопедии», то обнаруживаем прилично скорректированное описание этой категории:

«НАЦИОНА́ЛЬНЫЙ ЯЗЫ́К, 1) язык гражданской нации. Стоит в ряду понятий диалект, “язык народа”. Существует в устной и письменной формах и формируется на базе языка одной из этнических общностей, участвующих в формировании нации, одновременно со становлением самой нации. От языка народа Н. я. обычно отличается обязательным наличием литературной формы существования, нормированностью и стандартизацией. Как правило, нация имеет единый язык. Однако возможно существование двух и более Н. я. у одной нации, напр. в Люксембурге таковыми являются люксембургский, французский и немецкий. Возможны также случаи, когда две или более нации имеют один язык, напр. в США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии – англ. язык (его нац. варианты), ряд лат.-амер. наций используют разновидности исп. языка. Н. я. какого-либо государства, как правило, является его государственным языком. 2) Язык одного из народов, проживающих на территории какого-либо государства (но не общегосударственный). Термин отражает фактическую (функциональную) противопоставленность наиболее развитого в функциональном отношении государственного языка, использующегося во всех коммуникативных сферах, другим распространенным в данном государстве языкам, обладающим меньшим набором общественных функций. В этом значении термин “Н. я.” синонимичен термину “родной язык”».

Как правило, нация имеет общий язык, но составляющее ее население может говорить на многих языках. Однако возможно существование двух и более национальных языков у одной нации. Четыре национальных языка имеют швейцарцы. У канадской нации два национальных языка: английский и французский. Не менее часты ситуации, когда две или более нации имеют один национальный язык, например, в США, Великобритании, Австралии, Новой Зе-

ландии – английский язык, большинство латиноамериканских наций используют испанский язык. Могут быть случаи, когда при языковом множестве и отсутствии языка доминирующей общности, в государстве трудно определить национальный язык. Однако в этом случае языком данного государственного сообщества (гражданской нации) может быть избран язык бывшей метрополии, как, например, это было в Индии, пока к английскому языку не был добавлен второй язык индийской нации – хинди как язык наиболее многочисленной этнической общности этой страны. *Национальный язык сообщества по государству, как правило, является его государственным или официальным языком*. В этом контексте рассмотрим положение русского языка в России: не только как языка русского народа, но и как национального языка российского народа – гражданской нации.

Благодаря преимущественно добровольному выбору в современной России население использует русский язык в большей степени, чем язык соответствующей этнической принадлежности гражданина. Самый низкий уровень владения этническими языками – среди белорусов (24%), украинцев (35%), бурят (45%). Утратили знание «единственных» родных языков большинство представители многих народов российского государства, например, карелы, мордва, удмурты, калмыки, осетины, кабардинцы, адыгейцы. На русский язык в качестве первого языка в значительной степени перешли малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также представители дисперсно проживающих российских национальностей: украинцы, белорусы, евреи, цыгане, российские немцы и другие.

Приведу примеры о языках коренных малочисленных народов по данным микропереписи населения России 2015 г. В сравнении с другими малочисленными языками благоприятным можно назвать положение селькупского языка (из 5 тыс. человек этот язык использует 89%), ненецкого языка с более чем 20 тыс. носителей, а также хантыйского языка с 7–10 тыс. носителей. Более 60% от числа владеющих этими языками используют этот язык в повседневной жизни. Прочие малочисленные языки имеют гораздо меньшее хождение. Чукотский язык (4–5 тыс. чел.) используется в половине случаев владения этим языком. Языки челканский, тубаларский, телеутский используются половиной или 40% его носителей. Лишь треть или пятая часть используют языки ульчский, эвенский, ительменский, юкагирский, вепсский, мансийский, шорский, кумандинский. Еще меньше пользователей (15–10%) у языков нганасанского, долганского, эвенкийского, корякского, эскимосского, нивхского, нанайского (*Степанов* 2018: 105).

Самое важное в проблеме смены языка в пользу русского – это добровольность и преимущества, которые получает гражданин,

свободно владеющий им с самого детства. Здесь важно не только признать право на смену языка и на указание двух родных языков, но и поощрять русско-этнонациональное двуязычие. *Признание права на родное двуязычие снимет напряжение и чувство неловкости, которое испытывают многие россияне, когда им приходится выбирать между родными для них языками отца и матери или просто между двумя в равной мере родными для них языками*. Для России это особенно важно, ибо значительная часть нерусского населения владеет в равной степени русским и своим этническим языком или в большей степени русским.

Русский язык: владение и пользование

Язык имеет огромное значение для государства и для того народа, который объединен под его суверенной властью. Государство – это прежде всего институты, бюрократия, армия, тексты законов, технические инструкции и т. д. Конечно, лучше, дешевле и даже безопаснее, если в государстве говорят на одном языке – языке большинства населения. Ясно, что армейские приказы и технические регламенты электростанций и реакторов должны быть изложены на одном языке. Язык демографического большинства, а в редких случаях язык политически господствующего меньшинства устанавливается в качестве государственного (официального) языка.

В нашей стране по Конституции и по принятому в 2005 г. Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» им является русский язык, который находится под защитой в разных сферах его использования, в частности, в средствах массовой информации, коммуникации, рекламе, оформлении вывесок, документов. В законе говорится о «нормах современного русского литературного языка», о «правилах русской орфографии и пунктуации», о том, что порядок их утверждения определяется Правительством РФ.

В Российской Федерации накоплен уникальный опыт «языкового строительства» в досоветский и советский период и налицо постсоветские правовые и другие инициативы по признанию и поддержке нерусских языков. Но в какой мере можно говорить о русском языке не только как о государственном, но и как о первом языке владения и повседневного пользования подавляющего большинства населения? Такая постановка вопроса в отношении русского языка в России вполне правомерна, чего, кстати, нельзя сказать о многих других странах с культурно сложным составом населения. Например, в США значительная часть населения в крайне ограниченном объеме или вообще не владеет английским языком, предпочитая, например, испанский, в Канаде при официальном

двуязычии лишь малая часть населения владеет французским языком, а среди франкофонов есть не владеющие английским.

Во время Всероссийской переписи населения 2010 г. из 142,9 млн жителей страны сведения о знании языков дали не все, но большинство – 138,3 млн человек. Из них о незнании русского языка заявили 0,8 млн, т.е. 0,6%. А о том, что владеют русским языком, сказали 137,5 млн или 99,4%. Та же распространенность владения русским языком подтверждена микропереписью 2015 г., аналогичной была ситуация и по итогам переписи 2002 г. – 99,2% (табл. 1).

Таблица 1. Русский язык в России по данным переписей населения 2010, 2015 годов

Перепись		% среди населения
ВПН 2010 г.	Владение	99,4
	Родной	85,7
МПН 2015 г.	Владение	99,4
	Родной	86,0
	Пользование	97,4

Сведения о владении русским языком отсутствовали в 2010 г. у 4,5 млн – тех, кто самолично не участвовал в переписи, и они были учтены через паспортные столы только по параметрам «пол» и «возраст». Такие были не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и Вологодской, Владимирской, Ивановской областях, где абсолютно преобладает русское население. Поэтому и среди не переписанных постоянных жителей основная масса, конечно, знает русский. Следует учесть, что какая-то часть населения осталась вообще не учтенной переписью. По нашим оценкам, порядка 2–2,5 млн чел., из которых большинство – иностранцы, проживающие в России год и более (по условиям переписи, население, пребывающее в стране менее года, не учитывается как постоянное). В таком случае, на момент переписи общее население могло составлять 142,9 млн + + 2,5 млн = 145,4 млн. Допустим также, что абсолютно все эти иностранцы не знают русского языка. В этом случае общее количество населения, не знающее русского языка, составляет 3,4 млн, т.е. не более 2%.

Таким образом, 98–99% населения России владеет русским языком. При этом русские составляют 80,9%, русский язык полагают своим родным 86%, а 19,6 млн чел. или 14% населения при переписном опросе заявили, что у них другие родные языки. Это свиде-

тельствует о высокой степени лояльности к русскому языку, распространении двуязычия или полном переходе на этот язык, а также, что особенно важно, свидетельствует о множественной языковой ситуации, при которой русский язык, наряду с этническими языками, является родным для разных групп населения. К сожалению, родное двуязычие не отражено в российской статистике по причине методологической и технической ограниченности.

Не следует также упускать из виду и тот факт, что за всеобщими для страны цифрами доминирования русского языка стоят региональные различия его фактического использования, впервые выявленные в общегосударственном масштабе в 2015 г. Проведенная по предложенной В. В. Степановым методике микроперепись населения установила, что, если в большинстве российских регионов повседневно используют русский язык 98–99% населения, то в Коми, Карачаево-Черкесии и Мордовии русский язык используют 95–97% жителей, в Северной Осетии, Республике Алтай, Марий Эл – 91–93%, Кабардино-Балкарии, Татарстане, Башкортостане – 88–90%, Чувашии – 82%, Ингушетии, Дагестане, Якутии – 70–73%. Самый низкий уровень использования русского языка населением характерен для Чечни – 66% и Тывы – 58%.

Понятно, что не владеющие русским языком среди российских граждан это жители российских автономных образований, прежде всего республик, и это, конечно, представители местных национальностей из числа отдаленных сельских мест проживания. По данным переписи 2010 г. (табл. 2) следует, что русским владеет более 95% всего населения российских республик, за исключением Тывы, Чечни, Дагестана, Ингушетии. В автономных округах и в области 100-процентное владение русским языком, хотя, по некоторым этнографическим данным, ненецкие дети дошкольного возраста в регионе Большеземельной тундры могут не говорить на русском языке (данные Т. С. Киссер). Такое возможно также с детьми отдаленных поселков Чукотки и Ямала.

Данные переписи 2010 г. используются мною не только потому, что эта глава основывается на тексте, ранее опубликованном в соавторстве с В. В. Степановым в книге «Измерение этнокультурного многообразия» (*Измерение культурного многообразия*… 2019: 21–32), а также потому, что данные переписи 2020/21 года, на мой взгляд, не столь полные и адекватные по сравнению с двумя предыдущими переписными кампаниями. Но и по ним можно сделать некоторые уточнения и сформулировать новые вопросы.

Во время последней переписи указали национальную принадлежность 130 587 364 человек, а от 17,4 млн ответ на данный вопрос не был получен, в том числе 542 201 человек заявили, что

Таблица 2. Указали владение русским языком из ответивших о языках владения при Всероссийской переписи населения 2010 г., в % по республикам и автономиям РФ

Регион	Все
РФ	99,4
Адыгея	99,1
Башкортостан	98,7
Бурятия	99,7
Дагестан	93,1
Еврейская АО	100,0
Ингушетия	94,3
Кабардино-Балкария	96,6
Калмыкия	99,7
Карачаево-Черкесия	97,5
Карелия	100,0
Коми	99,7
Марий Эл	99,3
Мордовия	99,7
Ненецкий АО	100,0
Республика Алтай	97,4
Северная Осетия	98,0
Татарстан	97,6
Тыва	86,2
Удмуртия	99,7
Хакасия	99,8
Ханты-Мансийский АО	99,8
Чечня	92,1
Чувашия	98,5
Чукотский АО	99,9

у них нет национальной принадлежности, а 7 млн человек отказались отвечать на этот вопрос. Однако по владению и использованию русского языка данные даны по всем этим группам. И здесь есть свои вопросы и некоторые ответы.

Из указавших национальную принадлежность 128 375 188 чел. (98,3%) владеют русским языком и 126 415 105 чел. (96,8%) пользуются им в повседневной жизни. И совсем другая ситуация среди других частей населения: среди не указавших национальность 16,6 млн чел. владеют русским только 5,9 млн (35,8%) и фактически все

они пользуются им повседневно. Среди категории «не указавших» 7 млн чел. отказавшихся отвечать и из них владеют 4,6 млн чел. (65,9%) и почти столько же пользуются им повседневно. Таким образом, можно посчитать общее число постоянных жителей России, которые не владеют русским языком: это 12 862 890 чел., из них 10 650 714 чел. приходится на не указавших свою национальность. Так что, если среди указавших национальность только 1,5% не владеют русским, а среди тех, чья национальность неизвестна или «отказники», 64,2% не владеют русским.

Я подвергаю сомнению эти данные по ряду соображений и сопровождаю их следующим комментарием. В части указавших национальность 130 млн чел., т. е. тех, о ком были собраны данные в том числе и по языку, доля владеющих русским языком 98,5% представляется достаточно достоверной, хотя есть заметное снижение в целом по России на 1% (в переписи 2010 г. русским языком владели 99,4% населения, о котором были получены полные данные). Это, конечно, небольшое число для тех, кто не знает русского языка (около 1,3%), но можно более точно установить, среди каких национальностей произошло это снижение, как и в целом сколько и какой процент среди какого российского народа есть не владеющие русским языком. Без детального анализа можно указать, что не владеют русским языком очень небольшое число сельских жителей отдаленных районов Тывы, Якутии, Хакасии и высокогорных селений Дагестана и Карачаево-Черкесии.

Поскольку основное число не владеющих государственным языком приходится на тех, о ком не были получены данные о национальности, и тех, кто отказался ее указывать (это около 10,6 млн чел.), можно сделать достаточно уверенное предположение, кто есть эти жители России. Во-первых, это те, кто не является гражданином и пребывает в России на положении трудового мигранта с видом на жительство, во-вторых, это те (граждане и не граждане), о которых полные данные не были собраны, а переписчики просто не могли без оснований указать владение русским языком. Одно можно сказать с уверенностью, что среди 17 млн не указавших национальность постоянных жителей страны только 35,8% владеют русским языком. Это резко расходится с данными двух предыдущих переписей, с социолого-этнографическими обследованиями и наблюдениями.

При явной ущербности данных переписи 2020/21 годов о распространении русского языка в России тем не менее можно сказать определенно, что государственный русский язык в Российской Федерации имеет всеобщее распространение, как и поголовное его знание и повседневное пользование. Некоторое уменьшение статистических данных по этому показателю следует относить к недостаточному качеству последнего переписного опроса, который явно не был всеобщим.

Ниже приведена таблица по переписи 2020/21 годов по национальностям и владению русским языком, сделанная В. В. Степановым (табл. 3). По его мнению, и этот расчет может несколько занижен по части владения русским языком, так как правильнее сопоставлять не с общей численностью ответивших о любых языках, а давших ответ (положительный или отрицательный) о владении именно русским языком. Но таких сведений нет. Поэтому приходится в столбце о не владении русским языком добавлять комментарий, что это также и те, кто не дал никакого ответа о русском языке. Из-за некачественного сбора сведения и большого недоучета по некоторым регионам и национальностям может возникать ложная картина низкого владения русским языком. Например, в 2010 г. данные о владении русским языком были собраны только у 71% тувинцев. Следует ли из этого, что в той переписи остальные 29% тувинцев указали «не владею»? Конечно, нет! Просто вопрос о русском языке во многих случаях был пропущен. В переписи 2021 г. владение русским языком среди тувинцев составило более 90%.

Есть еще одна проблема оценочного характера, имеющая отношение к русскому языку. С советской поры и до сего дня недостатки государственной статистики порождают ложное представление о русском языке как чуть ли не гонителе других российских языков. Некоторые политики, полагая, что у народа может быть только один язык, считают доминирование русского языка явлением негативным, своего рода предательством по отношению к языку своей национальности. Их аргумент: «Умер язык – умер народ». Но есть право человека и право родителей на выбор языка для себя и своих детей, который делается не просто из идеологических соображений или под влиянием эмоций, но и из практических, рациональных расчетов. Обычно выбирается язык, на котором говорит большинство жителей страны и который обладает официальным статусом, и потому, зная его, легче добиться жизненного успеха. Как пишет Е. И. Филиппова, «конкурировать с языком кормильцем, языком «ремесла и хлеба», открывающим доступ к социальному росту и к лучшей, более обеспеченной жизни, сложно, если не невозможно» (*Смерть языка…* 2019: 7). Известно, что эмигранты из России если не первого, то второго поколения переходят на язык принимающей страны. Ревнителями сохранения «родного языка» это редко, когда осуждается, более того, в отличие от аналогичной ситуации смены языка внутри собственной страны, рассматривается как норма языкового поведения.

При географической неравномерности распространения всеобщность русского языка проявляется в тенденции перехода к бытовому одноязычию. Хотя в России значителен уровень фор-

Таблица 3. Указали владение русским языком из общей численности ответивших о языках владения при Всероссийской переписи населения 2020/21 годов, в %

Национальность	Владеют русским языком	Не владеют русским языком либо не ответили на вопрос о русском языке
Аварцы	89,3	10,7
Азербайджанцы	96,5	3,5
Армяне	97,4	2,6
Башкиры	98,3	1,7
Буряты	98,6	1,4
Даргинцы	94,0	6,0
Ингуши	92,2	7,8
Киргизы	90,5	9,5
Кумыки	91,5	8,5
Лакцы	93,5	6,5
Лезгины	94,3	5,7
Русские	100,0	0,0
Табасараны	95,6	4,4
Таджики	93,1	6,9
Татары	97,9	2,1
Тувинцы	94,4	5,6
Узбеки	92,7	7,3
Чеченцы	92,7	7,3
Якуты	95,4	4,6

мального двуязычия, поскольку 18% населения, т.е. миллионы людей, владеют двумя и более языками (2015 г.). Однако из них только половина использует эти языки для общения. Триязычны и многоязычны лишь 1,5% населения, а используют такие языки 0,3%. Приведенные цифры показывают, что при многоязычии населения реальное функционирование языков в России характеризуется заметно меньшим разнообразием.

Таким образом, многоэтничный российский народ фактически общается на одном языке, и это следует назвать *языковым единством российской нации*, а русский язык – языком нации или национальным языком. Это важно знать и признавать, как норму. В целом в России сочетаются две выдающиеся языковые ипостаси. *С одной стороны, наша страна обладает уникальным, сохраняющимся и поддерживаемым государством языковым разнообразием, с другой стороны, несет перед миром и самой собой ответственность за свой национальный язык – русский язык, без которого невозможно представить мировую культуру и современную цивилизацию*.

Литература

Большая российская энциклопедия доступна на сайте Министерства культуры РФ (https://bigenc.ru/linguistics/text/2253668).

Измерение культурного многообразия… 2019 – Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / Ред. М. Ю. Мартынова, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019.

Словарь этнолингвистических терминов 2006 – Словарь этнолингвистических терминов / Отв. ред. М. Ю. Михальченко. М., 2006.

Смерть языка… 2019 – Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / Под ред. Е. И. Филипповой, С. В. Соколовского. М.: ИЭА РАН, 2019.

Степанов 2018 – *Степанов В. В.* Языковая ситуация в России // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. 2-е, испр. и доп. издание. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 89–106.

Тишков, *Акбаев 2019* – *Тишков В. А.*, *Акбаев Х. М.* «Народ не умирает с языком» или «язык не живет без народа»? Диалог ученых о конфликте вокруг родного языка // Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / Под ред. Е. И Филипповой, С. В. Соколовского М.: ИЭА РАН, 2019. С. 19–39.

Язык и общество 2016 – Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016.

Часть IV

ИННОВАЦИИ В АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Глава 10

НОВЫЕ КАТЕГОРИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Эта глава представляет собой дополненную републикацию в журнале «Этнографическое обозрение» (2025, № 2) моего очерка памяти выдающегося норвежского антрополога Томаса Хюлланн Эриксена (1962–2024), с которым меня связывали добрые творческие отношения. Основой моего текста стало изложение размышлений Эриксена о проблемах глобализации в аспектах политик идентичности, которые были им изложены в одной из его последних статей для сборника «Антропология и этнология. Современный взгляд» (2021). Эта его статья дает повод для размышлений о тех трансформациях, которые произошли и происходят в современном мире, оказывая воздействие и на этничность и, более широко, на культурные практики людей и создаваемых ими социальных коалиций (*Эриксен* 2021). Какие же из его размышлений представляются мне столь важными? Эриксен пишет: «Далее я буду исходить из описания Тишковым многообразия как “цивилизационной черты”, открывающей возможность анализа того, что я называю диалектикой глобализации: колебания качелей между открытостью и закрытостью, смешением и чистотой, космополитизмом и уходом в узкогрупповые идентичности» (Там же: 85).

Глобализация и культурная гибридность

В последнее время, как отмечал Эриксен, политические деятели в своей риторике перешли с проблемы социальных классов на проблемы идентичности в качестве основополагающего принципа социальных структур. Спустя десятилетия после окончания холодной войны разного рода политика идентичности стала популярной повсеместно, чему помогали и помогают новые информационные технологии и социальные средства массовой информации. Эта политика, по его мнению, также подпитывается распространением чувства отчужденности и «перегретой» современностью.

Последний термин ученый позаимствовал у экономистов, которые часто используют понятие «перегрев экономики», но

распространил его в целом на феномен современности, подразумевая в данном случае под перегревом (*overheating*) ускоренные перемены, которые обрушиваются на человека и общество и с которыми не так просто справиться (см.: *Eriksen* 2016). «Перегрев» затрагивает жизнь сообществ в самых разных регионах и странах, стирает культурные и даже государственные границы, разрушает традиции и принятый образ жизни и, конечно, вызывает самые разные ответные реакции.

Нельзя не согласиться с тем, что начало новой эры глобализации связано во многом с разрушением геополитической системы двух военно-политических блоков, торжеством глобальных связей и рынков торговли, распространением интернета. Замена физического письма электронным, стационарных телефонов сотовыми и некоторые другие технологические новации повлияли на жизнь сотен миллионов людей как в богатых, так и в бедных странах. В этой ситуации, указывает Эриксен,

«политики идентичности (националистические, этнические, религиозные, территориальные) вышли на передний край международной повестки, будучи инициированными и проводимыми как сверху (требование гомогенности населения государств и вовлеченность последних в этнические чистки), так и снизу (требования меньшинствами соблюдения своих прав или отделения)» (*Эриксен* 2021: 86).

Все эти глубокие перемены, впрочем, еще не означали, что мир изменился коренным образом, но стало ясно, что глобализация привела к «сжатию мира», к росту осведомленности о мире в целом, поставила вопросы (не)справедливости сохраняющегося наследия колониальных эпох и неравенства стран и регионов. Даже судьба национальных государств и классической рыночной экономики оказалась в центре дискуссий о перспективах мирового развития, а сам термин «развитие» был подвергнут критическому анализу, особенно в его западной формуле «устойчивого развития», которая чаще всего на поверку означает сохранение статус-кво с его историческим неравенством.

Что здесь существенно для антропологического анализа? Одно из проявлений новой эпохи глобализации – это *взаимосвязанность* всего в человеческом социуме в области коммуникаций. «Именно через спутниковое телевидение, Интернет и мобильную телефонию, миграцию и туризм, торговлю и интенсивное движение символов, образов и значений мы осознаем друг друга как современники», – пишет Эриксен (Там же: 87).

Степень глобальной взаимозависимости может потрясать воображение: от местных арктических семейных «стойбищ» и пастушеских калмыцких «точек» в степи до воинских подразделений на передовой линии специальной военной операции на Украине везде

управление техникой и культурно-новостной поток зависят от вполне определенных технологических систем со своими настройками и контролем. Удивительно, но глобальные системы типа «Скайлинк» являются собственностью одного человека, который может «поставить на паузу» критически важное обслуживание воюющих армий разведывательной информацией и целенаведением и включить этот «тумблер» после принятия тех или иных условий на переговорах о мирном урегулировании. Степень зависимости миллиарда граждан Китая от цифровизации и искусственного интеллекта в области повседневного жизнеобеспечения может потрясти воображение несведущего человека. И таких примеров, которыми сейчас активно начали заниматься антропологи, можно привести очень много.

Однако примечательно то, что далеко не везде и далеко не все получают доступ к технологическим новациям и далеко не все принимают глобализирующие перемены. Многие и многое сопротивляется, сохраняет и даже укрепляет *традиции партикулярности*. Например, в радиоэфире и телетрансляциях приоритетными в интересах населения часто остаются местные станции и программы. Что касается национального (государственного) уровня, то здесь добровольно или недобровольно, но приоритет собственных информационных потоков явно оттесняет международные каналы и программы. «Глобализация затронула общественную сферу и оказала давление на представления о национальной культуре, но не уничтожила их», – пишет Эриксен (Там же: 88).

Еще один феномен глобализации – это проблема «смешения и чистоты» человеческих сообществ. О чем речь? Действительно, глобализация ведет к так называемой *культурной гибридности*. Полвека тому назад, во время моих первых поездок в США, я встретился с оживленно обсуждавшейся тогда проблемой легитимизации категории так называемых американцев-через-дефис (*hyphenated Americans* – испано-американцев и прочих). После этого США и другие страны, принимающие массовую иммиграцию, обрели совсем иной облик – не только демографический и визуально-антропологический, но и культурный. Причем настолько иной, что крупные города-мегаполисы по своему этническому и религиозному составу и культурным формам – от кулинарии до музыкальных и литературных традиций – стали походить на мини-копии вселенной.

Вместе с этим последовало этнорасовое смешение в семейно-брачных союзах, развитие многоязычия, формирование смешанных личностных идентичностей. Фамилии и внешний облик не только студентов, но и профессоров западных университетов, а также политиков (от членов парламентов и конгресса до глав правительств, и министров) обрели совсем новые звучания и новые стили пове-

дения, не говоря уже об историко-культурном «бэкграунде» новых элит и о восприятии этой ситуации рядовыми гражданами стран.

Категории культурного смешения

Важно отметить, что культурная динамика глобализации, до сих пор нередко воспринимаемая как «вестернизация», обрела многовекторный и действительно сложный характер. В науке появились понятия *культурной сложности* и *культурно сложных обществ* (см.: *Культурная сложность*… 2016). Для описания современного культурного смешения Эриксен предлагает набор категорий, который отличается от концепций традиционного мультикультурализма. Вот некоторые из этих категорий:

1. *Культурный плюрализм* как «близкий родственник мультикультурализма», но в сфере потребления плюрализм будет означать, что «разные группы систематически потребляют разные виды товаров и продуктов из-за культурных различий».

2. *Гибридность* – «этот термин относится к индивидам или культурным формам, которые рефлексивно или сознательно смешиваются, т.е. синтезируют культурные формы или фрагменты разного происхождения». Гибридность отличается от плюрализма или мультикультурализма – в случае последних, как считает Эриксен, границы между группами не затрагиваются, в то время как гибридное потребление влечет за собой «творческое смешивание продуктов и услуг разного происхождения».

3. *Транснационализм* – он имеет отношение по большей части «к социальной сущности человека», и он приковывает индивидов или группы «не к одному конкретному месту, а к нескольким или ни к одному из них».

4. *Диффузия* – последняя относится к потоку понятий и смыслов, возникающему в пространстве между обществами, «независимо от того, сопровождается ли она реальными социальными контактами или нет».

5. *Креолизация* – это культурный феномен, который возникает как результат социального столкновения и взаимного влияния между двумя или несколькими группами и обуславливает «постоянный динамический обмен символами и практиками, что в конечном итоге приводит к возникновению новых форм с разной степенью стабильности» (*Эриксен* 2021: 89).

В своем списке Эриксен предлагает еще пару категорий (*синкретизм* и *диаспорность*, или *диаспорная идентичность*), которые имеют отношение к антропологическому анализу глобализации, но все же отводит особое место категории *гибридность* как наиболее всеохватной из смешанных культурных форм. К такого рода куль-

турным формам можно относить репертуар мировой музыки (то, что слышится «из каждого репродуктора»), городские молодежные культуры (повсеместно и одинаковым образом исписанные аэрозольными спреями заборы и стены), ресторанные кухни (типа фьюжн или «кросс-культурной» кухни), патентованные телешоу и т. д. Но вот в чем проблема: «Гибридным культурным формам часто противопоставляют поиски чистоты и “аутентичности”, которые могут быть, но не обязательно, политизированы в ситуациях растущего этнического разнообразия, обусловленного иммиграциями» (*Эриксен* 2021: 90). Отсюда почти неизбежное следствие – это «усиление поляризации и нарастание конфликтного потенциала вокруг групповых идентичностей» (Там же).

Хотя в массе своей люди не придерживаются «мифологемы культурной чистоты» (если не принимать во внимание некоторые страны с жесткой установкой на монокультуру или на монорелигию), тем не менее почти везде, в том числе и в России, присутствуют неонационалистические взгляды и есть движения, которые могут довольно агрессивно выступать за сохранение сложившегося в прошлом историко-культурного уклада и против непредсказуемых перемен, грозящих наступить в образе жизни в результате утраты этнической и религиозной «чистоты» населения как страны в целом, так и отдельной локальности (республики, региона, города и даже сельского поселения). Как пишет Эриксен, неонационализм «в Европе, мишенью которого являются иммигранты и особенно мусульмане в качестве нежелательных “иных”, сопровождается ответной политикой идентичности мусульман, пытающихся заново провести жесткую границу между “нами” и “ими”, “очищая” ислам и позиционируя западный мир как “иной”» (Там же).

Это отчасти схоже и с российской ситуацией, за исключением более спокойного отношения россиян к населению страны, исторически проживающему в исламской традиции, а также более слабой выраженности так называемой «ответной политики идентичности мусульман», ибо иммигранты-мусульмане больше стараются интегрироваться в жизнь «старых мусульман», а не выстраивать отдельные сообщества на основе «чистого ислама».

Общий вывод из дихотомии «чистоты и смешения» может быть следующим: современная культурно обусловленная идеологическая поляризация имеет место между двумя формами политик идентичности, а именно этническим национализмом и исламизмом, но в их основе лежит одна и та же логика приостановки глобальной гибридизации посредством ухода во что-то старое, укоренившееся, знакомое и четко очерченное. «Таким образом, было бы правильнее говорить, – пишет Эриксен, – о поляризации между, с одной сторо-

ны, различными формами антагонистического нэйтивизма (национализм, исламизм т. д.), и, с другой – торжеством – или, по крайней мере, признанием – гибридности, смешения и отсутствия чистых форм и т. н. загрязненности» (Там же).

Да, действительно, неонационализм и исламизм во многом в своей внутренней логике представляют собой две ипостаси одного и того же явления: они не принимают глобализацию в ее культурной сложности, они против гибридизации. Но не есть ли это также и реакция, обусловленная чрезмерной озабоченностью будущим, которое далеко не всегда можно предугадать, а тем более – четко спланировать. Исследование антропологии будущего, проведенное коллективом с моим участием, показывает высокую степень неопределенности и исключительную роль стохастических (непредвиденных) последствий человеческой деятельности, включая воздействия личностных решений лидеров мировой политики, владельцев бизнес-империй или «местных вождей» (см.: *Тишков* 2024). Поэтому можно ли сказать, в какой мере реален прогноз насчет «Мечети Парижской Богоматери» (в романе Елены Чудиновой) или в какой степени осуществимы надежды на нахождение другого, менее драматического, варианта приспособления старой Европы к новым вызовам?

Приведу пример несбывшегося прогноза-ожидания, который можно было встретить в одном из лозунгов русского национализма пару десятилетий тому назад. Речь идет о так называемом русском кресте – вымирании русского «этноса» и превращении русских в меньшинство в результате иммиграции из стран бывшего СССР, а также Китая и Вьетнама. Сегодня больше россиян мигрируют в Китай, чем приезжает китайцев в Россию, а вьетнамцы фактически перестали приезжать на заработки. Азербайджан и Армения исчерпали свои эмиграционные ресурсы.

Что касается среднеазиатской иммиграции, то она резко ограничена властными решениями. Если говорить о доле этнических русских в составе населения, то она остается примерно на одном и том же уровне весь постсоветский период. «Незапланированной», но существенной прибавкой к русскому населению стало присоединение к России Крыма и Донбасса. Был ли оправдан (или обоснован) этот «приступ» национализма, зазвучавший от имени большинства населения в отношении «желтой опасности» и «вымирания русских», и не имел ли этот феномен моральной паники свои косвенные, но реальные воздействия на ситуацию?

Это, как говорится, вопрос открытый, и он остается таковым применительно к сегодняшней вовлеченности политической элиты и массмедиа, а вместе с ними и части общества, в мероприятия

по ограничению иммиграции из стран Средней Азии. По крайней мере, экспертное сообщество (не только экономисты, но и антропологи и социологи) не приходит к выводу о полезности жесткой антимиграционной политики даже с точки зрения ее отдаленных последствий. Здесь присутствует явный разрыв между экспертным знанием и политическим расчетом в симбиозе с бытовыми фобиями. Возможно, это как-то с трудом осознается, но *Россия изначально была страной смешанного населения и гибридных культур, что и позволяло ей осваивать огромную евразийскую территорию и оставаться сильной и цельной*.

Гомогенизация и гетерогенизация

Наконец, еще об одном сюжете, затронутом Эриксеном, – а именно, к вопросу о том, что такое *гомогенизация и гетерогенизация* и к чему в конечном итоге ведет глобализация – к стиранию различий в образах жизни или, наоборот, к разобщению мира? Становимся ли мы более похожими друг на друга или же, наоборот, все более разными в результате роста транснациональной мобильности и коммуникаций? На эти вопросы нет однозначного ответа. Да, вроде бы люди в мире становятся все более похожими: достаточно понаблюдать за участниками больших международных спортивных соревнований, молодежных фестивалей, крупных мировых научных, деловых и прочих форумов. Сетевые аудитории интернет-блогеров, разных «селебрити», «коучеров», а иногда и подростков исчисляются десятками миллионов подписчиков по всему миру. Фактически они говорят на одном языке с точки зрения используемых понятий, вкладываемых смыслов и даже коммуникационных символов – смайликов и других эмодзи и так далее.

Google-переводчик и другие системы языковых переводов и распознавания лиц и объектов разрушают не только языковые барьеры и границы личностных миров, но и государственно-политические границы. Все это так: *культурная гомогенизация действительно имеет место, и антропологи должны ею заниматься, по-новому определяя цеховую основу нашей дисциплины, а именно: что есть сегодня «поле» и кто есть сегодня «информант»*. Но у гомогенизации есть свои уровни и потоки наряду с потоками культурной сложности, о которых я писал ранее.

Мне представляется, что в сфере «сглаживания» культурных различий (термин Эриксена) особенно преуспевают национальные государства, создающие соответствующие условия и зачастую целенаправленно формирующие из этнического и расового многообразия солидарные согражданства с «сглаживанием» некогда непроницаемых границ. Как отмечает Эриксен,

«локальные адаптации универсальных или почти универсальных явлений свидетельствуют о том, что глобальная современность всегда имеет локальные выражения. Предполагаемые сходства могут либо скрывать реальные различия в содержании смыслов, либо быть поверхностными, не имеющими глубокого отношения к экзистенциальному состоянию людей» (*Эриксен* 2021: 91).

Есть еще одно важное антропологическое наблюдение на предмет постсовременности (я пользуюсь этим термином применительно к проживаемому и ожидаемому времени), к которому нас отсылает Эриксен. Речь идет о двух всепроникающих тенденциях в диалектике современной глобализации, о которых говорил американский социолог Джордж Ритцер, известный трудами по глобализации («макдональдизации») обществ и культур, особенно в сфере потребления (см., напр.: *Ритцер* 2002). Он как бы вскрыл некие концептуальные метаструктуры, пронизывающие социальную жизнь. Это *гробализация пустоты* и *глокализация нечто* («grobalization of nothing» и «glocalization of something»). Под *гробализацией* имеются в виду империалистические по сути желания и действия государств, корпораций и организаций, нацеленные на утверждение своего влияния ради более прибыльного роста (от слова «growth» произведен и сам термин), в то время как *глокализация* (соединение глобальности и локальности) означает формы местной реакции на процесс глобализации и типы адаптации к нему. Результатом первого является производство – как правило, массовое и сосредоточенное в бедных странах, но предназначенное для потребителей в богатых странах – этого *ничего* (ведь оно лишено отличительного содержания!). Результат второго – это *что-то*, что задумано и творится на местном уровне и отличается богатым содержанием (*Ritzer* 2004: 3–8).

Это, на мой взгляд, несколько упрощенная (почти эпатажная) схема, и далеко не все в нее укладывается. С Эриксеном можно согласиться в том, что «стандартизированные товары массового производства, удовлетворяющие предполагаемому общему знаменателю условных рыночных вкусов, являются результатом гробализации, в то время как все, что не могло быть произведено нигде, кроме определенного места, определяется как глокализация» (*Эриксен* 2021: 91).

Связь и динамика между локальным и глобальным, между «аутентичным» и «макдональдизированным» причудлива и подлежит расшифровке с помощью этнографического анализа. Если 30 лет тому назад производимые для внешнего рынка одежда и кроссовки *Adidas* сотни миллионов китайцев приобрести не могли, то сегодня это повседневная одежда миллиарда жителей этой

страны. В данном случае *ничто* превратилось в *нечто*, в том числе и благодаря местной вариативности, которую вкладывают местные жители в транснациональные стандартизированные товары и услуги.

Соотношение локального и глобального

Проблема соотношения локального и глобального, особенно в вопросах потребления, но не только в них, а и в вопросах ценностей и символов, является актуальной не только в научных текстах. Однозначных сторонников глобального и стандартизированного образа жизни не так много (скажем, исключая детей, которые обожают Макдональдс), а сторонников аутентичного, подлинного гораздо больше. Но все же большинство желает, чтобы присутствовало и то, и другое, хотя и нет общего согласия по поводу их оптимальной пропорции. Что-то аналогичное данной дилемме просматривается и в политиках идентичностей, причем сюда входит и фундаментальная для России дилемма традиционности (исконно русского) и внешнего (западного) влияния. По этому вопросу можно, соглашаясь с Эриксеном, сказать: «отнюдь не очевидно, что локальное должно иметь приоритет над глобальным. Универсализм иногда может быть хорошим, как в случае с правами человека» (Там же: 93).

Локальные и универсалистские идеи и практики могут вступать в жесткие конфликты и охватывать целые страны и регионы мира. Так, например, произошло в свое время с публикацией книги Салмана Рушди «Сатанинские стихи», когда принцип свободы слова столкнулся с неприятием радикальным исламским сообществом этого романа. Случай с террористом Брейвиком, убившим семь десятков человек в 2011 г., показал, что в Норвегии, как и во многих других странах, где присутствуют воинствующий неонационализм и радикальный исламизм, общество разделено и часть его выступает против «загрязненности» в форме миграции или мультикультурализма, против культурного смешения.

Феномен поляризованных идентичностей имеет место и в России. От его крайних проявлений в форме конфликта центра и этнической периферии, как и в форме раскола элит по программным принципам, в XX в. дважды распадалась государственность. Это факт, от которого никуда не уйти и который требует своего объяснения. В итоге можно еще раз согласиться с Эриксеном,

> «что последствия глобализации для публичных сфер во всем мире заключаются не в растворении или даже фрагментации общественных сфер, а в поляризации по новым направлениям. В то время как в более ранние периоды предметом споров и разногласий была роль церкви или противоречия между трудом и капиталом, основной шаблон идеологической поляризации теперь касается отношений между глобальным и локальным» (Там же: 94).

Эта поляризация может обретать парадоксальные формы, когда защитники универсалистских ценностей ссылаются на местные культурные традиции, а поборники древних традиций используют интернет и смартфоны, чтобы донести свое послание до мировой аудитории. Но в любом случае политическое действие в современных условиях уже утратило строго социальную (классовую) направленность в пользу вопросов идентичности. Кстати, к этой же проблеме относятся и категории *суверенитета* и *суверенизации*, используемые в наши дни в межгосударственных отношениях и присутствующие также в культурно-ценностных смыслах.

Можно резюмировать, что Эриксен сформулировал некоторые важные новаторские соображения о соотношении глобализации и политик идентичности. Прежде всего, он предложил смотреть на глобализацию шире, чем просто на стирание пространственных границ и культурных различий или на гомогенизацию (сближение) образов и стандартов жизни, культурных практик и духовных ценностей. Да, казалось бы, ценности и мечты людей повсюду более или менее одинаковы, как одинаковы и потребляемые ими информационные и рекламные продукты из всемирных «паутин» и «сетей», через которые осуществляется глобальная и прочая индоктринация. Казалось бы, многие «отставшие от современности» страны и целые регионы совершили разительный прорыв в последние десятилетия, а некогда богатые демиурги мировой экономики и политики заметно сникли. Тем не менее не все так просто и так универсально под сенью глобальных воздействий.

К сожалению, миллионы, если не сотни миллионов людей в мире никогда не получат доступа к богатству, их вытесняют из привычной среды, их маргинализируют. По существу, все это происходит примерно так же, как происходило и в более ранние периоды истории, как пишет Эриксен, «когда охотники-собиратели сталкивались с вооруженными, хорошо организованными земледельцами». Плачевные условия рабочих и обездоленных крестьян, безработица, жертвы войны и экономической эксплуатации – это продукты глобализации. Но и такие явления, как организованные массовые протесты во имя обретения неких форм автономии и освобождения от глобального капитализма, – это тоже продукты глобализации, причем, «такие же продукты, как смартфон и интернет, международные НПО, доступный отдых в тропиках и растущие транснациональные сообщества футбольных фанатов». Результаты глобализации сегодня непредсказуемы. «“Глобальная деревня” – это не место, лишенное напряженности и разнообразия, это, если хотите, сеть сетей, где люди вступают в более тесный контакт друг с другом, что ведет к конфронтации и трениям, обогащению

и новым возможностям, в мир (не)ограниченного потребления» (Там же: 96).

В условиях глобальности новые ракурсы обретает политика и практика идентичности, прежде всего формирование и утверждение самосознания на личностном и коллективном уровнях. Руководители стран и партий, корпораций и общественных объединений и разные одиночки стараются соответствовать некоторым глобальным образцам в смысле формулировки или принятия групповых идей и образов, стиля лидерства, использования определенных нарративов «исторического происхождения» или «образа врага». Но все это, как правило, привязывается к локальному контексту, перерабатывается по запросу местных «верхов» и «низов».

«Политики конструирования этнической и религиозной идентичности очень похожи повсюду; с глобальной грамматикой и локальным содержанием они действительно глокальны и весьма оспариваемы. Валерий Тишков, – пишет Эриксен, – активно занимаясь широким спектром вопросов, выходящих далеко за рамки академического круга, показал нам, каким образом огромное и многообразное российское государство, и его ближайшие соседи являются неотъемлемой частью этого глобального дискурса» (Там же: 97).

Я благодарю своего покойного друга, выдающегося антрополога Томаса Хюлланн Эриксена, за глубокие мысли о современности и за это высказывание в мой адрес и этим завершаю главу.

Литература

Ритцер 2002 – *Ритцер Д.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.

Тишков 2024 – *Тишков В. А.* (ред.) Россия: восприятие будущего. Опыт социально-антропологического исследования. М.: ИЭА РАН, 2024.

Культурная сложность… 2016 – Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

Эриксен 2021 – *Эриксен Т. Х.* Глобализация и политики идентичности в XXI в. // Антропология и этнология: современный взгляд / Отв. ред. А. В. Головнев, Э.-Б. М. Гучинова. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 83–98.

Eriksen 2016 – *Eriksen T. H.* Overheating: An Anthropology of Accelerated Change. L.: Plato, 2016.

Ritzer 2004 – *Ritzer G.* Globalization of Nothing. L.: Sage, 2004.

Глава 11

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

В предисловии к книге я обозначил свою задачу дать обзор современных подходов к изучению феномена этничности, прежде всего в плане имевших место и частично инициированных мною переосмыслений ряда основных категорий в области этнологии и социально-культурной антропологии, а также обозначить в этой связи некоторые проблемы существующих общественных практик, прежде всего в области государственной национальной и языковой политики. Задача ответить оппонентам и критикам моих позиций была второстепенной, и текст книги был больше построен на обзоре научной литературы, а не на ее критическом анализе. В этом контексте ожидалось и написание заключения книги как изложение итоговых положений и выводов, а также возможных исследовательских перспектив. Но заключение стало также и ответом-размышлением на еще ряд вызовов не столько мне лично, сколько всей нашей профессиональной корпорации.

«Деонтологизация этноса» и мультинатуралистский подход

Повод для этого – сочиненная «аналитиками» Учебно-научного центра РГГУ «Высшая политическая школа им. И. Ильина» Коровиным В. М. и Резвушкиной С. А. «Аналитическая справка по дисциплинам: Антропология и этнология». Оказывается, этот недавно созданный университетский центр получил в качестве государственного задания провести анализ и оценку гуманитарных программ и учебной литературы, которые преподаются в университете. Одним из первых результатов выполнения данного госзадания и стала данная справка, представленная в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Этот выполненный закулисно материал, без обсуждений и без доведения до сведения тех, кого это непосредственно касается, отличается вопиющей неграмотностью и идеологической ангажированностью на грани политического доноса против представителей одного из важнейших направлений самостоятельной подготовки высшей школы под названием «Антропология и этнология». Философ Коровин давно известен своими претензиями считать себя антропологом и даже этнологом – последователем Л. Н. Гумилева. Руководимый им Евразийский союз молодежи еще 20 лет тому назад

устроил пикет у здания Института этнологии и антропологии РАН с лозунгами: «Гумилев против Тишкова!», «Тишков против русского народа!» и т. п. Ныне от этого движения ничего не осталось, его лидеры разбрелись по разным углам националистической политики и эзотерики. Один из организаторов давнего митинга Павел Зарифуллин, ныне директор Московского центра Льва Гумилева, создал политическую партию «Новые скифы», представляет себя не только этнопсихологом, путешественником, но и «пророком». Сам Коровин часто выступает в числе телевизионных экспертов, но собственными научными трудами никак не отличился и научного авторитета не заслужил.

Вот к каким оценкам и рекомендациям пришли аналитики Центра им. И. Ильина в отношении российской этнологии. Позволю пространные цитаты из аналитической справки:

«Принципиальной проблемой для современной этнологии и антропологии в том виде, в котором она институционализирована в России является совмещение деонтологизированных подходов, отрицающих любую автономную онтологию этноса, как сверхиндивидуального начала. Они (подходы. – *В. Т.*) опираются на синтез эволюционистского, конструктивистского и инструменталистского подходов к феномену этничности. Этим направлениям свойственно отрицание или игнорирование культурного примордиализма в понимании феноменов этноса и этничности, а также неправомерное расширение применения конструктивистской и инструменталистской методологии для изучения и описания тех типов обществ, по отношению к которым эти подходы нерелевантны. Игнорирование культурного примордиализма (“эссенциализма”), произвольное приравнивание любых представлений об этносе как изначальной (примордиальной) основе общества к расовому или биосоциальному подходу, неразделение биологического и культурного примордиализма блокирует любые возможности адекватного и позитивного исследования этноса как такового, имплицитно закладывают установку желательности преодоления этноса. ⟨…⟩ Этническая составляющая жизни общества (и полностью игнорируемый концепт “народа” как исторической общности) рассматривается в данных случаях как нечто произвольное, сущностно не значимое, проявляющееся лишь в моменты социальных кризисов, что ведет к негативации представления об этносе, этнической идентичности. Таким образом, с теоретической точки зрения данный подход существенно деформирует восприятие этноса и этничности, деонтологизирует предмет исследования, отказывая этническим и народным культурам в какой-либо бытийной укорененности, рассматривая их как продукт внешних социальных процессов или индивидуальных стратегий» (*Аналитическая справка* 2023: 56–57).

Далее следуют заключения о «недооценке потенциала сплоченных по этническому принципу инокультурных сообществ и возможности их интеграции в российское общества», о «пренебрежении составляющей русского народа, как государствообразующего

народа России», о «пренебрежении этнической идентичностью малых народов России», о «попытках создать на их основе единую нацию по конструктивистским лекалам, что может привести к росту межэтнической напряженности как реакции на этноцид и ассимиляцию» (Там же).

Это не более, как набор жестоких обвинений в адрес тех, кто многолетними трудами создал библиотеку трудов о народах России, воспитал сотни отечественных специалистов разных национальностей, со стороны тех, кто не написал ни единого труда по этой теме! Далее «аналитики» центра им. И. Ильина делают предложения по «корректировке парадигм», по «ревизии и фундаментализации антропологического образования». По их мнению, необходимо «конструировать новую этнологическую и антропологическую парадигму, основанную на эссенциалистском прочтении феномена этничности и применении мультинатуралистского подхода» (Там же: 58).

Вся эта «аналитика» злобных неофитов не заслуживает профессионального ответа. Однако насчет «мультинатуралисткого подхода» и «деонтологизации этноса» считаю необходимым высказаться. Напомню название 2-й главы моей книги «От этноса к этничности и после». Оказалось, что название ее раннего английского варианта «От этноса к этничности и назад» было более точным. Ибо реабилитация примордиального взгляда на этничность вполне вероятна, если она уже не происходит на дисциплинарной периферии. «Эссенциалистское прочтение феномена этничности» – совсем не новая, а старая парадигма, а вот что новое в этой «аналитической справке», так это «применение мультинатуралистского подхода». «Мультинатурализм» – один из центральных моментов в так называемом «онтологическом повороте» в гуманитарных науках, включая антропологию. Об этом тренде, который трудно назвать школой или направлением, тем не менее за последние десять лет вышло много публикаций, в том числе и российских авторов (см. обзор: *Сивков* 2022).

Основные энтузиасты этого подхода – французский антрополог Филипп Дескола (*Дескола* 2012) и бразильский антрополог Вивейруш де Кастру (*Вивейруш де Кастру* 2017), оба специалисты по аборигенам бразильской Амазонии, а также еще ряд авторов разных методологических пристрастий (Э. Кон (*Кон* 2018), Б. Латур (*Латур* 2018)). Автор одного из обзоров этой темы Паоло Хейвуд пишет:

«Поборники онтологического поворота считают, что “культура” содержит в себе значительный метафизический багаж. Особенно они указывают, что несмотря на то, что люди различаются своими идеями и представлениями о мире и его материальными и природными объектами, сами эти

объекты не меняются вместе с этими представлениями. “Культура” может иметь различия, а природа их не имеет. Онтологический поворот предполагает распространение этих метафизических смыслов в пользу радикальной методологической открытости к различиям разного рода, будь это культурные и эпистемиологические или природные и в действительности онтологического характера» (*Heywood* 2012; (2017) 2023)).

Как можно понять из разных и часто путанных объяснений, под «онтологиями» среди «онтологических антропологов» понимаются способы восприятия реальности, способы существования в ней, а заодно и сама реальность во множественном числе. Если для традиционного взгляда характерен постулат: «Мир един, а его восприятий много», то онтологический подход признает «много миров», непересекающихся и извечных. Отсюда рождается понятие «мультинатуралзма», т.е. много природных сущностей без их единства и целостности, а значит, требующих разных оценок и аналитических инструментов. Один из теоретически постулатов онтологистов это – вещи и предметы должны рассматриваться как живые и действующие агенты и отсюда понятия люди и не-люди (human and non-human). Отсюда ироничные оценки нового направления как «антропология листвы и камней».

Применительно к этничности это означает, что раньше антропологи считали, что у нас есть одна фундаментальная человеческая природа, один мир, в котором существуют разные культуры, в которых люди по-разному понимают и интерпретируют универсальные базовые вещи. Это в общем единый мир с разными мировидениями в зависимости от культурных бэкграундов. Нынешним приверженцам «онтологического поворота» не нравится этот взгляд на фундаментально единый мир и его некие универсалии. Они говорят, что их нет и что люди существуют в разных реальностях, в которых свои способы понимания вещей и свои способы существования. То есть люди существуют в своих разных «онтологиях», где онтология – это и сама реальность, и способ ее понимания, и способ жития в ней. *Онтологический поворот в антропологии бросает вызов традиционным представлениям о культурных различиях, утверждая существование множества онтологий, а не просто разных точек зрения на одну и ту же реальность. Выдвигая постулат о множественных онтологических пространствах (в отличие от множественных мировоззрений в рамках одной реальности), онтологический поворот концептуализирует инаковость как нечто абсолютное и окончательное.*

Критики нового подхода отмечают, что по сути эти концепции онтологий во многом являются переформулированными понятиями о культуре в их крайнем релятивистском варианте. Еще Клиффорд

Гирц писал в начале 1970-х, что существуют взгляды на культуру в мягком и в крайне релятивистском варианте: в одном случае культура – это «единство и разнообразие», а во втором – это только «разнообразие», называемое различием (*difference*). Попытки связать онтологию (в философском или антропологическом вариантах) с «этносом» и этничностью у онтологических антропологов выглядят беспомощными, ибо, как замечает А. Л. Елфимов, «если они начнут разбираться с проблемами этничности, то разрушат их стройную философскую онтологическую картину. Эти теоретические “онтологии” имеют немало общего с теоретическим структурализмом в том смысле, что это весьма абстрагированная картина» (*А. Елфимов – В. А. Тишкову*, 11 апреля 2025 г., личная переписка).

Тем не менее кое-какие сюжеты в рамках онтологического подхода попали в арсенал антропологов и этнологов, главным образом в рамках так называемого (де)колониального дискурса и в изучении так называемой новой материальности (*Российская антропология*… 2017). Вот что пишет С. В. Соколовский:

«Онтологический поворот существует в двух больших течениях: перспективизма (то есть вниманию к космологии у коренных народов, где границы между культурой и природой иные, или наличия множества природ, но одной культуры – Дескола, Вивейруш де Кастро, Коэн) и латуровского варианта, где разные онтологии возникают в результате взаимодействия разных вещей (тел) и сил – как у Эннмари Мол с ее исследованиями так называемого множественного тела в медицинских практиках. Этносы там не присутствуют (хотя в латуровско-делезианском варианте вроде бы можно предложить из них онтологию)» (*С. В. Соколовский – А. Л. Елфимову*, 11 апреля 2025 г., личная переписка).

Важно отметить, что данное направление пришло в нашу науку вместе с другими инновационными подходами в антропологии, известными под аббревиатурами АСТ (акторно-сетевая теория) и STS (science and technology studies – изучение науки и технологий). Онтологический подход определился в рамках и в связи с этими направлениями, особенно в изучении материальных аспектов культуры. «Что дают этнографу рассмотренные подходы для исследований материальной культуры?» – задает вопрос инициатор данного подхода в отечественной антропологии С. В. Соколовский. Ниже его ответ:

«Одним из уроков, который может извлечь этнография материальной культуры из рассмотренных выше подходов, – расширение своего предмета за рамки так называемой традиционной культуры и включение в него “новой материальности”, упразднение жесткого размежевания между культурой и природой и чувствительность к гибридным формам, в которых эти оппозиции модерна оказываются сложным образом соединенными или сплавленными воедино. Наконец, внимание к актантности вещей – их способности программировать поведение человека, а не только быть

запрограммированными на осуществление конкретной функции, тоже выступает как новая для этнографов, специализирующихся на изучении материальной культуры и заслуживающая их внимания характеристика» (*Соколовский* 2017: 392).

Таким образом, при всей увлеченности части антропологов инновационными подходами, «новой материальностью» и «мультинатурализмом», онтологический подход, как и такие новые направления, как изучение науки и технологий (STS) или акторно-сетевая теория (ACT) радикально не затронули изучение этничности и не привнесли теоретических новаций в понимание данного феномена. Разные онтологии и мультинатурализм не предлагают антропологически удовлетворительного взгляда на объяснение социально-культурной сложности современного мира. Они предлагают те же «герметичные» картины, какие уже присутствовали в классическом структурализме. В этой ситуации увлечения инновациями или, наоборот, установками на возврат старых прописей сам феномен этничности остается основным объектом науки этнологии прежде всего по причине сохранения и воспроизводства культурного многообразия мира, включая и нашу страну.

В чем проблема с постантропоцентризмом в российском контексте?

Как я показал на реальных примерах культурно-сложных обществ и с помощью авторитетных имен в науке, наша страна – Россия и мир в целом будут сохранять и воспроизводить свое многообразие, ибо это продиктовано самими природными законами, которые против культурно сглаживающей энтропии. Культурная сложность населения государственных сообществ, особенно таких больших по территории и разнообразных по этническому и религиозному составу, как Россия, есть историческая данность и это также ресурс развития. Среди многообразия идентификационных характеристик у россиян сохраняется как результат официальной и низовой политики и как результат усилий гуманитарной элиты особая значимость коллективностей по культурной схожести на основе языка, исторического опыта, традиций и духовно-нравственных норм. Эта солидарная целостность выливается в две формы лояльности – к стране и к этнической общности. Одну мы называем национальным (российским) самосознанием, другую – этническим самосознанием (идентичностью). Последнее составляет главный предмет этнологической науки.

Этничность – это феномен глобального характера с разными историями, содержанием, личностным смыслом и общественным

статусом. Нет единственной трактовки этничности, как и, видимо, невозможно создать цельную, всеохватную и всех устраивающую теорию этничности. Но можно сказать, что *этничность – это и категория, и группа индивидов, которые разделяют то или иное приписываемое обозначение, но совсем не обязательно считают себя одним коллективом с общими интересами*. Тем не менее именно на этой основе во многом рождается и существует представление о народе или о народах в рамках одного государства и одной гражданской (политической) нации.

Такова историческая специфика российского опыта формирования государственности и такова сопровождающая этот опыт интеллектуальная традиция. Если в других странах мира культурная схожесть образует общности этнорасового, этноконфессионального, историко-регионального, миграционного, сословно-кастового типов и все они обретают разные (само)обозначения и общественный статус (меньшинства, этнии, народности, племена и т. д.), то в России утвердились равнозначные понятие нации (в этнокультурном смысле), народа, национальности, этнической общности, которые составляют многонациональный народ Российской Федерации (российскую нацию).

Этническая идентичность, а значит, в большинстве случаев и групповая принадлежность, это динамичный, воспроизводимый разными силами и способами, постоянно оспариваемый с точки зрения групповых границ, внутреннего содержания и внешнего статуса феномен. Именно феномен, ибо это одновременно коллективная сущность, форма или чувство сопричастности и это характеристики личностно-групповой отличительности.

Вокруг понятия этническая общность (группа) много не только научных споров, но и общественных дебатов и конфликтов, личностных эмоций, групповых мобилизаций и межгрупповых столкновений. Я утверждаю возможность восприятия и признания этничности в ее множественном и смешанном варианте, хотя, возможно, что статистической нормой и желаемым идеалом может быть вариант этнической гомогенности, как, например, образы «100-процентного американца» или «100-процентного русского». От того, что генетика и даже семейные истории не подтверждают этническую «чистоту», в обществе (далеко не в каждом, но в российском это точно) преобладает представление об этнической гомогенности. Смешение, а тем более – переход из одной этничности в другую, никак не приветствуются и даже иногда осуждаются, подобно тому, как это имеет место в случае с религиозной верой. И это при том, что Россия изначально была страной смешанного населения и гибридных культур, что и позволяло ей ос-

ваивать огромную евразийскую территорию и оставаться сильной и цельной при доминантности русскоязычного и православного по вере населения.

При общегражданском равенстве, закрепленном законом и общественными практиками от систем образования до доступа к культурным ресурсам и социальным благам, существуют разные формы и проявления этнического неравенства в рамках самых крупных и самых значимых для жизни человека институтов, которыми являются государства. Конкуренция за статус, ресурсы и власть остаются неотъемлемой чертой человеческих сообществ и даже заключают в себе одно из условий развития, но в этой ситуации этничность (национальная принадлежность) становится одним из ресурсов, хотя и далеко не во всех случаях.

В тех странах, где обозревателю состав населения кажется моноэтничным или этничность не является актуальной по сравнению с религией или сословно-кастовой принадлежностью, жизненная конкурентность внутри таких страновых коллективов обходится без этнических проекций. Что-то похожее может быть и в тех страновых коллективах, где этническая мозаика настолько пестрая, что все этнические общности представляют собой меньшинства без возможности обладать нераздельной властью, там также этничность малоактуальна в конкуренции за ресурсы и власть. Есть наиболее рискованный с точки зрения возможности конфликта за центральную власть, это тип – так называемых двуобщинных государств, когда две-три этнические общности обладают демографической и политической мошью претендовать на центральную власть. Этот тип этнических систем среди государственных образований чаще всего приводил к жестоким войнам и расколам, если не удавалось найти формулу раздела власти и кооперативного общежития.

Наиболее распространенный вариант государствоустройства с точки зрения этнического фактора – это наличие этнического большинства и своего рода этнической периферии, состоящей из численных меньшинств в разных статусах и с разными условиями жизни от природной среды до культуры. В этом случае именно этническое большинство, его язык и культура определяют облик государства и обретают (не)установленный статус доминирующего (государствообразующего) народа при общем гражданском равенстве и взаимном признании, уважении и общенациональной солидарности. Российская Федерации относится к категории такого типа полиэтничных государств.

Русские как этническая общность, народ, этнонация являются основой российской государственности от самых ее первоначал, их

язык и культура являются референтной, отправной культурой (core culture) нашей страны. Без русских нет российскости, но и Россия невозможна без проживающих на ее огромной территории более ста этнических общностей (народов), составляя вместе российский народ. Наиболее многочисленные из этих народов и компактно проживающие на своих исторических территориях обладают внутригосударственными этнотерриториальными образованиями, которые имеют статус субъектов федерации и обладают самостоятельными административно-государственными статусами.

Для дисперсно расселеных по территории страны этнических общностей разной численности формой внутреннего самоопределения является институт национально-культурной автономии как одна из форм общественного объединения с особыми статусами и правами. Что касается самых малочисленных групп автохтонного происхождения, проживающих в сложных природных условиях тайги, тундры и высокогорья и сохраняющих традиционные системы жизнеобеспечения, – для этой части этнических общностей имеется особый статус, определяемый федеральным законом и включающий особые преференции и государственную поддержку.

Таким образом, в Российской Федерации этничность включена в государственно-правовую систему, права граждан, связанные с их этнической принадлежностью, определены на уровне Основного закона – Конституции и рядом особых законов федерального уровня, а также законами и установлениями регионального уровня. Недавние поправки в Конституцию и к федеральным законам, а также документы стратегического планирования подтвердили и закрепили статус русского народа как государствообразующего и русского языка как государственного в российском обществе.

Часть этнических русских в лице политиков и общественных активистов консервативно-патриотического направления высказываются в пользу обращения всего населения в категорию русских и признание русского языка как родного для всех граждан России. Однако этот вариант этнической политики является отступлением от признанной формулы единства и многообразия, а сужение российскости до русскости представляется неосуществимым. Скорее, оптимален другой вариант в сфере этнических идентификаций, о котором прозорливо писал сто лет тому назад российский философ, историк и религиозный мыслитель Георгий Петрович Федотов:

«…для народов великоросской ветви это сознание должно быть одновременно великорусским, русским и российским», и задача каждого русского состоит в том, «чтобы расширить свое русское сознание

(без ущерба для его “русскости”) в сознание российское» (*Фетодов* 1991: 181).

В то же самое время я являюсь последовательным сторонником свободы выбора в вопросах этнической идентичности и языкового поведения, включая добровольную этническую ассимиляцию и языковой переход, а также множественную и не взаимно исключающую этническую идентичность человека и его право на родное многоязычие. Признание права на родное двуязычие снимет напряжение и чувство неловкости, которое испытывают многие россияне, когда им приходится выбирать между родными для них языками отца и матери или просто между двумя в равной мере родными для них языками.

Что касается в целом оценки языковой ситуации в России, как это рассмотрено мною под углом ревизии ряда категорий языковой политики, то я считаю, что наша страна, с одной стороны, обладает уникальным, сохраняющимся и поддерживаемым государством языковым разнообразием, с другой стороны, несет перед миром и самой собой ответственность за свой национальный язык – русский язык, без которого невозможно представить мировую культуру и современную цивилизацию.

Теория – это разговор, у которого нет конца

Можно ли отличия российской действительности, слагаемые из этнокультурного и религиозного многообразия населения, из тысячелетнего исторического опыта и современных вызовов, из верхушечных представлений-предписаний и низовых мировоззрений, политических расчетов и научных рецептов, можно ли все это охватить некой большой теорией, по которой скучают как ученые, так и политические менеджеры, и агенты индоктринации? Состоявшаяся на страницах журнала «Антропологический форум» недавняя дискуссия об антропологических теориях для XXI века (Форум 2025: 13–196) напоминает мне рубеж веков, когда в эпоху горбачевско-ельцинских реформаторских импровизаций политики и обществоведы были одержимы разработкой новой концепции национальной политики, которая сменила бы трещавшие по швам научно-пропагандистские формулы дружбы народов, расцвета и сближения наций и интернационализма. Надежда на новую теорию «национального вопроса» частично могла сказаться и на приглашении в 1991 г. меня как директора Института этнологии и антропологии РАН войти в правительство в качестве министра по делам национальностей Российской Федерации.

Моим ответом в сфере научной экспертизы был подход признания и поддержки культурного многообразия и продолжения совет-

ского опыта территориализации этничности в рамках федерализма при допущении экстерриториальной национально-культурной автономии как двух форм внутреннего самоопределения этнических общностей. Что касается выработки «теории» или «концепции», то мое отношение к этому я выразил в статьях и интервью под названием «Плач по концепции» и «Распад СССР и концептуальные поиски» (*Тишков* 1996; *Тишков* 2021: 19–63).

Без каких-либо новых теорий я инициировал некоторые серьезные новации в части языка этнополитики. Сначала это было предложение переосмылить концепт *национальной государственности* с этнотерриториального на общегосударственный, а категории *нация* придать хотя бы двойной смысл, включающий понятие гражданской, политической нации, под которой я имел в виду российский народ. Как некий переходный вариант, текст Концепции национальной политики Российской Федерации 1996 г. не содержал понятие нации вообще. В 2012 г. в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации и в ее последующих редакциях появилась ключевая категория российской нации.

Второй важной для науки и для страны новацией была реабилитация концепции национально-культурной автономии и понимание самоопределения не только как отделения, т.е. как выход из общего пространства государства, но и как право той или иной общности внутри страны на как можно более полное участие в общественном процессе. Уже позднее были выполнены исследования теоретико-прикладного характера по таким важнейшим категориям, как российская нация, российская идентичность, этнический дрейф и множественная этническая идентичность, этнический конфликт, этнологический мониторинг, и предложена общая формула «единства и многообразия» для стратегии государственной национальной политики и для общественно-политического дискурса в целом.

Не все и не сразу концептуальные новации или просто удачные обозначения изучаемых явлений (например, «единство – это признанное многообразие» и т.п.) вошли в язык нашей науки и российской политики, но все из вышеперечисленных были приняты и ныне кажутся вполне естественными и необходимыми, а часть – до сих пор оспариваются с неясной перспективой (например, дихотомии русского и российского, национального и этнического, государства-нации и страны-цивилизации). Упертость научных нормализаторов в столь чувствительной для страны и для управления области мне представляется излишней, как и отказ от последовательности в отстаивании своих положений.

В упомянутой выше дискуссии о судьбах теории в антропологии был затронут вопрос: А кто практикует занятия теорией и что необходимо для успеха в столь сложном деле? Д. А. Функ и С. В. Соколовский упомянули условием такого занятия необходимость профессиональной антропологической (этнологической) подготовки и как несчастливое для отечественной науки отступление от этого условия назвали отсутствие такой подготовки у облаченных административной властью и занявшихся теорией Ю. В. Бромлея и В. А. Тишкова. По этой причине первый грешил бездоказательной схоластикой, а второй, оказывается, вообще не смог сформулировать какие-либо теоретические новации. Как пишет Функ,

«пресловутую “теорию этноса” в том виде, в котором многие ее знают, сформулировал один директор Института этнографии, не имевший профильного антропологического (выражаясь современным языком) образования, а ее критику, без предложения нового теоретического концепта, осуществил другой, но тоже без соответствующего образования» (АФ 2025: 141).

Мне эти аргументы кажутся слабыми. Во-первых, в перечне имен важнейших теоретиков нашей науки много таких, кто не получал специального антропологического образования (Б. Малиновский получал первую научную степень по математике, а Ф. Боас – по первой специальности физик и географ, а Э. Геллнер по специальности философ и политолог и т.д.). Кроме того, я не думаю, что исторический факультет МГУ с кафедрой этнографии в его составе хуже готовит этнологов, чем кафедра археологии Кемеровского университета или факультет иностранных языков Новокузнецкого госпединститута. Приход Бромлея и меня в этнографию (этнологию) после занятий славяноведением и американистикой не дают оснований «ветеранам с молодых лет», якобы знавших и обсуждавших Фредерика Барта еще в 1970-е годы, занимать своего рода снобистскую позицию Винни-Пуха: «Оказывается, какой-то кролик знает букву А!» Полагаю, что присуждение мне двух Государственных премий в области науки (2001, 2014 гг.), а также Демидовской премии и Большой Золотой медали Русского географического общества за исследования в области этнологии и социально-культурной антропологии не было случайным и означает признание отечественным научным сообществом сделанного в данной области науки.

Из богатого на мысли обсуждения на страницах «Антропологического форума» ситуации с теориями в антропологии мне импонируют многие высказывания участников обсуждения. О самом концепте теории и ее определении наиболее близка позиция британского антрополога Тима Ингольда:

«На мой взгляд, теории – это не инструменты, которые мы используем, а разговор, к которому присоединяемся. Природа разговора, как и теорий, заключается в том, что он не имеет ни конца, ни границ и включает много голосов. Суть теорий как разговора – это то, что они позволяют объединяться в различии. Вы включаетесь в разговор не потому, что уже придерживаетесь общей с другими участниками точки зрения и стремитесь ее отстоять, а потому что у вас есть опыт и идеи, которыми можно поделиться. …Теоретизировать, таким образом, значит вести нескончаемую борьбу против склонности знания и идей выпадать в осадок, распределяясь по разным сегментам, как по комнатам в замке, отделенным друг от друга стенами. Это борьба против превращения различий в застывшие границы. Теоретизировать значит размышлять. Это тот вид импровизации в разговоре, когда вы одновременно разбираетесь в проблеме и пытаетесь сделать эти рассуждения понятными для себя и для всех остальных. Вот почему теоретизирование плодотворно для концептов. В ходе разговора концепты буквально “всплывают”, придумываются. И находя отклик у других людей, они могут приобрести определенную ценность, в итоге став общепринятыми» (АФ 2025: 74–75).

Тим Ингольд подвергает сомнению природу гуманитарных дисциплин, которые носят «добывающий характер», ибо рассматривают поведение людей, их взгляды и убеждения как материал для анализа и производства знания. Такие дисциплины «воспринимают мир в целом как огромные залежи сырья, которое путем анализа и теории нужно собрать и переработать в так называемые результаты исследований, предназначенные для обогащения академической науки или для применения в сфере управления, промышленности и коммерции. Такая “добывающая” модель по сути своей колониальна. Она поддерживает изначально укоренившееся в лоне академического колониализма антропологии разделение на “этнографию” и “теорию”, где первая обеспечивает доказательную базу, а вторая – общую сравнительную схему» (Там же: 75).

По вышеназванной причине многие антропологи сегодня отвернулись от теории. Этнография, т. е. сбор и описание полевого материала, по их мнению, должна говорить сама за себя. В свою очередь, теоретики умудряются писать не только статьи, но целые книги без ссылок на какие-либо жизненные примеры и ситуации. В этой ситуации Ингольд считает, что «сводить антропологию к этнографии значит не только лишать ее собственного голоса, делая бессильной противостоять обобщающим нарративам более влиятельных дисциплин, для которых иные способы познания – всего лишь зерно для их мельниц». В итоге предложение известного антрополога заключается в пересмотре задачи антропологии, «которая должны быть не этнографической, а образовательной» (Там же: 76).

Может быть, это огрех переводчика, но последнее заключение остается непонятным. *Однако для меня важно определение тео-*

рии как разговора, теоретизирования как размышления, а также мысль о придумывании концептов. Воспитанный изначально как сторонник методологического плюрализма, я не считал для себя обязательной прописку по какой-либо большой теории, даже когда это была единственная теория марксизма-ленинизма. Зато размышлениями и придумыванием, был грех, занимался постоянно. В итоге не считаю себя также и автором какой-либо большой теории и от этого обретаю спокойствие на закате научной карьеры.

Меня больше беспокоит другое обстоятельство: последняя дискуссия с представляющими наш цех двумя десятками известных ученых обошлась вообще без упоминания дисциплины этнологии и этничности как ее главном предмете. Наметился своего рода внутренний разрыв гуманитарной науки под названием «Антропология и этнология», которая и без того разрослась до невероятных размеров своих тематик и поддисциплин. В дискуссии для ее участников антропология представляется наукой об обществе и личности без особых ограничителей, кроме заявки расширить понятие социального мира на мир вещей, а понятие человек дополнить понятием не-человек. Вот как оценивает антропологическую перспективу С. В. Соколовский:

«На место нового метанарратива претендует довольно пестрое в отношении своих генеалогических линий движение, объединяемое лишь вектором своего развития, который я предпочитаю называть постантропоцентристским. Критика антропоцентризма в рамках мультивидовой этнографии хорошо известна… Постантропоцентристскими по своей сути являются и популярные сегодня исследования в рамках онтологического поворота, включающего в качестве своих реализаций различные версии спекулятивного реализма, плоских онтологий, акторно-сетевых подходов, исследований различных типов интеграции техники и тела (от соматотехник до органопроекций, экстенсий, человеко-машинных ассамбляжей и т. п.), концепций распределенного сознания, трансгуманистских спекуляций относительно репликации индивидуального сознания на неорганических носителях и т. п.» (АФ 2025: 115).

Я не берусь сдерживать эти претензии на онтологические или «атмосферные» (*Соколовский* 2024) повороты в антропологии, но вижу здесь два потенциальных риска: это превращение дисциплины в «антропологию всего» с утратой установки на доказательное добывание нового и полезного знания и в низведении этнологии до статуса этнографии (народоведения) без особых теоретических изысков. Если дело пойдет в эту сторону, тогда есть необходимость заявить о *дисциплинарном суверенитете этнологии*, которая может существовать без, на мой взгляд, малополезных увлечений антропологией шума, камней и листвы, но нуждающейся во многих новых

наблюдениях и размышлениях. Как пишет Ингольд: «О чем же мы размышляем? Единственный вопрос, ответом на который движимы антропологические исследования, – это вопрос: «Как нам следует жить?» (АФ 2025: 75).

Как нам следует жить в российском обществе? Что касается многонационального народа Российской Федерации как одной из крупнейших наций мира, то кое-что было высказано в моей книге. Интерес к этим размышлениям и заключениям сохраняется и будет сохраняться в российском научном дискурсе: только за последние пять лет число цитирований моих работ в Российском индексе цитирования (РИНЦ) выросло с 30 до 40 тыс. Даже если половина из них – это отрицательные отметки оппонентов, но все-таки едва ли это что-то мало профессональное и не имеющее отношение к России и к ее гуманитарной науке.

Благо Россия и внешний мир не утрачивают своего культурного многообразия и возникающих на этой основе вопросов организации общества в виде разного типа социальных коллективов. Самыми мощными и всеохватными из них на сегодняшний и на завтрашний день остаются национальные государства, которые с разной степенью осознанности и успешности справляются с вызовами этничности. Одна из наших задач – не оставлять управленцев и этноактивистов один на один с этими вызовами, а своей способностью научного анализа оказывать содействие лучшему пониманию и лучшему управлению культурно-сложными обществами.

Литература

АФ 2025 – Форум: Антропологические теории для XXI в.: дорожная карта // Антропологический форум. 2025. № 64. С. 13–196

Аналитическая справка 2023 – *Коровин В. М., Резвушкина С. А.* «Аналитическая справка по дисциплинам: Антропология и этнология». Учебно-научный центр РГГУ «Высшая политическая школа им. И. Ильина». 2023 (рукопись).

Вивейруш де Кастру 2017 – *Вивейруш де Кастру Э.* Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ad Marginem, 2017.

Дескола 2012 – *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. М.: НЛО, 2012.

Кон 2018 – *Кон Э.* Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ad Margi nem, 2018.

Латур 2018 – *Латур Б.* Политики природы. М.: Ad Marginem, 2018.

Российская антропология… 2017 – Российская антропология и «онтологический поворот» / Отв. ред. С. В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017.

Сивков 2022 – *Сивков Д.* Онтологический поворот в антропологии и технологические изменения в индигенном коллективе // Логос. 2022. № 2–3. С. 193–225.

Соколовский 2017 – *Соколовский С.* Вместо заключения. Глава 8. «Онтологический поворот» и исследования материальной культуры // Российская антропология и «онтологический поворот» / Отв. ред. С. В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 329–402.

Соколовский 2024 – *Соколовский С. В.* Об атмосферном повороте в социальных науках // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 5–21. https://doi.org/10.31857/S0869541524040018 EDN: AZHJXU

Тишков В. А. 1996 – *Тишков В. А.* Плач по концепции // Московские новости 1996. 16 июня (№ 23). С. 9.

Тишков В. А. 2021 – Тишков В. А. Избранные труды. Т. 5. Этнология и политика. Статьи 1989–2021 годов. М.: Наука, 2021.

Фетодов 1991 – *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. В 2 т. Т. 2. СПб., 1991.

Heywood 2012 – Anthropology and What There Is: Reflections on «Ontology» // The Cambridge Journal of Anthropology. 2012. Vol. 30. No 1. P. 143–151.

Heywood (2017) 2023 – *Heywood P.* (2017) 2023. «Ontological turn, the» // In The Open Encyclopedia of Anthropology, edited by Felix Stein. Facsimile of the first edition in The Cambridge Encyclopedia of Anthropology. Online: http://doi.org/10.29164/17ontology

Научное издание

Тишков
Валерий Александрович

Очерки теории этничности
Ревизия категорий и практик

Редактор *Е. Ю. Федорова*
Художник *П. Э. Палей*
Корректоры: *А.Ю. Обод, С.О. Розанова*

Подписано к печати 00.05.2025
Формат $60 \times 90\ ^{1}/_{16}$. Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл.печ.л. 17,5. Уч.-изд.л. 18,5
Тираж 2000 экз. (первый завод – 1000 экз.). Тип. зак.

ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1
E-mail: info@naukapublishers.ru
https://naukapublishers.ru
https://naukabooks.ru

ФГБУ «Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

ISBN 978-5-02-041201-9